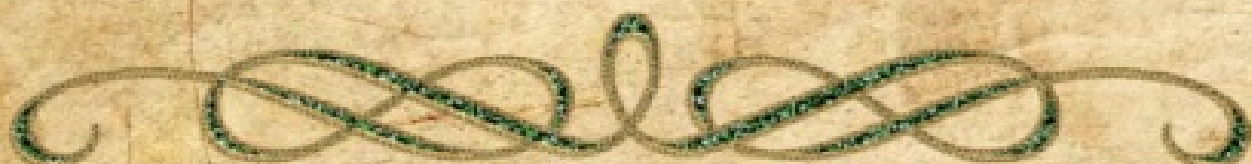

Ольга Романовская

Забвение роз

Роясь в хламе на чердаке, можно найти всё, что угодно. Только не все находки надлежит забирать — они могут принадлежать не тебе, преподнести неприятные сюрпризы и открытия.

Первая книга трилогии "Оборотная сторона луны". Продолжение — "На службе из величеств".

<p>Ольга Романовская</p> <p>Забвение роз</p>
--

— Ну, и? — Тревеус Шардаш двумя пальцами поднял книгу в яркой обложке и продемонстрировал классу. Любовный роман, одно из дешёвеньких изданий, пользовавшихся широкой популярностью среди женщин. У Мериам Ики тоже. Пунцовая от стыда, она стояла перед гогочущими учениками и мечтала умереть. Мало того, что у неё дурацкая фамилия, над которой не издевался только ленивый, так ещё и это... Вот зачем ей понадобилось читать на лекции Шардаша? Этот не отстанет, не успокоится, пока не сотрёт в порошок.

— Я жду, адептка Ики, сообщите собравшимся, что полезного о ядах может поведать, — преподаватель раскрыл книгу на первом попавшемся месте и зачитал: — 'Он обнял её, и его жаркое дыхание обожгло кожу, вызвав нестерпимый приступ желания'.

Тревеус Шардаш с шумом захлопнул книгу и лёгким пассом отослал к учительскому столу. Верхний ящик плавно отъехал, и обложка с сердечком утонула в его недрах, заняв место рядом с рогаткой, жвачкой, шариком-слизем и самодельными петардами. Всё это преподаватель специальных дисциплин и куратор выпускного курса Тревеус Шардаш в своё время конфисковал у нерадивых учеников. От него одинаково доставалось и мальчикам, и девочкам. Особенно страдали первокурсники, не успевшие пока выучить, что на некоторых лекциях нужно учиться, а не заниматься посторонними делами.

Шардаш продолжал сверлить глазами несчастную Мериам, ожидая ответа. Она, и так невысокая, ещё больше скукожилась и казалась карлицей на фоне высокого поджарого профессора. Злые языки поговаривали, будто он похож на василиска или любимую гадюку, которую держал в своей комнате и выпускал ползать по ночам. Такой же скользкий, ядовитый, похожий на тень. Ходит бесшумно, когда не ждёшь, оказывается за спиной. Для сходства с приведением не хватало только бледной кожи, но, увы, Тревеус Шардаш был смуглолиц. Зато голубоглазый брюнет. Впрочем, ученики клялись, что на самом деле глаза у него цвета инея — выцвели от злобы и придинок. Разумеется, девушки в него влюблялись, но, увы, в лучшем случае всё заканчивалось пятиминутным флиртом и ушатом холодной воды, в худшем — визитом к директору по поводу возмутительного поведения. Злые языки шептались, что Тревеус Шардаш и вовсе никогда не предавался плотским утехам, но привратник утверждал иное. Он якобы бы частенько отворял ворота припозднившемуся преподавателю, от которого пахло духами.

— Или, может, от отравления мышьяком поможет это? — Тревеус Шардаш откашлялся и зачитал по памяти, а, может, видя сквозь стенки ящика: — 'Уста их соприкоснулись, дыхание перетекло из него в Нинель. Она обмякла в его руках и...'.

— Вам не понять! — выдавила из себя Мериам и отвернулась.

— И что же я должен понять? — настаивал преподаватель. Он пролистнул тетрадь адептки, хмыкнул и подправил рисунок на последней странице — вязь из рун. — Любовь рисуется иначе, но в целом ничего, старались. Адептка Ики, вы язык проглотили? Расскажите же, наконец, о величайшей ценности учебного пособия с сердечками. Полагаю, вы сделаете это с моего места. Пройдёмте к столу.

Шардаш протянул Мериам руку. Та от страха икнула, замотала головой и тихо попросила прощения. Однако профессор настаивал, прося побороть девичью стыдливость.

Мериам затравленным зверем огляделась по сторонам, ища и не находя поддержки.

Разве что подруга и соседка по комнате Инесса сочувственно вздыхала, но что она против десятков гогочущих юнцов? Они уже строили предположения, одно гаже другого. К счастью, Тревеус Шардаш прервал их словоблудие замечанием, что права высказаться никому не давал. Он предпочитал травить жертву в одиночку, хоть и на виду у всех.

Поняв, что выхода нет, Мериам вскочила и выбежала вон, не дослушав очередной колкости профессора. Где ещё может укрыться девушка? Правильно, в женском туалете. Запершись там, она сидела и плакала, гадая, как сможет ходить на курс ядов после такого позора. А не ходить нельзя — исключат.

Мериам всхлипнула и шумно высморкалась в платок. Затем глянула на себя в грязное зеркало, хранившее следы помады, шпаргалок к экзаменам, пыль и патину времени. Оно отразило нечто с кроличьими глазками и красным носом. Будто пила. И как, скажите на милость, в таком виде явиться вечером в контору Гримма?

Тем, кому не хватает родительской денежной поддержки, приходится работать. Мериам, безусловно, повезло: она не носила подносы в таверне, не чихала от пыли в библиотеке, не портила глаза переводами, а всего лишь два дня в неделю просиживала часа три у гнома Гримма, проверяя амбарные книги, счета, сводя баланс и выискивая недостатки. Работа Мериам не нравилась, но выбора не было: приличной девушке открыто всего три пути, хорошо, что подвернулся четвёртый. Повезло, что с детства любила считать и щёлкала задачки лучше всех в округе. Только в Университет женщинам путь закрыт, да и родные не одобряли желания нарушить семейную традицию, пришлось пойти на поводу отца и подать документы в Ведическую высшую школу. Изначально она готовила прорицателей и знахарей, но затем превратилась в полноценную кузницу волшебников всех мастей. Воистину, беда одних обернулась благом для других. Не будь войны и вызванных ей природных катаклизмов, не иммигрируй из-за моря маги и колдуны с нечеловеческой кровью, выпускала бы Ведическая школа только мастеров рун и сушёных лягушек.

Родители Мериам дипломированными волшебниками не были, хотя очень хотели. Как ни захотеть, когда у одного мать — ведьма, а отец — алхимик, а у другой — оборотень и маг широкого профиля? Оба семейства привыкли колдовать и желали, чтобы единственная наследница, Мериам, стала хотя бы уменьшенной копией славных предков. С таким грузом ответственности на плечах учиться втроене тяжелее, а если ещё деда боишься? Тот, который маг, — крут, мог и розгами пройти, если бабушка не остановит. Отец, конечно, не ударит, зато выговор устроит знатный на пару с матерью.

Специальность Мериам тоже выбрали родные — ту же, что у деда. С одной стороны, востребованная, с другой — неопасная, без особого риска для жизни. Вот уже два года, как Мериам отчаянно пыталась её постигнуть, барахтаясь на сессиях, но, к счастью, неизменно выплывая. Оставалась надеяться, что третий год тоже закончится удачно.

Мериам вздохнула, порылась в учебной сумке, куда, убегая, спешно кинула карандаш и тетрадь, и достала пудреницу. Косметика, конечно, желтит, но лучше так, чем щеголять 'мешками' и синяками под глазами.

— С тобой всё в порядке? — в приоткрытую дверь просунулась голова Инессы. — Никто уже не смеётся, профессор Шардаш всем заткнул рот и роздал штрафные баллы.

Мериам кивнула. Конечно, Тревеус Шардаш любит издеваться сам, но мучить жертву после её бегства не даст: неинтересно. Только возвращаться в класс не хотелось.

— Иди, Инесса, а то профессор и на тебя всех собак спустит.

— Так он меня за тобой послал, сказал, что ты ещё... Словом, и, правда, не ходи, он

книгу не забыл.

Плохо, экзамен можно считать проваленным.

Отослав Инессу ('Скажи, что не нашла'), Мериам осторожно выскользнула в коридор. Это последний урок, раз уж она решила его прогулять, то можно вернуться в свою комнату, а после наведаться на кухню. Повариха-гномка пестует учениц, считает, что их недокармливают. Сама-то она — руками не обхватить.

Мериам рысцой миновала опасный участок и свернула к лестнице. Увы, удача не сопутствовала адептке: в коридоре послышались голоса. Перепуганная Мериам стрелой взлетела вверх, опомнившись у чердачного лаза. Воистину, у страха глаза велики, раз загнали под самые стропила! Мериам осторожно перегнулась через перила и глянула вниз: на площадке второго этажа беседовали двое преподавателей, не позволяя незамеченной прокрасться мимо. Неизменно начнутся расспросы, которые, в лучшем случае, закончатся 'птичкой' прогула в ученическом табеле, в худшем — общественными работами и штрафными баллами. Деваться некуда, пришлось открыть лаз и забраться на пыльный, заваленный хламом чердак.

Чихнув, Мериам огляделась, активировала заклинание светового шара и запустила его под потолок. Жаль, волшебные палочки выдадут только на четвёртом курсе! Как и предполагала адептка, на чердаке скопилось то, что жалко выбросить, но нельзя держать внизу. Тут были пустые рамы, поломанные стулья, книг, таких ветхих, что страшно прикоснуться, ящики с непонятным содержимым. От нечего делать — спуститься вниз нельзя, — Мериам начала рыться в этих сокровищах и под грудой тряпья обнаружила перстень. Он сразу привлёк её внимание: старинный золотой перстень-печатка с тремя розами. Филигранная бело-голубая эмаль, странные руны по ободку. Прочитать их без увеличительного стекла не получилось.

Подумав, Мериам примерила перстень. Металл зашипел, кольцо сжалось, пришлось точно по размеру пальца. Зачарованная, Мериам пару минут смотрела на него, затем повертела и сняла — размер не изменился. Когда-то она читала, что некоторые магические предметы подстраиваются под владельца — значит, перстень признал её хозяйкой. Чувство гордости переполнило Мериам. У тех, кто смеялся над ней сегодня, нет такого кольца, но она его ни за что не покажет, пока не выяснит, что эта безделушка умеет. Лишь бы что-нибудь полезное, вроде чтения мыслей, подпитки энергией или невидимости. Ничего, учебник по рунам подскажет.

На всякий случай прислушавшись и оглядевшись по сторонам, Мериам убрала перстень в сумку, в мешочек с пудрой, зеркальцем и дешёвой помадой. Осторожно приоткрыв лаз, девушка оценила обстановку: преподаватели разошлись, путь свободен. Можно выбираться из обители пауков и пыли и прыгать под тёплые струи, смывая беды дня. Бабушка-ведьма учила Мериам, что вода уносит плохую энергию, очищает душу, растворяет печали.

Отряхнувшись от пыли, за считанные минуты облепившей всю одежду, волосы и сумку, адептка на цыпочках прокралась на нужный пролёт и бегом миновала опасный коридор. Он вёл в другое крыло, в спальные корпуса учащихся младших курсов. Старшие на привилегированном положении жили отдельно, пользуясь практически безграничной свободой в рамках школьного забора и устава.

Комната Мериам и Инессы помещалась во флигеле, на первом этаже. С одной стороны, удобно, с другой — шумно и небезопасно, летом приходится закрывать окна. Девушки заселялись одними из последних, поэтому получили то, что не заняли другие. Зато комната

большая, до ванной близко, а, в случае чего, можно и минуя дверь попасть. Окно пару раз пригодилось, когда та или другая девушка теряла ключ. Перелезешь через кусты, подтянешься на подоконник, забарабанишь соседке в стекло — и всё, дома.

Мериам бросила сумку на стул, стащила платье и, прихватив полотенце, направилась принимать водные процедуры. Найденный перстень она спрятала под подушку. Снялся он с трудом — явно не желал расставаться с новой хозяйкой.

После душа адептка внимательно осмотрела перстень. Провела пальцем по эмали — тёплая. Неудивительно, если только что держала его в руках. Мериам казалось, эта вещь была у неё всегда, такая родная, любимая. Внутренний голос нащёптывал, что не стоит никому показывать перстень, настойчиво так советовал, и адептка не стала с ним спорить. Раз кольцо не желало сниматься, Мериам просто перевернула его. Посмотришь — с виду простенькое украшение, вся красота спрятана. Но вернувшаяся с занятий Инесса всё равно заметила, поинтересовалась, откуда вещичка.

— Подарили, — коротко ответила Мериам. — Гном за раскрытую кражу двух мешков. Пойду я, а то мастер Гримм ругаться станет.

Инесса хмыкнула:

— Давно гномы стали щедрыми? Они даже дырявые носки хранят, а деньги только на братские попойки тратят.

— Так я ж почти семья, — улыбнулась Мериам, накинула лёгкое пальто и выскользнула за дверь.

Смеркалось. Жизнь в городе только начиналась. Нет, семейные обыватели сидели дома, ужинали, делились последними сплетнями, зато одинокие, молодые заполняли улицы, чтобы украсить улицы, таверны и кабаčky своим присутствием.

Зевнув, Мериам миновала ворота Ведической высшей школы и направилась в Нижний город, в портовый квартал, где в великом множестве теснились лавки и склады торговцев. Отсюда, с холма, адептка даже видела крышу дома мастера Гримма — добротную, способную выдержать любой ураган. И маяк, днем и ночью не дававший морякам сбиться с верного пути.

Из открытых дверей питейных заведений лились свет и гомон голосов. То и дело попадались влюблённые парочки. Некоторые, не чураясь прохожих, целовались в тени деревьев. Погружённая в себя, Мериам их не замечала: она сочиняла письмо родителям и гадала, хватит ли денег, чтобы поехать с девушками на пикник. Нет, конечно, можно попросить родных выслать немного, но какой крови это будет стоить? Положим, у деда по отцовской линии что-то припасено, только на поклон к нему Мериам ни за что не пойдёт. И не потому, что он страшный, а потому что живёт там, где всякой нежити раздолье.

Адептка очнулась от размышлений в незнакомом месте. Заморгала, пытаясь понять, как оказалась в этом квартале. Шла прямо, заученной дорогой, — а забрела на какую-то кривую улочку с бельём на верёвках и башенками семейной молельни в просвете домов. Такие строили местные общины, чтобы спокойно и свободно справлять религиозные надобности.

Мериам остановилась, пытаясь сориентироваться. Кажется, Школа на северо-востоке, значит, нужно идти на юго-запад и поспешить, потому что рабочий день уже начался. Однако Мериам не успела сделать и пары шагов, когда из-за угла вывалилась разношёрстная компания сомнительной наружности. То, что это полукровки, причём с дурной наследственностью, читалось по лицам за десятки миль.

Мериам замерла, гадая, сумеет ли слиться со стеной. В арсенале начинающей

третьекурсницы не так много заклинаний, особенно, если не имеешь узкой специализации. Так, начитывают теоретические дисциплины, учат простейшему. Вот на четвёртом курсе начнётся настоящее колдовство, а пока адептка знала пару рунных проклятий и базовых чар.

— Привет, куколка! — лохматое нечто, плод союза тролля и оборотня при непосредственном участии подзаборного выпивохи, ослабилось во все двадцать четыре зуба: остальных просто не было. Очевидно, оно полагало, что улыбается.

Мериам проигнорировала приветствие и сложила за спиной три пальца правой руки — не покалечит, так задержит. Парни, меж тем, вразвалочку двинулись к ней, обсуждая, каким ветром занесло в эти края обладательницу дюжины веснушек: адептка уродилась рыжей.

Раз. Два. Три. Рука выброшена вперёд, пальцы, словно оружие, метят в грудь главарю.

И тут случилось то, чего Мериам никак не ожидала: трое здоровых парней замертво рухнули в канаву с нечистотами, проломив хлипкие мостки. Адептка сначала подумала, что рядом притаился неведомый защитник — но нет, никто не спешил признаваться в спасении девы. Расстроившись, что принц оказался скромником, Мериам огляделась — никого. Тогда она решила, что полукровки просто перепили, а вовсе не умерли. Осторожно приблизившись, Мериам коснулась одного из них — холоден как лёд. А в уголке рта — кровь. Как бы ни училась адептка, отличить мёртвого от живого при осмотре она могла.

Мериам бросило в жар. Она только что убила троих! И чем — заклинанием второго уровня! Кому рассказать, не поверят. И правильно сделают. Плохо, очень плохо.

Сидеть в тюрьме Мериам не хотелось, поэтому она сбежала с места преступления.

Отдышавшись, Мериам остановилась и попыталась понять, где оказалась. Как же далеко и от Школы, и от дома мастера Гримма! Однако нужно поспешить, чтобы, хоть с опозданием, но погрузиться в амбарные книги — лучше быть на глазах, чтобы никто не заподозрил.

'Страх — удел слабых', - раздалось у неё в голове. Мериам с удивлением огляделась. Нет, вряд ли к ней обращалась беззубая старуха на ступеньках молельни. Неужели сошла с ума? Только этого не хватало! Говорили ей, береги себя...

К счастью, голос больше не объявился, и Мериам благополучно дошла до дома мастера Гримма. К тому времени, как она добралась туда, окончательно стемнело. Зажглась фонари, отбрасывавшие на мостовую косые тени и дарившие хрупкие островки желтоватого света. Гном отругал адептку за опоздание, пригрозил урезать плату, но уже через полчаса поил собственноручно заваренным чаем. Он был особым, по старинным семейным рецептам.

Наутро Ведическая высшая школа бурлила. Только и разговоров было, что о таинственных смертях в городе. Болтали, будто люди и нелюди дохли как мухи. Раз — и нет. Никаких следов насилия, болезни. Грешили на магов, в связи с чем в школу направили инспектора правопорядка с отрядом солдат. Они рассредоточились по коридорам, отлавливая для допроса подозрительных личностей. Кое-кто вызывал к себе для беседы директор.

Доктор магических наук Селениум Крегс, по документам — гроза учеников и преподавательского состава, сверлил взглядом шар предсказаний, но никак не мог увидеть и услышать ничего, кроме вчерашней селёдки. Треклятая рыба стояла поперёк горла, манила провести часок-другой в уединении, но, увы, приходилось заниматься организационными вопросами.

Профессор Шардаш флегматично помешивал чай. Дребезжание серебряной ложечки ещё больше наводило директора на мысли о тихом уголке, но он мужественно крепился. Ещё один преподаватель, Матисса Стоккуэл, хмурия лоб, перебирала списки учащихся.

— Нет, я не верю! — наконец изрекла она. — Никто из учеников не мог: не хватило бы сил и умений.

— Намекаете, что это совершил кто-то из преподавателей? — Тревеус Шардаш отложил ложечку и смерил Матиссу задумчивым взглядом. — И кто же, позвольте полюбопытствовать?

Профессор Стоккуэл промычала в ответ что-то неразборчивое.

— Я бы подумал на вас, — продолжал Тревеус. — Жертвы — мужчины, а вы — главная старая дева Бонбриджа. Неудовлетворённые женщины часто преисполняются ненавистью на весь мир...

— Тревеус! — взмахнула руками пунцовая Стоккуэл. Потом улыбнулась и низким шёпотом добавила: — Если мне станет плохо, приду к вам.

— Избави небо! — вздрогнул Шардаш. — При всём моём уважении к вам.

Реплику обиженной дамы предупредил директор, решивший прервать словесную потасовку. Он напомнил, что убийства — дело серьёзное, а содержимое чужой постели — сугубо личное.

— И, дальше что? — недовольно пробурчал Шардаш. — Я за своих учеников отвечаю: черных властелинов среди них не водится.

— Да мы не их ищем, — протянул директор, со вздохом прикрыв шар платком. Какой бы квалификацией он ни обладал, предсказателя из него не вышло. Впрочем, Селениум Крегс никогда этого и не умел, хотя и не признавался. Он доктор магических наук, а не шарлатан.

— Мы и не обязаны никого искать, — заметил Шардаш и сделал большой глоток из чашки. Сегодня он подмешал в чай гибискус и наслаждался кислыми нотками напитка. — В Школе полно солдат, в городе их ещё больше — даром хлеб едят? Советую вернуться к занятиям, а не устраивать ученикам незапланированный отдых.

— Страшные дела творятся... — протянула Матисса Стоккуэл. — Хоть чарами комнату оплетай!

— Вам-то зачем? Да и привратник у школы — честный малый, никого ночью без

разрешения не пропустит.

Директор снова вздохнул и распустил преподавательский состав. Стоило закрыться двери, как Крегс оказался во столь вожаденной комнате уединения, где его посетила светлая мысль о следящих чарах.

Мериам прижимала к груди тетради, прислушиваясь к перешёптыванию группки учеников. Обсуждали, разумеется, таинственные смерти и деятельность инспектора. Кто бы мог подумать, что прогулки к мастеру Гримму могут стать небезопасными.

— Ты как думаешь, кто это? — толкнула подругу в бок Инесса. Она заработала косоглазие, пытаясь разобрать, что за объявление висит на доске. Увы, подойти и прочитать пока не было возможности: мешали старшеклассники.

Мериам пожала плечами. Сумасшедший колдун какой-то. Но ничего, власти быстро его поймают, подвергнут процедуре очищения сознания и накажут по всей строгости закона. Давненько такого не случалось в Бонбридже, но раньше-то десятками казнили и в специальные тюрьмы бросали.

Волнение Мериам помогали побороть две вещи: еда и хорошая книга. Решив, что первое временно безопаснее второго — попадётся на глаза Шардашу с очередным сердечком на обложке, никогда предмет не сдаст, — адептка отправилась к булочнику. Он торговал недалеко от Школы, в двух десятках шагов от забора, и пользовался неизменным успехом у учащихся всех полов и возрастов. Мериам любила булочки с маком и повидлом, могла съесть дюжину, запивая горячим шоколадом. Безусловно, от этого страдала фигура, зато успокаивалась душа.

Привратник смерил Мериам неодобрительным взглядом и поинтересовался, по какой надобности юная адептка покидает стены Школы в столь неподходящее время. Мериам мысленно возненавидела неуловимого убийцу: из-за него ограничивали свободу передвижения. На дворе день, ни человек, ни зверь, даже маг в здравом уме не нападёт.

— Пропуск нужен? — уныло протянула адептка, порывшись в недрах сумки. Тяжело вздохнула и раскрыла книжицу. — Вот, третий курс, совершеннолетняя. На башне — взмах рукой в нужную сторону, — два часа дня. Так какие правила я нарушаю? На доске объявлений пусто, мобилизацию не объявляли.

— Беспечные вы, девчонки! — покачал головой привратник, повертев в руках пропуск. — Тут инспектор, солдаты, а вы...

— А я страх заедать иду.

Выбравшись за ворота, Мериам поспешила к булочнику. Его вывеска заманивала гипсовым кренделем на железном штыре. А пахло-то! У адептки потекли слюнки. Впрочем, не только у неё: у порога толпились мальчишки, жадно разглядывая витрину с корзинами выпечных вкусностей. Отогнав их, Мериам толкнула дверь. Звякнул колокольчик, возвестив о приходе нового посетителя.

— Добрый, добрый день! — расплылся в широкой улыбке хозяин.

Адептка вернула улыбку и обратила взор на прилавок. Лавка была небольшой — витрина, прилавок, два столика с четырьмя стульями, но приносила стабильный доход. Взгляд Мериам остановился на обсыпном колечке — и вот оно уже оказалось в бумажном пакете вместе с булочками с разными видами повидла.

Заказав горячий шоколад, адептка устроилась возле витрины: оба столика оказались заняты, — наблюдая за городской жизнью. Когда раз за разом звякал колокольчик, она и головы не поворачивала: такие же, как она, сладкожки. Эх, чуть выше по улице

кондитерская, но цены там кусаются, с доходами Мериам не находишься.

Наконец шоколад был допит, и адептка Ики, прижимая к груди пакет, вышла на улицу. Наклонилась, чтобы завязать шнурок, и почувствовала, что что-то не так. Перстень пропал! Мериам пошарила рукой по мостовой, вернулась в лавку, осмотрела всё — увы, кольцо не нашлось. Мальчишки рассказали, что видели вора, незаметно стащившего с руки зазевавшейся девицы дорожную вещь.

— Он туда побежал, — гордый своей нужностью, парнишка махнул рукой в сторону порта. — Рыжий такой, в синей рубаше.

Полагалось чем-то отблагодарить мальчика за помощь, но у Мериам не водилось в карманах монет, зато были булочки. Одну из них она и подарила любителю сладостей. Тот не возражал.

Не желая смириться с потерей, адептка поспешила на поиски вора. Нечего было и думать, чтобы осмотреть все закоулки, ища иголку в стоге сена, поэтому Мериам применила кое-что из заклинаний. Первые курсы, разумеется, отводились теоретическим дисциплинам, но на уроках нашлось место и для практики. Одно из изученных там простейших умений адептка и применила для облегчения задачи.

Разумеется, в подобных случаях надлежало обратиться к властям, но поверят ли они, что у неё был такой перстень, станут ли искать неизвестно кого. Да и чем докажешь, что владелица? Кольцо-то — собственность Школы, раз найдено на её чердаке, так самой недолго штраф заработать, поэтому придётся выкручиваться, хотя бы выследить воришку.

Сеть поиска оплела квартал, яркой точкой обозначив местонахождения перстня. Что ж, неплохо — связь с предметом крепка, можно использовать как маяк.

Сверившись с иллюзорным изображением и мысленно перенеся его на карту города, Мериам поспешила по улочкам вниз с холма, надеясь не упустить нужного человека. Угодив в гущу толпы, адептка уже не могла колдовать, поэтому оставалось надеяться только на собственное зрение. Она вертела головой, стараясь разглядеть рыжий затылок и, наконец, увидав, начала активно работать локтями, прокладывая дорогу в людском потоке. Не так-то просто идти наперекор течению, Мериам сполна ощутила всю прелесть борьбы. Едва не лишившись покупок, изрядно помяв булочки, адептка вышла из неё победительницей, но, увы, потеряла вора из виду. Пришлось завернуть в ближайший проулок, чтобы заново раскинуть сеть.

— Порт! — с сожалением вздохнула Мериам. Оно и понятно: нечего приличной девушке делать в таких местах.

Казалось бы, лучше отступись, как легко попало в руки, так и ушло, но адептка привязалась к перстню с розами и жаждала вернуть пропажу. В результате Мериам углубилась в череду узких улочек, смердящих рыбой, пивом и мочой. Такие облюбовали кабачки с сомнительной репутацией. Внезапно распахнувшаяся дверь из них едва не дала адептке по лбу. Мериам с трудом успела отскочить, но вот пакет полетел в лужу.

— Мои булочки! — горю адептки не было предела. Присев на корточки, позабыв обо всём, она поспешила спасти хоть что-нибудь.

— Н-да! — многозначительно прокомментировал её действия голос сверху. — Сначала книжонки, потом булки. Для этого кухня существует, а вы в учебное заведение иного профиля поступали. И так, сущая мелочь, адептка, весь Бонбридж взбудоражен убийствами, а вы, полагая, вознамерились стать следующей жертвой.

Мериам замерла и тихо выругалась. Надо ж было столкнуться именно с ним! И что

профессору в Школе не сиделось, за контрабандой, что ли, отправился? Или яду купить — подходящий квартал для тёмных дел.

— Изучаете местный фольклор? — отреагировал на её стенания Тревеус Шардаш. — Школьной программой не предусмотрено, но в жизни пригодится. У меня к вам много вопросов, adeptка Ики, так что потрудитесь встать.

— Я... я преследовала вора, — оправдывалась Мериам. Булочки она всё же подняла и нежно, с любовью прижимала к себе как ребёнка.

Шардаш вскинул бровь и дважды осмотрел adeptку с головы до ног.

— Нет, определённо, передо мной третьекурсница без физической подготовки, а не дипломированный маг узкого профиля и не стражник. Так почему эта самая третьекурсница взялась кого-то ловить? Ну же, мне интересно послушать. Заодно можете рассказать и о пользе любовных романов: помнится, вы лишили меня удовольствия послушать.

Мериам молчала, упрямо сжав губы. Она ощущала, что краснеет, порывалась убежать, но останавливал взгляд преподавателя.

— Мне надо... Простите, мэтр, мне необходимо отлучиться по крайней надобности.

— В медицинское крыло заглядывали? — живо откликнулся Шардаш. — Для столь молодой особы такая пылкая страсть к крайним надобностям ненормальна. Поменьше сидите на холодном.

Мериам отвернулась, сгорая от стыда. Теперь он решил, что у неё недержание. Позор-то какой!

— Я вовсе... мне вовсе не туда, — наконец выдавила она из себя.

— А куда? — Тревеус Шардаш обошёл adeptку и забрал булочки. Раз — и из ничего возникла плетёная корзина, куда перекидывала снедь. — Adeptка, вы хоть на один вопрос ответить способны?

— Искать кольцо. Моё кольцо.

— Нет уж, будем выкорчёвывать из вашей головы всю глупость.

Шардаш решительно подхватил опешившую Мериам под руку и быстрым шагом повёл прочь, к Школе. Adeptка едва поспевала за ним. Наконец ей это надоело, да и перстень хотелось вернуть, поэтому Мериам вырвалась и поспешила обратно. В ней клокотала злоба: треклятый профессор в который раз портил жизнь. Да, тот квартал опасен, да, там встречаются подвыпившие полукровки, разливают по мостовой кислое пиво тролли, но перстень с розами где-то рядом. Лишь бы тот тип не юркнул на корабль!

— Стоять! — гаркнул Шардаш. Нахмурившись, он сверлил adeptку ледяным взглядом.

Мериам чувствовала этот взгляд, но и не думала останавливаться. Ноги подгибались, но делали своё дело. Adeptка спешила вернуться к кабачку, возле которого повстречалась с профессором. И тут движение её замедлилось, а потом ноги и вовсе беспомощно забарахтались в воздухе.

— Это запрещено законом! — выкрикнула пунцовая Мериам. — Я буду жаловаться!

— Ей жизнь спасают, а она недовольна, — прокомментировал её слова Шардаш. Он не торопился подходить и снимать заклинание, наслаждаясь видом беснующейся ученицы. — Проверим ваши знания, расплетите чары.

— Не могу! — буркнула adeptка. Вспомнила о том, что вокруг полно людей, а на ней юбка, и прекратила воздушный танец. Подол и так чуть задрался, обнажив серый чулок. — Я на третьем курсе учусь, буду всего лишь магом широкого профиля.

— Вот именно, широкого. Ладно, я помогу, — смиростивился Шардаш, подошёл к

подвешенной в воздухе адептке и спокойно, буднично, одёрнул ей подол. Даже бровью не повёл, не смутился, не заинтересовался женскими ножками, даже не взглянул. — Из чего строятся заклинания?

— Смотря какие. Существует несколько классов.

— Это какой?

Мериам промолчала. Успеваемость не была её сильной стороной. Видя, как медленно расплываются в торжествующей улыбке губы профессора, Мериам напряглась, пытаясь вспомнить классификацию. Кажется, это нитевое заклинание спиралевидной структуры. Оно как ткань: есть продольные и поперечные волокна. Они образуют тончайшие жгуты, закрученные либо по часовой, либо против часовой стрелки. Вряд ли Тревеус Шардаш пользовался тёмным способом плетения, поэтому волокна должны завиваться по часовой стрелке. Необходимо найти конец любого поперечного волокна и дёрнуть — жгутик ослабнет. Повторишь процедуру несколько раз — разрушишь жгут целиком, образуется дырка. То, что надо, чтобы освободиться.

— Не знаете? — ворвался в размышления Мериам голос Шардаша. — Плохо, очень плохо.

Адептка в ответ нахмурила переносицу: она рассматривала плетение заклинания. Кажется, вот там чуть сильнее светится.

— Интересесно, — Мериам вздрогнула. Увлёкшись, она не заметила, как профессор подошёл вплотную. Теперь их разделяло меньше ладони. — Всё же знаете. Я поторопился. Ладно, у меня узлы крепкие, не справитесь.

'Ловчая сеть' опала, вернув Мериам свободу движения. Шумно втянув в себя воздух, адептка отпрянула — мало ли, что ещё учудит профессор? Похоже, он поставил себе целью добиться её отчисления.

— Пошли! — Шардеш прищёлкнул пальцами — жест, которым подзывали подавальщицу.

— Я тарелки не мою, пиво по кружкам не разливаю, — гордо вскинула голову обиженная Мериам. Хотелось хоть как-то отомстить за нанесённое оскорбление, но ничего не приходило в голову. Разве что подойти в Школе к инспектору и нашептать, чем балуется преподаватель в свободное от работы время. Власти заинтересуются, отдадут в руки Белой стражи — специального подразделения, занимавшегося правонарушителями среди наделённых магией существ.

Шардаш закатил глаза и пожал плечами. Меньше всего его интересовали занятия адептки Ики. Чувствуется, вымотает ему нервы на зачётной неделе: не сдаст ведь. Профессор терпеть не мог рыдающих адепток со взглядом собаки, которые обещали 'всё-всё выучить'. Некоторые обряжались в короткие юбочки, будто невзначай наклонялись, строили глазки, пытаясь таким образом решить проблему. Решали — визитом к директору.

Воспользовавшись ситуацией, упрямая Мериам юркнула в ближайший проулок. Нет, она понимала, что вора уже не догнать, но возвращаться с Шардашем адептка не желала. Переждёт где-нибудь, пожуёт булочки.

— Адептка Ики, это невежливо. Убегать трижды на неделе — перебор. Хотя бы попрощайтесь.

— Всего хорошего! — буркнула Мериам, пожелав профессору встретить безрессорный экипаж, который бы облил его с головы до ног. В голову пришла шальная мысль: а не проклясть ли? А что, она же будущий маг широкого профиля, должна всё уметь.

Старшекурсники с Запретного отделения не откажут, с удовольствием поделятся конспектами, чтобы насолить заносчивому куратору. Он был головной болью не только желторотых юнцов.

Настойчивый Шардаш вновь возник в поле зрения адептки. Облокотился об угол дома и лениво наблюдал за метаниями жертвы. Потом неожиданно извлёк из кармана отобранную на достопамятном занятии книгу, зашелестел страницами, откашлялся и зачитал:

— 'Вырвавшись из рук похитителей, Нинель бежала, куда глаза глядят. Пару раз она упала в грязь, но страх подгонял, и девушка раз за разом поднималась, продолжая бег. Лишь бы успеть на корабль отважного Германа!'

Захлопнув книгу и покачивая ею над сточной канавой, Шардаш поинтересовался:

— Повторяете путь героини? Извините, не знал, что помешал тёплому свиданию в кабачке.

— Вы... вы читали! — злорадствуя, Мериам, обвиняя, ткнула пальцем в профессора. — А говорили...

— Так, пролистал, надеясь отыскать хоть одну светлую мысль.

Показалось, или Тревеус Шардаш на мгновение замялся. Но быстро оправился и лёгким движением руки отправил книгу в плавание среди объедков. Ахнув, Мериам поспешила спасти купленную на свои кровные литературу. Однако Шардаш и здесь помешал, ударил по руке и оттолкнул носком сапога разбухший том.

— Знаю я вас, к груди, будто младенца прижмёте. Нечего почитать вечерами — книгами обеспечу, заодно и с пользой.

— Я читаю, что хочу, — Мериам подула на пальцы и твёрдо решила проклясть профессора. Увы, книга пришла в полную негодность, даже если просушить, переплёт расклеится, да и страницы будут вонять. — И, вообще, деньги верните, вы чужую собственность испортили.

— А на кухне чистить картошку не хотите? — глаза Шардаша, казалось, прожгут в адептке дыру. Та тут же пожалела о собственной наглости, стушевалась, засуетилась в поисках путей отступления. Увы, туалета поблизости не имелось, зато были подворотни, служившие тем же целям. — Что до книги, то, запомните, я никому никогда не позволю читать что-то, кроме учебника, на моих занятиях. Поймаю в следующий раз, сделаю отметку в личном деле. Не первую. Шесть баллов у вас уже есть, заработать двенадцать не так уж сложно.

Мериам осознала всю прелесть угрозы: получавшие двенадцать штрафных баллов за год адепты отчислялись. Самое гадкое, что каждая провинность оценивалась преподавателем по своему усмотрению. Кто-то в ученический табель 'птичку' поставит, а кто-то личное дело с полки возьмёт. Шардаш наверняка с радостью вклеит недостающие шесть баллов.

Профессор обошёл вокруг притихшей адептки. Был бы у него хвост, бил бы по ногам. Смятение ученицы грело самолюбие, толкало продолжить издевательства.

— Так зачем вам розовые книжки, Ики? Скажите, наконец, чему вы по ним учитесь? Отношениям полов, технике поцелуя? Так вокруг адептов полно, с радостью научат.

— Я умею! — красная как рак, буркнула Мериам, закрыв лицо руками. Её душил стыд.

— Чудесно, хоть что-то умеете, — снисходительно хмыкнул Шардаш, мельком взглянув на карманные часы.

— Показать?

Мериам сама не знала, как у неё это вырвалось, язык прикусить не успела. Осознав, что

натворила, она ойкнула и ударилась в бег.

Удача и раньше не жаловала адептку, не улыбнулась и в этот раз: Мериам угодила каблуком в зазор между камнями и, пытаясь выбраться, забрызгала подол юбки: Нижний город чистотой не отличался.

— Девушки в подобных ситуациях ещё от меня не бегали, — Шардаш легко вызволил адептку из ловушки. Даже каблук остался цел. — Н-да, одежда стала не лучше любимой книги. Сядете у трактира, милостыню соберёте.

Мериам отреагировала своеобразно: набросилась на профессора с кулаками, требуя, чтобы тот оставил её в покое.

— Вам нравится издеваться, да? Желали сделать меня жалкой дурой? Сделали, чего вам ещё?!

Шардаш легко уворачивался от хаотичных движений, наблюдая за адепткой как за зверюшкой в клетке. Потом, когда ему прискучило, ухватил за запястья и прижал к стене. Мериам испуганно широко раскрыла глаза и заёрзала. Столь тесное знакомство с профессором в её планы не входило. Неужели он решил вот так, на улице... В книге ведь такое было, а этот сумасшедший полагает, будто Мериам желает оказаться на месте Нинель. Закричать-то хоть даст или очередным заклинанием оплетёт? Разницы, впрочем, никакой, результат один.

— У меня коленки острые, — предупредила адептка, рыская глазами в поисках спасителя. — Я кричать буду, заявление напишу....

— Да не стану я вас насиловать, вот ещё! — брезгливо поморщился Шардаш и напомнил: — Вы сами поцеловать грозились. Раздумали? Я не настаиваю.

Не настаивает он! Знает, что поставил в щекотливое положение, и наслаждается.

Мериам, кусая губы, молчала. Дёрнуло же её ляпнуть, теперь не отопрёшься! Ладно, была ни была! Зажмурившись, адептка чуть подалась вперёд и ткнулась губами в гладко выбритую щёку Шардаша. В губы не решилась. Во рту пересохло, коленки дрожали.

Профессор отпустил запястья адептки и покачал головой. Мериам ожидала очередной колкости, но только не того, что произошло. Шардаш сам поцеловал её, а после пояснил, что знания в этой области адептка тоже переоценила.

— Почувствуйте разницу, — заключил он и вытер губы платком. — На всякий случай предупреждаю: никаких чувств я не вкладывал, никаких услуг от вас не желаю, равно как и развития бурных девичьих фантазий. И чтобы никаких сердечек на моих занятиях!

Шардаш развернулся и спокойно отправился по своим делам, а Мериам всё воскрешала и воскрешала в памяти краткий миг, когда губы профессора коснулись её губ. Шардаш не лгал: никакой страсти в поцелуй он не вложил, но от этого не легче. Как на это реагировать? Мериам решила, что промолчит, даже Инессе не расскажет.

Мериам отправила в ведро очередную картофелину и с тоской посмотрела на гору очистков в тазу. Тревеус Шардаш наградил-таки нарядом на кухню, попутно пририсовав четыре штрафных балла. Не три, а четыре! До отчисления оставался всего один шаг. Невнимательность на уроке — один балл, грубость — два балла, неподобающее поведение — один балл. Всё это ей подробно объяснили на глазах одноклассников. Мериам стояла у доски, а Шардаш разгуливал перед учениками и перечислял. Потом язвительно поинтересовался, не забыл ли чего-нибудь, и сделал паузу, будто предоставляя время для ответа. Адептка, разумеется, промолчала, мысленно умоляя не накидывать ещё один балл.

— Простите, мэтр, я обещаю учить то, что вы говорите, — пробормотала она, изучая фасон носков ботинок. — Это больше не повторится, клянусь!

— Клятва — дело серьёзное, Мериам Ики, не стоит разбрасываться ею направо и налево, — отрезал Шардаш.

Остановившись, он замер напротив Мериам, лишь усиливая волнение адептки. Той на миг показалось, что профессор снова заставить её испытать чувство беспомощности, отчего уши поалели, налившись жаром. Шардаш с интересом наблюдал за сменой её эмоций, а затем ткнул в лицо волшебной палочкой, Мериам аж похолодела от страха. А как иначе, если на тебя направлено смертоносное оружие? Серебряный наконечник, капля агата, каменная берёза, основание из ясеня, а внутри... Там может быть всё, что угодно, от клыка истинного оборотня до эманации тёмной силы. Таких палочек ученикам не давали, молодым магам тоже продавать не советовали: велик риск смертельных исходов. Подобное только для магистров, кандидатов и профессоров магии, членов боевых орденов и носитель древних знаний.

— Уберите её, пожалуйста! — взмолилась Мериам, заёрзав на пяточке позора. Со стороны смотрелось забавно: девушка делает полшага туда-сюда. По классу прокатились смешки, постепенно слившись в единый гул.

— Мериам Ики, — Шардаш взмахнул палочкой и едва не ткнул ею в глаз несчастной адептки, — трусость — позор для мага. Волшебник должен являть собой образец мужественности, в противном случае ему надлежит добровольно покинуть стены Школы. Хотя, — его губ коснулась улыбка, — руническая магия, равно как и магия предсказаний относительно безопасны, можете попробовать свои силы в них.

Мериам вздохнула. Дед по материнской линии её убьёт, заикнись только адептка о смене стези. Магиня — и точка. Не ведьма, не гадалка, а носитель волшебной палочки. Мериам пробовала как-то возразить, что бесталанна — куда там! Крутой нрав деда загнал на сеновал, дуть на синяки на попе.

Удовлетворённый экзекуцией, Шардаш опустил руку с палочкой и ловким движением растворил грозное оружие в воздухе. Подойдя к столу, мельком сверился с рабочими записями и обернулся к всё ещё стоявшей на позорном месте Мериам:

— Адептка Ики, каково домашнее задание на сегодня?

Мериам готова была завывать и сразу побежать к директору. Селениум Крегс — добрый человек, смилостивится, не отчислит, а то с Тревеуса Шардаша станется добавить ещё одну палочку в графе штрафов. До конца года ещё надо дожить, а запас в один балл — ничто.

— Воздействие растительных ядов на организм человека, — проямлила адептка,

безуспешно ища поддержки у одноклассников. Нет, кое-кто рад бы помочь, даже книги развернул, но что отсюда прочитаешь?

— Глава третья, параграфы с пятого по седьмой. Вы их читали?

Мериам кивнула. Сушая правда, читала, только выучила плохо. Авось, пронесёт, копаться не станет.

— Чудесно! — Шардаш отпер ящик стола и выложил на него засохшие листья, корни и плоды, после чего попросил адептку подойти. — Назовите, пожалуйста, эти растения, расскажите, какую опасность они представляют. К примеру, если мне нужно... — профессор задумался, — вызвать помутнение рассудка, что надлежит взять?

— Альфьен, — быстро ответила Мериам, ткнув в безобидный на первый взгляд жёлтый лист. — Его сок, в отличие от лепестков, ядовит.

— Всё верно. Через три часа всего от десяти капель остановится сердце. Только это?

Адептка задумалась и назвала ещё пару растений. Бред — самый лёгкий вопрос, его Мериам хорошо знала. Шардаш одобрительно кивнул и двумя пальцами, будто стрекозу за крылышки, извлёк из груды мёртвой материи веточку с синими колокольчиками. Высоко подняв руку, он продемонстрировал её ученикам и обратился к Мериам:

— Знаете, что это?

— Колокольчики, — простодушно ответила адептка, но тут же поняла, что поспешила. Таких элементарных ответов на уроках Тревеуса Шардаша быть не может.

— Очень плохо, адептка, — поджал губы Шардаш и с любовью положил на стол веточку с бутонами. — Шестой параграф помог бы вам, но, увы, остался неизученным. Это вянка — чудеснейший из ядов, от которой нет противоядия. Одно утешает — сорвать случайно вам её не грозит, потому как вянка растёт...

Профессор замолчал и обернулся к классу.

— В горах, там, где влажно, — с готовностью ответила Патриция, одна из всезнаек-любимчиков преподавателей. — В качестве мази её используют как обезболивающее. Яд вянки вызывает зуд, но затем унимает боль. Ещё...

— Вполне достаточно, — остановил её Шардаш. — Надеюсь, вы знакомы не только с вянкой. Теперь же позвольте говорить мне, если именно я числюсь вашим преподавателем.

Пристыженная Патриция села.

— В ведьминских зельях вянка используется для отворота, невидимости и отравления. При последнем наблюдается: учащение и затем замедление дыхания, боль в области сердца и аритмия, паралич скелетных мышц, расширение зрачков и нарушение цветовосприятия, головокружение, судороги конечностей, озноб. Смерть наступает в результате остановки сердца и паралича дыхания, — закончил Шардаш и отпустил Мериам, напомнив, что той сегодня вечером предстоит визит на кухню.

— Вот ведь въелся! — в сердцах прошептала Инесса, буравя взглядом профессора. Тот в это время мучил очередную жертву. У Нэвила не было шансов: учебник тот не открывал, на уроке ловил ворон. — Что ты ему сделала?

— Конопатых все не любят, — пожалала плечами Мериам. — Ладно, 'неуд' не поставил — и то хорошо. Есть шанс выжить.

Она, безусловно, лукавила: в возможность сдачи экзамена Тревеусу Шардашу с первого раза адептка не верила.

Воскресив события прошедшего дня, Мериам вновь вернулась к картофелю. Если разобраться, не так уж много осталось, только руки кожурой пропахли, а пальцы болят.

— Что, милая, умаялась? — посочувствовала повариха-гномка. Стоя на стульчике — иначе не достать, — она мешала тесто для завтрашних пирожков. Начинка как раз из картофеля. — Это оно поначалу, потом привыкнешь.

Мериам едва удержалась от ответа: 'Типун тебе на язык!'. Новых нарядов на кухню она не желала. Гномку — матушку Уйойке — можно понять. Ей ещё одна помощница в радость, только адептка Ики не разделяла любви поварихи к стряпне.

— Изверг он! — пожаловалась Мериам местному духу, примостившемуся на буфете и пившему чай. Призрака звали Серый Том. — Хочет, чтобы меня отчислили.

— Он со странностями, — согласился дух, жеманно оттопырив мизинец, отправив очередную порцию в нематериальный рот. — Не ты первая.

— Обнадёжил! — хмыкнула Мериам, в сердцах бросив картофелину в воду.

— Начальство не обсуждают, — флегматично напомнил призрак и растворился в воздухе.

'Ещё как, все косточки переминают!' — подумала адептка и, состроив жалостливую мину, глянула на матушку Уйойке:

— Можно, я не дочию? Целое ведро ведь! Руки болят, спать хочется...

Добрая гномка закричала, что не положено, что наказание от начала до конца отбывать надо, а то влетит, и покосилась на дверь, будто Тревеус Шардаш подсматривал.

— А мы никому не скажем, — подмигнула Мериам. — Я эту картошку уже ненавижу.

Гномка поломалась, но отпустила, велев пробираться в комнату тайком. Обрадованная адептка упорхнула, но не к себе, а к старшекурсникам. Идея с проклятием витала в воздухе, пора было воплотить её в жизнь.

Ученики шестого курса Запретного отделения обитали отдельно, своим особым мирком. Здесь засиживались допоздна, так что Мериам не сомневалась, что застанет кого-то не спящим.

Ночной воздух бодрил, уханье совы придавало атмосфере таинственность.

Мериам старалась держаться в тени, передвигалась мелкими перебежками: ей не хотелось попасться кому-нибудь на глаза. Ни адептам, ни преподавателям.

Заветная дверь была снабжена надписью: 'Остерегись!'. Адептка её проигнорировала и поискала ручку — как и следовало ожидать, заколдована. Пришлось вспомнить теорию магии и чуть-чуть подправить положение дел.

В холле-прихожей поджидал сюрприз: говорящий скелет. Он встретил Мериам неласково, загробным голосом поинтересовавшись: 'Зачем пришла?'. Адептка взвизгнула и отшатнулась, опрокинув держатель для зонтиков. На шум сбегались всклоченные ученики, некоторые прихватили волшебные палочки.

Мериам вежливо поздоровалась, преодолевая страх и стеснение, изложила суть просьбы. Как она и предполагала, будущие маги отказались нарушителями школьной дисциплины, только схитрили: предложили взять их конспекты и самой сотворить проклятие.

— Ты пойми, — оправдывались они, — за это сразу двенадцать баллов влепят, а нам год учиться остался. Обидно не за себя пострадать.

Мериам всё понимала, поэтому согласилась на предложенные условия. Выяснилось, что с её умениями, можно вызвать у Тревеуса Шардаша только приступ острого кашля. Даже понос оказался непосильной ношей для хрупких девичьих плеч. Сама она могла заставить его споткнуться или подавиться — несерьёзно для мести. Старшеклассники нарисовали на

двух вырванных тетрадных страницах нужные руны, настоятельно попросили не зачитывать их вслух и не соединять листы.

— Нарисуй на двери его комнаты — так действенное, — посоветовал один из носителей тёмных знаний. — Прямо сейчас нарисуй, пока спит: всю ночь промается.

Мериам задумалась: рискованно, в Школе до сих пор дежурят солдаты, но пришла к выводу, что так действительно лучше.

— А ты ничего, рыженькая, — рука недавнего советчика легка на плечо адептки. — Заходи, поболтаем. А лучше оставайся. Восемнадцать ведь исполнилось?

— Учить собрался? — вспомнив обсуждение пользы любовных романов, поинтересовалась Мериам и скинула руку. — По-быстрому — это в другом месте, а я — девушка капризная.

— Бывай, — тут же утратил интерес к ней адепт. — У меня тёмная эльфийка есть, красавица.

С выражением лица 'не больно-то и хотелось' парень удалился. Мериам решила, что и ей в чужом корпусе общежития делать нечего, поспешила откланяться.

С крыльца Запретного отделения хорошо просматривались ворота. Привратник бодрствовал: окно его сторожки светилось. И не только бодрствовал, но и работал: как раз сейчас шёл выяснять личность очередного припозднившегося обитателя Ведической высшей школы. Кто это, Мериам не рассмотрела: спешила изобразить, будто никуда и не уходила.

У какого ученика нет в голове карты потайных ходов? Вот и адептка юркнула в один из них, чтобы не попасть на глаза солдату, которого злобные духи вынесли покурить. Скорей бы уж убийцу поймали, и в Школе воцарилось былое спокойствие!

Ход вывел под лестницу главного корпуса. Оглядевшись, Мериам сняла туфли и на цыпочках, крадучись, поспешила к комнатам преподавателей: зачем откладывать затею? Уголь она прихватила, световой шар нужной интенсивности сотворит. Планы оборвало шипение. Гадюка Шардаша! Испуганная адептка прижалась к стене, зажав рот ладонью, чтобы не закричать, и абсолютно случайно услышала обрывок разговора в пустом классе. Один голос принадлежал Тревеусу Шардашу, другого Мериам не узнала.

Беседа оказалась настолько занимательной, что адептка позабыла о змее. Гадюка, впрочем, проползла мимо, не покусав.

— Принёс? — нетерпеливо вопрошал неизвестный.

— Обождёшь! — осадил его Шардаш.

— Смотри, раскрою твою тайну! — припугнул собеседник и, судя по шуму, сел.

— Не советую. Это не преступление.

— В свете недавних убийств...

— Не угрожай — пожалеешь.

За молчанием последовало шуршание и приглушённое бормотание.

— Если бы не одна дура, принёс бы больше, — с досадой обронил Шардаш. — Но с тебя и этого хватит. А теперь уходи, а то попадёшься на глаза солдатам. Если что, я тебя не знаю.

— Я тебя тоже.

Осознав, что мужчины сейчас выйдут из класса, Мериам огляделась в поисках укрытия. В голову не пришло ничего лучше, чем бегом пронестись до туалетов, благо от собеседников её скроет поворот. Лишь бы гадюка туда же не уползла!

Едва адептка завернула за угол, как дверь класса приоткрылась, выпустив закутанную в плащ фигуру. Поведя носом, будто животное, она засеменила по коридору, надавила на

стенную панель и скрылась в сыром подzemелье. Вслед за ней класс покинул Тревеус Шардаш, направившись к себе. В отличие от собеседника он не таился.

Подождав немного, Мериам решила выбраться из своего укрытия. Её снедало любопытство: что же такое передал профессор ночному гостю?

Адептка заглянула в класс. Зажгла крохотный световой шар, опустила над самой столешницей и начала пристальный осмотр. Он увенчался успехом: Мериам обнаружила крохотную травинку. Адептка повертела её в пальцах, понюхала, хотела попробовать на вкус, но вовремя одумалась — что-то напомнил сладковатый запах. Через мгновение Мериам пробил холодный пот: она только что едва не отравилась! Травинка же — редкое и опасное растение, выращивание которого запрещено законом. Оно и неудивительно: одной унции сухого вещества хватит, чтобы убить целый класс. Название вылетело из головы, но растение отложилось в памяти. Тревеус Шардаш на первом же занятии заставил вызубрить всё то, чего не следует касаться до получения аттестата о полном высшем образовании.

Травинка перекочевала в нижнее бельё — чтобы не потерялась. Мериам ещё не решила, говорить ли о находке директору, собиралась посоветоваться с подругой.

Пребывая под впечатлением увиденного и услышанного, адептка и думать забыла о проклятии. Она подходила к лестнице, когда вновь столкнулась с гадюкой. В этот раз змея перепугала Мериам не на шутку, скользнув блестящей чешуёй по ноге. Адептка закричала так, что едва не вылетали окна. Понимала, что нельзя двигаться, и стояла, бледная, моля Прародителей сущего, чтобы гадюка не ужалила. Листы с проклятием разлетелись по полу.

На шум сбежалась вся Школа: решили, что кого-то убили. Результат был закономерный: напуганная излишним вниманием змея сделала своё чёрное дело.

Мериам трясло. Перед глазами пронеслась недолгая жизнь, оказавшаяся вдруг столь радостной и бесценной. Кто-то подхватил адептку на руки, кто-то побежал за Тревеусом Шардашем — специалистом по ядам. Сам директор в ночном колпаке спустился на крики и, узнав, в чём дело, скомандовал разойтись.

— Всё в порядке, это зверушка одного учителя учудила, — обратился он к солдатам, по долгу службы оказавшихся в центре событий. — Докладывать инспектору не нужно, сами разберёмся. Поверьте, с девушкой всё будет хорошо.

Мериам всхлипывала. Лодыжку жгло огнём, а угодливое сознание рисовало картины, как яд медленно проникает в кровь.

Пошумев, адепты, нехотя разошлись. Как раз тогда, когда появился Шардаш. Хватило одного его взгляда, чтобы припозднившиеся ученики разбредлись по постелям.

— Так, что тут у нас?

Под потолком вспыхнул мощнейший световой шар, на мгновение ослепив Мериам и преподавателей.

Засучив рукава, Шардаш подошёл к адептке. Увидев, кому не посчастливилось встретиться со змеей, профессор скривился, но сдержал колкое замечание. Вместо этого он скомандовал:

— Перенесите Ики в её комнату и уложите в постель.

Проследив за перемещением адептки по лестницам и коридорам, Шардаш отправился за противоядием и аптечкой. На жалобы Мериам, что у неё жар, а нога онемела, ответил:

— Ничего, не умрёте.

Минуты ожидания казались адептке вечностью. Она лежала поверх одеяла с задранной до колен юбкой. Чулки сняли, следы зубов гадюки были видны невооружённым взглядом,

как и образовавшийся отёк. Наконец вернулся Шардаш, бегло осмотрел ранку.

— Отсасывать яд у меня нет никакого желания, поэтому потерпите. Протезинфицирую и дам противоядие. Умереть вам, адептка Ики, не светит.

Смочив ватку в бесцветном растворе, профессор приложил её к месту укуса. Жгло так, что Мериам искусала все губы, однако не издала ни звука. Так же безропотно проглотила и горькую микстуру, после чего Шардаш заявил, что ничем более помочь ей не может.

— В следующий раз под ноги смотрите, — буркнул он на прощание. — Одни проблемы от таких адептов! Без баллов, но с предупреждением. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, мэтр, — эхом повторила Мериам, одёрнув юбку.

Адептку вдруг кольнуло: Тревеус Шардаш был ближе всех к лестнице, но пришёл последним. Почему? Не желал афишировать ночные хождения или провожал гостя? В любом случае, профессор темнил.

Селениум Крегс снял очки — чтение циркуляров министерства требовало нешуточного напряжения, потому как писари сэкономили бумагу и стремились уместить десять страниц на трёх, — и в упор глянул на Тревеуса Шардаша:

— Надеюсь, вы понимаете, что подобное недопустимо. Пострадала ученица...

— Ученица, которая гуляла ночью в неположенном месте, — возразил Шардаш. Хмурый, он стоял перед столом директора. Виновница переполоха — гадюка — обвилась вокруг шеи, положив голову на плечо профессора. Шардаш временами поглаживал змею указательным пальцем. Та в ответ выпускала раздвоенный язык, сверля бусинками глаз Крегса. — С ней ничего страшного, Эне не опасна.

Директор вздохнул и отодвинул в сторону циркуляры. Он понимал, что змею необходимо изгнать из вверенного ему учебного заведения, но не знал, как это сделать. Тревеус Шардаш — трудный преподаватель, в своё время заведовал схожей магической школой, только рангом ниже. По необъяснимой причине он уволился, на некоторое время исчез из страны, чтобы затем с блеском защитить очередную степень и на правах специалиста по редким дисциплинам поступить на службу в Ведическую высшую школу. Беря на работу Шардаша, Селениум Крегс сомневался, заинтересует ли такая скромная должность бывшего директора, профессора, паладина ордена Змеи — отсюда и пристрастие к ползучим гадам, но Шардаш исполнял обязанности справно, за короткое время подтянув дисциплину. С его приходом Школа многое выиграла в плане обучения и стала одним из престижнейших заведений. Разумеется, один человек не смог бы сотворить чудо и сделать Школу тем, чем она являлась сейчас, но вклад Шардаша был существенен.

— Это гадюка, она ядовита, — настаивал директор. — Родители адептки Ики, несомненно, напишут жалобу в министерство.

— В таком случае я потребую разобраться, что их дочь делала в учебных корпусах в ночное время. Эне останется в Школе, и это не обсуждается, — тоном, не терпящим возражений, ответил Шардаш, ставя точку в разговоре.

Однако Крегс не желал отступать и мягко напомнил, кто из них двоих директор. Шардаш приподнял верхнюю губу и сдвинул брови.

— Этот инцидент как-то повлияет на мою работу в Школе? — процедил он. Слово 'инцидент' Шардаш произнёс пренебрежительно, будто речь шла о чём-то малозначительном и гадливым.

Директор задумался, взмахнул волшебной палочкой, и на столе возникли две дымящиеся чашки чая. Одну Крегс придвинул к себе, другую предложил подчинённому:

— Давайте уладим всё миром?

Шардаш кивнул и, не произнося ни слова, зашевелил губами. Гадюка на его шее встрепенулась, сползла вниз по телу на пол и проскользнула под дверь. Директор встревожено проводил её взглядом и, не удержавшись, навёл палочку.

— Не нужно, — остановил его Шардаш. — Эне подождёт в приёмной.

Не успел он договорить, как послышался визгливый голос секретаря Селениума Крегса, госпожи Норы:

— Здесь тебе не курорт, животное, прочь с моего стола!

В отличие от большинства преподавателей, госпожа Нора не боялась змей и охотно

кормила Эне, если Тревеус Шардаш по какой-либо причине не мог это сделать.

Директор улыбнулся и послал по воздуху чашку Шардашу. Крегс с наслаждением сделал глоток, причмокнув губами, и заверил, что оставить профессора преподавать, даже если тот завёдет стаю горгулий.

— Тогда зачем всё это? — Шардаш не спешил прикасаться к любимому напитку.

— Да так... Адепты не поняли бы.

— Вы слишком лояльны к ним. Что там с инспектором, долго он ещё будет мешать спокойно работать?

Разговор плавно перешёл на недавние убийства. К счастью, больше они не повторялись, но злодеядо сих пор не поймали.

В магическом шаре отразились улицы Бонбриджа, места преступлений. Маги пристально осмотрели их, перечитали скупой лист, присланный Белой стражей, и уставились друг на друга — что кто думает по этому поводу?

— Спросите Мелису, — наконец изрёк Шардаш. — Странно, что к ней до сих пор не обратились.

Мелиса Кайса считалась лучшей провидицей континента и по счастливой случайности преподавала в Ведической высшей школе. Единственная трудность в общении с ней состояла в том, что почтенная магиня практически всегда пребывала в трансе.

— Уже.

— И?

Чашка таки перекочевала в руки Шардаша. Он откинулся на спинку стула и сделал глоток, затем слеветировал со стола ложечку и помешал чай. Эта привычка профессора — мешать чай, бренча ложечкой, — сначала раздражала Селениума Крегса, но затем он привык. У каждого человека свои странности.

— Убивающее проклятие. Она бормотала что-то о саде, каких-то цветах.

— Мы изначально полагали, что это маг, ничего нового. Но пора бы попросить солдат из Школы, тут им ловить нечего.

— Я лично проверил палочки старшекурсников: всё в порядке. Артефакты тоже слабенькие. Убивающее проклятие преподают на седьмом году обучения, так что теоретически... — директор хрустнул пальцами и откинулся на спинку кресла. Сделав многозначительную паузу, он продолжил: — Там, у лестницы, где ваша змея ужалила адептку, нашли листки с проклятием.

— Интерееесно! — протянул Шардаш и чуть подался вперёд. Глаза блеснули, налившись голубизной — признак повышенного внимания к предмету. — Что за проклятие?

— Простенькое — нанесение лёгкого вреда здоровью в виде изнуряющего кашля. Там же валялся кусочек мела.

Тревеус Шардаш покачал головой и рассмеялся, вызвав недоумение у директора. Профессор поспешил пояснить, что не тронулся рассудком, а просто догадывается, кто и кому готовил такой сюрприз:

— Полагаю, это обронила адептка Ики. Руны же надлежало вывести на моей двери: женская месть за штрафные баллы и кухонные работы. Адептка Ики изначально дала понять, что считает наказание несправедливым. Так что, увы, к убийце проклятие не имеет никакого отношения.

Селениум Крегс вздохнул, отставил чашку, открыл ящик стола и достал личное дело адептки Мериам Ики. Оно залежалось там со вчерашнего дня. Открыв его, директор

остановил взгляд на штрафных баллах, обмакнул перо в чернила и дорисовал недостающие для отчисления две палочки. После позвал секретаря и попросил пригласить адептку для беседы.

— Хотите присутствовать? — поинтересовался у Шардаша Крегс.

Тот пожал плечами, оставив решение на усмотрение директора. Крегс выбрал приватную беседу.

Мериам Ики старательно выводила в тетради компоненты зелья увеличения, когда дверь класса отворилась, и госпожа Нора пригласила адептку в директорский кабинет. Ученики зашушукались, Матиссе Стоккуэл пришлось пару раз повысить голос, чтобы они успокоились. Сама она была не в восторге, что урок прервали, а больную адептку куда-то ведут. По мнению Матиссы, Мериам следовало бы отлежаться денёк, но адептка решила иначе: не хотела попасть в списки отстающих.

Прихрамывая, Мериам с трудом поспевала за госпожой Норой. К счастью, та смиростивилась и сбавила шаг. По дороге Мериам попыталась выяснить, чем обязана такой чести как беседа с директором. Ответ не порадовал. Картины, одна страшнее другой, вставали перед глазами. Дед убьёт, отец лишит наследства. Мать, конечно, пожурит, но пожалеет, только в родительском доме Мериам всё равно житья не будет, хоть к бабке беги, той, что ведьма. Заодно и ремесло переймёт.

Мериам замешкалась у рокового порога, с надеждой глянула на госпожу Нору: может, та скажет, что не нашла?

— Иди, — подтолкнула её секретарь, — всё равно придётся.

Госпожа Нора открыла дверь и сообщила, что адептка Ики пришла.

Низко опустив голову, Мериам переступила зловещий порог и, воспользовавшись приглашением, присела на краешек стула.

— Что же вы так, адептка? — отеческим тоном пожурил Крегс. — Такая хорошая девушка — и профессора проклинали. Сами понимаете, что это дело... кхм... Плохое дело. Я вынужден буду вас отчислить. Мне безмерно жаль, но правила...

— Пожалуйста, не надо! — взмолилась Мериам, подняв на него полные слёз глаза. — Я извинюсь перед профессором Шардашем. И... И я ведь только хотела, а не сделала. Преступное намерение, а не преступление!

Директор мысленно улыбнулся, обрадовавшись находчивости адептки, но внешне оставался невозмутимым. Открыв личное дело Мериам, он уставился на двенадцать штрафных баллов — подписать или не подписать графу об отчислении? В конце концов, из прямых улик — только слова Шардаша и косвенное признание адептки Ики. Однако намерение нанести вред преподавателю тоже карается — пятью баллами. Более чем достаточно.

Мериам продолжала всхлипывать. Она предлагала вымыть всю Школу, почистить всю картошку на кухне, простоять целый день на горохе, лишь бы только остаться учиться. Директор медлил, и это дарило надежду на помилование. Селениум Крегс часто ограничивался выговором там, где другой бы поставил штрафные баллы.

В волнении адептка ослабила ворот платья и случайно нащупала край носового платка. Воспоминание резануло разум. Травинка, оброненная Шардашем! Какая же Мериам дура — носит на груди спасение и не помнит о нём!

— Господин директор, я...я должна вам кое-что сказать. И показать, — заикаясь пробормотала адептка, извлекла платок и положила на стол: — Вот.

Селениум Крегс в недоумении уставился на Мериам, затем на травинку, поднёс её к глазам, чтобы рассмотреть, и нахмурился:

— Откуда это у вас?

— Это не моё. Я нашла её в классе прошлой ночью, когда... когда шла... Словом, совершила проступок. Там были двое, один — профессор Шардаш. Он, кажется, принёс кому-то эту траву. Я ведь не ошиблась, это тавиока?

— Адептка Ики, вы осознаёте, что говорите?! — побагровел директор. В волнении он даже привстал с кресла. — Вы обвиняете преподавателя в нарушении закона!

Испуганная Мериам поспешила взять свои слова обратно, промямлив, что всего лишь слышала голос профессора в том классе, а как туда попала тавиока, не знает. Селениум Крегс что-то говорил, а она не слышала, временно оглохнув от страха и волнения. Померещилась сырая камера и скалящийся палач. Может, лучше отчисление?

— Идите! — наконец приказал директор. — И не распространяйте нигде эти выдумки!

Ему пришлось повторить несколько раз для того, чтобы Мериам услышала. Зато, услышав, она быстрее потока магических частиц вылетела из кабинета, заперлась в комнате и согласилась выйти только тогда, когда госпожа Нора трижды заверила через дверь, что документы на отчисление Крегс не подписал, а добавленные штрафные баллы уничтожил.

Тревеус Шардаш задумчиво смотрел на корешки книг. Прежняя его устраивала — нерадивые студенты тоже могут сослужить добрую службу. Однако в связи с недавними событиями приходилось всё менять.

Выбор профессора пал на тоненькую методическую брошюру. Взяв карандаш, он открыл книжонку на первой странице и углубился в исследование. Удовлетворившись результатом, Шардаш засунул брошюру в карман и подумал о том, что неплохо бы провести ревизию рабочего стола: слишком много хлама скопилось. Часть его профессор намеревался уничтожить, часть использовать для собственных нужд, часть раздать. Заодно и проверит, все ли штрафные баллы начислены верно.

— Вот вы где, Тревеус! А я вас повсюду ищу.

Селениум Крегс затворил дверь преподавательской библиотеки и скользнул взглядом по столам. В уголке приютилась молоденькая учительница риторики: хорошо поставленный голос не последнее дело для мага. Её присутствие внесло коррективы в разговор: директор планировал застать Шардаша одного. Но отступить Крегс не собирался.

— К вашим услугам, — откликнулся профессор. — Вероятно, речь о списке на отчисление. Знаю, фамилий много, но успеваемость не ахти. Увы, это главная проблема Школы.

— У вас, полагаю, такого не было, — закинул удочку в прошлое директор.

— Не было, — подтвердил Шардаш. — Дисциплина — бог учения. Слабые духом магами не становятся.

Крегс подумал, что такой принцип обучения приличествует ордену, а не обычному гражданскому заведению, но промолчал. В конце концов, к делу это не относится.

— У меня к вам деликатный разговор, — покусывая губы, начал директор, косясь на учительницу риторики. Может, попросить её выйти? — Он касается адептки Ики.

— Пролила море слёз и умоляла простить? Но правила едины для всех. Мне тоже жаль адептку, однако... Согласитесь, я мог бы придать огласке дело с проклятием, но не стал. Вполне достаточно, по-моему.

— Вопрос об отчислении адептки решён отрицательно, — огорошил Крегс и наконец-то принял решение. — Элоиз, оставьте нас, пожалуйста, одних.

Учительница, до этого усердно делавшая вид, что не подслушивает, разочаровано сложила губы в форме буквы 'о', собрала тетради и медленно удалилась. Директор предполагал, что ушла она недалеко, прижалась ухом к двери, и вернулся, чтобы поставить 'антиглаз' и 'антислух'. Шардаш равнодушно наблюдал за его действиями, предполагая, что Крегс попросит снять штрафные баллы с провинившейся ученицы, но директор удивил. Начал с того, что с минуту сверлил профессора глазами и в упор спросил:

— Почему вы оставили высокую должность?

— Мне кажется, или этот вопрос мы давно прояснили, — занял глухую оборону Шардаш. — Желаете, наведите повторные справки.

'Темнит!' — мысленно вздохнул Крегс, но тут же напомнил себе, что пришёл не ради прошлого, а настоящего. Многие волшебники из-за неудач в личной жизни отправлялись странствовать — наверное, Тревеус Шардаш поступил так же.

— Адептка Ики, — напомнил Шардаш. Он нервничал, но старался не подавать виду. С

чего вдруг директор разворошил прошлое? Или мерзавец не сдержал слова и всё рассказал. Тогда Шардаш сегодня же убьёт его.

— Да-да, адептка Ики, — эхом повторил Крегс и провёл рукой по лбу, утирая несуществующую испарину. Никогда ещё разговор не казался ему таким сложным, но плодить сомнения дальше — построить стену недоверия. — Она рассказала преинтересную вещь. О вас, профессор.

— И что же приходит в столь юные головы? — вскинул бровь Шардаш.

— Не любовные томления, — предупредил колкое замечание собеседника директор, хрустнул пальцами и закончил: — Она обвинила вас в преступлении.

Голова профессора дёрнулась. Пристально наблюдавший за ним Крегс заметил и нахмурился. Неужели в своё время просмотрел неблагонадёжного человека? И Школе это не на пользу — такой скандал!

— Каком же?

Шардаш старался оставаться невозмутимым, сдерживая порывы проверить, не торчит из кармана методичка. Безусловно, ничего противозаконного в ней нет, но в таком состоянии всё кажется пропитанным опасностью. Давненько Шардаш не чувствовал себя в роли зверя, уже успел забыть, каково оно. Надлежало проявить осторожность и аккуратно вывести, что именно известно директору.

— Контрабанде запрещённых растений.

Шардаш рассмеялся:

— И вы поверили? Право, директор, вы меня удивляете! И что же и кому же я якобы продаю? Оружие?

— Тавиоку, — Крегс извлёк травинку и продемонстрировал Шардашу.

Тот прищурился и присвистнул:

— Даже не сушёная! Одного такого стебелька хватит, чтобы отправить нас к праотцам. Ну да, логично: учитель ядологии тайно продаёт ингредиенты. Оправдываться не собираюсь, просто вот вам ключ от моей комнаты — обыскивайте.

Профессор взмахнул рукой, и на его ладони возникла медная пластина с рунами — преподавательский состав предпочитал нечто более надёжное, нежели обычная железка. Шардаш протянул её директору и ушёл, без труда завевя заклинания на двери.

— Ты идиотка?! — шипела Инесса. Она одновременно жевала и беседовала с Мериам.

— А что я могла? — оправдывалась адептка, уныло ковыряясь вилкой в тарелке. — Меня бы исключили, я защищалась.

Кусок тушёного картофеля шмякнулся на стол, заставив и без того взвинченную Мериам занервничать ещё больше. Она торопливо вытерла скатерть и стрельнула глазами по сторонам: видел ли кто?

С утра Мериам проверила: приказ об отчислении не подписан, только спокойнее от этого почему-то не стало. Подруга только подливала масла в огонь, твердя, что исключение из Школы не худшее из зол.

— Он тебя убьёт! — в ужасе прошептала Инесса. — Раздавит и вышвырнет.

— Угу, — безропотно согласилась Мериам. Вышвырнет, но на день позже, так она хоть плату у Гримма забрать сумеет.

— Соврала бы что, на жалость давила, — посоветовала Инесса. — Шардаш и так тебя не жалуется, а теперь...

— Что 'теперь'? — не выдержала Мериам и со звоном отложила вилку. — Подруга,

называется, утешила!

Порывисто встав, adeptка вылетела из столовой с твёрдым намереньем наесться булочек до животных колик. У ворот она столкнулась с Тревеусом Шардашем. Более того, едва не налетела на него. Профессор стоял к ней спиной, поэтому оставалась надежда, что Мериам не заметили. Стараясь не дышать, adeptка на цыпочках поскакала обратно к школьным корпусам, но окрик: 'Куда?' убедил в том, что возмездие неизбежно. Тяжело вздохнув, Мериам замерла и развернулась лицом к профессору. Как и следовало ожидать, Шардаш не лучился добродушием. Судя по горящим глазам, профессор намеревался испепелить ученицу на месте.

— Как раз вас ищу, adeptка Ики. Не соблаговолите ли пройти со мной?

Мериам кивнула. К ногам будто привязали тяжёлые гири. Жутко захотелось, чтобы разговор прошёл при свидетелях.

— Я не могу, мэтр, я занята, — adeptка на ходу придумывала отговорку, с надеждой косясь то на привратника, то на стены Школы. Здесь столько духов, неужели хоть один не придёт на помощь? А ведь она щедро их подкармливала.

— Чем же? — сдвинул брови Шардаш. За считанные мгновения он преодолел разделявшее их расстояние и теперь статуей правосудия нависал над испуганной Мериам.

— Кружок теней, — выдохнула adeptка, втянув голову в плечи. — Мне много чего закупить нужно, а заседание сегодня вечером.

— Врёте, — безапелляционно заявил профессор.

— Не вру! — обиженно выкрикнула Мериам. Да, пусть это выдумка, но кружок-то такой существует. И почему она сразу лжёт, почему она не может говорить правду?

— Хватит, adeptка Ики, — устало протянул Шардаш.

Яркая вспышка — и оба они оказались в преподавательском крыле. Мериам заморгала, пытаясь понять, какое заклинание применил профессор. Обычно перемещение производилось с помощью волшебной палочки, но Шардаш её не использовал! Он ничего не говорил, не проводил никаких манипуляций руками, а просто пожелал нарушить пространственную ткань — и нарушил. Впечатлённая adeptка поневоле задалась вопросом, а не ошибся ли Тревеус Шардаш местом работы? Такому, как он, надлежит руководить, а не возиться со школьниками. В министерстве бы его с распростёртыми объятиями приняли. Хотя, как будущий маг широкого профиля, которому надлежало заступить на государственную службу, Мериам себе такой 'радости' не желала. Если уж она каким-то образом вытерпит оставшиеся четыре с небольшим года в Школе, то за её стенами встречаться с Тревеусом Шардашем точно не желает.

Шардаш молчал, словно ожидая чего-то от Мериам. Воспользовавшись его пассивностью, adeptка попыталась ускользнуть, но рука профессора легла на плечо:

— Далеко собрались?

Мериам инстинктивно скинула чужую ладонь и ахнула, заметив свой перстень с розами.

— Где вы его нашли? — позабыв о страхе, выпалила adeptка. — В порту, да?

— Что нашёл? — не понял Шардаш.

— Моё кольцо. Помните, я как раз его искали, а вы...

— Ошибаетесь, adeptка, это мой перстень, и он всегда был при мне.

Мериам проверила ещё раз. Та же эмаль, те же розы, только размер изменился и появился блестящий ободок. Может, и впрямь обозналась, а это — кольцо-близнец? Жаль, не вспомнить, носил ли его раньше профессор.

Шардаш перевернул перстень эмалью вниз и махнул рукой в сторону ниши. Адептка покорно поплелась вслед за ним.

— Апчхи! — чихнул кто-то над её ухом, и тут же холодком обдало щёку.

— Разлетались! — недовольно протянул профессор, проводив взглядом призрак Дамы в голубом.

— Имею право! — буркнул дух, вернулся и специально прошёл сквозь Шардаша. Тот и бровью не повёл, хотя, Мериам знала на собственном опыте, это неприятно.

Адептка зажмурилась, когда призрак развернулся и 'пошёл на второй круг', краем коснувшись её кожи. Будто лягушечьей кожей провели.

— Сгинь, а то отдам Ловцам.

Обе: Мериам и дух, — отпрянули к стенам, когда в коридоре возникли фигуры в серебристых плащах, со специальными арбалетами в руках. Те самые Ловцы, которых побаивались даже маги. Конечно, Тревеус Шардаш их бы даже не заметил, но адептов Ловцами пугали в детстве. К примеру, если будет плохо есть, придут они и заберут в мир духов. На самом деле, Ловцы занимались отловом отбившихся от рук нематериальных субстанций и мелкой нечисти — той, с которой обычно мирно соседствуют люди. Крупную отстреливали все, кому ни лень. Ловцы тоже принимали участие в облавах, но на второстепенных ролях.

Фигуры в серебряных одеяниях медленно, торжественно двигались по коридору. Один вскинул арбалет. Дама в голубом тоненько пискнула и попросила прощения у профессора. Тот кивнул, взмахнул палочкой — и Ловцы исчезли.

Мериам открыла и закрыла рот. Иллюзия, но какая мастерская! Адептка готова была поручиться, что слышала тяжёлую поступь Ловцов.

— Будете хорошо учиться, тоже сможете, — пообещал Шардаш, проникнувшись детским восторгом адептки.

Мериам мысленно уцепилась за первую часть фразы: 'Будете хорошо учиться'. Значит, из Школы её не выгонят. Сомнительно, учитывая предстоящий разговор с профессором. Или Шардаш не собирался отыгаться за беседу с директором? Мериам осторожно перевела взгляд на профессора: нет, не выгонит, просто убьёт.

— Адептка? — Шардаш распахнул перед ученицей дверь в свою комнату. — Прошу!

Мериам в сомнении покосилась на него и покачала головой. Желания оставаться наедине с профессором на его территории не было никакого. Лучше бы при всех отчитал: безопаснее. Если что, защитили бы, а то взмахнёт палочкой — и нет Мериам.

— Можно, я здесь постою, а вы меня распекать будете? — обречённо вздохнула адептка. — Или сразу скажите, каково наказание.

— Откуда вы знаете, что я стану вас распекать? — прищурился Шардаш и убрал открывшую дверь пластину в карман.

Мериам низко опустила голову. Можно подумать, с ней можно сделать что-то ещё?

— Проходите, — настаивал Шардаш.

Адептка не сдвинулась с места, зябко передёрнув плечами.

— Стесняетесь?

Мериам вспыхнула. Об этом она как-то не думала, в этом отношении профессор для учениц неопасен. Или запугивал девушек, чтобы те молчали? Намекал ведь, что в Школе Мериам останется, а как можно остаться, когда заложила Шардаша? Правильно, никак.

— Убивать будет, — сокрушенно констатировала адептка.

— Долго мне ждать? — потерял терпение профессор. — Силком вас волоочь?

Мериам зажмурилась и зашагала в нужном направлении. Открыла глаза только тогда, когда миновала Шардаша и споткнулась о порог.

Комната оказалась большой и явно не единственной в 'покоях' профессора, потому что в ней были только два кресла, камин, стол да книжные полки. Но ни одного проёма в стене Мериам не заметила, из чего сделала вывод, что на помещение наложена иллюзия.

Дверь за спиной адептки захлопнулась, издав низкий завывающий звук. Мериам вздрогнула, отпрянула и плюхнулась в оказавшееся в нужное время в нужном месте кресло. Адептка с ужасом смотрела на нависшего над ней Шардаша. Тот молчал, наслаждаясь душевным смятением ученицы, а затем вкрадчиво поинтересовался:

— Давно вы за преподавательским составом шпионите?

Мериам резко захотелось в туалет. Настолько, что она даже рискнула отпроситься у профессора. Тот не отпустил, заявив, что пройдёт. Адептка покосилась на обивку кресла, гадая, отстирается ли пятно. О собственном конфузе старалась не думать. Заёрзав, Мериам плотно сжала ноги, надеясь перетерпеть.

— И это будущий маг? — скептически поднял брови Шардаш. — Пора вырасти из возраста детской неожиданности.

Мериам сцедила воздух сквозь зубы и скрючилась ещё больше.

— Там, — профессор указал на стену, где чудесным образом возникла дверь.

Красная как свёкла адептка осторожно поднялась с кресла и странной походкой направилась в туалет. Облегчение физическое не принесло облегчения духовного: покидать благословенный уголок не хотелось, да и Мериам казалось, что уже через минуту придётся возвращаться.

— Часто подобные позывы ощущаете? — поинтересовался из-за двери Шардаш. — Не оттягивайте визит к лекарю.

Адептка решила, что теперь и вовсе проведёт в туалете всю оставшуюся жизнь.

— Адептка Ики, вам помочь?

Подскочив, Мериам пискнула: 'Нет!', оправилась и вышла. Глаза опущены в пол, на щеках — горячий румянец. Она дёрнулась, когда рука профессора ухватила её за подбородок, словно кошке, открыла рот и засунула туда травяную пастилку.

— Не отравя, а лекарство, — прокомментировал Шардаш. — Рассасывать и не глотать. Так что там с ответом на вопрос? С каких это пор вы следите за преподавателями?

— Я не слежу, я случайно, — прошепелявила Мериам: мешала пастилка. Она оказалась горькой, но попросить воды адептка не решалась.

Мериам попыталась определить, какие травы входят в лекарство, и поняла, что ей дали успокоительное. Пустырник, Melissa и корень валерьяны. Забота профессора приятно удивила.

— Случайно подслушивали, случайно хотели одарить меня проклятием. Адептка Ики, — Шардаш повысил голос так, что Мериам подпрыгнула и поспешила вжаться в стену, — я похож на идиота?!

Адептка замотала головой и уткнулась носом в деревянную панель. Приближение профессора она ощутила кожей. И действительно — на плечо вновь легла тяжёлая рука, разворачивая к себе.

— Адептка Ики, что вы сказали директору?

Его глаза гипнотизировали, не давая пошевелиться.

— Что вы занимаетесь контрабандой тавиоки, — обречённо прошептала Мериам.

— И почему вы так решили? — Шардаш перешёл на свистящий шёпот.

— Я жить хочу! — вскрикнула адептка, вырвалась и метнулась к двери. Добежав, забарабанила в неё, надеясь, что кто-то услышит и вызволит.

— Глупо: на двери чары. Открыть её самостоятельно вы тоже не сможете.

Мериам вдруг овладела необычайная смелость. Она развернулась, вскинула руки и наслала на не ожидавшего такого поворота событий Шардаша одно из простейших заклятий, которые обычно использовала против хулиганов. Острая вспышка боли ненадолго обездвиживала, и Мериам успевала убежать. В данном случае собиралась выбраться через окно. Карниз широкий, если постарается, доберётся до соседнего окна. Если струсит, позовёт на помощь. Профессор не посмеет на глазах у всех причинить ей вред.

Как и планировалось, Шардаш скривился, прохрипев: 'Глаза бездны!'. Мериам поспешила к окну, но не успела — пол будто ушёл из-под ног. Неведомая сила толкнула адептку на колени. Она по инерции проехала на животе по ковру до стены. Хорошо, что лицо успела сберечь.

— Больше никогда так не делайте, — посоветовал Шардаш.

— Значит, разбить в кровь лицо адептке для вас нормально? — всхлипнула Мериам. Она сильно ушиблась.

— Где кровь? — профессор опустился рядом с ней на корточки и бегло осмотрел. — Да нет, рассчитал правильно. В третий раз спрашиваю: что вас подвигло лгать?

— Я не лгала, вы преступник! — дуя на руки, адептка кое-как приняла пристойную позу. Встать не смогла: сильнее всего пострадали колени. — Вы в порту с кем-то встречались, потом в Школе. Тот человек вас шантажировал, а вы тавиокой расплатились. Не в первый раз, судя по разговору. Директор должен был знать!

— Страже тоже разболтали? — Шардаш достал волшебную палочку и задумчиво глянул на неё. Затем навёл на притихшую Мериам. — Знаете, что ей можно сделать?

Адептка кивнула и робко напомнила, что убийство строго карается по закону.

— Да не убить я тебя хочу! — раздражённо ответил профессор. — Мне нужна правда: что слышала, видела.

Мериам промолчала. Всё, что могла, и так рассказала. Да и к чему, если Шардашу больше неё известно.

Убедившись, что адептка не намерена говорить, профессор убрал палочку и сел в кресло. Мериам осторожно глянула на него: погружён в глубокую задумчивость. Воспользовавшись этим, адептка заковыляла к двери. Представила, сколько ступенек придётся миновать до лечебного крыла, и окончательно сникла.

— Идите сюда. Не трону, — усмехнулся Шардаш. Он вытянул ноги и взял со стола ящичек с инкрустацией. В нём оказались трубка и листовой табак. — Надо как-то решать нашу проблему, адептка Ики.

Мериам взвесила все 'за' и 'против' и примостилась на краешке второго кресла, потирая ушибленные ноги.

Шардаш закурил. Облачка табачного дыма колечками поднимались к потолку, превращаясь в различных животных. Пальцы сжались, став похожими на лапки паука. Мериам непроизвольно отыскала на них кольцо с розами. Теперь оно было точь-в-точь как то, что она нашла.

— Адептка Ики, вы ничего не видели. Это мой искренний совет, — наконец изрёк

Шардаш. — То, в чём вы меня обвиняете, — смехотворно. Будущему магу престало уметь разгадывать голосовые иллюзии. Вы заглядывали в класс, видели говоривших?

Адептка мотнула головой и с сожалением подметила, что правое запястье тоже раздулось. Не перелом — и то хорошо.

— Так вот, меня там не было. Доказывать вам, — он выделил голосом последнее слово, — ничего не стану, но господину Крегсу вы обязаны верить. Если я чист перед директором, чист и для вас. Кто или что имитировало мой голос, выяснят компетентные люди.

— Это были вы, — покачав головой, прошептала Мериам. — Увы, господин профессор. Вы сами это только что подтвердили. Только зачем вам это нужно?

— Молчание — золото, адептка Ики. Радуйтесь, что остались в Школе. И готовьтесь к тому, что на экзамене буду допрашивать с особым пристрастием как ленивую ученицу и клеветницу. А теперь уходите.

Дверь в коридор распахнулась. Мериам, не веря своему счастью, поспешила покинуть апартаменты профессора. Ещё пять минут назад она прощалась с жизнью, а теперь брела в лечебное крыло. Ушибы Мериам объяснила падением на лестнице.

Адептка собиралась последовать совету Тревеуса Шардаша и забыть о тавиоке. Вдруг и вправду его там не было, а кто-то подделал его голос? У профессора наверняка есть враги, в той же Ведической высшей школе далеко не все его любили. Мериам знала парочку учителей, которые с радостью избавились бы от Шардаша и заняли его место. Сотворить голосовую иллюзию для них — раз плюнуть. А травинку тавиоки будто специально подложили, чтобы её нашли. Да и директор от преподавания Шардаша не отстранил, не передал в руки властей. Это посильнее любых доказательств. Однако поведение профессора, его слова казались Мериам странными. Адептка зуб давала, что он нервничал, и причиной всему она. Именно так: не сколько злился, а волновался и оттого злился.

Вся Школа обсуждала новость: выяснилась причина таинственных смертей в городе. Шептались, что будто бы даже вышли на след убийцы, воспользовавшегося смертельным проклятием под красивым названием 'забвение роз'.

Прошлой ночью словоохотливый профессор Нонел разоткровенничался в трактире, где работала подавальщицей одна из учениц. Что известно одной, то через час уже знают все. Вот и девушка не удержалась, поделилась с подругой занимательной новостью.

Мериам же пыталась переварить другое событие: извинения Тревеуса Шардаша. Вернувшись из лекарского крыла, она обнаружила под дверью записку: 'Простите, я позволил себе недостойную преподавателя грубость. Мне не следовало применять подобные меры, тем более неоправданно. Искренне сожалею о содеянном. Зайдите вечером'.

— И ты пойдёшь? — Инесса в который раз перечитала записку и вопросительно уставилась на подругу.

Мериам ещё сама не решила. С одной стороны, Шардаш высказал конкретную просьбу, извинился, с другой — помнился разговор в его комнате, ушибы и синяки, которые адептка заработала по милости профессора. Колени до сих пор ныли, а отёк не спал. Запястье тоже туго перебинтовано, Мериам приходилось писать левой рукой. Разумеется, освобождения от занятий ей никто не дал: нет уважительной причины, поэтому и выросли в тетради косые палочки и закорючки.

— Мериам, не пугай меня! — Инесса заглянула подруге глаза, пытаясь сделать внушение. — Ты никуда не пойдёшь, я не отпущу!

Адептка вздохнула. Ей самой не хотелось. Что хорошего её там ждёт? Скупые извинения? Стал бы Тревеус Шардаш ради такой мелочи звать! Значит, заманивает в ловушку.

— Я к директору пойду, защиту просить.

Инесса одобрительно кивнула, собиралась что-то сказать, но шептание подруг прервала Элоиз Майсо. Откашлявшись, она попросила соблюдать тишину и говорить только по делу.

— Так, девочки и мальчики, — учительница расхаживала по проходу между рядами, вертя в пальцах указку, — кто хочет быть добровольцем?

Ответом ей была резонная тишина. Ученики Ведической высшей школы не горели желанием выставить на посмеище своё ораторское искусство, даже Патриция, и та не тянула руку.

Госпожа Элоиз вздохнула. Она работала в Школе первый год, молодая, неопытная, и болезненно переживала по поводу того, что на уроках не бывает идеальной дисциплины, а ученики не желают учиться. Селениум Крегс периодически выслушивал на традиционном преподавательском чаепитии стенания юной учительницы, утешал, как мог, давал советы.

— Мирсон, перестаньте играть в магический бой! — госпожа Элоиз ткнула указкой в одного из учеников. Тот не торопился убирать тетрадь с объёмными иллюзорными фигурками. Рыцари, короли и дамы застыли там, куда их поставил игрок. — Идите к доске.

— Не пойду, — развязно заявил парень, нагло глядя в глаза учительнице.

— Штрафные баллы? — пискнула волшебные слова госпожа Элоиз. Сейчас она научилась не плакать, а в первые дни позорно выбегала из класса.

Ученик пожал плечами:

— Родители восстановят.

Семья у Мирсона, правда, была богатой и влиятельной. Все диву давались, что он делает в Школе, а не на государственной службе.

— Два штрафных балла, — тоненько пропела учительница. — И вон из класса.

Обоих подобный исход устроил.

Когда за Мирсоном закрылась дверь, госпожа Элоиз с облегчением вздохнула и обернулась к классу. Ученики занимались своими делами: кто рисовал, кто шушукался с соседями, кто спал. Риторика не интересовала даже зазнаек. Они предпочитали изучать предмет по учебникам, считая госпожу Элоиз недостаточно компетентной.

— Итак, кто-нибудь хочет? — учительница безрезультатно повторила вопрос.

— Госпожа Элоиз, расскажите нам о проклятии, — раздался одинокий голос из первого ряда. Стоило ли говорить, что спрашивала Патриция? Они с госпожой Элоиз находились в особых отношениях: почти подруги, насколько это только возможно при разнице в положении. Однако добровольцем Патриция не вызвалась.

— Каком проклятии? — обернулась к ней учительница, смирившись с тем, что план урока придётся менять.

— Забвении роз. Тот самом, от которого люди погибли.

Госпожа Элоиз расплылась в улыбке: приятно знать то, что неизвестно другим, но для порядка отказалась, сославшись на то, что рано ещё им такие проклятия изучать. Учительницу принялись упрашивать, и вскоре нестройный хор голосов в классе просил об одном и том же.

— Мы же научить не просим, только рассказать.

— Это не по предмету.

— А вы нам задание задайте, мы после занятий напишем, а сейчас расскажите, — предложила Патриция.

На неё косо посмотрели: только очередной заготовки речи им не хватало! Однако госпожа Элоиз проявила человеколюбие: согласилась совершенно бесплатно поделиться последними сплетнями.

С замиранием сердца ученики внимали учительнице. Перенеся стул вплотную к партам, госпожа Элоиз, с опаской посматривая на дверь, — не поймут ли на нарушении инструкций? — делилась подслушанным и прочитанным.

'Забвение роз' пришло к людям из мира демонов. Убивало чисто, с небольшой временной отсрочкой. Снять проклятие человеческие маги не могли, демоны тоже, поэтому пользовались им чрезвычайно осторожно. А потом и вовсе заключили в два кольца, в честь которых оно и получило название. Руны на перстнях стёрли, чтобы никто, умышленно или нет, не сумел воспользоваться проклятием.

Кольца выковали лучшие оружейники того мира — далёкого мира, когда тварей Тьмы бродило по дорогам не меньше, чем паладинов Света. На каждом кольце красовалось по три эмалевой розы. С виду — простые украшения, но носить их решился только Наитемнейший.

Одно из колец было безвозвратно потеряно во время страшного землетрясения, уничтожившего дворец демонов. Второе до сих пор передавалось по наследству в одном из тёмных родов. Считалось, что оно так и пребывает в Лунном мире, но недавние события показали иное.

— Вас будто обволакивает нежным облаком, — с придыханием вещала госпожа Элоиз. — Таким мягким, воздушным, словно ветерок, словно поцелуй. По воздуху

разливается запах роз — едва уловимый, тонкий. Его ощущает только жертва. Дальше — лёгкое помутнение рассудка, как при влюблённости. И всё, вы прокляты, спасения нет. Пройдёт час-другой, и ваш холодный труп обнаружат на улицах. 'Забвение роз' убивает с блаженной улыбкой на устах. Это так похоже на любовь!

— Откуда вы знаете? — скептически нахмурился Ловес.

— Так говорят манускрипты. Трупы, адепт, я не видела и видеть не желаю. Догадываюсь, что демоны пошутили, назвав улыбкой злобный оскал, — вздохнула учительница. — А запах роз — всего лишь иллюзия, вызванная запущенными разрушительными процессами мозга.

— Почему убивали только мужчин? Преступник женщина? — продолжал любопытствовать настойчивый Ловес.

— Возможно. Демоницы, они злопамятные. Ничего, — радостно заключила госпожа Элоиз, — преступник задержан и уже не опасен. Вы снова можете безопасно гулять по Бонбриджу. Как это прекрасно, особенно в преддверии праздника Небесных фонариков.

Ученики активно обсуждали услышанное, окончательно позабыв о риторике. Учительница попыталась призвать класс к тишине, но безуспешно. В итоге госпожа Элоиз написала на доске домашнее задание и села дочитывать книгу, периодически понижая шум голосов, чтобы из коридора не было слышно.

Мериам погрузилась в раздумья. Рука раз за разом рисовала найденное на чердаке кольцо. По описанию оно точь-в-точь подходило под хранившее проклятие. Насколько поняла адептка, сплетение рун материализовалось по велению хозяина, силой одной только мысли. Мериам нахмурилась. Она ведь пожелала проучить тех полукровок, кольцо было на пальце, а они умерли или серьёзно пострадали. То есть адептка, сама того не желая, выпустила проклятие на волю? Потом перстень украли, и смерти прекратились. Однако Мериам никому больше не желала зла, да и не бывала там, где погибали люди.

Зато Тревеус Шардаш носил на пальце кольцо — то самое кольцо. Адептка готова была поручиться, что не видела того перстня до этого, запомнила бы. То есть сами собой напрашивались два варианта: профессор зачем-то спрятал кольцо на чердаке, потом увидел его у Мериам и либо велел выкрасть, либо его ему продали в порту. Кто? Да хотя бы тот тип, шантажировавший Шардаша какой-то тайной. Намекал на связь со смертями. То есть на то, что тех людей убил профессор. Идти к нему окончательно расхотелось.

— Ты что вдруг побледнела? — тряхнула подругу за плечо Инесса. — Урок закончен, пошли.

— Да-да, — пробормотала Мериам и, не глядя, смела тетрадь и писчие принадлежности в сумку. — Ты иди, а мне надо кое-что выяснить.

Шардаш прятал от неё розы на персте. Почему? Да потому, что боялся, потому, что кольцо слишком приметное. Он знал, что это за перстень, знал, что его нашла Мериам.

Дождавшись, пока все ученики выйдут, адептка подошла к госпоже Элоиз и задала мучивший её вопрос:

— Второе кольцо точно пропало?

Учительница удивлённо взглянула на адептку: с чего вдруг такое любопытство со стороны третьекурсницы? Мериам соврала, что интересуется разного рода артефактами.

— Скорее проклятиями, — улыбнулась госпожа Элоиз. — Рано. А второе кольцо... Сведений о нём нет вот уже пять веков.

— А другое, оно у кого?

— Понятия не имею, адептка Ики.

Понимая, что дальнейшие расспросы вызовут подозрения, Мериам попрощалась и ушла. Все оставшиеся уроки она ловила ворон, думая о 'проклятии роз' и кольце. В итоге адептка не выдержала и после занятий поспешила к специалисту по волшебным предметам — самому господину директору. Селениум Крегс не чурался преподавательской деятельности и почитывал для учеников артефакторику. Для магов широкого профиля она давалась обзорно на пятом курсе, когда те уже освоят базовые навыки владения волшебной палочкой.

Директор любовно расставлял книги по полкам, когда в его кабинет поскреблась Мериам.

— Надо же, редко ко мне приходят по доброй воле! — улыбнулся Крегс. — Проходите, проходите, адептка Ики. Чайку не хотите?

Мериам, стесняясь, отказалась, но директор всё равно попросил секретаря сделать две чашечки с миндальным печеньем.

— Сам люблю сладкое, — подмигнул он. — Ещё бы с орешками...

Мериам вымученно улыбнулась и присела. Так не боялась она даже на вступительных экзаменах. Пришлось сделать пару глубоких вздохов, чтобы успокоиться и напомнить себе, что Селениум Крегс — милейший человек. Вот Соррус — да, был злобным стариканом. Хорошо, что его уволили через месяц после того, как адептка Ики примерила школьную форму.

Дождавшись, пока госпожа Нора ушла, а директор сделал первый глоток, Мериам начала расспросы.

— Господин директор, а правда, что магические перстни сами выбирают хозяев?

— Если не сделаны для конкретного человека, то да. Необходимо обладать определёнными способностями, либо нужной кровью.

— То есть кольцо не покажется абсолютно любому человеку?

— Когда как. Если спит, то может.

— Оно пришлось прямо по руке, — прошептала Мериам.

— Да? — заинтересовался директор. — Занятно! Признало хозяйкой. Покажите!

— Я его потеряла, — обречённо вздохнула адептка.

— Значит, кольцо нашло кого-то сильнее. Возможно, оно спутало вас с настоящим хозяином. Просто так магические перстни не пропадают. Их либо крадут, либо они уходят. Между вами наладился контакт?

— Кажется, — Мериам не была уверена. — Вроде, оно даже мне помогло...

— Девушка, присмотритесь к своим предкам, — подмигнул директор. — И впредь показывайте мне подобные находки. Редко в наше время кто случайно находит магические кольца, их принято передавать по наследству.

Адептка отхлебнула немного чая и перешла ко второй части разговора. Очень осторожно, стараясь не говорить дурного, поведала о предвзятости Тревеуса Шардаша после недавнего случая и попросила защитить.

— О, не волнуйтесь, Мериам, Тревеус не преступник, а честный, добропорядочный человек. Вам показалось, приняли строгость за угрозу. Не сердится он на вас, даю зуб дракона!

Адептка так не считала, но спорить не стала. Собственному внутреннему голосу она верила больше, нежели даже директору.

Готовя домашнее задание, Мериам припоминала всех родственников. Никто из них

особых высот в магии не достиг, с демонами недружил. Из темных — только оборотни, и то светлые. Да, вот такой парадокс — светлые темные, то есть те, кто уже не охотится по ночам, не обрастает шерстью в полнолуние, не бродит по кладбищам, поднимая нежить тоскливыми руладами. Тех опасных, диких, оборотней истребили, а в жилах оставшихся текла условная кровь нечисти. Мать Мериам, к примеру, не умела перекидываться, от зверя остались только органы чувств. Одно слово — полукровка. У бабки зато сохранились когти и хвост. Последним, кто умел менять облик, был прадед. Жил он на отшибе, умением своим почти не пользовался.

Светлые оборотни контролировали процесс оборота, всегда оставаясь людьми. Тёмные же теряли разум под напором звериной сущности. Правда, чтобы жениться на любом оборотне, нужна невиданная смелость, потому как они существа нервные, легковозбудимые. Дед рискнул. С его-то характером — и не рискнуть! Такой бы и дикого оборотня приручил.

Отец — человек, все в его роду — люди. У деда, того, что маг, — тоже. Даже полукровок нет. Полукровки — вообще разговор особый. Их зачастую боялись больше, чем чистых оборотней. Всё дело в смешении крови. Если оно гармонично, полукровка вырастет почти человеком, только чуточку сильнее, быстрее, агрессивнее, а если нет — жди беды. Как играла кровь в молодых полукровках мужского пола, знали все девушки, знали и боялись. Их ведь на людей тянет, а замашки звериные. Чего ещё ожидать от слияния разных видов — только взрывоопасной смеси.

Часто полуровки несовместимых рас оказывались бесплодны, что несказанно радовало власти. Не будь этого, пришлось бы искусственно регулировать их количество.

Но всё это никак не объясняло, почему кольцо с проклятием демонов выбрало Мериам. Или почувствовало четвертинку крови оборотня? Удовлетворившись этим объяснением, Мериам попыталась сосредоточиться на рунах, но в дверь постучали. Настойчиво постучали. Адептка открыла и замерла на пороге: своим вниманием её почтил Тревеус Шардаш.

— Можно войти? — его глаза обежали комнату и удостоверились, что Инессы нет. Кажется, профессор обрадовался.

— Нет, — чуть слышно пробормотала Мериам, но Шардаш уже затворил за собой дверь и устроился на подоконнике спиной к свету.

— Я просил вас придти, — с укором напомнил он. — Я не разбрасываюсь такими приглашениями, равно как и извинениями перед адептами.

Мериам на всякий случай не отходила от двери: вдруг снова применит какое-то заклинание?

— Вы так упорствуете, адептка Ики. Стоит ли?

Мериам молчала, потом не выдержала и заявила, что уходит.

— Я действительно не планировал причинить вам вред, — вкрадчиво заметил Шардаш, легко сведя её усилия открыть дверь на нет. — Ну же, адептка, посмотрите на меня. Я же чувствую ваше недоверие, ваш страх, ваши безмолвные обвинения.

— Что вам нужно, зачем вы меня преследуете? — не выдержав, напрямик спросила Мериам и, набрав в грудь побольше воздуха, закричала: — Помогите!

Крик оборвался бульканьем.

— Извините, Ики, вынужденная мера, — вздохнул Шардаш, убирая палочку. — Если бы вы не были столь любопытны... Но что есть, то есть. Предлагаю вместе пойти к директору и покончить с вашими домыслами.

Мериам насупилась, беспомощно прижимая руки к замолкшему горлу. В голове зрела

уверенность, что проклятие таки настигнет Тревеуса Шардаша. Сегодня же Мериам достанет пару бутылок, принесёт ребятам с Запретного отделения и добудет самое страшное из возможного. Профессор заслужил смесь несварения желудка и лихорадки.

Шардаш смотрел на адептку и с горечью не замечал ни проблеска веры себе. Она не сомневалась в его виновности, его доводы не убедили её. А ему жизненно необходимо заставить Мериам всё забыть. Можно, конечно, использовать сыворотку забвения, но тогда к нему нагрянет Белая стража — невозможно утаить побочные эффекты. Если бы Мериам Ики страдала рассеянностью, если бы не щёлкала математические задачки, если бы отставала по всем предметам, если бы бродила по ночам, если бы... Словом, невозможно заставить человека забыть события частично, только целиком. Тут и человек заинтересуется внезапной амнезией, не говоря о магах. Первым под подозрение попадет именно Шардаш.

— Хорошо, простите, — профессор отвернулся и снова взмахнул палочкой, возвращая Мериам голос. — Если нужна помощь в лечении ушибов, могу приготовить мазь на основе змеиного яда. И давайте не будем враждовать.

Он сделал шаг вперёд и протянул адептке руку. Помедлив, перевернул ладонью вверх. Мериам не спешила вложить в его руку свою. Прижавшись к двери, она недоверчиво поглядывала на Шардаша.

— Ну же, не упрямитесь, — вкрадчиво настаивал профессор. — Сожалею, что напугал вас и был резок. Сами понимаете, ваши обвинения, обыски... Я сорвался, переборщил. Хотя, вы тоже хороши: планировали одарить проклятием!

Мериам не верила доброте его голоса, не верила ни единому слову, но протянула руку. Случайно бросив взгляд на пальцы Шардаша, адептка вздрогнула: перстень с розами пропал, профессор снял его.

Шардаш мгновенно ощутил напряжение Мериам и, проследив за её глазами, понял, что она заметила. Тень набежала на лицо, но профессор промолчал, сохранив выражение раскаянья и добродушия. Осторожно пожав ладонь адептки, он ощупал больное запястье и попробовал подлечить, но Мериам не дала, попросила уйти. И профессор ушёл, с горечью отметив, что адептка Ики оказалась вовсе не глупа и труслива. Если Шардаш не усыпит её бдительность, повторится прежняя история.

Не удержавшись, профессор обернулся и глянул на Мериам. Сейчас, освещённая закатным солнцем, она казалась огненным фениксом. Пламенем, которое сжигало былое спокойствие.

— Вас следует опасаться: у вас глаза оборотницы, — неожиданно произнёс Шардаш. — Странно, что никто из окружающих этого не замечает.

— Я на четверть оборотница, — напомнила Мериам, обескураженная его словами. — И глаза у меня обычные, бурые.

— Уж поверьте, я знаю, какие глаза у настоящих оборотней, — рассмеялся профессор. — Как светлых, так и тёмных. Дело вовсе не в цвете и доле крови. Доброй ночи, адептка.

— Надеюсь, — он усмехнулся, — завтра вы не прогуляете мой урок и не принесёте на него сердечки, книги и печенье.

Знакомая яркая вспышка — и Шардаш исчез.

Мериам знала: если маг использует пространственные заклинания, на то есть веская причина. В данном случае, судя по всему, Шардаш не желал, чтобы его видели у комнаты адептки. Так и есть — расслышал смех девочек, возвращавшихся с прогулки.

Мериам сидела в шумной таверне и в который раз перечитывала письмо, присланное матерью. Адептка не удержалась и попросила рассказать её о предках: из головы всё не шло кольцо.

Поворчав, гном Гримм отпустил Мериам час назад, но в Школу она идти одна побоялась, забежала к Инессе. Та подрабатывала в 'Бравом петухе' и давно решила проблему ночных прогулок. Помимо постоянного ухажёра, о котором Инесса туманно говорила: 'С таким демон не страшен', её частенько провожал повар. С плечистым парнем шириной с дверь никакой полукровка не подойдёт.

Мать, как и ожидалось, чрезвычайно удивилась просьбе дочери, насторожилась и грозила съехать, если та ввязалась в какую-то историю. Ожидаемо она подтвердила, что никаких демонов в роду не было, одни люди и светлые оборотни. В заключении прилагалась записка от деда, который советовал учиться, а не заниматься ерундой.

'Я лично проверил, на ком женился, — писал старый маг. — Про твоего отца и вовсе молчу: одни ведьмы, алхимики да охотники на нечисть. С такой биографией телохранителем к королю возьмут'.

Мериам сложила письмо и убрала в карман. Перед ней стояла тарелка с сиротливой куриной ножкой. Инесса частенько кормила подругу за счёт заведения, благо была на хорошем счету. Вытерев губы, адептка выглянула из закутка близ кухни — выступ стены защищал от ненужных взглядов. А их тут хватало. К примеру, неподалёку от стойки кутили тролли. Гуляли шумно, как и положено народу, превыше всего ценившего выпивку. Бывало, за ночь они спускали весь годовой заработок и засыпали лицом в пол. Приходилось вытаскивать их на улицу и складывать штабелями в канаве.

Однако Мериам опасливо косилась не на троллей, а на офицеров городской стражи, отдохавших после тяжёлого трудового дня. Они уже не раз порывались пригласить одинокую девушку к себе за стол, но адептку пока миловала удача. Страшно подумать, что Мериам тоже могла стать подавальщицей! Будто Мериам не видит, как их щиплют за филейные части, осыпают пошлыми комплиментами. Инесса как-то всё это терпела, даже умела осадить, хотя сейчас, к примеру, пристроилась возле какого-то клиента и кивала в ответ на его пьяные излияния. Приглядевшись, Мериам поняла, что интерес подруги не бескорыстен: на столе лежали щедрые чаевые.

Хлопнула дверь, и в таверну ввалились новые посетители. Одного взгляда хватило, чтобы Мериам попыталась слиться со стеной и подумала, не разумнее ли сбежать. Маги на службе государству — люди особые. Иногда и не люди вовсе. Вот и сейчас интуиция адептки подсказывала, что один точно представляет опасность. Тонкий, высокий, весь в чёрном, прятал лицо в складках капюшона. И кого-то искал: взгляд незнакомца скользил по лицам.

— Можно с тобой познакомиться? — рука одного из офицеров таки легла на талию Мериам, приподнимая из-за стола. — Битый час на тебя смотрю. Такая красивая — и совсем одна.

— Я не совсем, у меня парень есть, — адептка решительно обозначила перспективы продолжения знакомства.

— Так здесь-то его нет, — резонно возразил офицер. — Ты не подумай, мы люди

приличные, ничего такого не хотим.

Мериам бросила вопросительный взгляд на Инессу. Та нахмурилась и, подумав, кивнула. Ловко спрятав подаренные пьяницей монетки, Инесса собрала грязную посуду и поспешила принять заказ у вновь прибывших гостей.

Мериам вздохнула и позволила увести себя за другой стол. Если Инесса считает офицеров людьми надёжными, можно и посидеть пару минут, чтобы потом сбежать в туалет.

Разговор крутился вокруг недавних убийств. Узнав, что Мериам адептка, новые знакомые поспешили завалить её вопросами о методах уничтожения проклятий. Пришлось огорчить их и признаться, что этому на третьем курсе не учат.

Офицеры заказали ещё вина, и Мериам пришлось выпить с ними. Ей не нравилось, что один из стражников придвинулся слишком близко и старался заглянуть за вырез платья.

— Мне пора, — пискнула адептка, когда рука офицера коснулась бедра. — Была рада познакомиться.

Мериам встала и тут же с визгом шлёпнулась на колени к стражнику. Решив не ёрзать и временно не возмущаться, чтобы не провоцировать, адептка терпеливо продолжала беседу с 'живого стула'. От офицера пахло спиртным, лошадыми и потом. Мериам кривила нос, но улыбалась: за ней наблюдали товарищи стражника.

Чужое дыхание щекотало кожу и закономерно закончилось поцелуем в шею. На память о нём осталось красное пятно у адептки и синяк под глазом у офицера. Воспользовавшись всеобщим замешательством, Мериам вмиг оказалась на ногах и, переворачивая стулья, кинулась к кухне.

— А ну стоять, мы не договорили! — неслось ей вслед.

Топот ног свидетельствовал о том, что от офицеров девушки просто так не уходили. Не стоило соглашаться и пить с ними, ни к чему хорошему не привело бы. Оно и не привело.

— Попалась! — Мериам ухватили за шкуру. — А ты ещё лучше, чем думал. Люблю таких девочек. Знаешь, как я их люблю?

— И знать не желаю, — буркнула адептка, развернулась и пустила в ход колено. — Проспитесь, господин, и осознайте всю мерзость своего поведения.

Согнувшийся пополам офицер придерживался иного мнения, выразив его нецензурно. Подоспевшие товарищи поспешили взять раскрасневшуюся Мериам в тиски, но завершить манёвр не успели: помешал тот самый странный посетитель. Сценка с адепткой привлекла его внимание, заставила взглянуть на Мериам. Мгновение — и он оказался рядом. Стражники тут же присмирели, тихо попятились обратно к столу, опасливо огибая незнакомца в капюшоне.

— Что-то розами запахло, — пробормотал один из офицеров. Странно, он будто протрезвел.

Когда мысли сложились в стройную логическую цепочку, Мериам уже неслась по тёмным улицам Бонбриджа. Она не замечала ни холода — пальто осталось в таверне, — ни острых камней мостовой, грозивших падением, единственной мыслью было скорей оказаться за стенами Школы.

'Проклятие роз' спокойно разгуливало по городу. Завтра найдут новые трупы.

Мериам боялась обернуться, спиной ощущая, что незнакомец следует за ней попятам. Может, это было всего лишь игрой воображения, но проверять не хотелось.

Почувствовав, что задыхается, адептка остановилась, в отчаянье огляделась по сторонам

и метнулась к единственному источнику света — фонарю на крыльце какого-то дома. Желание скорей оказаться в безопасности привело к тому, что Мериам сбила с ног влюблённую парочку, самозабвенно целовавшуюся на пороге.

— Простите, я не нарочно. Можно немного посидеть в вашем доме? — Мериам поспешила встать с возмущавшейся её наглым поведением женщины и отряхнула юбку. — За мной убийца гонится.

При слове 'убийца' представитель сильной половины человечества подхватил спутницу на ноги и скрылся вместе с ней за дверь. Мериам услышала, как лязгнул засов, и в отчаянье закрыла лицо руками. Приступ паники продлился недолго. Адептка напомнила себе, что ученица третьего курса Ведической высшей школы не должна трястись как осиновый лист, а попробовать спастись. Положим, обезопасить себя от проклятия она не сможет, а вот предотвратить его наложение — вполне. Тут даже элементарное падение владельца кольца с розами в лужу поможет.

Мериам смело шагнула навстречу опасности, вскинула руки — и заметила, что у соседнего дома темнота какая-то неоднородная. Приглядевшись, адептка заметила два алых огонька. Они мигнули и исчезли.

Решимость бороться со злом тут же пропала, уступив благоразумию. По стеночке, стараясь не дышать, Мериам добралась до угла и, пожертвовав юбкой, перемахнула через забор. Приземление вышло жёстким. Адептка сидела посреди клумбы и ссезживала воздух сквозь зубы: она приземлилась в самую гущу роз. 'Преследуют они меня, что ли?' — со злостью подумала адептка. Поднявшись на ноги, Мериам наугад побрела по дорожкам и вышла к дому. В нём не горело ни окна.

Запах роз преследовал адептку и пугал тем, что не позволит вовремя заметить опасность. Ей и так казалось, будто сердце бьётся чаще, чем надо. Как там говорилось — состояние влюблённости? Попробуй, разбери, чем вызвано странное волнение. Неужели прокляли?

Мериам забарабанила в дверь, моля, чтобы хозяева этого дома оказались сговорчивее. Запах роз, казалось, усиливался, пьяня и шевеля волосы дыханием смерти.

Наконец дверь отворилась, и на пороге возник полуодетый Саймос Лоопос — учитель защитной магии. Из-за его плеча робко выглядывала какая-то женщина.

— Ой, простите! — смутилась адептка, опустив глаза.

Как нехорошо получилось-то: влезла в сад любовницы преподавателя. Мэтр Лоопос не обрадуется, если станет известно, где он ночует. Чем всё это закончится, Мериам прекрасно понимала, поэтому предпочла ретироваться в сад. За другим забором тоже есть люди, и они в Школе не преподают.

— Адептка Ики, что вы здесь делаете? — Лоопос поспешил стащить с вешалки плащ. Всё же, учитель в исподнем не вызывает уважения. Его любовница и вовсе предпочла вернуться в спальню, шепнув: 'Я тебя жду!'

Мериам густо покраснела и провела носком ботинка по доскам. Мысли в голове крутились сплошь в духе любимых романов: о том, что учитель прячет под одеждой. И о том, что у него наверняка оборотни в роду были, раз волосатый.

— Адептка, вас прислал директор? — Лоопос всё ещё надеялся получить ответ.

Мериам покачала головой:

— Меня всего лишь хотят убить. Но я пойду, не буду вам мешать. И никому ничего не скажу, обещаю!

Лоопос ухватил её за руку и втащил в прихожую. Оглядел ночной сад и запер дверь. Плащ сполз на пол, обнажив татуировку дракона на крестце. Мериам непроизвольно ахнула: дракон шевелил крыльями и извергал иллюзорное пламя!

— Об этом тоже не распространяйтесь, — Лоопос мгновенно понял, что так восхитило ученицу. — И, адептка, пожирать глазами постороннего человека неприлично.

Мериам кивнула и поспешила отвести взгляд. Вспомнилось, как на первом курсе девчонки гурьбой бегали в душевую, смотреть на учителей. Адептка Ики тоже участвовала в увлекательной прогулке, закончившейся дружным нарядом на кухне и выговором перед всей школой. Самое обидное, что разглядеть тогда почти ничего не удалось. А теперь вот они, девичьи мечты! Только тогда, в семнадцать лет, ожидания и волнение было иным, сейчас просто интересно.

— Рассказывайте, что вы за воротами Школы в ночное время делаете? — Лоопос обернулся в плащ и отрегулировал освещение в прихожей. Мериам заморгала: привыкла к темноте. — Вроде, приличная девочка... В гости ходили?

Адептка предпочла кивнуть, не углубляясь в подробности. Какая разница, где её тот незнакомец заприметил: в таверне или на улице.

— Там ещё двоих убили, — прошептала Мериам, опасливо косясь на дверь. Ей вдруг жутко захотелось пить, но попросить адептка стеснялась. — Проклятием. Я тоже чувствовала запах роз...

Лоопос нахмурился, ухватил Мериам под руку и поволок в гостиную. Она тут же озарилась ярким светом.

Уложив адептку на диван, Лоопос осмотрел её зрачки, пощупал пульс и спросил, что она чувствует. Мериам сказала, что ничего, кроме страха и жажды.

— Вы уверены, что вас проклинали? — пальцы учителя то сжимались, то разжимались. В волнении он, хмурясь, беззвучно шевелил губами. — Тем самым проклятием? Откуда вы вообще о нём знаете?

Мериам не выдала учительницу риторики, солгала, что прочитала в книге. Потом подробно изложила всё, что видела и слышала, умолчав, что офицеры приставали к ней в таверне. С каждым словом Лоопос хмурился всё больше.

— Так, лежите, — наконец изрёк он. — Я сейчас оденусь и вернусь. Если проклятие существует, оно уже проявится. Увы, Мериам, снять его не смогу, но попытаюсь отследить источник.

— Нет, — заметив страх в глазах адептки, поспешил добавить Лоопос, — вы не подумайте, мы сделаем всё возможное... И я, и директор, и Матисса, и Тревеус... Если почувствуете что-то странное, кричите.

— Ваша дама, наверное, жутко злится на меня, — пробормотала Мериам, уткнувшись лицом в обивку дивана. — Проклятие все равно смертельное, я пойду...

— Вы в своём уме, адептка Ики! — Лоопос ухватил её за плечи, заставил сесть и развернул лицом к себе. — То есть я, по-вашему, должен заниматься... личными делами, пока вы умираете под каким-то забором? Ничего, не обидится моя дама, чаем вас напоит.

Мериам закатила глаза: она прекрасно знала, что и в каких выражениях подумает о ней любовница учителя. Если бы её парня выдернули из постели посреди страстной забавы, она бы точно не готовила дерзкой девице чай.

Адептка кашлянула и заверила, что прекрасно посидит здесь часок-другой, а уши заткнёт. Лоопос ведь сам говорил: если проклинали, то она живой труп, а если нет, незнакомец

в дом не сунется. Не идиот он, мага почувствует.

Лоопос промямлил что-то, вроде: 'Располагайтесь как дома, я скоро вернусь', и скрылся из виду. Мериам слышала его шаги на лестнице, капризный женский голосок: 'Сколько можно? Я успела соскучиться' и скрип то ли двери, то ли кровати. Далее адептка честно сдержала обещание, хотя нет-нет да посматривала на поток.

Мериам не помнила, как уснула. Разбудили её голоса. Открыв глаза, адептка поняла, что её несут по коридорам Школы.

— Всем преподавателям собраться в моём кабинете! — прогремел где-то рядом командный голос Селениуа Крегса. Мериам вздрогнула: до этого директор никогда так не кричал. Значит, случилось что-то страшное.

Адептка завертела головой, пытаясь понять, что происходит. Преподавательский коридор... Значит, с ней что-то не так. Прокляли. Но почему тогда Мериам не чувствовала никакой дурноты? Прошёл минимум час — проклятие должно было уже подействовать.

Заёрзав на руках у Лоопоса, адептка наконец добилась того, чтобы ей поставили на ноги.

— Что происходит? — учитель защитной магии казался ей самым словоохотливым из всех суетившихся преподавателей. — Война?

Лоопос покачал головой и посоветовал адептке запереться в своей комнате и никому не открывать до утра. Он вызвался проводить её, 'чтобы ничего не вышло'. Озадаченная, Мериам просила объяснить, что стало причиной невиданного переполоха, поклявшись молчать. Учитель вздохнул:

— На территории Школы поймали постороннего. У него нашли зашифрованную записку. Её содержание наводит на мысль о преступной сети, опутавшей наше учебное заведение. Посему наш доблестный директор устраивает проверку преподавательского состава и учеников. Завтра всё выяснится.

— Смотрю, — он улыбнулся, — проклятие обошло вас стороной. Счастливица!

Мериам и сама так думала. Смерть прошла рядом, впору помянуть духов и подарить им что-нибудь вкусненькое. Например, имбирный пряник в форме дракона — любимое лакомство детворы. К слову, о драконах...

— Мэтр, — шепнула Мериам, — а тот, с крыльями, он оберег, да?

Лоопос всё понял и, стусевавшись, закашлялся. Зыркнул по сторонам и с укором напомнил:

— Я же просил, адептка! А то о вас тоже кто-нибудь что-нибудь узнает. Например, о том, что вы ночью гуляли одна, хотя это строгойше запрещено. Я это скрыл, но раз вам не дают покоя драконы... Да, по молодости. Да, не просто так. Специально для вас посвящу защитным изображениям целый урок. Теперь всё, не видели вы ничего!

Мериам кивнула и хихикнула: нечасто ученикам удаётся смутить учителя. А дракон был красивый, она бы с удовольствием потрогала. Но, увы, нельзя.

— А он как на ощупь? — не успела прикусить язык Мериам.

— Адептка! — Лоопос стал пунцовым. Выровняв дыхание, он тихо поинтересовался: — Если вы таки удовлетворите любопытство, угомонитесь? Или вам и другие части тела интересны?

Мериам извинилась и заверила, что ничего такого трогать не собиралась, и вообще спрашивала чисто теоретически, потому как при сдаче экзаменов пригодится. Заварив кашу, она не знала, как её расхлёбывать. Право, чтение любовных романов не пошло на пользу,

нужно налегать на другую литературу, а то конфуз за конфузом. Хорошо, хоть перед Саймосом Лоопосом опозорилась, он мужчина не мстительный, учеников любит, а если попался, скажем, Тревеус Шардаш?

— У меня два штрафных балла до отчисления осталось, не ставьте! — взмолилась Мериам. — Я вам за это все рубашки переглажу, на рынок буду ходить, домашние задания на 'отлично' делать.

Лоопос страдальчески вздохнул, изрёк: 'Адептка, адептка, не тем местом иногда думаете!' и повёл Мериам сквозь хаос коридоров и лестниц.

На лицах преподавателей читалось беспокойство. Они прочёсывали учебные и жилые корпуса, а потом ручейком стекались к лестнице, ведущей на административный этаж. Лоопос явно чего-то недоговаривал, чтобы не сеять среди учеников панику.

Захлопнув за Мериам дверь, учитель защитной магии скрылся. Адептка попыталась проследить за ним, но не смогла: заклинание заблокировало комнату.

— Я уже пыталась — никак, — донёсся из-за спины голос Инессы. — Только вернулась, когда всё началось. Меня привратник под локоток подхватил и сдал на руки Идти. Адептам запрещено ходить одним по территории Школы, представляешь!

Мериам кивнула и с ногами забралась на кровать рядом с подругой. Та не успела переодеться, так и сидела в сером платье подавальщицы.

— Ты... — голос Инессы дрогнул. — Ведь это не ты их так, верно?

— Забвение роз, — прошептала Мериам, без труда догадавшись, о чём идёт речь. — Его наслало существо в чёрном плаще. Не человек, Несс!

Она вцепилась в руку подруги и трясла её, повторяя: 'Не человек!'. Инесса обняла её, теперь они дрожали вместе.

Когда приступ страха миновал, Инесса рассказала о том, что произошло в таверне после побега Мериам, и призналась, что тоже сбежала:

— Белую стражу позвала и дала дёру. Какие там деньги, какая работа, если по Бонбриджу смерть бродит, оборотни завывают!

— Какие оборотни? — вздрогнула Мериам.

— Не знаю, но так мог быть только тёмный оборотень. Кровь в жилах стыла!

Подруги боялись погасить свет, так и заснули, рискуя спалить комнату. Впрочем, так поступили не только они, а половина школьного общежития. Другая половина безуспешно боролась с поставленными учителями на двери заклинанием. Взломать его никому не удалось, оно пропало само, с первыми лучами солнца.

С утра Мериам не хотелось вставать и куда-либо идти. Вчерашний кошмар ещё отзывался сухостью в горле. Адептка не сомневалась, что убийца спокойно бродит по улицам в поисках новых жертв. Выбор последних наводил на определённые выводы. Если ей не изменяла память, покойные — сплошь мужчины, застигнутые при совершении неблагоприятных действий. Конечно, Мериам не вдавалась в подробности, не проверяла, убивали ли женщин, но внутренний голос настойчиво шептал, что офицеры погибли из-за неё.

Инесса клялась, что слышала вой оборотня. Мериам была склонна ей верить: чьи тогда глаза мелькнули на улице? У собак таких не бывает, алый — цвет нечисти. Тёмной нечисти, потому как глаза светлых оборотней блестят по ночам зелёным.

Заставив себя встать под тёплый душ, адептка переоделась в школьную форму и направилась в столовую. Дойти спокойно не удалось: откуда ни возмись, появилась госпожа Идти, куратор младших курсов, и велела всем построиться парами. Адепты заворчали, не желая идти, словно дети.

— Хорошо, тогда вообще никуда не пойдёте, — крутанулась на каблуках Энке Идти.

Она предпочитала мужскую одежду, благо преподаваемый предмет — физическая подготовка — обязывал к подвижности. Её Энке было не занимать: как-никак, полукровка, но не из оборотней, а орков. Отсюда и мужеподобная фигура, и красно-рыжие волосы, торчащие в разные стороны. Представить такую даму в платье могли только отчаянные романтики. Вот и сейчас госпожа Идти предстала перед учениками в облегающих штанах для верховой езды и простой серой рубашке с расстегнутым воротом. Волшебная палочка заткнута за пояс. Странно, но небрежное ношение столь важной вещи ни разу не закончилось для учительницы плачевно.

Адепты дружно вздохнули и покорно взяли за руки.

Глядя на широкую спину госпожи Идти, Мериам гадала, какие ещё перемены их ожидают. Вокруг подозрительно тихо, даже Идти, которая всегда любила поболтать, даром что на лицо страшная, сжав губы, печатала шаг. Будто не Школа, а военное заведение. Не выдержав, Мериам потащила подругу во главу колонны, поближе к куратору. Инесса едва поспевала за ней, гадая, отчего соседке так не терпится оказаться в столовой и на уроке зельеварения. Что-то не замечала она у Мериам любви к лягушачьим лапкам и хвостам ящериц.

— Госпожа Идти! — запыхавшись, окликнула адептка.

Куратор обернулась и удивлённо глянула на неё:

— В чём дело, Ики?

— В Школе особый режим ввели, да?

— Директор сам потом скажет, — буркнула Идти. — Не задавай вопросов, просто иди.

— Госпожа Идти, — не унималась Мериам, — это из-за убийств и проклятия?

Куратор остановилась и сверкнула разными глазами: один жёлтый, другой зелёный. Шумно втянув в себя воздух, она ухватила адептку под руку и поволокла по коридору, бросив ошеломлённым ученикам:

— Всем строем в столовую. Не расходиться! После — в актовый зал. Через пять минут вернусь, проверю.

Мериам отчаянно сопротивлялась, но руки у Идти — что тиски. После таких объятий синяки останутся.

— Куда вы меня ведёте? В чём я провинилась?

— Любопытная очень и болтаешь много. Господин директор велел всех к нему поодиночке приводить, с тебя и начнём.

Мериам вспомнила, что вчера Лоопос говорил о допросе адептов, но предполагала, что всё будет происходить иначе. Да и выглядело так, будто она совершила какой-то проступок. Даже позавтракать не дали...

— Госпожа Идти, можно хотя бы булочку с чаем? — взмолилась адептка, вцепившись в перила лестницы. — Я честно-честно сама к господину директору схожу.

— Вообще-то он тебя ещё ночью видеть хотел, — улыбнулась Идти, — но мы отговорили: пускай девочка поспит. А поесть...

Куратор деловито ощупала стену, на что-то надавила. Камень задрожал, застонал и растёкся в обе стороны, образовав проход. За ним оказалась небольшая лестница и дверь. Загадочно подмигнув, Идти поманила за собой Мериам.

За дверью оказалась уютная кухонька, в которой мирно завтракала странная компания. За круглым столом примостились школьные призраки. Перед ними дымился кофейник. Неведомым образом умудряясь наполнить чашки, духи отправляли их в рот. Мериам во всех подробностях видела, как жидкость скользит по прозрачному пищеводу и падает в желудок. У одного призрака данный орган наполнился наполовину, у второго жидкость плескалась на самом дне.

При виде адептки духи всполошились, спеша прикрыться руками. Особи женского пола и вовсе завопили: 'А, мы же голые!'. Раз — и прозрачные желудки лопнули, обдав Идти и Мериам горячим кофе. Куратор погрозила духам пальцем и плюхнулась на ближайший табурет, вытянув ноги. Хлопнув в ладоши, она крикнула:

— Завтрак, Тоби! Мне яичницу с ветчиной, тост с мёдом, пирожок с капустой и чай на травах. Побольше Melissa. Девочке, — Идти покосилась на Мериам, до сих пор не решившую, как вести себя в подобной ситуации, — овсяную кашу с яблоком, булочку и чай. Обычный. Ики, ты сколько ложек сахара кладёшь?

— Две, — пролепетала Мериам, обошла лужу кофе и осторожно присела на свободное место.

Призраки разлетелись, кляня преподавателей и адептов, которые не дают спокойно поесть. Остался только Серый Том. Он чинно пригладил волосы, отвернулся, будто одеваясь, и явился взору уже в привычном облики без анатомических подробностей. Идти махнула рукой, и дух с готовностью завис рядом, что-то нашёптывая ей на ухо. Куратор внимательно слушала и кивала.

В это время на столе возник накрытый полотенцем поднос.

— Приятного аппетита! — пожелал высокий голосок. Таким говорят маленькие дети.

— Спасибо, Тоби, — отозвалась Идти, стащила с подноса полотенца и с жадностью принялась орудовать вилкой.

— А ты что не ешь? — с набитым ртом спросила она, пододвигая Мериам тарелку с кашей. — Тоби хорошо готовит, лучше матушки Утойке.

— Тоби — это кто? — адептка взялась за ложку попробовала — вкусно. Не на воде сварено, на молоке.

— Тоби — это я, — пискнуло зелёное ушастое существо размером с кошку. Оно гордо

взирало на потерявшую дар речи Мериам. Похоже, комплексами по поводу роста Тоби точно не страдал.

— Ага, наш верный помощник и друг, — Идти наклонилась и потрепала Тоби по голове. Тот довольно зажмурился и пробормотал, что рад служить, как и многим другим поколениям преподавателей. Ниссе, или домовые, как их привыкли называть люди, живут долго, так что Тоби не хвастался.

Мериам и не подозревала, что в Школе бурлила втора, тайна жизнь, в которую посвящены только учителя. Подумав, решила молчать о призраках и Тоби. Если adeptам об этом не говорили, на то есть причины.

После завтрака Тоби мгновенно убрал со стола и положил в сумку Мериам тянучку. Её adeptка нашла после, когда доставала тетрадь.

Идти, как обещала, доставила adeptку к директору, только воспользовалась нестандартным путём. Встала, взмахнула палочкой и по иллюзорной лестнице через камень и шпукатурку, игнорируя законы природы, провела Мериам в нужный кабинет. За время пути adeptка успела узнать, из чего сделаны школьные перекрытия и какова толщина стен. Заодно одним глазком глянула на классы старших курсов.

Госпожа Нора с головой зарылась в какие-то бумаги, но сообщила, что директор ждёт.

— Ну, я побежала, — Идти ретировалась с порога Крегса, даже не удосужившись постучать. — Итак задержалась дольше, чем на пять минут, придётся пробежаться.

Раз — и куратор исчезла. Мериам с завистью проводила её взглядом. Интересно, сколько нужно учиться, чтобы уметь так вольно обращаться с пространством? Вздохнув, adeptка поскреблась в дверь и, получив разрешение, вошла.

Селениум Крегс вертел в руках обрывок листа бумаги и с глубокомысленным видом изучал его. При появлении Мериам директор на время оставил своё занятие. Сухо поздоровался и попросил сесть. Судя по выражению лица Крегса, разговор обещал быть сложным, хотя adeptка не могла припомнить за собой ни одной новой провинности. Вряд ли Лоопос пожаловался на излишнее любопытство adeptки.

Мериам заняла пустующий стул, с горькой усмешкой подумав, что скоро место станет привычным. Директор протянул ей потрёпанный лист:

— Это что, adeptка Ики?

Мериам посмотрела на засаленное нечто, раньше бывшее печатной страницей, взяла в руки и ахнула: это же начало четвёртой главы любовного романа! Того самого, с сердечками, окончившего свои дни в канаве по милости Тревеуса Шардаша. Но как он оказался у директора?

— Итак, что это такое, adeptка? — повторил вопрос Крегс. Как бы невзначай он положил на видное место волшебную палочку.

— Моя книжка, — растерянно протянула Мериам, осторожно положив лист обратно на стол. — Я её читала, а мэтр...то есть господин Шардаш отобрал и выбросил. Это ведь не преступление, господин директор, — читать любовные романы.

— Конечно, — странно, но директор не улыбнулся, достал блокнот и потёр виски. — А вот заниматься подобными вещами...

Взмах волшебной палочки — и на стол спланировал исписанный мелким почерком лист.

— Вот, взгляните и сравните.

Ничего не понимающая Мериам нахмурила лоб и потянулась за вторым клочком

бумаги. Она надеялась увидеть связный текст, но обнаружила обрывки фраз из той самой злосчастной четвёртой главы. Их намешали, сотворив абракадабру. Однако взгляд Крегса говорил о том, что за такой набор букв легко отчислят даже с последнего года обучения.

Мериам отложила оба листа и недоумённо глянула на директора. От неё ждали ответа, но адептка ума не могла приложить, какого.

— То есть вам не знаком этот предмет? — Крегс встал и навис над Мериам. Та невольно съёжилась, но взгляд не отвела.

— Почерк не мой, господин директор.

— Знаю. Это писал мужчина. Тот самый мужчина, который сидит сейчас в тюремных застенках.

Мериам окончательно перестала что-либо понимать. Какой мужчина, какие застенки?

— Так что? — продолжал настаивать директор.

Адептка развела руками:

— Ничего. Вы меня в чём-то обвиняете, а я даже не знаю, в чём. Скажите, господин директор, что я такого сделала? Что книгу читала, призналась, за неё уже штрафные баллы начислили. Но больше ничего!

Директор не поверил. Скрестил руки на груди и напомнил, что чистосердечное признание облегчает участь.

— Адептка Ики, я ведь помочь вам хочу...

Губы Мериам дрогнули, а сознание услужливо выдало череду картинок: магические пути, дюжина солдат Белой стражи, конвоирующей её по улицам Бонбриджа в места не столь отдалённые — замок Эколь. Оттуда никто и никогда не возвращался. Сбежал, правда, когда-то давным-давно один маг, но на него невозможно было смотреть без жалости. Бедняга выжил из ума и начисто лишился дара.

Всхлипнув, Мериам ещё раз заверила, что чиста перед законом и согласна пройти любую проверку.

— А как же тавиока? — директорский голос стал ещё суровее. Вот тебе и добряк-Крегс! Безусловно, абы кого директором не назначат. — Мериам, не испытывайте моего терпения, не заставляйте применять к вам 'Всевидающее око'.

Адептка судорожно глотнула и вместе со стулом начала медленно пятиться к двери. Как бы она сейчас хотела оказаться Тоби и раствориться в воздухе! О 'Всевидающем оке' Мериам слышала на Общей теории магии. Само заклинание и противодействие ему изучали на старших курсах, но, судя по страшным абзацам учебника, маг широкого профиля не смог бы ему противостоять. Что уж говорить об адептке третьего курса!

'Всевидающее око' — всё равно, что сыворотка правды. От него нельзя ничего утаить, даже собственные желания. Используемый заклинание увидит всю подноготную, влезет в душу, оставив на память жуткую мигрень. А если не станет церемониться, то наградит потерей памяти.

— Мериам, я не хотел вас пугать, — при виде неподдельного страха ученицы тон директора смягчился. — Просто не у одного меня возникли вопросы. Вы якобы слышали, как Тревеус... мэтр Шардаш разговаривал с неким человеком, которого тайно провёл в Школу. Якобы продавал ему контрабандный яд. Ваша же книга использовалась для шифрования записок. Тот вырванный из романа лист нашли у преступника. Его задержали вчера в парке. Он шёл к кому-то, но... Шифрованная записка, найденная при нём, свидетельствует о том, что в Школе у него был сообщник. Тот человек, Мериам, планировал убийство короля!

Адептка широко распахнула глаза. Её сначала бросило в жар, а потом сразу в холод. Не контролируя себя, Мериам дрожащими пальцами растегнула ворот платья. Зубы отбивали дрожь.

— А ещё в городе продолжают убийства, и вы непосредственно связаны с ними. Мы проследили ваш вчерашний путь — он весь усеян трупами. Вы интересовались 'Забвением роз' — все жертвы пали от этого проклятия. Много совпадений, не правда ли?

— Неужели вы думаете, что я...

Адептка не договорила. Тяжесть пережитого разом навалилась на неё, в единый нервный клубок сплелись события в комнате Шардаша, ночные убийства, охота на неё неведомого злодея, обвинения в преступлениях, невозможность доказать свою невиновность, страх лишиться памяти, ужас предстоящей боли — слишком много для хрупких женских нервов. Посланных им испытаний хватило бы на год, а тут они комом обрушились за пару дней. Не успевала Мериам опомниться, успокоиться, как судьба тут же наносила новый удар. Результат был закономерен: сработала старейшая защитная реакция организма.

Слёзы брызнули из глаз адептки. Мериам упрямо тёрла их кулачками, но нос продолжал хлюпать, а веки — краснеть.

Директор вздохнул, убрал волшебную палочку и попытался подсунуть адептке стакан воды. Та не смогла сделать ни глотка. Крегс предпринял ещё одну попытку, на этот раз с успокоительной пластиной — с тем же результатом. Растеряв всю свою суровость, директор опустился на корточки рядом с плачущей адепткой и принялся ласково убеждать, что никакой Белой страже её не отдаст.

— Хотите чаю? — растерянно предлагал Крегс. — А пирожное? Вкусное такое свежее пирожное. Шоколадку? Минус один балл за год? Мериам, ну хватит плакать, я не собирался вас напугать. Ну же, пожалуйста!

Мериам мотала головой и отворачивалась. Нет, она хотела успокоиться, но не могла. Кончилось тем, что директор, вздыхая, усадил её себе на колени и принялся укачивать, как ребёнка. Впрочем, Мериам и была для него ребёнком, как и прочие адепты. По возрасту многие ученики ему во внуки годились.

Рыдания Мериам постепенно сошли на нет. Сконфуженная адептка вскочила, извинилась за истерику и сбивчиво рассказала всё, что знала о проклятии, контрабанде и кольце. Чем больше она говорила, тем выше взлетали брови Крегса.

— Где вы его видели, повторите? — задумавшись о чём-то, переспросил он, когда Мериам умолкла.

— У мэтра Шардаша. Он сказал, что кольцо принадлежит ему. Накричал за то, что вам о тавиоке сболтнула, а потом извинился.

— Очень интересно, — сцепил пальцы директор, потянулся к волшебному шару и, вспомнив о присутствии адептки, добавил: — Ступайте, Мериам. Если будет нужно, я вас позову.

Ученики не обрадовались мерам, введённым администрацией, но выбора у них не было. Отныне им запрещалось без письменного разрешения директора покидать территорию Школы и поодиночке ходить по парку. Мериам, впрочем, и так не жаждала покинуть относительно спокойные стены учебного заведения, всё свободное время проводя с учебником по защитной магии и монографией о проклятиях, которую упростила дать Лоопоса. Тот взял с неё слово жизни — нерушимую клятву даже для тёмных, если, конечно, они смертны, — что адептка не воспользуется ни одним проклятием. Она и не собиралась, просто хотела как можно больше узнать о 'забвении роз'. Увы, найденные сведения лишь подтверждали худшие догадки. Не снимаемое внеуровневое проклятие смерти. Насыляется исключительно тёмными или хотя бы квартеронами — тёмными с четвертью человеческой крови. Необязательно демонами. Это стало открытием, но монография тут же сделала поправку: представитель высшей разумной тёмной расы с высокой долей крови демонов. Впрочем, практически все тёмные, так или иначе, связаны с демонами.

Мериам интересовало так же заклинание призыва. Если кольцо когда-то выбрало её, из-за примеси крови оборотней перепутав с хозяином, есть шанс приманить его обратно. Если Мериам вернёт перстень, прекратятся смерти в Бонбридже.

Инесса, с которой адептка поделилась своими догадками, высказала предположение, что Мериам и неизвестный убийца чем-то похожи.

— Так, демонов в роду у тебя не было, — вслух рассуждала она, — значит, оборотни. Это тоже высшие разумные тёмные.

— У меня светлые, — напомнила Мериам и, вспомнив, одарила себя рукой по лбу. Какая же она идиотка! Конечно же, всё сходится — алые глаза! С чего она взяла, что хозяин кольца — демон? Именно оборотень шёл тогда по её следу, именно оборотня слышала Инесса. Только было одно 'но': тёмный оборотень не мог войти в таверну 'Бравый петух', да и вообще бродить по улицам Бонбриджа. В главные ворота города замурован артефакт, легко выявляющий в путнике нечисть. Копии такого же артефакта, сделанные по специальному заказу самим Магистром магии, замурованы в толще других ворот. Оставался только один путь — порт, но ведь стража не без глаз. Тот нечеловек пришёл в компании, а группу подозрительных личностей обязательно проверят.

Тем не менее Мериам решила поделиться своими догадками с директором. Только сделать это будет непросто.

Адептка вся извелась на 'Прикладной демонологии'. Сегодня приболевшего Томаса Гаута — поговаривали, что бедняга просто напился — заменял Тревеус Шардаш. Увидев его, входящего в класс, Мериам едва не залезла под парту. Однако Шардаш, скользнув взглядом по взволнованным лицам, ничем не выделил адептку, и Мериам вздохнула свободнее. Безусловно, проку от занятий с профессором куда больше, нежели с Гаутом. Шардаш владел предметом в совершенстве, натаскивая учеников старших классов на борьбу со всем, что движется. Вот и теперь, бегло просмотрев план занятия, он полностью изменил его:

— Тема урока: 'Низшие тёмные существа'. Кто сходу назовёт мне по два живых и мёртвых, получит плюс балл на экзамене у Гаута.

Взметнулось несколько рук. Увы, большинство ошибалось, приписывая к тёмным существам умертвий и нежить.

— Кладбищенский пантеон — тема отдельная, — усмехнулся Шардаш, присев на край стола. Лениво взмахнул рукой, добавив движение волшебной палочки, и класс ахнул, а затем завизжал, устремившись к выходу.

Профессор хохотал, наблюдая за бегством учеников от иллюзии василиска, а потом заметил, что с такими нервами даже предсказания делать нельзя.

— По местам! Открыли тетради, — командный голос Шардаша водворил беглецов обратно за парты. — Третий курс, а как малые дети! Учтите, в следующем году попадаете в мои руки, а я не Идти, мигом отчислю за профнепригодность.

— Но мы же не боевые маги! — обиженно буркнул Ловес, потирая ушибленную о лавку ногу. — И мы не на Запретном отделении учимся.

— Конечно, — обернулся к нему Шардаш и смерил взглядом, — там бы вы и недели не выдержали. Скажите-ка, адепт Огли, а деньги вы как зарабатывать будете? На государственную службу трусов и неумех не берут, а с частной практикой протянете ноги. Вы даже мышьяк от цинианида в чае отличить не способны!

Ловес засопел и, покраснев, уткнулся носом в тетрадь.

— Итак, продемонстрированный василиск, — продолжил занятие профессор, — один из представителей низших тёмных существ. Живых низших тёмных существ. Как пример неживых — вурдулаки. Не путать с вампирами: те неживые, но высшие. А теперь дружно закрыли рты, перестали шуршать фантиками и пытаться попасть в меня сгустком воздуха — два штрафных балла гарантирую, и записали хоть что-нибудь. Мне, конечно, всё равно, но бутылка вам сдать Гауту не поможет. Да, адепт Маноре, я ваш шёпот очень хорошо слышу, перейдите на письменное общение.

Мериам удивлённо глянула на проштрафившегося одноклассника: тот сидел далеко от доски, на предпоследнем ряду. То ли акустика в классе отменная, то ли у Шардаша исключительно тонкий слух.

Заскрипели перья, записывая под монотонную диктовку профессора определение и классификацию низших тёмных. Затем начали подробно разбирать основных представителей групп, подробно останавливаясь на способах обнаружения и нейтрализации.

— Так, как убить, я только расскажу, без практики. Получите волшебные палочки, начнёте отрабатывать навыки, — Шардаш встал и размял пальцы, оглядел класс и поинтересовался, есть ли добровольцы.

Ученики притихли: никому не хотелось на своей шкуре испытать заклинания.

— Убийства учащихся запрещено законом, — усмехнулся профессор. — А жаль! Смелее, вашей жизни и здоровью ничего не угрожает. Всего лишь будем отрабатывать обнаружение. Или вы даже обманных чар боитесь?

Тут же взметнулась вверх рука Патриции. Её проводили смешками: желает подлизаться к учителю.

Шардаш поставил Патрицию перед доской. Класс на мгновение заволкло туманом, а когда он рассеялся, адептки на месте уже не было.

— Кто найдёт ламию, тому моё спасибо, — хмыкнул профессор. Похоже, он не верил в умственные способности учеников.

Мериам вместе со всеми заозиралась по сторонам, а потом заметила на третьем ряду незнакомую красивую девушку. Определённо, раньше такая с ними не училась.

— Правильно смотрите, Ики, — раздался над ухом голос Шардаша. — Молодец. Не сомневался, что ламию найдёт особа женского пола, потому как мужской думает совсем о

другом. Уверяю, от такой дамочки лучше держаться подальше, а то заработаете могилу вместо приятного любовного приключения. Ламии заманивают людей и лишают их жизненных сил. Мужской силы, кстати, тоже.

Пристыженные адепты дружно отвернулись от Патриции в облике ламии.

— По-хорошему, морок должен быть обнажённым, но как-то жалко честь адепки Колеор.

Теперь краской залилась Патриция-ламия.

— Итак, что мы имеем? — Волшебная палочка Шардаша постукивала по парте Мериам. — Змее-человеческий гибрид. Вот такой.

И Патриция преобразилась в женщину-змею с целомудренно задрапированной грудью.

— Это если ламия сыта, не ждёт вас в гости, либо явилась женщине, которую можно и без соблазнения выпить. Сразу оговорюсь: еды в особах прекрасного пола меньше, так что возрадуйтесь, вами закусят в последнюю очередь.

Мериам почему-то радоваться не спешила, оценивая размеры зубов и когтей чудовища.

— Тут всё просто, даже слепой поймёт, — продолжал профессор. — А вот если явится вам красотка, сложнее. Обращайте внимание на две вещи. Даже на три. Во-первых, красивые девушки просто так к вам липнут не будут, какими бы покорителями сердец вы себя ни считали, — женская половина класса дружно прыснула. — Неразборчивость в связях, адепты и адепки, ведёт не только к болезням, но и к преждевременной смерти. Попутно просто от случайных друзей и подруг можно схлопотать проклятие и лишиться кошелька. Так что распахиваем глаза шире и думаем головой. Во-вторых, ламии излучают особые флюиды, вызывающие физическое влечение. Они манят к себе, будто за верёвочку тащат. В-третьих, у них глаза неестественного цвета и не моргают. Чем убить? Любым заклинанием выше третьего уровня. Например, 'Спиралью'. Целиться в голову. Так, с ламиями всё, это самое простое.

Значит, ламия им уже по силам, подумалось Мериам, потому как на третьем курсе изучали заклинания четвёртого уровня. Но 'Спираль' для палочки и пятого уровня.

По воле Шардаша Патриция обретала облик то того существа, а адепты запоминали его отличительные признаки.

Урок пролетел незаметно. В конце, когда все уже побросали тетради в сумки, Мериам решила поднять руку:

— А можно спросить о высших тёмных существах?

— Можно. Только с чего вдруг вас потянуло учиться? Книжки кончились?

Адептка промолчала, не стала напоминать об отметках по другим предметам и, прижимая к животу сумку, протиснулась к учительскому столу. Сердце громко стучало, от страха вспотели ладони, но Мериам всё равно задала вопрос:

— Тёмные оборотни схожи с демонами?

Шардаш нахмурился, а потом ответил утвердительно:

— Да, это близкие ветви. Вы тоже, хоть и не демоница, храните частичку их наследственности. Досталась она вам именно от оборотней. Тёмные или светлые, тут не играет роли: предки всех высших тёмных — родственники. Светлые подвиды — результат мутации видов. Такое объяснение вас удовлетворит?

Мериам кивнула и, случайно бросив взгляд на руку профессора, заметила, что на ней нет перстня с розами. Вообще никаких украшений, кроме неприметного латунного кольца с рунами, которые носили все преподаватели Школы. Странно. У Шардаша точно был ещё

какой-то перстень. У любого мага его уровня был.

— Что-то ещё? — профессор перехватил её взгляд. — И, кстати, с чего такая любовь к оборотням?

Шардаш прищёлкнул пальцами, и в его руках оказался потёртый журнал Томаса Гаута. Послунявив палец, профессор пролистал пару десятков страниц и недовольно пробормотал: 'Тут все винные лавки Бонбриджа! Ладно, третий курс, маги широкого профиля... Три плюса на весь класс. Негусто! Ики, на мои вопросы отвечать не надо, не?'

Мериам, уже успевшая повернуться к Шардашу спиной, с первого раза не расслышала вопроса, но профессор повторил его в категоричном тоне:

— Адептка Ики, извольте отвечать на вопросы. Я вас никуда не отпускал.

Мериам сжала ремень сумки и соврала, что готовится к контрольной и прослушала материал.

— Врёте, — безапелляционно заявил Шардаш. Его глаза, казалось, просверлят в ней дыру. — Маг должен уметь скрывать подобные вещи. Не отпирайтесь: вас выдаёт дыхание, мимика, напряжение мышц. Ладно, ступайте, мне некогда.

Яркая вспышка ослепила адептку, и профессор исчез. Проговорив с Мериам половину перерыва, он воспользовался нетрадиционным средством передвижения, чтобы успеть заскочить в учительскую.

Капитан Белой стражи склонился над распростёртым на полу телом и присвистнул: давненько в замке Эколь так не убивали. Точнее, подобным образом здесь никогда ещё не убивали да ещё всю смену. Трупы показывали, как двигался преступник: от ворот до подземелья. Только как, поглоти его Мрак, он сумел бескровно убить двадцать человек без единого звука, взломать магию замка, открыть зачарованный замок и проникнуть в камеру? Собственно, на пороге неё капитан и стоял, разглядывая двадцать первую жертву, ради которой всё затевалось. Её выделили среди прочих: закололи. Остальных поразила магия. Нет, не обычное смертельное заклятие, а проклятие. Вот и окончили стражники свои дни кто во время обхода, кто за столом, а кто и вовсе у выгребной ямы.

В кармане офицера смены обнаружили перстень с чёрным бриллиантом, его сейчас изучали маги, но капитан и так видел — такие носили аристократы и волшебники. Для прочих украшение слишком дорого. За какие такие услуги несчастный получил столь щедрый дар, оставалось загадкой, но капитан полагал — за нарушение должностной инструкции. Не иначе впустил преступника в замок, потому как при всём желании, даже с боем, проникнуть туда одному невозможно. Если, конечно, вы не Магистр магии.

Погибший узник добавил головной боли. Его не успели толком допросить, а, значит, заговор против короля остался не раскрытым. Вот и гадай теперь, кто сообщник типа, пойманного в парке Ведической высшей школы! Минус один заговор и минус одна контрабанда из списка раскрытых преступлений — плачевный итог. Кое-что, впрочем, установить удалось: яд, которым планировали отравить монаршую фамилию, приготовили из тавиоки. Травка была чистая, как в смысле отсутствия примесей, так и следов владельца.

Капитана интересовало, что преступник делал ночью в парке учебного заведения. Вряд ли планировал выкрасть что-то из библиотеки, а потому надлежало вторично с пристрастием допросить всех преподавателей, службу и адептов. Ведическая высшая школа слишком часто фигурировала в сводках за последний месяц — и вот опять...

'Забвение роз' благополучно шествовало по улицам, собирая всё новые жертвы. Тот тёмный демонёнок, которого они схватили, явно ни при чём.

Перевернув тело, капитан 'Белой стражи' провёл по губам покойного куском розоватого стекла: то мгновенно почернело.

— Подстраховался, — с досадой отметил офицер. — Смертельное проклятие. Если опять 'розы', пора переводить город на осадное положение и устроить зачистку. Из двадцати двенадцать тоже 'подарки' получили, только восьмерых десятым уровнем уложили. Пора на Запретное отделение наведаться: кого там вместо законопослушных подданных учат?

В дверном проёме показалась голова мага со значком государственного служащего на лацкане.

— Поднимайте всех по тревоге, капитан, — коротко прокомментировал он молчаливый вопрос офицера. — Тут орудовал маг. По совместительству — тёмный. Не человек. Мне ли объяснять, что он может натворить, если уже отправил во Мрак тридцать две жертвы.

— Тридцать одну, — поправил капитан.

— Тридцать две, — вздохнул маг. — Ваши женщину нашли... Проклятием её.

Первая женщина. Значит, пол для убийцы значения не имел. А вот связь с заговором ясно вырисовывалась. Кто-то тщательно заметал следы.

— В Школу! — рывкнул офицер и, обойдя мага, зашагал по коридору.

Директор заперся в кабинете вместе с капитаном Белой стражи. Если в случае с инспектором в Школе просто расставили солдат, которые не мешали учебному процессу, то теперь уроки отменили, а adeptам велели не покидать комнат.

Белая стража оцепила парк, сменила привратника. Капитан горел желанием сегодня же выявить сообщника покойного мятежника.

— Не заметили вы чего-нибудь странного за adeptами и преподавателями? — перед капитаном лежали списки служащих Школы.

Директор задумался, а потом признался:

— Был один случай... Я проверил, но подозрения не подтвердились.

— Какие именно? — уцепился за его слова офицер.

— Да так... Одна adeptка нашла тавиоку в классе.

Глаза капитана блеснули. Именно этот яд готовили для короля.

— Приведите её сюда.

— Это ещё не всё, — вздохнул Крегс. Если рассказывать, то до конца. — Мне надлежало немедленно сообщить, но... Та adeptка видела преступника, применившего проклятие 'Забвение роз'. Он преследовал её, но судьба уберегла. И кольцо будто бы она видела на руке одного человека.

— Вы хотя бы понимаете, чего стоило ваше молчание?! — взорвался капитан и вскочил на ноги. Еле сдерживая желание отдать приказ об аресте Селениума Крегса, он в упор смотрел на директора. — Речь не о невинной шалости, а о государственной измене и массовых убийствах!

Директор попытался объяснить, что у девочек иногда бывают фантазии, что в профессоре Шардаше он уверен, лично проверил, но капитан не слушал. В сердцах кинув на стол перчатки, офицер процедил:

— Об этом станет известно королю. Сомневаюсь, что вы сохраните свой пост.

Отстранив с дороги бледную Нору, в кабинет Крегса вошли два стражника в белом и встали по обе стороны двери, ожидая приказа.

— Вы ошибаетесь, — мягко продолжал настаивать директор, ощущая запах грандиозного скандала, витавшего в воздухе. — Тревеус Шардаш — паладин ордена Змеи. Вы допускаете, что столь высокое звание получил бы убийца?

— Маги иногда сходят с ума, — отчеканил капитан, поглаживая бородку. — Чем выше уровень знаний, тем больше вероятность. Не он первый, не он последний, кто в помутнении рассудка переходил на ту сторону закона. Не беспокойтесь, его осмотрит врач. И, безусловно, мэтру Шардашу предоставят защитника. Судя по положению в ордене, он не из низшего сословия. Что ж, камера будет со всеми удобствами.

Директор кисло кивнул и разрешил произвести арест. Чего стоило его слово против слова капитана Белой стражи? Это не обычные солдаты, а специальное подразделение, наделённое высочайшими полномочиями входить в любые дома. Только высшие роды королевства могли попросить подождать на пороге: всего пять семей, остальным оставалось либо подчиниться, либо применить силу.

— Где сейчас Тревеус Шардаш? — поинтересовался капитан.

— Ведёт занятия, — пожал плечами Крегс. — У третьего курса практикум по ядам.

— А та adeptка, что не раз, — офицер подчеркнул это слово, — предупреждала вас об опасности?

— Там же. Её зовут Мериам Ики.

Капитан кивнул и крикнул кому-то за дверь:

— Мужчину обезоружить, связать и доставить в замок Эколь. Девушку ко мне сюда.

Было слышно, как возмущалась госпожа Нора, требовала не мешать работать, но белые стражи никуда уходить не собирались, оккупировав директорскую приёмную.

Мериам тяжело вздыхала над тремя стаканами с разными жидкостями. Впрочем, не она одна: весь класс корпел над практическим заданием. Суть его была проста: учеников разбивали по трое, выдавали образцы отравленных напитков, еды, тканей и предметов. За час требовалось установить, какие яды использовались, и обезвредить их.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Есть какие-то мысли? — поинтересовалась Инесса.

— Только то, что нас заставят это пить, — скривилась Мериам. — Глянь на его ухмылку.

— Время, адептка Ики! — прикрикнул Шардаш. — Я предупреждал, что следовало учить.

Мериам кивнула и поднесла один из стаканов к носу. Ничего. Значит, необходимо посмотреть, есть ли осадок. Есть — белые кристаллы. Обрадованная Мериам потянулась к тетради с записями и подмигнула Инессе: этот определили.

Третья адептка, Алисия, деловито рассматривала на просвет другой стакан, от усердия закусив губу. Ответ на загадку профессора вертелся в воздухе, сейчас она вспомнит, что окрашивает воду в зелёный цвет и выполнит свою часть задания.

Расхаживая между насупившимися, погружёнными в тяжкие раздумья адептами, Шардаш хранил непроницаемое выражение лица, хотя видел ответы каждого. Останавливался только тогда, когда ловил ученика на нарушении техники безопасности. На плече профессора дремала Эне. После попытки учеников старших курсов отравить её еду, Шардаш брал гадюку с собой. Обычно он прятал змею от посторонних глаз под верхней одеждой, но сейчас позволил питомице обвить шею наподобие шарфа.

— И как только она его не задушит? — Инесса искоса глянула на спящую гадюку. — Смерть ведь дразнит.

— Он из ордена Змеи, — напомнила Алисия, смешивая горь-траву с зубом ящера. — Кажется, у них ритуал посвящения такой — получить укус ядовитой змеи.

— Одна змея ужалила другую, — пошутила Инесса и проводила взглядом высокую фигуру Шардаша. — Девочки, вот скажите, где такие красивые и вредные рождаются?

— Ты влюбилась в Шардаша?! — хором спросили подруги, бросив работу.

— А как же твой поклонник? — лукаво поинтересовалась Алисия. — У вас же всё далеко зашло. Или нет?

Инесса зашипела на подруг и обещала убить, воскресить, а потом снова убить: адептки выразили своё удивление слишком громко. И ладно, если бы это слышали только ученики, — это слышал Тревеус Шардаш. Он развернулся, вскинув брови, и Инесса, покраснев, уткнулась в ступку, с особым остервенением заработав пестиком.

— Адептка Скайнэ, что вы там сделали?

— Ни...и-и-и...чего, — пискнула Инесса, грозя кулаком напарницам и, по совместительству, подругам. — Ввам послышалось, мэтр.

— Жаль! — страдальчески вздохнул Шардаш. — Надежде обрубili крылья.

— Не издевайтесь, мэтр! — взмолилась пунцовая Инесса. От волнения она выронила

пестик и стояла теперь, не зная, куда деваться.

— А я не издеваюсь, прекрасное создание, — профессор подошёл, поднял толкушку и галантно протянул адептке. — Примите вместо цветов.

Инесса кивнула и выхватила пестик из рук Шардаша. Тот улыбнулся и шёпотом заметил, что не надо так бояться коснуться его пальцев. Ушко адептки побагровело ещё больше, когда профессор заметил, что 'вас красит эта брошка, Скайнэ, под цвет глаз'.

— Теперь он меня убьёт, а не тебя, радуйся! — бросая косые взгляды на Шардаша, пожаловалась Инесса Мериам.

— А он тебе действительно...

— Какая разница! — отмахнулась Инесса, по мере возможности углубившись в работу.

— А совсем недавно дышала ровно, — напомнила Мериам.

— Дышала, пока он у нас 'Демонологию' не заменял. Оказалось, у него такие глаза! И он действительно всех тех тварей убивать умеет.

В дверь класса постучали. Шардаш бросил недовольный взгляд в ту сторону, но не предпринял никаких действий. Стук повторился, на этот раз настойчивее.

— Тревеус Шардаш, именем короля!

Профессор напряжённо замер, медленно развернулся к двери и поинтересовался:

— Кто вы и что вам угодно? У меня урок.

Дверь отворилась, и сержант Белой стражи во главе четверых солдат в таких же белых одеждах решительно двинулся по проходу к Шардашу. Рука офицера лежала на рукояти меча.

— Именем короля, вы арестованы, — отчеканил сержант, не дойдя до профессора пары шагов. — Соблаговолите отдать волшебную палочку и прочее оружие любого происхождения и следовать за нами.

Класс замер в немом ожидании. Побросав отравленный шёлк и чай, ученики попеременно переводили взгляд с Шардаша на офицера Белой стражи. Смотрела и Мериам, невольно прикрыв рот рукой. Неужели она оказалась права? Прародители сущего, так вот почему извинялся профессор: желал, чтобы адептка молчала.

— По какому обвинению? — ошетинился Шардаш.

— Контрабанда, соучастие в заговоре, убийства, — начал перечислять сержант, но внезапно замолк, чтобы через миг закричать: — Преисподняя, тёмный оборотень!

Время будто замедлило бег, во всяком случае, за одну минуту произошло больше, чем она могла вместить. Адепты завизжали, устремившись к выходу, арбалетчики вскинули оружие, а Шардаш взмахнул волшебной палочкой, отшвырнув набросившихся на него белых стражников к стене. Удар был такой силы, что осыпалась штукатурка. Рванувшись вперёд, профессор по очереди ухватил за шиворот и кинул в проход оказавшихся поблизости Мериам, Инессу и Алисию. Направив на них палочку, Шардаш рявкнул, что убьёт всех трёх, если кто-то из Белой стражи сделает хоть шаг.

— Послушайте, Шардаш, не усугубляйте своей вины, — потянулся к заговоренному мечу сержант.

— Стоять, я сказал!

Алисия истошно закричала, когда её подняло в воздух, а из палочки профессора вырвался сноп голубых искр. Адептке повезло: заклинание лишь опалило волосы.

— Ты ошибся, офицер, — покачал головой Шардаш и опустил несчастную жертву на пол. Две другие в это время попытались сбежать, но наткнулись на невидимую стену. —

Дважды ошибся, потому что у оборотней долгая память.

Вместо ответа сержант попытался зайти сзади профессора, но тот вовремя среагировал на манёвр и с невероятной для человека быстротой переместился к двери.

— Стреляйте, уйдёт! — закричал офицер.

Шардаш издал низкий горловой звук и, обвив магической петлёй, швырнул себе под ноги дрожащих адептов. Пространство перед ними полыхнуло, и визжащие девушки полетели в коридор перемещения. Туда же через мгновение прыгнул Шардаш. Болты пронзили пустоту.

— Упустили! — сплюнул под ноги сержант. — Тёмного оборотня упустили! Сколько же противооборотного зелья наакалась эта тварь, чтобы казаться человеком? Вот что я, Преисподняя, начальству скажу, ротозей? Он ведь заложниц взял!

Потирая ушибленные головы и спины, солдаты молчали.

— Хватит выть! — зло прошипел Шардаш, в упор уставившись на жавшихся друг к другу адептов. — Не собираюсь я вами ни обедать, ни убивать. Отпущу потом.

Конечной точкой пространственного переноса оказалась опушка леса где-то в горах. Накрапывал дождь, и девушки мёрзли в тонких школьных платьях. Одно дело — осень в Бонбридже, обдуваемом тёплым ветром с моря, другое — на высоте, посреди деревьев и камней.

Мериам первой пришла в себя и попыталась понять, куда их занесло. По ёлкам, разумеется, не скажешь, но Лаксена — королевство равнинное, только на западе граничит с горной грядой. За ней издавна закрепились дурная слава. Оно и неудивительно, если по ту сторону раскинулись земли Империи, которую населяли тёмные народы. Зато вдоль гряды, как грибы, выросли различные магические учебные заведения.

— На ноги встали и топаем. Я тащить не собираюсь, — Шардаш стряхнул с рубашки дождевые капли и пробормотал: — Эне жаль, убьют, живодёры!

Мериам решила взглянуть на профессора и убедилась: змеи нет. А, казалось, держалась крепко...

— А людей вам, значит, не жалко? — отбивая зубами дрожь, пробормотала адептка, но Шардаш расслышал.

— Каких именно, Ики?

— Тех, которых вы убили. И убьёте, — тихо добавила она.

Шардаш скривился и, не мигая, уставился ей в глаза. Только теперь Мериам заметила, какие странные у него зрачки: узкие, практически ниточки. Но она готова была поклясться, что до этого глаза профессора ничем не отличались от человеческих.

— Не злите меня, Ики, а то в оборотня перекинусь. Зная, что адепты на уроках ворон ловят, напоминаю, что у тёмных высших разумных существ данного вида три облика: человеческий, зверо-человеческий и звериный. Первые два для вас безопасны, так как действия контролируются разумом, а вот последний... На всякий случай, адептки: никаких резких движений, руки держать на виду и следить за интонацией голоса. Это если не повезёт нарваться на меня в так сказать непривычном облике, — усмехнулся Шардаш. — Не надейтесь, что вспомню, кто вы. Зверь вас в глаза не видел. А теперь подъём, и вперёд! До темноты нужно пройти две мили.

Профессор шагнул к адепткам. Те в ужасе закрыли глаза.

— Они человечинкой питаются, — чуть слышно прошептала Алисия. — Девочки, кто ещё что о высших разумных помнит? Мериам, у тебя же бабка — оборотница...

— Светлая же...

Мериам приоткрыла один глаз и попыталась раскинуть по окрестностям поисковую сеть. Она верила, что их уже ищут.

— Вокруг только зверьё, — Шардаш легко развеял её чары. — Связать вас, что ли, чтобы не чаровали за спиной? Руки вытянули.

Двое из трёх подчинились, а Мериам решила на бой. Пока профессор возился с Инессой и Алисией, она метнулась в ближайшие кусты и, спотыкаясь, понеслась по бурелому. Адептка догадывалась, что Шардаш находится сейчас под действием противооборотного зелья, иначе бы перекинулся в зверя и разорвал белых стражников. Если

так, есть шанс вырваться на свободу.

Мериам подвела скользкая глина. Нога поехала, увлекая адептку на землю. Охая, Мериам прокатилась немного вниз по склону и ударилась головой о камень.

— Живая? — на поросшем ёлочками пригорке показался Шардаш.

Мериам сжалась, приготовившись к смерти. Кажется, она вывихнула ногу, а зачем профессору заложница-обуза?

— Не подходите! — адептка с трудом приподнялась, пытаясь сфокусироваться на заклинании — той самой острой боли, которую применяла в сложной ситуации. — Не подходите, я защищаться буду!

Шардаш хмыкнул и осторожно спустился к Мериам. Её тело обволокло чем-то мягким, потянуло в сон. Чары, не успев сорваться с пальцев, развеялись.

Профессор нагнулся к Мериам и, не касаясь, внимательно осмотрел. Адептка тоже не сводила с него взгляда, сжавшись в пружину. Хотя зрачки Шардаша вновь стали обычными, адептка не питала иллюзий. Тёмные твари на то и тёмные, что агрессивны и непредсказуемы. Людей они презирают, если верить книгам. А этот оборотень испробовал вкус крови, он точно не остановится. Её, Мериам, и вовсе щадить не станет: не будь адептки Ики, Тревеусу Шардашу не пришлось бы удариться в бег.

Но Шардаш не убил, а рывком поднял на ноги. Мериам скривилась и тоненько застонала. Лодыжка пылала огнём.

— Скверно! — недовольно протянул Шардаш и с лёгкостью перекинул адептку через плечо. — Что у вас с ногой, выясним на привале, а пока лежите смирно и помалкивайте.

— Как я могу помалкивать, если у вас кольцо с розами на пальце! — выдохнула Мериам. К глазам так не вовремя подступили слёзы. — Вы убили десятки человек, планировали свергнуть короля...

— Ики, я серьёзно говорю: помалкивайте! — огрызнулся Шардаш.

Мериам хлюпнула носом и подчинилась. Её подташнивало, земля плыла перед глазами цветными пятнами. Рассмотреть практически ничего не удавалось — а как иначе, если висишь вниз головой? Одна радость, что Шардаш не связал и не заставил самой ковылять вверх по склону.

Инесса и Алисия понуро шагали впереди Шардаша, изредка переговариваясь. Хмурый профессор пристально следил за ними, периодически останавливаясь и прислушиваясь. Теперь уже адептов не удивляла ни бесшумность его походки, ни умение знать всё, что творится в классе: от того, кто что читает, до девичьих секретов на ушко. Органы чувств обратной ине.

Во время одной из остановок Мериам попросила ненадолго положить её на землю.

— А то меня мутит, — стесняясь, добавила она.

Шардаш задумчиво почесал подбородок и выполнил просьбу. Мериам попыталась благодарно улыбнуться, но вышла болезненная гримаса. Усталые подруги с молчаливого разрешения Шардаша тоже присели. Ноги гудели, а конца пути не видно. Вокруг одни камни, ели, низкий кустарник и пласты глины. Переправляясь через ручей, адептки в довершении всех бед намочили ноги и теперь дрожали от холода: вечера в горах прохладные, а ночь и вовсе мог ударить морозец.

Поцокав языком, Шардаш снял с пленниц чары, позволив размять руки. Затем присел возле Мериам и велел показать ногу. Адептка в ужасе замотала головой.

— Похоже, о том, что я маг, вы уже забыли, — пробурчал Шардаш. — Нет, если хотите

хромать...

— Так недолго же осталось.

— От вас зависит. Ногу, Ики, и без фокусов! Как бы мало вы ни весили, хотелось бы избавиться от такого груза.

Мериам покорно приподняла грязную юбку. Подумав, сама расшнуровала ботинок и в упор уставилась на Шардаша. Тот делал вид, что не понимает, пришлось пояснить:

— Отвернитесь, мэтр, я чулок сниму.

Профессор покачал головой:

— И не подумаю. Как выглядит женская ножка, я знаю.

Инесса тяжело вздохнула, обратив на себя внимание Шардаша:

— Вот видите, от любви вы уже излечились.

Ощупав лодыжку Мериам, профессор вынес вердикт: вывих. Сделав из подручных материалов фиксирующую повязку, Шардаш коснулся её волшебной палочкой. Нога адепки тут же оледенела. Мериам не возражала, понимая, что это часть лечения. Сначала холод и покой, потом горячие компрессы.

Видя, что адепки посинели от холода, Шардаш велел подыматься и прибавить шагу, чтобы согреться. Сам он будто и не мёрз.

Мериам приготовилась снова висеть как куль с мукой, но профессор удивил: взял на руки.

Когда адепткам казалось, что они оголодают и замёрзнут в лесу, Шардаш свернул на какую-то тропинку. Она вывела к небольшому домику с удобствами во дворе — вещи, давно позабытой в Бонбридже.

— Тут защита, — профессор остановил рванувших к вожделенному крыльцу адепток.

Воздух и, правда, едва заметно искрился. Взмах волшебной палочки, и стена защитной магии опала.

— Добро пожаловать! — Шардаш сгрузил Мериам на крыльцо, достал ключ из-под половики и вручил адептке. — Еда, растопка очага и прочее — ваша забота. Ходить можно куда угодно, брать тоже. Попытки сбежать или убить закончатся для вас плачевно. Вернусь через час и надеюсь, — он выделил голосом это слово, — увидеть обед. Ики уложите и не давайте скакать.

И всё, профессор скрылся в лесу. Чувствовалось, что тот знаком ему не понаслышке. Посовещавшись, адепки предположили, что Шардаш здесь родился.

— Никогда ещё не была в жилище оборотня, — прошептала Инесса, открывая набухшую дверь. Она поддалась не с первого раза, пришлось приложить усилия.

Внутри оказалось темно и сыро, но пара магических шаров решила дело.

— Фу, сколько пыли! — брезгливо протянула Алисия и обернулась к Инессе: — Грязнуля — твой возлюбленный.

Инесса стусевалась, пробормотала что-то невнятное и попросила помочь поднять Мериам. Та заявила, что и сама прекрасно доковыляет, но адепки настаивали, испуганно косясь на стену деревьев. И тут Алисия вспомнила, что, уходя, Шардаш не возобновил защитный контур. Позабыв об усталости, голоде и страхе, она указала на лес, знаками показывая, что другого случая не представится.

— Поблизости ручей. Мы по течению пойдём, к людям выйдем, — шёпотом добавила она.

— А Мериам? — с укором напомнила Инесса.

Решили, что Алисия отправится на разведку, а adeptки подождут её на крыльце, чтобы вовремя сбежать в случае опасности.

Не прошло и десяти минут, как из леса раздался девичий визг. Кричала Алисия. Наступившая потом тишина морозом прошлась по коже. В воздухе запахло розами.

— Он нас проклял... — в отчаянье прошептала Мериам.

Не сговариваясь, adeptки разрыдались, прощаясь с жизнью. Увидев нечто с бездыханной Алисией в когтях, они заорали. Инесса убежала в дом, забившись под лавку, а Мериам только и смогла, что перебраться через порог. Всё тело её ломило, нога и щёки пылали жаром.

Издав низкий вибрирующий рык, полуживотное бросил Алисию рядом с Мериам. Adeptка в ужасе уставилась на бескровное лицо и раскрытый рот подруги, а потом перевела взгляд на того, кто её принёс. Оборотень, настоящий тёмный оборотень с пылающими алыми глазами в той самой второй разумной ипостаси. Ростом чуть выше Шардаша, но вровень с тем существом, что Мериам видела в 'Бравом петухе'. В разодранной в ходе превращения одежде, с клыками и когтями животного и телом человека. Серебристая шерсть покрывала всё, кроме лица, горла и ладоней.

Мериам икнула и признала, что маг из неё никакой. Встретила высшее тёмное существо и провалила импровизированный зачёт. В своё оправдание adeptка могла сказать, что эту тему по 'Демонологии' они ещё не проходили.

— Даже дымом не пахнет, — рыкнуло существо голосом Тревеуса Шардаша. — Таких только проклясть и можно. Отвернитесь, Ики, а то обвините в домогательствах.

Мериам не смогла, просто закрыла глаза. Она чувствовала, как немеют члены, как реже и реже стучит сердце — проклятие действовало. И действительно внутри вдруг стало так сладко, так радостно, будто влюбилась. Нечто подобное Мериам пережила полтора года назад, когда увидела Нориса.

Засунув подмышку снятую испорченную одежду, Шардаш перешагнул через adeptка и зашёл в дом. Мериам чихнула от попавшей в нос шерсти. Её обдало волной тепла — Шардаш перекинулся в человека.

Решившая выглянуть из-под лавки Инесса поспешила отвернуться. Шардаш прокомментировал её поведение смехом и толкнул дверь в спальню. Ничуть не смущаясь собственной наготы, переоделся и крикнул:

— Проклятие снимать?

— А вы можете? — удивилась Инесса.

— Нет. Но я его не накладывал, просто симитировал. А у Ики жар, не держите её на холоде.

И ни слова об Алисии.

Загнав Инессу на кухню, Шардаш вернулся в сени. На Мериам полетел пиджак с словами: 'Только воспаления лёгких мне не хватало!'. Adeptка хотела отказаться от подарка, но в итоге завернулась в него, уткнувшись носом в подкладку. Её колотила дрожь.

— Алисия... она мертва? — Мериам с осуждением глянула на Шардаша.

— Жива. Царапины и только. Заживут денька за три.

Шардаш набрал ведро воды из колодца и окатил лишившуюся чувств adeptку. Да закашляла, вскочила и с визгом кинулась в дом, к Инессе. Мериам заметила кровь на её плече.

— Так, теперь разберёмся с вами, — поморщился Шардаш. — Кровать у меня одна, а на

лавку не положишь... С другой стороны, уж вас-то, Ики, я предпочёл бы всегда иметь под боком: слишком наблюдательны и умны.

Снова подхватив Мериам на руки, он уложил её на постель и крикнул в раскрытую дверь:

— Чтобы обед был через полчаса! Скайнэ, займётесь Ики: вымыть, сделать компресс, накормить.

Мериам напряжённо следила за Шардашем, а он будто её не замечал. Обругал адептку, из-за которой испортил одежду: 'Теперь придётся зашивать', и достал откуда-то бутылочку с синей мутной жидкостью, напоминавшую флакон духов. Поморщившись, Шардаш одним глотком опорожнил её и метким ударом отправил в ведро у порога. Бутылочка ожидаемо разбилась.

— Неделя-две без оборотов, а дальше вопрос придётся решать, — пробормотал Шардаш.

— Это противооборотное зелье, да? — подала с кровати голос Мериам.

Шардаш кивнул и с кривой, нервной усмешкой заметил, что целую неделю им не грозит увидеть нечто хвостатое и клыкастое.

— Значит, это нужно постоянно пить, чтобы быть человеком?

— Всю жизнь, Ики. С годами, конечно, средство накапливается, дозы меньше. Если бы не тот сержантик, не откупорил бы до следующего месяца. Ну, ещё вопросы, пока у меня есть время и желание ответить. Хотя любопытство, адептка Ики, — главная причина смертности населения.

Мериам сжалась и отодвинулась на самый край кровати, когда Шардаш завалился рядом. Скрестив руки за головой, он смотрел в потолок, а потом лениво протянул:

— Я не плотоядный и не заразный. Давайте, двигайтесь ближе: вижу ведь, как дрожь колотит. Где только носит Скайнэ?

Рука с перстнем с розами коснулась лба Мериам, заставив ту рывком сесть. Шардаш забрал сползший с неё пиджак, сложил и убрал под подушку:

— Я всего лишь проверял температуру. Меньше пошлостей читайте.

Так их и застала Инесса: Мериам сидела вполоборота к Шардашу, прижимая руки к груди, а профессор дремал рядом. Но, как оказалось, всё прекрасно видел и слышал. Стоило Инессе попытаться осторожно вытащить у него палочку, как глаза Шардаша тут же распахнулись.

— Обед готов! — тут же пискнула адептка и спряталась за Мериам. И то верно — та на четверть светлый оборотень, ей меньше других опасность угрожает.

— И где он? Судя по запаху, это нечто несъедобное.

— Похлёбка. Извините, — развела руками Инесса, — у вас в кладовой мышь повесилась.

Шардаш встал и строго-настрого велел Мериам не вставать.

Инесса пугливо юркнула в угол, давая профессору пройти, а потом шёпотом поинтересовалась у подруги:

— Что он с тобой делал?

— Ничего.

Судя по взгляду Инессы, та сомневалась, что 'ничего' так и останется ничем.

Адепки не спали, опасливо поглядывая на дверь кухни. Все трое простыли, у Алисии ныло раненное плечо, а у Мериам — лодыжка, но они решительно отказались ночевать в одном помещении с Шардашем. Устроились у очага, укрывшись каким-то тряпьём. После обеда Шардаш опять куда-то ушёл, поэтому девочкам удалось перетащить к себе Мериам.

— Или ты в одной постели с ним хочешь? — прищурилась Инесса. — И пиджак-то ей, и на руки взяли!

— Ревнуешь? — Мериам оперлась о здоровое плечо Алисии и запрыгала по полу. — Да спи ты с ним, только спасибо скажу. Знаешь, как страшно, когда дыхание его чувствуешь?

Инесса кивнула и извинилась: 'У меня нервы шалят'.

Масла в огонь страхов подлила Алисия, поведав, как Шардаш выследил и повалил её в лесу:

— В один прыжок догнал, хотя я без проблем нормативы Идти сдаю. Заклинание не подействовало, а второй раз не успела — вонзил когти в плечо и кинул на землю. И всё, больше ничего не помню.

Адепка осторожно, ругаясь, коснулась затылка — шишка набухла. Хотя бы кровь из ссадины не течёт.

Все трое решили, что нечего ждать, пока явится Белая стража, нужно выбиратья самим. Инесса вызвалась по звёздам вычислить приблизительное местоположение избушки, Мериам вспомнила пару городков у края, Алисия предложила объединить силы и попытаться создать 'Шар безопасности' — охранное заклинание седьмого уровня. Она вычитала его в учебнике за четвёртый курс.

— Для него палочка нужна, — вздохнула Алисия, — да и этот мигом развеет. Профессор ведь! Ума ни приложу, как он научную степень получил. Документы подделал?

— Сомневаюсь, — покачала головой Мериам. — У меня дед — кандидат магический наук, так он показывал диплом — там столько степеней защиты! Вы же слышали, Шардаш даже директором был, опять-таки орден Змеи. Такое не подделаешь, если только документы не выкрасть, а их владельца убить. Тот Шардаш, который директор, неожиданно оставил пост, попросту пропал или сбежал, письмо уже из какого-то городка написал. Оборотень вполне мог его задрать.

Она нахмурилась, задумалась и покачала головой, развеяв собственные предположения:

— Мог, но вряд ли. Мэтр — хороший маг и предмет знает. Выходит, сам изучал. Видимо, как-то обманул приёмную комиссию, а потом Министерство. И я поняла, почему он пост директора бросил — всплыло, что оборотень.

— И откуда ты всё знаешь? — насупилась Инесса. — Досье его читала? Или он сам разоткровенничался?

— Директор случайно обмолвился, а я логическую цепочку достроила. Только орден Змеи из неё выпадает.

Инесса ушла смотреть на звёзды, а Мериам, перевязывая Алисию, шёпотом обновила счёт догадок о кольце. Что было, а потом пропало. Как раз накануне того дня, как Белая стража пришла арестовывать Шардаша.

— Мог просто потерять, — предположила Алисия.

— Такие не теряют. И ему очень не понравилось, что я заметила пропажу. Нет, с

кольцом нечисто. Если Шардаш принимал участие в заговоре, то мог отдать его сообщнику. Не тому, которого убили, а другому. Немаг таким образом приобретёт силу.

— Почему тогда перстень с розами не отдал?

— Потому, что на пальце человека оно не действует. Вот ведь казус — Шардаш сам о связи тёмных оборотней с демонами рассказал. Кривился, но рассказал.

Мериам на мгновение умолкла и хлопнула себя ладонью по лбу:

— Их же два! Если то, что я нашла на чердаке, принадлежит Шардашу, как оно там оказалось? Проще навести морок, чем прятать среди хлама. То есть у нас три варианта. Первый — там хранилось другое кольцо. Второй — Шардаш положил кольцо туда, чтобы кто-то другой, не я, его забрал. И третий — Шардаш что-то делал на чердаке, его спугнули, а кольцо...

— Не лезь в это, Мериам, — посоветовала Алисия, указав на плечо. — У нас тут оборотень в расцвете лет, склонный к насилию, а ты о кольцах думаешь! Лучше соберём еды в дорогу.

Собирать было особо нечего: те немногие запасы, что пощадили грызуны и время, пошли на приготовление обеда. Вместе с Алисией обследуя кладовку — на двоих был полный комплект здоровых рук и ног, даже по одной лишней, — пришли к выводу, что в доме Шардаш периодически жил. Предположили, что профессор проводил здесь летние каникулы. А что, воздух чистый, тишина, можно в зверином облики без проблем круглые сутки бегать. Не зря же оборотень так высоко забрался: скрывал нору от чужих глаз.

Вернулась Инесса и подтвердила, что занесло их на запад. До Бонбриджа — как до Преисподней.

— Ничего, — утешала она подруг, — я по Алтаиру нас выведу. Он неподвижный, всегда над столицей Империи висит, а она к северо-западу от Бонбриджа. Надо повернуться к звезде спиной и никуда не сворачивать.

Мериам подумала, что тяжело будет ковылять с больной ногой по лесу с температурой, но промолчала. Алисия же молчала, хотя ей намного хуже: раненая и кашляет. Инесса-то только носом хлюпала. Если уходить, то и вправду до утра. Ночь — время оборотней, не вернётся Шардаш до восхода.

Позаимствовав у хозяина дома тёплые вещи, огниво и котелок с чёрствым хлебом, adeptки двинулись в путь. Первым же препятствием стало крыльцо, с которого они, испугавшись крика ночной птицы, свалились. Мериам и Алисия дружно завyli сквозь зубы: падение растревожило болячки, а Инесса судорожно завертела головой, ища зловещие алые огоньки. Но не нашла.

Сдерживая кашель, преодолевая боль и ломоту в теле, укутанные, словно столетние старушки, adeptки заковыляли к лесу, оставив Алтай за спиной. Чтобы не сбиться с пути, Инесса чертила веткой на земле линию, подсвечивая её слабеньким магическим шаром.

Почва была неровная, каменистая, скользкая. Мокрая от дождя, она подмёрзла, приходилось сто раз подумать перед тем, как поставить ногу. Юбки и одеяла цеплялись за ёлки и кустарник, мелкие камушки больно били по носкам ботинок.

Над головами то и дело кто-то пролетал, теньями скользя по земле. Решившись взглянуть, кто это, adeptки с облегчением выдохнули: сычи и совы, а не вампиры. Зато звери в лесу, кажется, были самыми настоящими. Кто-то хрустел ветками, по-хозяйски бродя по лесу. Оставалось только гадать, волки или медведь. Аdeptки сплели руки, чтобы в случае опасности попробовать сотворить 'Шар безопасности'. Мериам предпочла бы руны, но они

больше подходили для дневного времени. Ошибёшься в одной чёрточке — и вся работа насмарку. Зато над собой адептка начертила символ жизни, который должен отвести смерть.

Вскоре выяснилось, что идти даже без противодействия Шардаша тяжело. Алисия ныла, Мериам с тоской слушала хлюпанье в ботинке здоровой ноги, а Инесса злилась на Альтаир, предательски скрывшийся за кронами деревьев. Осенний холодок пробирался под одежду, заставив всех троих чихать и самих пугаться этого чиха.

Плюхнувшись на дерево, о которое чуть дружно не сломали ноги, адептки задумались. Не стоило ли повернуть назад? Шардаш обещал отпустить — может, сдержит слово? С другой стороны, если он прознает о побеге, вся благодать сойдёт на нет. Алисия уже поплатилась реальной кровью.

Шорохи в лесу усиливались. Адепткам показалось, что какая-то тварь ходит вокруг них, принохивается...

— Медведь! — в ужасе прошептала Инесса, чуть приподняв световой шар над землёй. — Mamочки, он нас сейчас задерёт!

Плохо соображая, что делают, адептки, не сговариваясь, заорали: 'Мэтр Шардаш!'. В тот миг оборотень казался лучше дикого зверя.

Медведь замер, а потом ринулся к ним сквозь валежник. Матёрый бурый хищник, рассерженный непрошенными гостями в его владениях.

— Мэтр Шардаш! — снова сипло пискнула Инесса и в отчаянье запустила в медведя освещавшим дорогу шаром. Как выяснилось, сделала только хуже. Зверь заревел и поднялся на задние лапы.

Мериам и Алисия одновременно метнули заклинания боли и кратковременной слепоты — самые сильные из тех, которые знали. Сил сотворить новые не было: руки тряслись, мысли путались от нараставшего жара.

Голубая вспышка прорезала тьму, и медведь замертво рухнул чуть ли не на адепток. Его морда плюхнулась на подол Инессы, заставив девушек взвизгнуть и закрыть глаза. Когда они их открыли, увидели Шардаша. Профессор молчал, но по выражению его лица, любезно подсвеченному новым, гораздо более ярким шаром, нетрудно было понять, что он в ярости. Сделав несколько глубоких вдохов, Шардаш оттащил зверя в сторону, будто тот не весил в десять раз больше него, и коротко пообещал: 'Закопаю здесь всех троих'. Адептки поверили, но даже не попытались бежать.

Шардаш стоял напротив девушек, поглаживая кольцо с розами и буравя адепток взглядом. Те терпеливо ждали решения собственной участи.

— Преисподняя, — наконец рявкнул профессор, — я же обещал вас отпустить! Чтоб вас Крегс отчислил, безголовые курицы!

У Мериам отлегло от сердца: если ругается, обзывает, то не убьёт. Опять же противоположное зелье при ней выпил, не перекинется. Правда, оставалась другая опасность — проклятие. Шардаш по-прежнему теребил перстень, а это дурной знак. С третьей стороны, они нужны профессору живыми как гарантия безопасности.

— Вы нас не убьёте, потому что иначе Белая страже не позволит вам уйти, — осмелившись глянуть Шардашу в глаза, заявила Мериам.

— Хоть до одной дошло! Предупреждаю: следующий побег обернётся переломанными ногами. Кости срastутся, зато вы под присмотром.

Рыкнув, Шардаш с шумом выдохнул и склонился над адептками. Ему хватило одного взгляда, чтобы оценить состояние их здоровья.

— Ты, — палец Шардаша уткнулся в Инессу, — тащишь на себе блондинистую подругу. Воспаление лёгких она практически хлопотала, но хоть ногами передвигает. А это чудо, которому я велел лежать, — палец переместился на Мериам, — придётся опять нести мне. Вас я тоже поздравляю, Ики, те же симптомы. В следующий раз хватайте не одеяла, а тёплую одежду. Опять в какой-то дряни вымазались... Завтра разберёмся.

Алисия со стоном опустила на лавку и прикрыла глаза. Мериам всё ещё висела на плече у Шардаша, который деловито копался в кладовой, приносясь к травам. Найдя то, что искал, он сгрузил адептку на стол: второй лавки на кухне не было, и прикрикнул на возившуюся с очагом Инессу:

— Что огнём, что магией — толку нет! Вместо того, чтобы выспаться, вожусь с тремя дурами... Держите травы, варить, процеживать, пить, будете сами. Мыться придётся на улице, так что после сразу в дом. Хотя, нет, двух болезных вымою сам.

— Ну, — Шардаш перевёл взгляд с Мериам на Алисию, — кто смелый? Приз — компресс на лоб.

Обе адепки промолчали, и профессор выбрал сам. Мериам почему-то не удивилась, что её. Плеснув в ведро горячей воды, Шардаш разбавил её холодной из колодца, засучил рукава и велел адептке снять платье. В ответ та язвительно поинтересовалась, может, сразу и сорочку?

— Для адептов поберегите, — огрызнулся Шардаш. — Считаю до трёх!

Чихнув, Мериам потянулась к крючкам и кое-как стянула платье. Оно тут же полетело в руки Инессы со словами: 'Выстирать!'. Шардаш, поджав губы, осмотрел дрожащую адептку и потянулся за полотенцем. Мало считаясь с возражениями Мериам, профессор привёл в порядок её руки, ноги, плечи, лицо и волосы — то, что пострадало от общения с негостеприимным лесом, и заново осмотрел лодыжку. Покрасневшая от смущения адептка мечтала, чтобы экзекуция скорее закончилась, и ей позволили прикрыться. Наконец Шардаш накинул на неё знакомый пиджак и велел присесть у очага, чтобы высушить волосы. Пришёл черёд Алисии, только с той разницей, что профессор сам снял с неё платье.

Оглядев мокрых адепток, Шардаш сыпанул в котелок травы, помешивая, поварил минуты три и плеснул в кружки:

— Выпить и спать. Обе ночуете в спальне. Обещанный компресс, Ики, вы получите.

Мериам буркнула, что обойдётся без него, попыталась встать, но тут же поняла, что не только компресс, но и рука Шардаша лишней не будет. Алисию, конечно, окатили водой, но она до этого не продрогла так, как Мериам. Профессор без лишних слов уложил адептку в постель, обернул одеялом и положил на лоб что-то тёплое, приятное. Затем вернулся за Алисией. Та воспротивилась, заявив, что хочет ночевать с Инессой.

— Хорошо, — пожал плечами Шардаш, — Ики теплее будет. Хотел уступить вам комнату, но раз такой норов... Там лежанка за дымоходом. Спокойной ночи!

И захлопнул дверь в спальню.

Инесса с облегчением перевела дух и проскользнула в сени с ведром воды и подсушенным полотенцем — мыться. Вернувшись, поставила томиться травяной настой, устроилась сушить волосы и, наклонившись, шепнула задремавшей Алисии:

— Как думаешь, он просто так с Мериам глаз не спускает?

Проснувшись, Алисия заморгала и попросила подругу повторить вопрос. После, немного подумав, ответила:

— Ну, она же всю эту кашу заварила, у него на неё зуб. Плюс Мериам на четверть

оборотница, а мы люди. Главное, чтобы не покалечил. Ничего, продержимся пару деньков, и кошмар закончится.

Мериам недовольно забурчала, когда кто-то попытался вытащить из-под неё одеяло. Или оно ей не полагалось? Открыла глаза и снова закрыла, незаметно согнув руку в локте, чтобы было сподручнее бить.

— Ики, ваше изнасилование в программу дня не входит, — устало протянул Шардаш. — Я всего лишь заберу одеяло и заверну вас в плащ. Он тёплый, длинный и не способствует бурным любовным играм: запутаетесь.

Прислушавшись, профессор в полусогнутом положении замер над адепткой, вздохнул и вернулся к прерванному занятию: вытащил одеяло и заменил его плащом.

В спальне было темно, снова открывшая глаза Мериам видела лишь силуэт Шардаша. Кажется, он разувался.

— Можно задать вопрос?

Шардаш что-то помычал в ответ и завалился возле Мериам, накрыв обоих одеялом. Адептка отодвинулась к самому краю кровати, профессор не возражал. Лязгнув зубами как зверь, он пробормотал:

— Завтра все вопросы, Ики, всё равно вам ещё лежать и лежать. И поговорить явно придётся, хотя надежда встретить разум в вашей голове невелика.

Через пару минут Мериам услышала ровное сопение и успокоилась. Шардаш действительно не планировал воспользоваться положением и вёл себя поразительно мирно. То ли притворялся, набивая себе цену перед правосудием, то ли действительно был неопасен для окружающих. Преподавал же он в школе, никого не трогал...

Усталость и жар сделали своё дело: Мериам тоже заснула. И не просто заснула, а умудрилась к утру привалиться к боку Шардаша, о чём с ужасом узнала, пробудившись от радостного возгласа Инессы. Проснулся и Шардаш, рывком поднялся с постели и метнулся к окну.

— Мерзопакость, Преисподняя! — не переставая ругаться, профессор обулся, на ходу выхватил палочку и метнулся в сени.

Мериам оставалось только предполагать, что убежище Шардаша выследила Белая стража.

Инесса стояла на крыльце, махала рукой и кричала: 'Мы здесь!'. Выйдя с утра за водой, она и не надеялась услышать человеческие голоса. Инесса не выпалась, всю ночь металась между горящей Алисией и дверью в спальню Шардаша, гадала, позвать или нет. В том, что с Мериам всё хорошо, она убедилась, когда за полночь решила заглянуть внутрь. Учини профессор насилие, подруга бы кричала. Убей бы или наложи заклинание молчания, не сопела бы и не положила бы доверительно ладонь на руку Шардаша. Картина на кровати выглядела мирно.

И вот люди. Лесорубы. Инесса бросила ведро и побежала им навстречу. Увы, Шардаш подоспел вовремя, активировав защитный контур. Адептка со всего разбега налетела на него и разбила нос. Шардаш в мгновение ока оказался рядом и отшвырнул Инессу в сторону крыльца. Бедная адептка шлёпнулась на пятую точку возле брошенного ведра.

Шардаш напряжённо вглядывался в просветы между деревьями. Услышав отзыв лесорубов: 'Эй, кто там кричит?', скивился и, обернувшись к Инессе, зло бросил: 'На твоей совести!'. Сообразив, о чём идёт речь, адептка что есть мочи заорала: 'Спасайтесь, зовите Белую...'. Слова комом встали в горле. Инесса захрипела, с ужасом осознав, что онемела.

Шардаш скрылся в лесу. Прошла минута, другая, он всё не возвращался. У адептки вспотели ладони. Её пугало, что лесорубы тоже молчали. Они же шли сюда, уже подходили к поляне...

— Инесса, что произошло? — в распахнувшееся окно выглянула Мериам. Сонная, она с трудом выпрастывалась из-под плаща и одеяла, допрыгала до стены. — Где мэтр?

Инесса замахала руками, знаками попыталась объяснить, но тут вернулся Шардаш. На губах застыла вымученная улыбка, пальцы сжимали палочку так, что, казалось, она сломается.

— Окно закрыла и в постель! — рывкнул Шардаш, заметив Мериам. — Приду, температуру померю.

Адептка покорно запрыгала обратно, только не к кровати, а к двери. Утренний холодок заставил вспомнить об удобствах во дворе. Она чувствовала себя намного лучше, чем вчера. То ли сон помог, то ли лекарство, приготовленное Шардашем.

С лежанки застонала Алисия, попросила пить. Мериам обещала принести, взяла кочергу вместо костыля и заковыляла в сени. Там и столкнулась с Шардашем, зашедшим за топором.

— Так... — брови профессора сошлись на переносице, глаза сузились. — И куда это мы собрались, Ики?

— По надобности, — смутилась Мериам и, сменив тему, поинтересовалась: — А кто там был? Нас искали?

— Нет, не вас. Я всё уладил. А туда, куда шли, Инесса проводит, иначе вы с крыльца навёрнётесь, помяните моё слово!

— Мэтр, а они... они живые?

— 'Отведи глаз', — коротко пояснил Шардаш, достал топор и быстрым шагом направился к ельнику. Судя по тому, как трещало дерево, профессор вымещал на нём свою ярость.

Инесса, всё ещё немая, подала руку подруге и довела до уборной. Она то и дело со страхом поглядывала на Шардаша, повалившего ель и теперь обрубавшего сучья.

— Он их не убил, — поспешила успокоить Мериам. — Всего лишь запутал, чтобы в

другую сторону пошли.

— Ой, — она только что заметила кровь на лице Инессы, — ты как это?

Адептка замычала и ткнула пальцем в Шардаша. Голос вернулся к ней на середине фразы: '...со всей силы!'

Когда Мериам добралась до крыльца, Шардаш уже перетаскивал дрова на кухню. Ему помогала насупленная Инесса. Вместо того чтобы отправиться досыпать под одеялом, адептка решила встать на сторону подруги, заявив, что по лицу женщин бьют только мерзавцы.

— Я же тёмный оборотень, — отмахнулся Шардаш. — Не рассуждайте, а лечите ногу и горло. Ларикс уже добегалась: хрипит.

Мериам пролежала весь день, а вечером не выдержала и встала, заявив, что совершенно здорова. Профессор отреагировал мгновенно: отправил чистить грибы на кухню.

— Может, мне постирать? — адептка глянула на кучу грязного белья в углу. — Ваше тоже могу. И, — она выдержала паузу и напомнила, — вы обещали поговорить со мной.

Шардаш промолчал. Он возился с тазом с водой, вода над ним волшебной палочкой. На заинтересованный взгляд Мериам пояснил, что пытается связаться с Селениумом Крегсом:

— У Ларикс бронхит, лучше пусть в лазарете полежит. И Скайнэ до смерти надоела. Остаёшься ты.

— То есть? — не поняла Мериам.

— То и есть. Мы с тобой прогуляемся в другое место, потому что летний домик милые адептки тоже выдадут. 'Всевидящее око' в руках опытного мага и не такое может.

— Но не проще ли нас троих...

— Отпустить? — Шардаш развернулся к адептке и покачал головой. — Когда Белая стража боится за чью-то жизнь, они осторожны. Ваших подруг я отдам не просто так. А ты... Хромая, не сбежишь.

Мериам вздохнула: перспектива остаться одной не радовала, но, может, директор договорится с профессором?

Вода в тазу наконец отразила лицо Крегса. Судя по всклокоченным волосам и кругам под глазами, директор провёл не лучшие два дня в своей жизни.

— Тревеус, вы где?! — заорал Крегс, делая кому-то знак помолчать и не попадать в поле зрения шара.

Шардаш пододвинул табурет, сел, закинув ногу на ногу. Он молчал, наблюдая за пантомимой в Бонбридже.

— И как, людей ведь до сих пор убивают? — лениво поинтересовался профессор. — Капитан рвёт и мечет?

За спиной директора метнулся белый плащ. Крегса оттолкнули, и вода отразило перекошенное лицо офицера Белой стражи.

— Лучше придите с повинной, Шардаш, — печатая слова, посоветовал он.

Шардаш рассмеялся:

— Даже не подумаю.

— И, — в голосе профессора послышались знакомые Мериам звериные нотки, — разговаривать буду только с Селениумом Крегсом. Полагаю, он арестован и сидит сейчас в замке Эколь. Фальшивые декорации меня не обманут: параметры связи изменились, да и глаз оборотня видит больше вашего.

— Где адептки? — скрипя зубами, подавил рвавшееся с губ ругательство капитан.

Шардаш поманил Мериам и показал её офицеру. Чтобы убедить того, что адептка не фантом и не труп, отошёл, разрешив Мериам рассказать об ужасах своего заключения. Однако адептка не стала жаловаться: её заботила судьба директора. Она просила освободить его, отмахиваясь от вопросов капитана о пытках.

— А теперь, Ики, топайте к корыту, раз так мечтали. Далее разговор не для ваших ушей, — Шардаш, памятуя о её больной ноге, осторожно отодвинул адептку от таза.

Но Мериам не ушла, а пристроилась подслушивать у двери. Как выяснилось, Шардаш это предвидел: спальню накрыло пологом тишины. Говорил профессор долго, у адептки затекла нога, да и спина потребовала разогнуться.

Когда дверь неожиданно открылась, Мериам так и стояла у порога, ожидаемо заработала синяк и упала. Шардаш сдавленно захрипел каким-то своим мыслям. Во всяком случае, на адептку у своих ног он глянул после того, как выпустил пар, и разжал кулаки.

Инесса предпочла скрыться в сених — якобы ушла за дровами.

Шардаш в упор смотрел на Мериам. Верхняя губа чуть вздёрнута, глаза прищурены. Руки профессор убрал за спину, как полагала адептка, для того, чтобы она не видела его истинных эмоций.

— Ожидаемо, Ики, но глупо, — наконец изрёк Шардаш. — Думали, позволю подслушать?

Мериам промолчала и, ухватившись за косяк, попыталась встать. Профессор шумно втянул в себя воздух, знакомым движением подхватил адептку на руки, усадил на лавку и сунул в руку ложку — для синяка.

— Я ухожу, вернусь на рассвете. В лесу — звери, до города далеко, до деревушки тоже, так что... Еду оставлю. Если всё пойдёт хорошо, выходные встретите с родными. Завтра вас заберут.

— Они обманут, — неожиданно заявила Мериам. — Капитан вас приговорил, а вы этого не делали.

Шардаш озадаченно уставился на неё, потом сгрёб в охапку и потащил обратно в спальню. Водрузив ношу на постель, навис над ней, скрестив руки на груди. Мериам молчала, испуганно сжавшись: слишком странной оказалась реакция на робкое сочувствие.

— Кто же это сделал, Ики? — сдавленно пробормотал Шардаш. — Какие тайны вы ещё храните?

Молчание адептки, её страх раздражали профессора, наводили на мысль, что она гораздо больше повинна в его заключениях, нежели он полагал. Слишком часто Мериам Ики возникала на его пути, и каждое её появление знаменовалось полосой неудач. Так и не добившись ответа, профессор махнул рукой и отправился проведать Алисию.

Мериам перевела дух, пытаясь понять, что же так разозлило Шардаша. Единственная разумная причина — слова или условия капитана Белой стражи. Неужели директор Крегс арестован? Но что ему можно предъявить? Взял на работу тёмного оборотня? Но с такими регалиями никому бы не пришло в голову проверять Шардаша. Халатное исполнение обязанностей? За это увольняют, объявляют выговор, но не сажают в тюрьму.

Мериам увлеклась размышлениями и не заметила возвращения Шардаша. Она вздрогнула, когда руку профессора легла на плечо. К тому, что Шардаш передвигался бесшумно, она уже успела привыкнуть, но вот как он без скрипа открыл дверь?

— Планы меняются, — сообщил Шардаш. — Придётся прогуляться.

— Куда? — Мериам не хотелось покидать тёплый дом и тащиться по негостеприимным

осенним горам.

— На свидание, так что постарайтесь выглядеть соответствующе.

На колени адептке полетели два плаща. За ними последовало выдернутое из-под Мериам одеяло. Не проронив ни слова, Шардаш вышел. Сквозь приоткрытую дверь адептка слышала, как он велел Инессе помочь Алисии идти, завернуть её в одеяло и глаз не спускать.

— Мы на голодный желудок пойдём? — поджала губы Инесса.

— Сами говорили, что у меня только духи выживут. Давайте, шевелитесь, нужно успеть до заката. Веселее, Скайнэ, домой же!

Инесса, не веря, взглянула на Шардаша, пытаясь понять, где подвох. В голову лезли страшилки и обрывки фраз учебника, характеризовавшего тёмных оборотней как существ, подлежащих истреблению в связи с повышенной агрессивностью к людям. Хуже только обращённые демонами маги. С картинок щерились окровавленные морды, когти разрывали плоть. Конечно, по Шардашу и не скажешь, но не зря же тёмных убивали? Сто лет назад, к примеру, они вырезали целый лаксенский город — без малого три тысячи человек. И не зря светлые оборотни отрешивались от родства с тёмными собратьями.

— Преподавателям надлежит верить, Скайнэ, — ответил на невысказанные подозрения Шардаш и бросил взгляд на Алисию. Её глаза пытливо наблюдали за ними с лежанки. — Так, Ларикс, кашель мне уже нравится, оклемайтесь. Особенно после той гадости, что выпьете.

Профессор порылся в кармане и извлёк пластинку в защитной бумаге. Легко взобравшись на лежанку к Алисии, он попросил открыть рот и засунул туда лекарство. Адептка закашляла, замахала руками от горечи, казалось, разъедавшей горло, попыталась выплюнуть пластинку, но Шардаш сжал её челюсти. Дождавшись, пока лекарство рассосётся, позволил запить водой.

Мучения Алисии не прошли бесследно: через час она, похожая на куль в коконе одеяла, нетвёрдо зашагала возле Инессы. Позади шли Шардаш и Мериам. В этот раз адептке путешествовала не на руках профессора, а на своих двоих. Шардаш сломал тоненькое деревцо, наскоро обрубил ветки и вручил ей в качестве опоры. Впрочем, нога заживала: компрессы, тепло и магия делали своё дело.

Вокруг, сколько хватало глаз, тянулись леса. Хмурые, могучие, они практически сливались с негостеприимным небом, которое вот-вот разродится то ли дождём, то ли снегом.

Ноги скользили по камням: Шардаш вёл адепток в горы, всё выше и выше, прямо к шапкам снегов. Они уже неясной дымкой вырисовывались на горизонте, то ли туман, то ли слёзы дождя.

Кустарник редел, его место занимал мох и ползучие травы. Кое-где мелькали багряные капли брусники. Адептки собирали её и жадно запихивали за щёку. Вязкая ягода окрасила губы, сделав их в скудном дневном свете похожими на губы вампира.

И стволы, и камни были неприятны наощупь — влажные, оставлявшие на кожи кусочки трухи и чаги. Однако девушкам то и дело приходилось хвататься за морщинистую кору, чтобы не упасть, поскользнувшись на непригодной для ходьбы почве. Труднее всех приходилось Мериам, чья палка так и норовила поехать по мху, увлечь за собой владелицу. Зябко кутаясь в плащ, адептка с мольбой посматривала на Шардаша, но тот лишь дважды подал ей руку.

Воздух становился всё плотнее, всё труднее вдыхался лёгкими. Слегка кружилась

голова.

Изо рта адептов пошёл пар. Температура резко понизилась, тёплые вещи оказались не лишними. В октябре в Бонбридже девушки бегали в лёгких пальто, а здесь мечтали о полушубках и перчатках.

Дойдя до звенящего ручейка, Шардаш остановился и оглядел с высоты проделанный путь. Они стояли на широком уступе. Снизу — лес, сбоку — обрыв, откуда водопадом стекает петляющий меж камней поток. Впереди — постепенно повышающийся склон с россыпью обтёсанных ветром валунов.

Пошёл обещанный дождь — смесь воды и снега, мигом пропитавшая всё влагой. Адептки дружно зачихали и попытались укрыться от непогоды за одним из валунов. Шардаш остался стоять, подставив лицо холодным хлопьям.

— Скоро ещё, мэтр? — не выдержав, спросила Алисия. Она продрогла и мечтала о кружке обжигающего чая.

— Скоро и не здесь.

Шардаш поднялся к ним и достал три обрывка тёмной плотной ткани. Судя по всему, некогда они составляли шарф.

— Вынужденные меры предосторожности, — наклонившись, он по очереди завязал адепткам глаза. — Подсмотреть не удастся, я свяжу руки. Заклинание слепоты накладывать не хочу: могут быть последствия для глаз. Лучше по старинке, как поступают люди, лишённые магии.

Девушки не сопротивлялись и через пару минут оказались в кромешной темноте. Связанные одной верёвкой, они гуськом, держась друг за другом, куда-то пошли. Первая — Мериам, держась за руку Шардаша, затем — Алисия, вцепившись в подругу, замыкающая — Инесса. Камушки убегали из-под ног, катились, казалось, в бездну. Ветер нещадно хлестал по лицу, срывая капюшоны, снег таял от тепла тела, едва коснувшись одежды.

Думалось, этот путь никогда не кончится. Адептки перестали ориентироваться в пространстве и времени, не знали даже, поднимаются или спускаются, настолько всё смешалось в голове. Наконец в нос ударил острый запах дыма.

— Пришли, — сообщил Шардаш, снял повязки и перерезал верёвки.

Моргая, адептки огляделись по сторонам. За время их скитаний на Лаксену успела упасть ночь, а вместе с ней и лёгкий морозец. Однако здесь, в предгорье, он ощущался слабее, нежели наверху. Мокрый снег прекратился, ветер тоже стих.

— Вон там вас ждут, — Шардаш указал на светящиеся вдалеке окна какого-то дома. Стряхнув с волос капли воды и проверив, суха ли волшебная палочка, профессор повёл адептов к жилью.

Дом оказался трактиром, приютившимся в конце просёлочной дороги в ближайшую деревеньку. Его услугами издавна пользовались лесорубы и охотники, вот и теперь парочка размышляла над пенными кружками. Убедившись, что они неопасны, Шардаш устроил адептов в уголке и направился к стойке. Содержавший трактир тролль живо поднял голову и осклабился новому посетителю:

— Доброго вечера вам! Как обычно?

Мериам тут же сделала вывод, что Шардаш — постоянный посетитель данного заведения. Видимо, профессор доверял троллю, раз не таился.

— В двойном размере, Сох: хочется напиться. Даже нажраться. Но, — Шардаш обернулся к затаившим дыхание адепткам, — со мной дамы, так что попойка отменяется.

Метни еды, только не тухлой. Мне — бражки, девушкам — чего-то послабже, но тоже со спиртом. И побыстрее, а то у нас встреча назначена.

— Будет сделано! — снова сверкнул щербатыми зубами тролль.

Из-за стойки выплыла карлица и водрузила на стол кружку и кувшин с бражкой. Затем вернулась к бочке за сидром и щедро попотчевала им адептов.

Предложенный ужин состоял из варёного картофеля и мяса неизвестного происхождения с подливой. Девушки уплели его за обе щеки, едва не вылизав тарелки.

— Ну и аппетит у птичек, прямо волчий! — рассмеялся из-за стойки тролль. Отставив в сторону пустые кружки, он вразвалочку подошёл к Шардашу и хлопнул его по плечу. — Что, дружище, проблемы?

— Не вмешивайся, себе только хуже сделаешь, — вздохнул профессор. — Я ценю твою помощь, Сох, но тролли тоже не всё могут.

— Зато вы можете всё. Самый ценный мой клиент!

Шардаш цыкнул на тролля, и наострившие уши адептки разочарованно уткнулись в тарелки. Профессор свято хранил тайны своей жизни и делиться с ними не собирался. Сох понял это и не настаивал на продолжении беседы.

Молчаливо проглотив ужин и осушив кувшин с бражкой, Шардаш поднялся и коротко сказал: 'Пора!'. Адептки покорно поднялись и вышли за ним во двор.

— Через пару минут для вас всё закончится. Ничего против вас не имею, под руку попались случайно. Заодно передайте капитану, что он трижды дурак и копает не там. Потому как король Лаксены меня более чем устраивает. Теперь подходите поодиночке — и добро пожаловать в Бонбридж!

Полыхнул коридор перехода, но какой-то странный, каких адептки до этого не видели. Он был сообщающимся, то есть синхронно открывался магами с обеих сторон.

— Тревеус? — слышался сквозь рёв завихрившегося пространства голос Селениума Крегса. — Шардаш, это вы?

— Я, господин директор, — профессор сделал шаг вперёд. — Смелее! Они здесь, рядом со мной. Проклятьем не попотчую.

Несколько минут напряжённого ожидания, и из тёмного вихря возник директор. Он по-прежнему выглядел усталым и неухоженным, но со времени последнего разговора успел сменить одежду. Увидев адептов, Крегс пустил слезу и поспешил их обнять, спросить, всё ли хорошо.

— Вы сомневались? — с укором спросил Шардаш, поигрывая палочкой. — Или вы тоже полагаете, что наняли преподавать чудовище?

— Нет, — прошептал директор, всё ещё прижимая к себе взволнованных девушек, — иначе бы не пришёл. Тут какая-то ошибка, но то, что вы оборотень...

— ... бросает тень на Школу, — закончил за него профессор. — Надеюсь, Белая стража не считает вас моим сообщником? Я видел, они притащили вас в Эколь, допрашивали, не давая спать... Теперь стоят и ждут, верно? Так вот, с тем капитаном беседовать не намерен. На ваши вопросы отвечу.

— Да что отвечать, когда у вас перстень на пальце, — сокрушённо вздохнул Крегс. — И то, другое, кольцо, которое нашли у мёртвого офицера, оно ведь ваше. Я опознал. Вы убили его? Только честно, Тревеус?

— Пришлось, — сквозь зубы процедил Шардаш. — Оpozнал бы. Но тридцать жизней не на моей совести.

Директор с облегчением перевёл дух и, опасливо покосившись на воющую дыру перехода, отпустил адептов, шагнул к профессору. Наклонившись, он хотел что-то сказать, но не успел: помешали белые стражи. В руках у одного из них мелькнула волшебная палочка.

Шардаш среагировал мгновенно, закрывшись адептками словно щитом. В горло Алисии уткнулся нож.

— Или вы соблюдаете условия договора, или она умрёт, — прохрипел профессор.

Белые стражи замерли, зашептались, переговариваясь. Затем старший из них, с нашивками лейтенанта, велел Крегсу по одной забирать адептов и отправлять в Бонбридж.

— Условия будут соблюдены, — учтиво обратился лейтенант к Шардашу, боясь, что у того дрогнет рука. — Пожалуйста, разрешите девушкам уйти. Ваше дело обещаю рассмотреть объективно и беспристрастно.

Шардаш колебался, но убрал нож, подтолкнув Алисию к директору. Её тут же подхватили белые стражи и увлекли в зев перехода. Следующей стала Инесса, а вот с Мериам профессор замешкался, сделал шагок в сторону и неожиданно для всех открыл второй переход.

Закливание лейтенанта опоздало на считанные мгновенья, чиркнув поверх плеча Шардаша и растворившись в неведомом сумраке.

— Прародители сущего, — в ужасе выкрикнул Крегс, — вы могли нарушить вязь, убить их, понимаете?!

Лейтенант молчал. Единственное, о чём он сейчас думал, это, что не сумел выполнить приказ. Тревеуса Шардаша полагалось уничтожить сразу после освобождения заложниц. Увы, попавшее в закрывающийся коридор заклинание уничтожило координаты перехода. Впрочем, как успели на горьком опыте убедиться белые стражи, члены ордена Змеи владели искусством перемещения на высочайшем уровне и не оставляли зацепок. Они открывали коридоры силой мысли, не потревожив ни единой нити, как по эту, так и по ту сторону транспортиции.

Было темно: тучи заволокли небо. Между деревьев завывал ветер. Под ногами хлюпала листва. Испуганно сделав шаг, Мериам тут же угодила в лужу.

Вокруг только лес, бесконечный густой лес. Ряды толстых, многовековых стволов с густым подлеском. Тонкие ветви царапали руки, цеплялись за одежду. Ни души, даже звери в эту ненастную ночь молчали. Казалось, здесь не было места человеку.

Мериам замерла, боясь пошевелиться. Ей почудилось, что Шардаш перенёс их в Империю или даже в Лунный мир. В Лаксене вряд ли остались такие глухие уголки — раздолье для оборотней. Оглянувшись и не заметив профессора — ни силуэта, ни блеска глаз, ни дыхания, — адептка не на шутку перепугалась и сбивчивым шёпотом позвала Шардаша.

— Я здесь, в двух шагах от вас, — устало отозвался профессор. Его голос едва не потонул в порыве ветра.

Мериам пошарила рукой в воздухе и с облегчением вздохнула, наткнувшись на что-то тёплое, походившее на пиджак Шардаша. Она инстинктивно шагнула к профессору и, нащупав, вцепилась в его руку.

Мрак вокруг только сгущался. Ветер набирал силу. Нетвёрдо стоявшую на ногах Мериам качнуло, и она инстинктивно прильнула к единственной доступной опоре.

— Надвигается буря, — задумчиво протянул Шардаш и ту же затянул завязки плаща адептки. Она всё ещё льнула к нему, стремясь укрыться от непогоды. — Простите, что так вышло, Ики, я своё слово сдержу. Сконцентрируюсь и отправлю вас в Бонбридж.

— А это тяжело? — Мериам подняла голову, стараясь рассмотреть его лицо. — И почему я вас не вижу?

— Темно же, — Шардаш аккуратно разжал пальцы адептки и восстановил между ними минимальное приличествующее расстояние. — Оборотни, они вообще неплохо с ночью сливаются. Ладно, отойдите на пару шагов: я попробую открыть коридор.

Мериам не сдвинулась с места. Не шевельнулась, и когда профессор в ультимативной форме повторил свою просьбу. Зябко подёргивая плечами, адептка ждала, напряжённо вслушиваясь в звуки надвигающегося ненастья.

— Я остаюсь, — наконец сообщила она.

— Что?! — не веря ушам, рявкнул Шардаш. — Я не ослышался?

— Мэтр, я хочу знать правду. И хочу помочь.

Профессор рассмеялся:

— Ики, меньше пить надо! Марш в школьное общежитие, и это не обсуждается.

Полыхнул коридор перехода, однако Мериам отпрянула от него. Спотыкаясь, ударяясь о стволы деревьев, она спешила прочь, чтобы не затянуло.

— Ики! — понёсся вслед гневный голос Шардаша. — Адептка Ики, вернулись немедленно!

— Нет! — задыхаясь, ответила Мериам. — Не желаю в Бонбридж! Поймите, мэтр, вам нужен кто-то, чтобы общаться с внешним миром.

— Сейчас ты у меня догеройствуешься! — рыкнул профессор. Он не пытался обуздать обуявшую его ярость. — Не желаешь к себе в комнату, вышвырну прямиком в лечебное крыло с переломами разной степени тяжести.

Адептка остановилась и задумалась: действительно, стоит ли? Всего одно мгновение — и кошмар позади. Но мешала совесть. Кто, если не Мериам, повинен в травле Тревеуса Шардаша? Судя по поведению, он действительно не безжалостный убийца. Ответ директору тоже казался искренним, да и Селениум Крегс не мог так ошибиться в выборе преподавателя, не говоря уж о магистре ордена Змеи. Нет, пока не найдутся ответы на все вопросы, Мериам не уйдёт. Шардаш обещал рассказать, и он расскажет.

Пальцы профессора до боли сжали плечо. Адептка испугалась, что он сломает его. Обошлось. Шардаш просто развернул Мериам к себе и удивительно спокойно поинтересовался:

— Адептка Ики, не поведаете о причинах своей дурости? Право, мне интересно, вы книжек перечитали или в детстве не наигрались? В любом случае, коридор закрылся, нового сегодня не будет.

— Я просто хотела... я за справедливость.

— Тогда меняйте учебное заведение: в Школе такому не учат. Вот что с вами прикажите делать? — сокрушённо вздохнул Шардаш.

От гнева профессора и следа не осталось. Казалось, впору бы обрадоваться, но Мериам насторожилась: на лицо эмоциональная нестабильность. Её бабушка по материнской линии в молодости страдала таким же, но в гораздо более мягкой форме. Дед говорил, что инстинкты внутри шалят. А тут перед адепткой половозрелый оборотень мужского пола с тёмной природой сути. Когда перестанет действовать противоположное зелье, всплески станут сильнее, нежели у светлой оборотницы. Тот же Томас Гаут неустанно напоминал, что мужские особи агрессивнее женских, зато последние коварнее.

Молчание затянулось. Наконец Шардаш разжал пальцы и всё в той же тишине шагнул во тьму, предоставив Мериам самой себе. Адептку такой оборот событий не устраивал.

— Мэтр, мэтр, а как же я? — пискнула она.

— Как хочешь, — равнодушно ответил профессор. — Это земли моего клана, вас вряд ли задерут дикие звери. Разумеется, если сначала примножаются. Свернётесь где-нибудь калачиком и...

— Мэтр, — жалобно канючила Мериам, — не бросайте меня!

— Я вас домой собирался вернуть, вы выбрали лес, а теперь я снова виноват, Ики? — взревел Шардаш. — Опять, Ики?! Прокляну!

— Не проклянёте.

Откуда в Мериам взялось столько уверенности, она сама не знала. Просто если профессор сымитировал проклятие в куда более серьёзной ситуации, то не сделает этого сейчас.

— Ну-ну, — в голосе Шардаша сквозила неприкрытая угроза. — Возвращаю долг. С процентами, Ики. За то, что сунули свой нос в чужие дела, рассказали всё директору. И о тавиоке, и о перстне, который сами стащили.

Сначала будто бы ничего не произошло, но потом Мериам ощутила резь в животе. Не прошло и минуты, как весь ужин из трактира Соха оказался на земле. Адептка затылком ощущала пакостную ухмылку Шардаша, издали наблюдавшего за спазмами её желудка. Не смертельное проклятие, но не менее мерзкое. Пока не снимут, будет рвать. Хоть час, хоть два, хоть сутки, хоть неделю. Умереть от этого тоже можно: организм банально не выдержит издевательств.

— Я не хо...те. ла! Я не... ох... виновата! — умудрилась прошептать между приступами

дурноты Мериам.

— Да-а-а? — кто бы сомневался, что Шардаш не услышит. Зато по тону стало ясно, что в чистоту раскаянья профессор не верил. — И остались, чтобы пакостить дальше, Ики? Жалею, ох, как жалею, что проявил снисходительность! Вас надлежало отчислить да ещё с позором.

Слёзы брызнули из глаз Мериам. Неужели он решил, что она собиралась шпионить? Хотя, чего ожидать, если заложила профессора директору? Глупо надеяться, что он не прознал о своём 'благодетеле'.

Пища в желудке закончилась, но проклятии это мало волновало.

Ветер сорвал с Мериам капюшон, пробрал холодом до костей, но у неё не было ни сил, ни возможности согреться. Досадуя на себя, адептка надеялась, что поутру её кто-то найдёт.

— Пожалуйста! — не надеясь на чудо, взмолилась Мериам. — Я ведь... верю. Вы не...

Слова дались тяжёло, а вместо просьбы вышел бессвязный шёпот. Глупо, Шардаш наверняка ушёл, потому что ничего не ответил. Зачем ему смотреть на адептку в слезах и блевотине?

Ещё один спазм — и рвота сошла на нет, позволив Мериам разогнуться и утереть листвой лицо. Только сейчас она заметила, как раскачиваются деревья, и в ужасе подумала, что одно такое может с лёгкостью придавить её.

— Верите? — перекрикивая свист ветра, удивленно переспросил Шардаш. Сам он явно сомневался в правдивости адептки.

Мериам в последний раз всхлипнула и кивнула.

— Хорошо, попробую тоже поверить. Второй раз меня из себя вывели — это талант. Идёмте, пока ещё на ногах держитесь.

Шардаш подхватил адептку подмышки и поволок по лесу. Она едва успевала перебирать ногами. Впрочем, Мериам понимала, что самостоятельно не смогла бы противостоять силе ветра.

Полил дождь, мгновенно превративший одежду в ледяную ловушку. Адептка слышала, что даже у профессора стучали зубы, а ведь оборотни более устойчивы к простудным заболеваниям. Шардаш всё ускорял и ускорял шаг, с лёгкостью ориентируясь в темноте, и наконец выбрался к оврагу. То, что это лог, Мериам поняла по наклону почвы под ногами.

— Так, где-то здесь должна быть нора, — пробормотал Шардаш. — Вспомнить бы ещё, где вырыл!

Адептка ожидала увидеть звериное жилище, землянку, но никак не очередной домик, меньший, чем прежний, но дом. Он внезапно вырос из темноты, приютившись на берегу лесной речушки. Здесь лес отступал, давая возможность расправить плечи и взглянуть на сизое небо.

Шардаш магией открыл дверь и поспешно захлопнул её за спиной адептки. Мериам замерла, прижавшись спиной к косяку, и ждала, как с ней поступят.

— Располагайтесь.

Магический шар осветил крохотные сени и вторую дверь в комнату. Она оказалась одновременно спальней и кухней.

— Идите, Ики! — Шардаш подтолкнул её вперёд. — Дом давно не тоplen, зато не дует. Сто лет здесь не был, но, полагаю, бутылка целая. Ею и придётся согреваться.

— А огнём нельзя? — взгляд адептки скользнул по паутине в углу.

— Можно, если дымоход не засорился. И за проклятие... — он замялся и, будто сделав

усилие над собой, продолжил: — Право, не стоило мне, не сдержался. Нервы тоньше бумаги стали. Надеюсь, завтра насчёт Бонбриджа одумаетесь.

Мериам поспешила сбросить насквозь промокший плащ и огляделась в поисках крючка или верёвки, на которую могла бы его повесить. Таковой нашёлся только в сенях.

— Вы про клан что-то говорили... — вспомнила адептка. — Значит, тут ваши родственники живут.

— А вот про семью, Ики, я ничего не скажу, — нахмурился Шардаш.

— Значит, она есть, — истолковала его слова Мериам.

— Возможно, — уклончиво ответил профессор, пытаясь привести жилище в удобоваримый вид.

— А клан...

— Серебристый горный оборотень к вашим услугам, — осклабился Шардаш. Мериам на миг показалось, что у него звериные клыки. Мотнув головой, она убедилась, что ошиблась. — Неужели не страшно?

Адептка честно призналась, что не более чем прежде.

— Вот они, плоды невежества! — пробурчал Шардаш. — Ладно, ложитесь спать. Я поброжу вокруг, заодно завтрак добуду. Выпить хотите?

Мериам подумала и кивнула.

Шардаш скрылся в сенях, где жалобно рвалась с петель дверь, сотрясаемая ветром, и вернулся с оплетённой лозой бутылкой. Сдув пыль, профессор откупорил пробку, понюхал и протянул Мериам:

— Пейте. Кружку не предлагаю — в ней паук.

Адептка вздрогнула и испуганно завизжала, вызвав недоумение Шардаша:

— Будущий маг — а ингредиентов зелий боится! Представляю, что бы с вами в конце года творилось, когда я бы о животных ядах рассказывал. Тут лес, Ики, со всеми вытекающими.

Мериам потянулась к бутылке и сделала пару глотков. Комната мгновенно поплыла перед глазами: сказался пустой желудок. Зато потеплело, перестало знобить. Икнув, адептка снова приложила к горлышку, стремясь успокоиться. Почти сразу бутылку отобрал Шардаш, заявив, что Мериам уже хватит. Адептка так не считала, с обидой поглядывала на потягивавшего спиртное профессора. Её потянуло в горизонтальное положение, и Мериам разлеглась на полу, подперев кулаком голову.

— Ложитесь нормально. Одежда, к слову, сухая?

Адептка мотнула головой, села и задумчиво уставилась на огонь. Платье действительно намокло, чулки тоже лишь холодили ноги. Но что толку-то от знания — не снимешь же! И не выставишь Шардаша вон из собственного дома в непогоду. Он тоже продрог.

Профессор сделал ещё глоток и, отставив бутылку, потянулся за волшебной палочкой:

— Вариантов у нас немного, в любом случае, на вас сушить нельзя. Значит, я остаюсь.

Мериам не уловила логики в его словах и, слегка покачиваясь, вытаращилась на Шардаша. Его лицо расплывалось, контуры двоились.

— Так там же холодно, — заплетающимся языком проговорила она. — Вы замёрзнете.

— Спойл, — констатировал профессор и вышел в сени. Чуть заметное свечение указало на то, что Шардаш воспользовался каким-то заклинанием. Как оказалось, он высушил верхнюю одежду.

— Раздевайтесь до сухого, накидывайте пиджак и заворачивайтесь в плащ, —

скомандовал Шардаш, кинул растерянной Мериам искомое и отвернулся.

Адептка помедлила, а потом решилась. Не голая же останется!

В тёплом плаще и пиджаке сразу стало тепле. Влажное платье и чулки пристроились перед очагом, а их владельца — на корточках чуть поодаль. Голова по-прежнему кружилась, а язык был не в ладах со здравым смыслом.

— Какой же вы серебристый оборотень, когда брюнет?

Шардаш фыркнул и поинтересовался, готова ли она. Мериам ответила утвердительно и повторила вопрос.

— На занятия надо ходить, Ики, и учителя слушать. Облик оборотня не обусловлен видовой принадлежностью. Как и в случаях с деторождением у людей, его определяют черты матери и отца. С большей вероятностью передаются доминантные признаки, к которым относятся, к примеру, тёмные волосы и глаза. Большее значение имеют данные отца. Так у пары, скажем, дроу, один из которых беловолосый, а второй — с волосами цвета сливы, с большей вероятностью родится что-то с фиолетовой или сиреневой шевелюрой. Тут, конечно, нет ярко выраженных признаков, поэтому происходит смешение.

— А у меня бы?

— Что у вас? — не понял Шардаш.

— Ну, если такие глаза, как у меня, то тогда?

— Со временем узнаете.

— А почему у вас шерсть серебристая, если сами вы нет? — вопросы сыпались как из рога изобилия. Профессор и сам был не рад, что предложил адептке выпить.

— Потому, Ики. Видовая принадлежность. Нет, каким местом вы на уроках слушаете?! — взорвался Шардаш. — Я кому о низших разумных тёмных втолковывал, что форма оборота или морока с внешностью не совпадает. Но именно по нечеловеческой форме и надлежит определять вид. На полевых испытаниях вы тоже клан вампира будете по улыбке определять?

Мериам стушевалась и решила оставить вопрос о хвосте на потом. Её волновало, рождаются ли оборотни в виде детишек с хвостиками или волчат с человеческим личиком.

Шардаш расстелил на полу какое-то тряпье и улёгся напротив Мериам, водрузив между ними бутылку. Периодически прикладываясь к спиртному, Шардаш посматривал то на испуганную адептку, то на оконце, за которым бесновались дождь и ветер.

— Зачем осталась?

Вопрос застиг Мериам врасплох, а алкоголь не позволил соврать:

— Чтобы узнать, кто убивал. И я вам поверила, что не вы это. Вы хороший.

Шардаш рассмеялся:

— Роль героини из весьма поучительных книг о любви играете?

Адептка насупилась и отвернулась, пробурчав:

— А я хотела показания дать. Теперь ничего не скажу. И вы злой, своих убивали, раз маг.

— Они не свои, а чужие, — поправил профессор. — Свои — только семья. Люди притворяются, что любят себе подобных, мы — нет. Убивал, Ики, даже показывал, как убивать.

— И не жалко? — обернувшись, всхлипнула Мериам. Спирт окончательно проник в её кровь, вызвав состояние плаксивой сентиментальности. — Знать, что вы оборотень, и убивать... Как же совесть?

— Совесть, Ики, хороша для девушек, и неплохо бы о ней вспомнить. У меня нет желания отвечать на ваши пьяные вопросы. Поговорим завтра.

Магический шар погас, и комната погрузилась в темноту.

Мериам попробовала уснуть, но её мучили страхи и непогода за окном. Казалось, стены не выдержат, рухнут. Тоненько взвизгивая после каждого сильного порыва, адептка сжалась в калачик и дрожала. Шардаш недовольно сопел, а потом не выдержал и перетаскил Мериам вместе с одеялом и пиджаком к себе. Она с испугу ударила его коленом в живот, вместе с ругательством получив ответ, что насилуют иначе, и он, Шардаш, это покажет, если адептка не уймётся. 'А оборотни — существа ненасытные, до утра не выдержишь', - прошипел ей прямо в ухо профессор. Мериам икнула и затихла, смирившись с тем, что её нос уткнулся в грудь Шардашу. Оказалось не так плохо: тепло. А после того, как профессор заснул, стало ещё и спокойно.

Утро встретило Мериам головной болью, голодом, затёкшей шеей и чужим запахом. Распахнув глаза, адептка увидела ворот тёмно-зелёной рубашки. Кажется, Мериам засыпала в другой позе, уж точно не дышала в шею Шардашу. Он всё ещё спал, и адептка, аккуратно, чтобы не потревожить, приподнялась, разглядывая его лицо. Расслабленное, спокойное — профессору явно не снились кошмары. Бородка начала отрастать, а над губой — едва заметный шрам.

За окном светило солнце, золотя дощатый пол.

Сухое горло и гудящая голова напомнили адептке, что неподалёку река. Оставалось надеяться, что вода в ней пригодна для питья. Мериам попыталась встать, но замерла на полпути, осознав, что вела себя ночью не лучшим образом. Руке добропорядочной девушки нечего делать на ремне мужчины.

— Вы за него в бессознательном состоянии держались, боялись, что нечто вас съест, — зевнув, пробормотал Шардаш, перевернулся на спину. — Вы ещё и прижимались, прося от кого-то спасти. Так что всё благопристойно.

Адептка смущённо извинилась и за ночное поведение, и за мысли вслух и тут сообразила, в чём предстала взгляду профессора. Сонному, но всё же. Пиджак тут же плотно запахнулся на груди, а одеяло обвило ноги.

— Да ладно вам, Мериам, у вас всё в порядке с фигурой, а от кожи чем-то сладко пахнет.

— Нахал! — пунцовая адептка, взъярившись, вlepила Шардашу пощёчину. Подумала и добавила удар локтем по тому, куда дотянулась. — Я... я директору пожалуюсь! В Министерство пойду. В суд!

Сон профессора как рукой сняло. Он подскочил и мгновенно оказался за спиной Мериам. Ухватив за локти, Шардаш прижал их к телу девушки и поинтересовался, стоит ли рассматривать её слова как желание вернуться в Бонбридж. Адептка тяжело дышала и молчала. Профессор настаивал на ответе, и Мериам зло процедила: 'Нет'.

— Тогда больше меня не трогайте. Вам трижды уже от меня досталось, так что в этот раз проявлю заботу. Но, Ики, никогда, запомните, никогда не пытайтесь меня ударить. Рефлекс сработает раньше разума.

Шардаш усадил адептку и, ощутив её ногу, обрадовал, что скоро Мериам сможет не хромать. Пообещав собрать трав для примочек и добыть еды, профессор ушёл. Адептка благоразумно выждала пару минут — у людей с утра одинаковые потребности, потом откопала какую-то грязную посуду и поплелась вместе с ней к реке.

Холодная вода облегчила похмелье и сухость в горле.

Мериам с плащом на плечах сидела на берегу, приложив кружку ко лбу. Затем вздохнула, умылась и вымыла посуду. Чайника в доме не нашлось, но был котелок. Горячая же вода всегда пригодится.

Местность оказалась красивой, ночью адептка и не разглядела. Лес, хоть и густой, неуютный, поражал мощью. Река серебристой змейкой струилась по лугу. Весной, наверное, он полон цветов, сейчас же тронут осенним увяданием.

За спиной — горы, подёрнутые туманной дымкой. Странно, почему горные оборотни поселились в равнине? Или клан обладает обширной территорией? Но, если разобраться, до

каменных острогов можно добраться за день-два пешим ходом. Так что не так уж велики угодья.

Замёрзнув, Мериам поднялась и вернулась в дом. Там оделась и, причесавшись пятерней, занялась уборкой. Столько пыли и паутины она не видела давно. Паук тоже нашёлся и не один. Адептка мужественно прогнала его прутом.

Шардаш застал Мериам за мытьём полов. Она уже успела перетрясти постель и вынести матрас с одеялом на просушку.

— Решение не изменили? — профессор бросил на крыльцо тушку зайца, пару перепёлок и какие-то корнеплоды.

Мериам промычала и велела вытереть ноги.

— В таком случае поживём здесь, пока не заживёт ваша нога, а я не выясню, где сейчас магистр. Уж он-то не страдает предубеждениями! А вы... Говорил же: глаза оборотницы, даром что квартеронка.

— Кто? — не поняла адептка. В нос ударил пахучий букет трав, которые собрал, а теперь вытащил из карманов профессор.

— Четвертькровка. Этим-то вы и отличаетесь от Скайнэ и Ларикс, поэтому-то я с вами и разговариваю.

Мериам фыркнула. Надо же, оборотни, оказывается, свысока посматривают на людей, за второй сорт принимают. До этого адептка считала, что чистоту крови блюдут только вампиры. Подтверждать или опровергать свои соображения не стала, вместо этого попросила рассказать правду.

— Я не предам, — пообещала Мериам, глядя в глаза Шардашу. — Мэтр, вам же самому легче станет, если с кем-то поделитесь.

— Делиться нечем, Ики. Из тридцати двух на моей совести две жизни. Беседу с директором вы слышали, за что пострадал офицер, поняли. И мне его не жалко — продажная шкура, туда и дорога.

Профессор уселся на крыльцо и начал свежевать зайца. Мериам бросила тряпку и присела рядом, ожидая услышать продолжения. Адептка не торопилась, понимая, что подталкивать к откровенности нельзя. Она не прогадала: медленно, нехотя, но Шардаш ввёл её в суть дела.

Перстень с розами оказался подарком некого гостя новорожденному Тревеусу Шардашу. Того — человека или нечеловека, профессор не уточнил — кольцо не признавало, а Шардаша приняло сразу. Он им периодически пользовался, благо жизнь не гладила по голове. Что за заклятие заключено в перстне, объяснять не требовалось: прочитал по рунам.

Далее Шардаш мельком обмолвился об учёбе в Университете и Академии чародейства, где жил под личиной. Мериам догадывался, что ему помогал какой-нибудь артефакт или покровитель. Даже за взятку тёмного бы не взяли. Подтвердив невысказанный вопрос, что профессорское звание настоящее, Шардаш обмолвился парой слов о школе, которую возглавлял.

— А почему ушли? — Мериам забрала у профессора выпотрошенного зайца и понесла к печи, чтобы сварить.

— Ики, сами как думаете? — горько усмехнулся Шардаш. — Хорошо, что сбежал до того, как убили. Обратное зелье, оно ведь не панацея... Да и моложе был, на кладбище тянуло. Вот и увидел завхоз. Он хоть и в подпитии был, но пошли бы слухи, начали проверку. Такое не спрячешь, Ики.

Далее речь зашла о том самом магистре, на чью помощь уповал профессор, — магистре ордена Змеи. Принимая ученика, он прекрасно знал, кто перед ним, но поставил интересы ордена выше предрассудков.

— Вы знали, что магистр лоялен к тёмным?

— Да ни..... В общем, не знал! Случайно встретились на дороге, подрались. В итоге я паладином стал. Тёмный оборотень — паладин! — расхохотался Шардаш, моя руки. — Сколько нечисти вместе с собратьями по ордену убил! И высших, и низших тёмных без разбору. Зачем, спрашивается? Чтобы ученикам Ведической высшей школы знания в головы вдалбливать, на полевых слюни вытирать?

Разговор продолжился за варкой зайца и корнеплодов для совместной трапезы и трав для ноги Мериам. В ходе него всплыли интересные вещи. К примеру, кто-то ночью украл кольцо Шардаша, а тем же днём его нашла адептка. Профессор грешил на неё, когда застал в порту за поисками пропажи. Он прекрасно видел, сеть на что раскинула адептка.

— Потом кольцо странным образом нашлось: само вернулось ко мне.

На закономерный вопрос, как можно украсть вещь с руки, Шардаш заметил, что во время водных процедур украшения снимают все.

— С контрабандой — чистая правда, тут вы всё верно поняли. Зачем занимался? Тот хмырь знал, что я оборотень. Ему проболтался приятель-завхоз. За молчание я и доставал демонову тавиоку. Где и как, не спрашивайте — не моя тайна. А потом с радостью всадил нож в поганца, — сжал челюсти Шардаш. — Он зарвался, требовал слишком много, а на допросе обязательно выдал бы.

— Это к вам он шёл в ту ночь, когда его схватили?

Профессор кивнул и добавил, что больше ему нечего сказать, 'итак разоткровенничался'.

— А почему ножом? — задала последний вопрос Мериам, осмысливая рассказ профессора и гадая, сколько ещё тёмных вокруг.

— Долг чести. Нужно своими руками, без магии.

Адептка кивнула и с уважением глянула на Шардаша. Среди людей подобные принципы встречались всё реже, они предпочитали мстить чужими руками.

Оставшееся утро молчали. Адептка сидела у плиты с обещанной примочкой на ноге, помешивая еду, профессор то ли спал, то ли бодрствовал, уставившись в одну точку. Хоть какой-то интерес у него вызвала еда. Шардаш играючи уплёл большую часть варева Мериам, не поморщившись от отсутствия соли и пряностей.

— Я в деревню, — коротко сообщил профессор. — Часа через четыре вернусь. Дверь оставляю открытой. Захочешь уйти — уходи.

— На самом деле, Ики, — поморщился он, — лучше бы уйти. По допросам после затаскают, жизнь испортят.

Мериам демонстративно собрала со стола посуду и унесла мыть. Если он думал от неё избавиться, то просчитался. Хотя один факт его скупой, но откровенности — признак доверия. Мериам могла быть кем угодно, но не предательницей.

Шардаш беспокойно огляделся по сторонам и скользнул вдоль стены сарая. Прислушался и стремительно пересёк выгон. Похоже, его здесь не искали, это не могло не радовать. Что ж, сейчас он это выяснит. Обратней, конечно, практически истребили, но переселенцы из людей не потеряли уважения к хозяевам земель. Только сейчас не стоило их пугать: слишком опасно. Времени прошло много, облик Шардаша должен стереться из памяти. Да и кто заподозрит в нём оборотня? Тогда, в давние времена, он навевался в

деревню в ином облиции.

Тем не менее собак не проведёшь: все, как одна, молчали, не высывались из дворов. Оно и понятно: молодые оборотни, резвясь, обычно загоняют именно псов. Привычная забава для малолеток — и паника для людей. После таких охот нередко переселялись в другое место — от беды.

Выпрямившись, придав походке степенность, Шардаш толкнул дверь трактира. Ему предстояло не только узнать последние новости, но и достать провизию. При условии ограниченности в средствах, это не просто. Почти все деньги ушли на ужин у Соха: профессор не брал на занятия кошелёк, а в тайнике летнего пристанища в горах припрятал совсем немного. Безусловно, можно обратиться за помощью к родным, но стоит ли тревожить мать и сестёр, наводить охотников на их след? С Шардаша хватит и Мериам Ики.

Быстрый взгляд по лицам немногочисленных посетителей выявил нужного человека. Спрятав волшебную палочку под плащом, Шардаш прошёл мимо него и виртуозно извлёк из кармана чужой кошелёк, заказывая выпивку. Нехорошо пользоваться магией для воровства, но лучше, чем умереть с голоду. Профессору, впрочем, это не грозило. Дичи в лесу полно, однако адептке надлежало питаться не сырым мясом или варёным кроликом без соли. Да и плащ девчонке нужно купить, чтобы не замёрзла. Одеяло, кое-что для кухни... Видимо, придётся всё-таки заглянуть в родное гнездо, но тайком. Застанет мать — неделю там проторчит.

Осушив кружку, Шардаш осторожно расспросил о последних новостях. Как он и предполагал, в деревне было тихо, никакая Белая стража не забредала. На закономерный вопрос, куда сам направляется, профессор назвал замок ближайшего лорда.

Закупив еды, Шардаш выбрался на околицу и направился к леваде. Поменять масть и облик лошади до неузнаваемости удалось без труда, истинные сквозь морок разглядел бы только опытный маг, каковых в округе не водилось.

Навьючив поклажу на бока бесплатного приобретения, Шардаш забрался на спину животного и направился в сторону леса. Лошади на оборотней не реагировали, зато без проблем подчинялись заклятьям. Не желая обременять себя поиском или созданием упряжи, профессор предпочёл воспользоваться чарами.

Обратный путь, как и предполагал Шардаш, занял меньше времени, он уложился до темноты.

Мериам ждала на пороге, напряжённо вглядываясь в стену деревьев. Профессор тут же занял её разборom продуктов и заботой о лошади, а сам скрылся в пространственном коридоре, буркнув, что, может, сегодня вернётся, а, может, и через пару дней.

Как бы ни доверял Шардаш магистру, он предпочёл не переноситься в резиденцию ордена, предварительно не прощупав почву. Да и где гарантия застать сердце и душу ордена Змеи на месте? Тот вполне мог уехать в столицу, а то и в Империю на день рождения или свадьбу знакомых. В отличие от большинства магов он водил дружбу с тёмными, в честь него даже называли одного из сыновей императора.

Отследить место разговора по специально защищённому магическому шару практически невозможно. Им и собирался воспользоваться Шардаш. Такой шар хранился у него в комнате. Профессор не пользовался им с тех пор, как поступил в аспирантуру и покинул родные края. До этого он наездами бывал дома, проводил там каникулы. Шар, Шардаш до сих пор помнил, он выиграл в споре с одним заносчивым магом. Увы, палочка бедняги оказалась не столь быстра, как его язык.

Родное гнездо профессор рассматривал из зарослей кустарника и осин. Шардаш специально не стал перемещаться к входу, а предпочёл понаблюдать. Нюх у оборотней отменный, со двора его учуют мгновенно. Ветер же дул в сторону профессора, и он мог беспрепятственно определить, кто дома, а кто отлучился. Матери нет, а вот младшая сестра что-то готовит. Почему она? Да кто ещё столько перца в еду положит!

Стараясь держаться подветренной стороны, Шардаш скользнул к мрачному дому и через потайной ход пробрался к себе. Шар он обнаружил в полной исправности, поэтому поспешил настроить его на резиденцию ордена, точнее, на кабинет магистра.

Лёгкое свечение окутало пальцы Шардаша. Шар задымился, мигнул и явил взору заваленный письмами стол магистра, обитое красной кожей кресло и, наконец, самого Ролейна Асваруса.

— Доброго дня и долгих ночей, Тревеус! — магистр оторвался от чтения и обратил на него взор немигающих глаз. Шардаш знал, что это проверка, поэтому не отвёл взгляда.

— Доброй охоты и милости луны, — ответил профессор.

— Догадывался, что вы со мной свяжитесь.

— С чего вдруг? — Шардаш перевернул стул и оседлал его, облокотившись о спинку.

— О вас наводили справки, — улыбнулся Асварус. — Но чтобы я — и выдал кого-то из членов ордена! Да и не дурак, чтобы просто так расстаться с жизнью.

— Верно. Нашёл бы и горло перегрыз, несмотря на всю вашу магию, — рассмеялся Шардаш и накрыл комнату 'антиглазом' и 'антиухом'.

Говоря об опасности для жизни, магистр намекал на трепетное отношение оборотней к своей семье и к вопросам чести. Если бы Асварус хоть словом обмолвился даже о клане Шардаша, получил бы 'чёрную метку'. Поэтому магистр промолчал, сославшись на неведение и плохую память. Теоретически количество прожитых лет позволяло Асварусу страдать слабоумием, но фактически его разум работал как часы.

За прошедшие годы магистр ничуть не изменился. Те же длинные светлые, почти белые, волосы, собранные в 'хвост', как у дроу, те же раскосые глаза альбиноса, пугавшие невежественных людей, то же лицо без возраста. Эльфийская кровь делала своё дело. На вопрос, какого она цвета, Асварус неизменно загадочно улыбался и отмалчивался.

— И кто приходил? Белая стража?

— Обычная. Думали, помогут.

— Надеюсь, я могу рассчитывать на то же от вас, учитель.

— Оставьте! — махнул рукой магистр. — Какой я вам учитель, если тогда, на дороге, едва с телом не попрощался?

— Субординация, — пожал плечами Шардаш. Шутливый тон Асваруса не обманул его: переходить на 'ты' с магистром не следовало без его прямого разрешения. Сколько новичков за это поплатились! — Главу своего ордена паладинам положено называть учителем, прочим — господином учителем.

— Помните. Это хорошо. Итак, что я могу для вас сделать?

— Расскажите, что творится в Бонбридже. Убийства продолжаются?

— Да, — вздохнул магистр. — Проклятие действует. Второе кольцо нашлось и попало в злые руки. Вам бы съездить, убить демона. Как паладину положено.

— С удовольствием бы, но замок Эколь уже подготовил для меня апартаменты.

— Сложно... — протянул Асварус, откинувшись на спинку кресла. Руки потянулись к табакерке, и у Шардаша засвербело от желания самому выкурить трубку-другую. Но, увы, она осталась в Бонбридже. — Попытаюсь разобраться. Но, Тревеус, если это вы...

— Клянусь! — прорычал профессор.

— Приезжайте. Здесь вас не тронут. Это лучше, чем в бегах. При свидетелях допрошу, обвинения снимут. От Морта ведь правду не скроешь, помните Морта?

Шардаш кивнул. Незаметного и тихого Видящего боялись все: он читал мысли, безо всяких заклинаний проникал в сознание. До известного предела, но достаточно, чтобы уличить во лжи.

— Только есть одна проблема, — магистр засунул за щёку понюшку табака и разжевал. — Я уезжаю, вернусь через две недели. Зато обещаю навести справки о втором кольце у императора, он должен знать. Можете переместиться ко мне?

— Я не один, со мной девушка. Адептка.

— Отпустите заложницу, — вот таким спокойным, вкрадчивым голосом Асварус и отдавал приказы.

— Она добровольно, хочет помочь.

— Прекрасно! — потёр руки магистр. — Доставьте её ко мне, а я позабочусь, чтобы она попала в Бонбридж и всё разведала. Под мороком, разумеется. Будет вашими глазами и ушами. Дам ей кристалл и...

— Не надо, — оборвал его Шардаш. — Я прекрасно всё сделаю сам. С перемещением тоже что-нибудь придумаю.

— Значит, вы дома, — улыбка Асваруса была под стать символу его ордена — змее.

Профессор промолчал. Он сам допустил оплошность, обмолвился, что сумеет снабдить адептку Ики чем-то, что позволит той ходить через пространство без посторонней помощи. Кристалл перемещения лежал в правом верхнем ящике стола и некогда давался сёстрам для связи с братом. Ноэса, старшая из них, пользовалась им на глазах магистра. Если кристалл зарядить, Мериам Ики хватит на одно перемещение: расстояние слишком велико.

— Всех благ и жду через две недели.

Изображение в шаре моргнуло и исчезло.

Шардаш провёл рукой по лбу, в задумчивости, не двигаясь, посидел пару минут и занялся осмотром шкафа. На пол полети рубашки, штаны, носки. Отобрав нужные вещи, профессор спрятал их в невидимый мешок и занялся отбором верхней одежды. Не мешало бы прихватить пару обуви и что-то для адептки Ики, пока та не околела.

— Кто здесь? — раздался приглушённый дверью женский голос.

Шардаш замер, стараясь не дышать. Заклинание заклинаниями, а нюх никто не отменял. Профессор не удосужился уничтожить свой запах, и теперь боялся расплаты.

Сестра не ушла, он знал это. Затаилась, прислушиваясь, а затем взялась за ручку двери. Она провернулась, но без толку: мешали чары.

— Тревеус? — неуверенно позвала Майхаль — самая младшая сестра Шардаша.

Её тон вселял надежду: не чует. То ли пропах лесом, то ли Мериам Ики, столь тесно прижимавшейся к нему ночью. С этим, к слову, надо что-то делать. Девушка явно не понимает разницы между оборотнями и мужчинами. Хотя и с мужчиной не следует себя так вести — чревато. Не она первая — прочие адептки тоже не подозревали, что добивались совсем не того, на что рассчитывали. Вместо того чтобы дуться, сказали бы спасибо за то,

что Шардаш держал их на расстоянии. Впрочем, Мериам близких отношений не хотела, что позволяло держаться с ней иначе. Только реагировал он на неё однозначно, вне зависимости от её желаний.

Так и не дождавшись ответа, Майхаль удалилась. Шардаш перевёл дух и закончил начатое.

Оставалась ещё одна проблема — противооботное зелье. Приготовить его можно на кухне, а хитрюга-Майхаль наверняка притаилась на лестнице. Только отроешь дверь — кинется на шею. Не то, чтобы Шардаш не желал её видеть, но в нынешних обстоятельствах семье лучше не знать, где он. 'Всевидящее око' работает и на оборотнях, а тихо сидеть дома, пока брат в беде, сёстры не смогут, попадутся Белой страже.

Убедившись, что ничего не забыл, Шардаш забрал кристалл и осторожно перенёсся в кабинет отца, где хранились деньги.

Шардаш-старший пропал двадцать лет назад. Ушёл и не вернулся. Видимо, убили, потому что причин бросать семью не было. Да и как кого-то заведёшь, если жена-оборотница чужой запах учует. Везде его не сотрёшь! Так что приходилось блюсти верность. Прочем, отец любил мать и не изменял ей даже в мыслях. Шардаш доподлинно знал это.

Профессор забрал немного: ровно столько, сколько потребуется на неотложные расходы. Если присовокупить присвоенный в трактире кошелек, на две недели хватит. Да и Мериам нужно что-то дать.

— Ага, Тревеус, попался! — раздался победоносный крик Майхаль за спиной. — Твой запах ни с чем не спутаешь, братишка.

Поборов желание обернуться и обнять сестру, Шардаш как вор сбежал из собственного дома.

Мериам вздрогнула, когда неслышно подошедший профессор протянул ей кристалл перемещения. Оглянувшись, адептка уловила странное, непривычное выражение лица Шардаша: задумчивость и тревога.

— Что-то случилось? — участливо спросила она.

— Нет, — слишком резко и поспешно ответил профессор.

Он пожалел, что переместился в дом, а не в лес. Мериам любопытна, умеет делать выводы, догадается, что Шардаш виделся с кем-то, за кого беспокоился. Казалось бы, мелочь, но не при применении 'Всевидящего ока'. Для всех у него нет семьи.

Адептка сначала решила, что тревожились за неё, но, понаблюдав за Шардашем, убедилась, что ошиблась. На Мериам профессор не смотрел, зато косился на дверь. Расспрашивать не стала, предложив поесть. Шардаш не отказался, велел убрать кристалл в надёжное место.

Аппетит у профессора оказался волчий. Он опять съел четыре пятых того, что поместилось в котелок Мериам. Она гадала, жуёт ли он или просто глотает куски, как животные. Не выдержав буравящего его взгляда, Шардеш поинтересовался, что не так. Мериам предпочла промолчать.

После еды взгляд профессора замаслянился, рука безвольно свесилась со стола. Воспользовавшись ситуацией, Мериам осторожно спросила, как прошёл разговор с магистром. Шардаш мгновенно напрягся, рывком поднялся на ноги и заявил, что это её не касается. Обиженная адептка напомнила, что она осталась помогать, а не мешать.

— Рубашку постирай.

— Что? — вытаращилась на Шардаша Мериам.

— Я новые вещи принёс, старые неплохо бы постирать. Ты же предлагала помощь — помогай. Если рядом женщина, глупо жить в грязи.

Адептка повозмущалась, но согласилась. Ей в руки полетела рубашка. Принюхавшись, Мериам согласилась, что в таком ходить нельзя. Но мысли тут же заняла возможность рассмотреть профессора. Обнажённый до пояса, он не обращал внимания на взгляды адептки, спокойно занимаясь своими делами. В частности, выудил из принесённых вещей штаны и чистую рубашку.

— А ещё будущий маг! — не оборачиваясь, с укором произнёс Шардаш. — Объясните, Ики, какие руны на мне увидели? Распоясались девицы, последнюю совесть потеряли! Я на реку и надеюсь, — он подчеркнул последнее слово, — вас туда не потянет.

— Что вы, я даже не думала! — смущённо пискнула Мериам. Сгорая от стыда, она засуетилась, развив бурную деятельность.

— Заметно, что не думали. Когда с подружками к душевой бегали, тоже. У одних мозги в штанах, у других... Кхм. Вот за это не люблю младшие курсы.

Не выдержав, адептка бросила лохань и пошла в атаку. Она напонила, кто её целовал, прижимал к себе во сне, обсуждал фигуру. Мериам же всего лишь разглядывала оборотня, сравнивала его строение с человеческим, а вовсе не 'пускала слюни'. Можно подумать, она раньше высших разумных тёмных так близко видела! Оказывается, у них грудная клетка иная, и шерсть практически не растёт, только на... Тут Мериам запнулась, осознав, что перешла пределы разумного. Шардаш и так странно на неё смотрел, будто гадая, дать договорить или сразу на место поставить.

— Хорошо, — неожиданно спокойно изрёк профессор, — проведите сравнительный анализ строения тела оборотня чистой крови и человека чистой крови и сделайте вывод, чем обусловлены отличия. Справитесь, дам денег на зимние ботинки.

— И где я их куплю? — кисло улыбнулась Мериам.

— В Бонбридже. Закачаю кристалл магией и отправлю. Но не уходите от темы.

Адептке в первый раз доводилось иметь дело с живым наглядным пособием, а не иллюзией или картинкой, однако она справилась. Сначала стесняясь, потом осмелев, сказала про рост, пропорции, предположила различия в скелете и, вконец обнаглел, попросила разрешение пересчитать рёбра.

— Ладно, — махнул рукой Шардаш, — довольно! Рёбер столько же, хвост в человеческом облике отсутствует, но его наличие несложно предположить по ряду признаков. Всё верно, скелет отличается, именно так, как вы предположили. Хорошо выкрутились, Ики. Оставим на вашей совести. Что вы там мне ещё должны? Яды, ваши нелюбимые яды. В лесу кое-что растёт, буду рад занять внимание столь старательной ученицы очередным учебным процессом. Если останется время, и вы не отравитесь, в чём я сомневаюсь, придётся прочитать лекцию о высших тёмных разумных существах. В Бонбридже вам это пригодится. Жизнь сбережёт.

Мериам тяжело вздохнула и попросила принести воды, сославшись на больную ногу. Профессор, не проявив особого желания, согласился и через пару минут водрузил перед адепткой полное ведро воды.

Шардаш долго не возвращался. Мериам гадала, как можно купаться в такую погоду, когда вот-вот выпадет снег. Но профессор, похоже, действительно окунулся в воду, потому что вернулся, одетый во всё чистое, и с мокрыми волосами. Как и обещал, не с пустыми руками, а букетом отнюдь не безобидных трав. Адептка завывала и предложила вместо

контрольной работы ещё что-нибудь постирать.

— Разве что своё платье. Идите, воду могу слегка подогреть. За кустами неглубоко, сделаю приемлемой температуры. А то вас за нищенку примут: запах тот ещё!

Мериам в сердцах схватила ведро с грязной водой и, позабыв о больной ноге, попыталась облить профессора. Вышло частично. Больше всего пострадал пол.

— Идиотка! — отфыркивался Шардаш. — Если по вашей милости с палочкой что-то случилось, утоплю.

— Значит, от меня воняет?! — раскрасневшись от возмущения, адептка пошла в атаку. — А как же сладко пахнущая кожа? Или за сутки стухла? Если хотите знать, ночью вы благоухали не розами.

Профессор с шумом втянул в себя воздух, шагнул к Мериам и ухватил за шкурку. Одним движением перекинув её за спину, Шардаш направился к реке. Поздно сообразившая, что возмущаться надо было тише, адептка пробовала извиниться, предлагала заняться ядами, но профессор не слушал. Выбрав самое глубокое место, он швырнул туда ношу, развернулся и ушёл.

Мериам не утонула, хотя с испугу наглоталась воды. Отплёвываясь, вынырнула и поспешила выбраться на берег. Всего за пару минут она успела продрогнуть до костей.

Отжимая волосы и подол платья, адептка гадала, можно ли вернуться в дом, и шутил или нет Шардаш, говоря о запахе. Положим, по-настоящему она мылась около недели назад, но в летнем домике профессор сам привёл в порядок её волосы и частично тело. Засомневавшись, сама себя понюхала. Есть немного, но не более, чем после пробежек у Идти. Или нюх оборотня не вынес даже лёгкого запаха грязи и пота?

Стуча зубами, Мериам решила рискнуть и осторожно побрела к дому.

Шардаш, вопреки ожиданиям, не поджидал на пороге, его вообще ни в комнате, не в сенях не было. На постели валялась длинная женская рубаха. Не по погоде, но сухая. Покосившись на дверь, Мериам взяла её и юркнула за занавеску из сохнувшего белья.

— Явилась, ламия? — Шардаш бесцеремонно прервал процесс одевания и вторично поволок к реке. — Вижу, нога уже не болит. Это хорошо.

— Не надо меня топить! — взмолилась Мериам. — Я сожалею, мэтр, честно-честно сожалею о своём поступке.

— Не утопить, а язык отрезать? — милостиво предложил профессор, встряхнув свою ношу.

Адептка замолчала и сдалась на милость судьбе. Странно, в этот раз её не кинули в омут, а оставили перед зарослями ивняка. Видя, что Мериам, не понимает, Шардаш толкнул её к реке, всучил комок мха и пообещал принести рубашку и плащ.

Не желая перечить оборотню, судя по всему, из не самого мирного клана, иначе стал бы профессор им так гордиться, адептка спустилась к воде и попробовала рукой — тёплая. На грани, но тёплая. Вздохнув, Мериам разделась и, используя мох вместо мочалки и мыла, привела себя в порядок. На всякий случай стояла спиной к берегу, памятуя о том, что Шардаш вернётся.

— У всех рыжих людей такая кожа?

Пискнув, Мериам присела на корточки, обхватив руками грудь. Воды оказалось по шею.

— Или это от холода проступили синие прожилки? Ладно, выныривайте, а то мышцы сведёт. Платье висит на кусте. И я придумал, чью личину вы примите в Бонбридже.

Прошла, наверное, целая вечность перед тем, как Мериам решилась выпрямиться и

обернуться. Шардаша не было, зато появились рубашка, плащ и мыльный корень, который адептка по известным причинам взять не успела. Это частично объясняло, зачем профессор спустился к воде: так бы Мериам корень не увидела, не смогла вымыть волосы и постирать нижнее бельё.

Закутанная в плащ, с красным носом: осень же, воздух холодный, — адептка короткими перебежками добралась до дома. Она застала Шардаша за интересным занятием: он будто грел в руках кристалл. Тот светился едва заметным голубым светом, то вспыхивая, то погасая.

Профессор мотнул головой к огню, но Мериам сначала повесила сушиться одежду. Бельё стыдливо запрятала подальше. Без него адептка чувствовала себя неловко, будто голой. А ещё беззащитной. Сразу вспомнились школьные уроки истории о диких временах, когда женщины стоили меньше скота.

— Яды вас дожидаются, — напомнил Шардаш. — Элементы для противоядия в лесу все есть, далеко ходить не надо. Потом, когда приготовите, выберу какую-нибудь ягоду и проверю, подействует ваше снадобье или нет. Не на себе, разумеется.

Мериам предложила придти на пересдачу. Выходить из тёплого дома не хотелось, травиться — тоже.

— Не сомневался даже, — хмыкнул Шардаш. — Вы и в тот день бы не сдали: первое задание выполнили неправильно. Ладно, тогда высшие тёмные разумные существа. К ним относят демонов, вампиров, оборотней... А, в Преисподнюю остальных, по Бонбриджу точно не шляются. Отличительными чертами всех выше перечисленных является разум. Ики! — начавшая дремать у огонька адептка вздрогнула. — И наличие различных ипостасей или обличей, которые они принимают вне зависимости от внешних факторов, как то: лунный свет, ночь и прочее. Демоны — разговор особый. Они стоят на вершине иерархической лестницы Тёмного мира и выделяются как особая раса. Как вычислить демона в толпе? Он высок, плечист, походка решительная. Цвет кожи, глаз, волос значения не имеет, если он в облике человека, разве что скулы. Высокие скулы, Ики, и высокий лоб. К сожалению, девушкам часто нравятся демонические черты лица. Голос всегда низкий, грудной. Что таким голосом можно делать?

— Чары подчинения и любовные чары, — пробормотала Мериам, а потом вспомнила: — Я видела демона в 'Бравом петухе'! Он убил офицеров, которые... которые меня... Словом, вели себя неподобающе.

— Значит, вы ему нужны, — отчеканил Шардаш, — и я что-то в вас просмотрел. Глаза оборотницы — и четвертькровка. Ну-ка, повернитесь и замрите. Реакцию не сдерживайте, всё испортите.

Профессор отложил кристалл, замер и, запрокинув голову, выдал протяжную руладу, заслышав которую, люди предпочитали скорее закрыть все окна и двери. Вот и у Мериам похолодело сердце, а рука потянулась к кочерге — единственному доступному оружию.

— Светлая, — мотнул головой Шардаш, оборвав песню. — В человеческом обличи звучит, конечно, фальшиво, но реакция характерная. Не сбежать, а защищаться. И зрачок сузился, глаза позеленили: услышали угрозу. Были бы полукровкой, оскалились бы. Чистым оборотнем... Впрочем, самки на самцов не нападают, боятся. Только если семью защищают. А так зубы покажут, вокруг ходят и без боя уйдут. Однако тёмного ничего. Ума ни приложу, какой толк из вас можно извлечь? Была бы библиотека под рукой! — досадливо вздохнул профессор. — До орденской только недели через две доберусь.

Адептка всё ещё не могла прийти в себя. Положив кочергу на место, она не сводила глаз с профессора. Странно, но только сейчас Мериам поняла, что оборотень — действительно наполовину зверь. Однако разум отказывался принять, что Шардаш — самец оборотня, а её бабка по материнской линии — самка. Звучало как оскорбление.

— Да, что с тобой будет, когда я перекидываться начну? — задумчиво протянул профессор. — Маг общего профиля называется! Ладно, Ики, займись чем-нибудь полезным, пока я кристалл заряжаю. Например, в деталях поведай о знакомстве с моим перстнем, о том демоне, о походе к старшеклассникам за рунами.

Греясь у очага, Мериам рассказала, в свою очередь услышав о том, что ей надлежало сделать. Адептка согласилась, заверив, что всё разузнает и вернётся. На самом деле Мериам самой хотелось в Бонбридж, к людям. Она никогда не любила шумного общества, но в давящей тишине леса резко начала ценить общение и толпу. Да и отдохнуть от Шардаша не мешает, а то с каждым разом его выходки становятся всё серьёзнее. Вернулся тот самый Тревеус Шардаш, которого она знала и от насмешек которого пряталась в туалете.

Мериам никак не могла привыкнуть к мороку, которым её укрыл Шардаш. Профессор сполна отомстил и за грязную воду, и за необдуманные слова, превратив адептку в вампиршу. Он утверждал, что с такой кожей только и изображать Неспящих. Мериам так не считала, но с Шардашем не поспоришь. И как в таком виде обедать, в магазины заходить? Народ в ужасе разбежится, а то и Белую стражу позовут.

— Да что ты так переживаешь? — усмехался Шардаш. — По-моему, хорошая вампирша получилась. Дом Ночи, клан Ветра. Они мирные, убивают раз в месяц добровольцев, так что белые стражники беспрепятственно пропустят.

— А артефакт на воротах? — сомневалась Мериам. — И как это добровольцев?

— Не наводи панику! — поморщился профессор. — Ворота на что реагируют? На суть. И что же они увидят? Трясущуюся девицу с тремя четвертями человеческой крови и четвертью крови светлых оборотней. Не пропустить её они не могут. Так что расслабься. А насчет добровольцев у клана Ветра спроси. Я устал бороться с невежеством учеников.

— Мы этого не проходили!

— Так пройдёте. Мериам, отставить разговоры и слушать! — прикрикнул Шардаш. — Рот открыла.

Адептка засопела, но подчинилась. Когда Мериам поняла, что ей не намерены дать какое-то снадобье, а продолжают издеваться, захотелось откусить профессору пальцы. Она не лошадь, чтобы осматривать её зубы, а тем более трогать их!

— Т..с..о выи дье. лайе. те? — с трудом ворочая языком: тяжело, когда челюсти зафиксированы, — поинтересовалась адептка. Было противно, а желание покусать всё крепло.

— Клыки. Вдруг кто проверит, какая у вас улыбка, — сосредоточившись на деле, нехотя ответил Шардаш. — И, пожалуйста, положите язык на место — ваши слюни мне не нужны.

— А мне ваши грязные пальцы во рту!

Мериам не сдержалась и всё же щёлкнула челюстями, слегка прихватив кожу профессора. А что, сам повторял, что она квартеронка, вот и пусть считает, что проснулись предки-оборотни.

Отсосав кровь из царапины, Шардаш зыркнул так, что Мериам согласилась бы изображать даже умертвие. Не говоря ни слова, профессор сунул ей в руки кристалл и вытолкнул на улицу. Потом всё же смиростивился, вышел проводить и дать инструкции. Они были просты: вывести ход расследования преступления и не попасться. Демона самой не искать, но, если встретится, приметы запомнить.

— Дурно на вас влияет неформальное общение, Ики, — на прощание заметил Шардаш. — Почтение к учителю ушло, появилось хамство, бескультурье. В Школе за такое отчисляют. Не спорю, некоторые адепты позволяют себе подобное поведение в отношении слабых преподавателей, вроде госпожи Элоиз Матео, но надолго они в учебном заведении не задерживаются. Это информация к размышлению, Ики.

— Просто я не вещь, мэтр, — покачала головой Мериам. — Даже не самка оборотня, беспрекословно подчиняющая вожаку клана, а человек. Если вы хотели изменить форму зубов, сказали бы, а не вели себя как коновал.

— Если вам что-то не нравится, есть вежливые способы указать на это. Вы приличная

девушка или?

— Прекратите надо мной издеваться! — не выдержав, выкрикнула адептка. Глаза знакомо засвербело. Она отвернулась и тихонечко всхлипнула. Мало того, что её превратили в вампиршу, так ещё и продолжают травить.

Руки Шардаша легли на плечи Мериам. Пальцы скользнули по щеке, погладив. Истерика как-то сама сошла на нет, уступив место непониманию. А как же нравоучения, колкие шуточки?

Пальцы профессора вторично прошли от скулы до подбородка, после чего Шардаш отпустил адептку:

— Ш-ш-ш, успокоиться и не плакать, адептка Ики! Чем больше слабости вы проявляете, тем больше над вами издеваются. Всю жизнь в туалете не просидите. Не спорю, вы частично правы в претензиях, но магу не престало быть истеричкой и не слушать начальство.

Мериам кивнула и предложила закончить корректировать её зубы. Сама улыбнулась и замерла, гадая, что сделает Шардаш. Тот, не касаясь, оглядел фронт работ и потянулся за волшебной палочкой. Адептка ощутила лёгкое покалывание. Дёсны зачесались, а зубы неожиданно проткнули губу.

Профессор взмахнул рукой, и воздух сгустился в подобие зеркала. Шардаш жестом пригласил Мериам взглянуть в него и отошёл ей за спину, тоже любясь своим творением.

Адептка испугалась своего отражения, приняв его за реальное существо. Только слова профессора помогли преодолеть страх и рассмотреть то, чем она стала. На Мериам смотрела необыкновенно стройная бледная вампирша с зелёными глазами. Кроваво-алые губы ярким пятном выделялись на лице. Клыки чуть-чуть заходили на нижнюю губу. Волосы оказались длиннее реальных и прикрывали поясницу. Смотрелись шикарно — словно чёрный шёлк. Не удержавшись, адептка провела по ним рукой и удивилась, ощутив не пустоту.

— Я старался, — Шардаш явно требовал похвалы. — В Бонбридже много магов, не хотелось бы, чтобы по моей вине у вас были проблемы.

Мериам повернулась перед зеркалом и, обернувшись к профессору, поблагодарила. Тот чуть заметно улыбнулся и уничтожил сотворённое зеркало.

— Нехорошо отпускать без защиты, — задумавшись, протянул Шардаш. Адептка заметила, что когда он размышляет, опускает взгляд долу, будто девушка на свидании. — Третьекурсницу, даже не с Запретного...

Профессор взял руку Мериам, унизанную фальшивыми перстнями, и провёл кольцом с розами по её ладони. Сначала слегка, затем с нажимом, так, чтобы лепестки цветов царапнули кожу. Выступившую капельку крови Шардаш бережно перенёс на фибулу своего плаща, поводит над ней палочкой и, отрезав, вызвав изумлённое возмущение Мериам, протянул адептке:

— Всегда носите с собой. Если окажитесь в опасности, потрите.

Мериам кивнула и предложила носить фибулу на шее. Шардаш одобрил и сам повязал шнурок. Адептка заметила, что при этом профессор проделал над ним какие-то манипуляции. Да и всплеск тепла свидетельствовал о наложенном заклинании.

— Надо бы проклясть для верности: слишком далеко, ниточка может не натянуться.

Заметив испуг Мериам, Шардаш пояснил, что проклятие связующее, никакого вреда здоровью не наносит, а, наоборот, помогает.

— Да и наложу его не непосредственно на вас, а на фибулу. Всё-таки цели у нас несколько иные, чем предполагали создатели, так что рунами, а не словами. Если боитесь,

то...

— Я согласна. Глупо отказываться от помощи в стане врага.

После зябких земель клана серебристых горных оборотней улицы Бонбриджа показались жарким югом. С непривычки Мериам даже хотела снять плащ, но вспомнила о кристалле перемещения, который держала в руке, и раздумала. Поправив растрёпанные волосы, мнимая вампирша из клана Ветра полной грудью вдохнула запахи большого города и, подавив желание наведаться в Школу, направилась покупать ботинки. Да и куда идти? Не в Школу же! Хороша она будет, если предстанет перед привратником в таком виде! Вызвать Инессу тоже не получится: не признаваться же, что помогаешь преступнику? Даже на столбе висит объявление, что Тревеус Шардаш разыскивается живым за триста тысяч серебром — баснословные для обычного горожанина деньги.

Шардаш дал достаточно, чтобы Мериам в придачу к ботинкам купила перчатки. Разумеется, если бы она наведалась в модные лавки Верхнего города, то истратила всё до кожного шнурка кошелька, но adeptка привыкла делать покупки в Среднем, том самом, где работала у гнома Гримма.

Адептка шла быстро, стараясь скользить вдоль стен и подражать походке Неспящих. Она ощущала недоверчивые, а то и испуганные взгляды прохожих и постоянно одёргивала капюшон плаща. Кажется, несоответствие одежды богатым перстням тоже бросалось в глаза. Мериам сделала мысленную пометку: выглядеть респектабельнее. Самое простое — перекрасить мех под горностаю. Платье, благодаря мороку, смотрится подобающе, а вот плащом придётся заняться.

Выбрав первую попавшуюся лавку, Мериам толкнула дверь. Тонко звякнул колокольчик. На его зов мгновенно откликнулся приказчик. Дежурная улыбка на мгновение померкла при виде клыков посетительницы, но гном тут же оправился, рассудив, что абы кого в город не пустят.

— Чего изволит госпожа? — приказчик деловито засуетился, выкладывая самый дорогой товар. Странно, конечно, что вампирша наведалась к нему, а не сладкоголосым эльфийским полукровкам Верхнего города, но его дело — продать, а не расспрашивать.

— Я вас напугала? — Мериам нервно поправила волосы и скинула капюшон. — Поверьте, у меня нет намерения навредить вам...

— Конечно, госпожа, я знаю. Чем могу быть полезен?

Адептка расслабилась и осмотрелась. Перчатки выбрала сразу же, а вот с ботинками пришлось повозиться. Гном позвал хозяина, тоже представителя низкорослого народа, и они вместе таскали всё новые коробки для 'госпожи'. Разумеется, гномы пытались обжулить вампиршу, но Мериам знала цену вещам.

Расплачиваясь, adeptка деланно лениво поинтересовалась, кого разыскивает Белая стража. Внешнее спокойствие далось с трудом, пришлось вспомнить уроки госпожи Элоиз. Не такой уж бесполезный предмет — риторика!

— Ой, госпожа, тёмного ловят! — с опаской глянув на Мериам, ответил гном.

Он опасался разгневать вампиршу. Вдруг она из правящего клана Дома ночи? Таким, по слухам, выдано разрешение на бесконтрольные убийства. Поданные Империи, эти вампиры забредали и в Лаксену, непостижимым образом обходя ловушки магов. Для клана Вечности и артефакт на воротах не преграда, тот только сигнал опасности подать успеет. Другое дело, что подымется тревога, и вампир не сможет спокойно разгуливать по улицам. Хотя, тёмный оборотень же разгуливал, даже преподавал в Ведической высшей школе.

— И что он сделал?

— Людей проклинаят и убивают. Уже сорок человек погибло. Его, вроде, поймали, но он сбежал и сержанта, который его арестовывал, прикончил. Со всей семьёй. Сержанту горло разорвал, а жену с детишками проклял. Мы теперь после темноты не выходим, боимся.

Расплатившись, Мериам вышла хлебнуть свежего воздуха. Сорок человек! Ещё шесть дней назад было тридцать два. Кто-то подставлял Тревеуса Шардаша. На кого подумают, увидев обезображенный труп? На оборотня. Однако профессор никак не мог этого сделать: всё время проводил с адепткой. Убил, когда бродил по лесам, ходил в деревню? Вряд ли. Всё поведение Шардаша свидетельствовало против этой версии.

Эх, узнать бы, кого ещё и где, кроме семьи офицера убил таинственный демон! Между ними должна существовать какая-то связь.

Взвесив все за и против, Мериам направилась в таверну 'Бравый петух'. Где ещё модно узнать последние новости, слухи и домыслы? На улице адептка держалась увереннее, хотя по-прежнему жалась к стенам. Другие вампирши в толпе в глаза не бросились, и Мериам начинала догадываться, что Шардаш в очередной раз зло подшутил над ней. Послали же Прародители сущего учителя!

Вышибала в дверях 'Бравого петуха' подозрительно осмотрел посетительницу, но пропустил. Мериам замялась на пороге, не зная, как положено себя вести вампирше. Потом вспомнила, что они считают себя неотразимыми обольстительницами, и направилась к столу с двумя приличными на вид мужчинами. Если она сядет одна, точно привлечёт внимание.

Не спрашивая разрешения, Мериам заняла свободный стул и позвала подавальщицу. По случайности или несчастью ею оказалась Инесса. То ли сегодня выходные, то ли подругу освободили от занятий. Не бросила же она учёбу!

Инесса испуганно вздрогнула, но тут же выдавила из себя дежурную улыбку:

— Чего изволите?

Мериам заказала блюдо дня и бутылку вина. Разумеется, пить её целиком она не собиралась — так, всего пару глотков для храбрости, но порядочная вампирша не может заказать безалкогольные напитки. Да и мужчины чай не оплатят.

Инесса записала заказ и побежала к другому столику. Не узнала. А вот мужчины заинтересовались, оправившись от первоначального потрясения столь опасным соседством и попытались завести разговор. Начался он банально — с попытки узнать, что привело сюда такую особу. Мериам промолчала, показав клыки — должны произвести впечатление. Произвели — вопросов стало ещё больше.

— В гости приехала, — солгала адептка, гадая, как бы сменить тему. Пожалуй, следовало присесть в уголке и просто слушать, а то весь день проговорят об её глазах и гастрономических пристрастиях.

— Не знал, что в Бонбридже живут вампиры! — рассмеялся один из собеседников — крепко сложенный мужчина. По одежде не определить, кто он, но с Неспящими явно дело имел.

— Оборотни же водятся, — тут же радостно отозвалась Мериам. — Наслышана, наслышана, что тут уже днём охотятся. Какое неуважение этикета!

Признаться, адептка не знала, положено ли оборотням убивать только днём, но то, что вампиры — существа ночные, помнила точно. Соответственно, вампиршу возмутил бы промысел пищи при свете солнца. Оставалось надеяться, что Мериам ничего не напутала.

Инесса, балансируя с двумя подносами в руках, шустро сгрузила на стол дымящиеся тарелки, стакан и вино и поспешила обслужить другой стол. После вернулась и ловко откупорила бутылку. Вот уж кто обладает вампирьей быстротой и пластикой — так это подавальщицы. Работа тяжёлая, требует хорошей памяти и координации.

— Позвольте?

Второй мужчина, явно полукровка: у людей не бывает жёлтой окантовки радужки, — наполнил стакан Мериам. Та поблагодарила его кивком головы и слегка пригубила вино. Оно показалось слишком крепким, но адептка не подала вида.

— Да, есть тут один... — поморщился тот, кого Мериам мысленно назвала охотником. — Только вчера девочка погибла. Прямо на ярмарочной площади.

— А что Белая стража, неужели поймать не могут?

Слегка захмелев, адептка водила пальцем по каёмке стакана. Понимая, что без закуски банально заснёт, Мериам потянулась за ложкой и отхлебнула суп. С потрохами. Как же приятно снова питаться человеческой едой со специями, а не варёным мясом и кашей!

— Ловят, только всегда на шаг позади. Маг он, оборотень. Имя даже известно.

Мужчина плеснул себе в кружку бражки и провозгласил тост:

— За присутствующих красавиц!

Мериам пришлось выпить. Наученная опытом, она проглотила всего несколько капель.

— Вино прокисло? — полукровка заметил её манёвр. — Так закажем другое.

Он развернулся и крикнул:

— Эй, подавальщица, притащи вина, а не мочи!

Адептка замахала руками, заверив, что напиток хорош, и насильно влила в себя полстакана. Голова тут же загудела, а стол перестал казаться устойчивой поверхностью.

— На голодный желудок пить вредно, — улыбнулась Мериам, кое-как поставив стакан на место. — Три дня не ела. Представляете, завтрак сбежал! Сам согласился — и сбежал. Нет, свинство же!

Энтузиазм мужчин несколько угас. Они проверили что-то под куртками — то ли амулеты, то ли оружие, и занялись обсасыванием бараньих рёбрышек. Мериам тоже усиленно наполняла желудок, чтобы уйти из таверны на своих двоих. Идея с вином уже не казалась удачной. В последний раз адептка пила что-то крепче десертного сладкого на первом курсе. Но то — другое дело, там бутылкой креплёного орочьего посвящали в адепты Ведической высшей школы и заодно отмечали первую удачно сданную сессию. Последствия той выпивки Мериам до сих пор вспоминала с багрянцем стыда.

Душевая — это ещё ничего, потом был Норис... Вернее, не был, потому что адептка заснула. А, проспавшись, сбежала. Не пей Мериам этого креплёного, ей бы в голову не пришло согласиться на столь непристойное предложение. Даже от парня, который адептке очень-очень нравился. Их с Норисом считали парой. До момента, когда Мериам со страхом не вылетела из его комнаты, заявив, что передумала. Конечно, передумала: адептка совсем иначе всё представляла. Да и в книгах у героинь и героев всё так красиво, а в реальности... Словом, на этом отношения с Норисом закончились. Мериам даже целоваться с ним стало противно.

— Да ладно, — прервал тягостные воспоминания адептки голос полукровки, — она лжёт. Глянь на неё — сытая. Если б три дня не ела, облизывалась бы, целоваться лезла, в углу зажимала.

— А вас уже ели? — Мериам отложила ложку. — Опыт чувствуется. Состав крови не

огласите. Нет ли горьких примесей? Орки, тролли — они противные, но, когда нет выхода...

Полукровка инстинктивно застегнул ворот рубашки. Адептка победоносно улыбнулась. Теперь к ней точно не станут приставать.

На помост в дальнем конце зала взобралась гусяр и молоденькая девушка — бродячие музыканты. Отрабатывая еду, они тешили посетителей незамысловатым творчеством. Не обратив сначала внимания на слова песни, Мериам затем прислушалась, запоминая. Музыканты выбрали странную старинную балладу о демоне, потерявшем возлюбленную. Она то ли умерла от болезни, то ли погибла, — в песне туманно обходили вниманием столь важную деталь. Интересно было другое — демон просил помочь какого-то мага, а тот обманул его. И теперь мающийся в беспробудной тоске влюблённый клялся причинить колдуну такую же боль, желал покончить с собой, но не мог. Почему, Мериам тоже не поняла.

— Разрешите? — оказывается, охотник уже пару минут мялся возле стула адептки.

— Что? — Мериам непонимающе глянула на него.

— Пригласить вас на танец?

'Какой, в Преисподнюю, танец?' — едва не вырвалось у адептки, но, приглядевшись, она поняла, что у помоста действительно мнётся несколько пар. Именно мнутя, потому что места не хватало.

— Благодарю, я танцую исключительно ночью.

— За столь прекрасное знакомство? — Мериам и не заметила, как полукровка подлил ей вина. Он призывно поднял свою кружку и чокнулся со стаканом адептки. — За милость луны к Дому ночи!

Мериам скривилась, но заглотала вино. Истинная тёмная обязана выпить за свой Дом. Адептка тут же потянулась к тарелке с жарким, но промахнулась вилкой мимо куска. Мериам с ужасом поняла, что напилась. Судя по взглядам, которыми обменивались мужчины, они это прекрасно понимали.

— А где гуляет местный оборотень? — адептка отчаянно пыталась — Хочу поздороваться.

Со второго раза ей ответили, что убийства прокатились по всему городу, а также предместьям Бонбриджа. Даже замок Эколь не обошли. Безопасным местом считалась только Школа — на её территории никто не погиб. Мериам едва не завизжала от радости: чем не доказательство невиновности Тревеуса Шардаша? Будь он убийцей, отомстил бы директору, если по версии Белой стражи вернулся в Бонбридж.

Охотник галантно взял руку Мериам и поцеловал. Невзначай коснулся её волос. Адептка испугалась не столько этого жеста, а того, что охотник догадается, что волосы ненастоящие.

— Где вы остановились? Не желаете вместе со мной осмотреть город?

Мериам мотнула головой. Ох, кажется, она напилась!

— А мне показалось, что я вам понравился, — настаивал охотник. — Я не боюсь, даже укусить себя дам, если не до смерти.

— До смерти! — икнула адептка. — Не хочу я ничего с вами смотреть!

С шумом отодвинув стул, Мериам встала. Её качнуло и, если бы не охотник, адептка бы растянулась на полу. Что-то не везло Мериам с выпивкой: сначала опозорилась перед Шардашем, теперь угодила в щекотливую ситуацию. Ясно, для чего её зовут смотреть город. Радует, что не темно, в подворотне не зажмут. Или зажмут? Их же двое... Ох, Прародители

сущего, надо было чай пить!

— Я живу недалеко, — полукровка тут же оказался рядом, бросая недовольные взгляды на охотника. — Она действительно голодна, раз в обмороки падает. И ведёт себя странно. Отдай её мне, Гавен, всё равно с тёмной не справишься.

— Чужие сливки снимаешь? — надулся охотник, придерживая Мериам за талию. — Пусть она сама выберет с кем.

— Ещё жребий киньте! — буркнула адептка, дав мужчине по рукам. — Сама пойду. К себе. Приличные деву... ой, вампирши на первом свидании в постель не прыгают.

Мужчины дружно расхохотались:

— Вампирша — и не прыгает?

Краснея, Мериам проклинала Шардаша. Наверняка знал — и промолчал. С другой стороны, она сама за столик села.

— Шуток не понимаете, мальчики? — вымученно улыбнулась адептка, качнулась и похлопала полукровку по щеке. — Просто за меня обычно дерутся, чтобы милость заслужить. А вы со мной как с человеком... Бывайте! И за выпивку мою заплатите.

Мериам хотела уйти, но ей не позволили, водворив на место. Мужчины требовали, чтобы она выбрала любовника, а не 'юлила хвостом'. Адептка не на шутку испугалась. Отнекиваться бесполезно, а в постель ни к кому из них не хотелось. Даже ради торжества правосудия. Желая выгадать время, она сбежала в туалет, заперлась и, опустив, уселась на сиденье. Мериам мутило, но она сдерживала рвотные позывы. Голова отказывалась думать, а перед глазами стояла сцена группового изнасилования. И нет героя, который бы спас... Точно, если выберется, перестанет читать книги с сердечками, потому что врут. Не лгали бы, за неё заступился бы прекрасный кавалер, вызвав наглецов на поединок.

Дурнота уступила место сонливости. Час от часу не лучше!

Мериам пыталась вспомнить, что там Шардаш говорил о связующем проклятии, о некоем способе связи, но голова отказывалась работать.

— С вами всё в порядке? — в дверь постучались.

— Какое 'в порядке'?! — огрызнулась Мериам, узнав голос Инессы. — Сижу тут в облике вампирши какого-то клана, а в зале поджидают два озабоченных мужика. Всё просто замечательно, Нес, мечта!

Подруга за дверью притихла. Видимо, пыталась понять, откуда вампирша её знала. По голосу не узнала бы — Шардаш его искажил. Иллюзия действительно вышла первоклассная.

— Вы кто? — наконец поинтересовалась Инесса.

— Соседка твоя, ик! Мериам Ики.

Мериам сползла с сиденья и щёлкнула задвижкой. Инесса испуганно отпрянула, готовая закричать, но адептка опередила её, взмолившись: 'Поверь мне! Я не клыкастая, меня от крови тошнит. И от вина тоже'.

Инесса и Мериам несколько минут в упор смотрели друг на друга, после чего подавальщица с шумом захлопнула дверь в туалет. Оставшись одна, адептка всхлипнула, гадая, что её отсюда вытащит: охотник, полукровка или солдаты. Но ни те, ни другие не торопились, и Мериам, обняв дверной косяк, засопела.

Пробуждение, вопреки опасениям, вышло не столь чудовищным. Что-то холодное, любезно приложенное ко лбу, облегчило страдания.

Мериам раскрыла глаза и тут же предпочла их закрыть, тихо застонав. То, что она приняла за компресс, оказалось каменной стеной одиночной камерой. По крайней мере, на лежанку тюремщики не поскупились, как и на тонюсенькое одеяло.

Адептка села и с опаской глянула на руки — железных браслетов не оказалось. Ножными украшениями её тоже не побаловали. Уже хорошо. Мериам встала и подошла к решётке. Адептку всё ещё пошатывало, голова побаливала, но зрение пришло в норму. Прижавшись к прутьям, Мериам осмотрела коридор, освещённый тусклыми отблесками негаснувших факелов. Такие не использовали нигде, кроме казённых учреждений военного толка. Тюрьма подходила под эту категорию.

— О, очнулась, клыкастая! — с табурета поднялся низенький тюремщик. Связка ключей позвякивала, эхом отзываясь под потолком. — Пить хочешь? На-ка!

Тюремщик протянул сквозь решётку бутылку. Нюхнув, Мериам поняла, что там вино.

— Спасибо, я это не буду, — скривившись, отказалась адептка.

Похоже, ответ удивил тюремщика. Он крякнул и забрал бутылку.

— Воды, пожалуйста! — взмолилась Мериам. — И скажите, где я.

— В замке Эколь, где всем буянящим тёмным и место. Ничего, придёт сержант, разберётся. Он уже заглядывал, проверял, не проспались ли.

Адептка кивнула и обречённо опустила на пол. Ситуация казалась безвыходной. Мериам в отчаянье смотрела на решётку и представляла годы одиночного заключения в этой камере. Не улучшила настроения и кружка воды, которую адептка осушила за пару глотков. Поблагодарив тюремщика, Мериам уползла обратно на койку, уткнулась лицом в рукав и молчаливо расплакалась.

Истерика длилась минут пятнадцать. Выплакавшись, адептка села и задумалась над тем, как себе помочь. Вспомнив о фибуле, Мериам задумалась. Казалось бы, потри — и помощь придёт, но не окажутся ли они оба: она и Шардаш, — за решёткой? Замок Эколь — место особое, тут переход не откроешь. Значит, придётся воспользоваться перстнем и упрочить статус убийцы. Эх, выбраться бы за пределы тюремных стен!

— Слышь, вампирка, на выход! — Мериам и не заметила, как к ней подошёл тюремщик. То ли решётки в замках опираются неслышно, то ли адептка слишком глубоко ушла в себя. — Тебя на поруки берут.

Мериам утёрла лицо и с удивлением уставилась на тюремщика. Кому ещё она понадобилась?

Защёлкнув на руках адептки специальные серебряные браслеты, тюремщик повёл её по коридору к лестнице. Мериам ещё издали увидела нити магии, пронизывающие перила и ступени. Сколько же здесь всего! Такой клубок не распутать кандидату магических наук.

Они спустились вниз на один пролёт, миновали ряд тёмных переходов с глухими дверями камер, вышли к очередной лестнице и начали восхождение вверх. Навстречу то и дело попадались белые стражники. Одни замерли на часах, другие спешили по своим делам. Те и другие подозрительно косились на Мериам.

Тюремщик доставил адептку в кабинет, с полу до потолка заставленный папками.

Кроме шкафов там были ещё стол и два стула. Оба оказались заняты, так что Мериам пришлось стоять. Разглядеть присутствующих в комнате мешал специальный экран, чуть заметно искрившийся в воздухе. Такой призван был обезопасить от взгляда василиска и прочей специфической магии некоторых видов существ и артефактов, по недосмотру не изъятых при задержании.

— Вот, полюбуйте, господин Крегс. Из 'Бравого петуха' поступил сигнал о некой вампирше, присвоившей себе душу одной из ваших адептов. Подозреваемая пыталась втереться в доверие к подавальщице, тоже ученице вашей Школы, называлась её подругой. Также она соблазнила двух мужчин...

— Никого я не соблазняла! — обиженно возмутилась Мериам. — Это они мне непристойные предложения делали, домой к себе зазывали, споили...

— Вот как? — экран вспыхнул и стёк на пол, бесследно растворившись в воздухе. — Тогда зачем вы с ними кокетничали? Зачем назвались именем человека? Что вы делали в Бонбридже? И как смогли обмануть ворота?

Адептка уставилась на сержанта Белой стражи, пытаясь понять суть предъявленных обвинений. Они казались абсурдными, но, призадумавшись, Мериам поняла, что абсурдны они только с её точки зрения. Для остальных — она вампирша, высшее разумное тёмное существо. Артефакт действительно должен был на неё среагировать, но не среагировал. Почему? Значит, его обманули. Зачем? Явно с преступной целью. Вампиры не ходят толпами по улицам Бонбриджа. Да и бедняжка Инесса перепугалась, решила, что Неспящая выпила душу подруги и теперь заманивала её в свои сети.

Вампиры не только кровью питаются и не только от вина пьянеют. Очевидно, Инесса решила, что клиентка закусилась кем-то из посетителей, а в туалете спряталась, чтобы скрыть улики. Мало ли, что с этими вампирами происходит, когда они вытягивают частичку души или пинту крови.

— Ну? — поторопил с ответом сержант.

Мериам вздохнула. Правду сказать нельзя, а ложь не желала придумываться.

— При ней обнаружили что-то? — поинтересовался Селениум Крегс.

При звуке его голоса адептка оживилась, пытаясь привлечь к себе внимание. Видя, что тот не понимает, начала рисовать в воздухе руны. Приглядывавший за Мериам солдат, тут же пресёк её занятия.

— Ничего, кроме странной вещицы, — сержант показал директору заговорённую фибулу.

Мериам тут же лихорадочно ощупала шею и с трудом подавить стон разочарования: последняя надежда упорхнула, шнурка не было.

— На ней проклятие, но отследить автора не удалось. Есть ещё какая-то магия, но, очевидно, фибула — всего лишь часть артефакта, потому что чары не работают и никак себя не проявляют.

— Что за проклятие?

— Именно поэтому я и позвал вас, господин Крегс. Кому, как не директору Ведической высшей школы, определить суть колдовства и использовать его во благо правосудия?

Фибула перешла в руки Крегса. Нахмурившись, тот тщательно осмотрел её и убрал в карман.

Отчаявшись, Мериам не выдержала и выкрикнула: 'Господин директор, это же я! Адептка, которой вы простили два штрафных балла'.

Глаза Крегса округлились, и он пристально, будто до этого не замечал, осмотрел Мериам. Кивнул и обратился к сержанту:

— Произошло недоразумение: перед нами не вампирша.

— Вы уверены? — белый стражник скептически хмыкнул. — Помнится, в собственном заведении вы просмотрели оборотня и только милостью министра сохранили пост. Повторная ошибка приведёт к плачевным последствиям.

Крегс заверил, что осознаёт последствия своих действий.

Совсем недавно он сам был узником замка Эколь, провёл там четыре худших дня в своей жизни. Казалось, увольнение — дело решённое. И хорошо, если только увольнение, а не запрет заниматься преподавательской деятельностью и ссылка в глушь, где предстояло бы работать за еду. Но вмешался Магистр магии, подтвердив безупречную репутацию Селениума Крегса и своё доверие ему.

Не последнюю роль сыграло согласие директора подвергнуть себя воздействию Всевидящего ока. Заклинание накладывал маг высшего уровня в стенах замка Эколь, обмануть его, схитрить Крегс бы не смог. Прочитав его мысли и воспоминания, белые стражники убедились, что директор невиновен по всем пунктам обвинения.

— Тогда кто это? — сержант ткнул пальцем в Мериам.

— Человек, — пожал плечами Крегс. — Один из учителей вёл занятие на тему высших демонических существ. У нас практикуются иллюзии на добровольцах: ученики лучше запоминают материал. Очевидно, девочка уговорила преподавателя не снимать иллюзию, хотела напугать друзей, но немного не рассчитала. Я во всём разберусь и накажу обоих. Сами посудите, офицер, если бы это была вампирша, разве бы она так себя вела? Вам ли не знать особенности их мышления?

Сержант кивнул, соглашаясь. Его тоже что-то смущало: зрачки неправильно реагировали на свет, отсутствовала агрессия и магия крови. Последнюю странность он объяснял принадлежностью вампирши к низшему клану и воздействию некоего психотропного вещества. Сержант собирался передать узницу магам для разбирательств.

— Хорошо, распишитесь, — офицер протянул Крегсу лист бумаги. — Имя, число, подпись и краткие разъяснения. Я потом загляну, проведу adeptку.

Уладив необходимые формальности, директор попросил снять с Мериам наручники. Сержант не спешил отдавать приказ.

Крегс подошёл к adeptке, извлёк из кармана кристалл перемещения и поинтересовался, что это.

— Я вам потом расскажу, — шепнула Мериам.

— Последняя проверка, — с гаденькой улыбочкой протянул офицер, встал и, опасаясь поворачиваться спиной к adeptке, направился к запертому шкафу. Там оказался склад каких-то баночек и мешочков.

— Ага, вот оно, лакомство! — сержант торжественно извлёк сосуд с загуствовавшей кровью, откупорил его и помахал в воздухе.

Мериам никак не отреагировала, и офицер сунул ей кровь под нос. Adeptку едва не вырвало. Она отшатнулась, прижав ладони ко рту.

— Ну, убедились? — директор решительно отвёл руку сержанта от лица Мериам. — Если б перед вами стояла вампирша, остались бы без пальцев. Пусть даже она из клана Вечности, где не практикуются нападения на людей.

Недовольный сержант убрал сосуд с кровью на место и разрешил снять с adeptки

браслеты. Та, всё ещё не веря, уставилась на освобождённые запястья, проверяя, целы ли. Крегс обнял её за плечи и повёл прочь.

Во дворе поджидал чёрный экипаж — такими пользовались карательные службы королевства. Директор усадил дрожащую адептку на сиденье, показал вознице пропуск и велел доставить к воротам Школы.

Повозка дрогнула и, подпрыгивая, покатилась по камням. Пару раз она останавливалась для проверки. Крегс терпеливо извлекал и демонстрировал автограф сержанта на алой карточке с белой каймой. У главных ворот её пришлось отдать. Дежурный офицер тщательно проверил магическую печать, убедился, что нет следов подделки и взлома, связался с указанным на карточке сержантом и, получив добро, выпустил повозку.

Директор взмахнул волшебной палочкой, отделив нутро экипажа от посторонних глаз и ушей, и протянул Мериам фибулу:

— Это ваше, возьмите. Взамен скажите, кто наложил иллюзию. Хотя, судя по тому, что даже я только вблизи рассмотрел расплывчивость контуров, её делал опытный маг. И знаток тёмных, раз одарил вас такими зубками.

Адептка сжала фибулу в кулаке и опустила голову. Она твердила себе, что обязана молчать. Директор — тоже враг Шардаша, по крайней мере, сейчас.

— Мериам, я и сам знаю ответ, — подмигнул Крегс. — Не бойтесь, кучер не услышит: я принял необходимые меры предосторожности. Ведь это вы, Мериам?

Адептка кивнула и поспешила спрятать фибулу.

— Отдайте, пожалуйста, кристалл, — она протянула руку ладонью вверх. — Я благодарна вам за помощь, но...

— Не отдам, — покачал головой директор. — Скажите профессору, чтобы перестал скрываться. Обещаю посодействовать справедливому суду.

— Вы не понимаете, господин директор! — вырвалось у Мериам. Раскрасневшись, она дрожала от нервного напряжения.

— Чего же? Давайте снимем иллюзию? Вампирша, безусловно, из вас вышла красивая, даже очень, но в Школе появляться в таком виде не следует. Приедем, я воспользуюсь кристаллом... Он ведь настроен на убежище Тревеуса?

Адептка до боли сжала пальцы и отчаянно замотала головой:

— Нет-нет, совсем другое место! И мэтра Шардаша я три дня не видела, меня заколдовал другой маг. Высокий такой, блондин. А чтобы переместиться, нужно кое-что в кристалле подправить, сейчас я вам покажу.

— Мериам, Мериам, — укоризненно покачал головой Крегс, — кого вы пытаетесь обмануть? Неужели я не узнаю руку Тревеуса, скрепившего себя и вас связующим проклятием?

Мериам не сводила глаз с краешка кристалла, торчавшего из внутреннего кармана пиджака директора. Экипаж подпрыгивал на ухабах, пассажиров бросало друг на друга, полы одежды распахивались... Быстро глянув в окно — окраина Бонбриджа со складскими помещениями, — во время очередной тряски адептка молниеносно выхватила кристалл, толкнула дверцу экипажа и вывалилась наружу. Глотнув воздуха, не замечая боли от падения, она вскочила и понеслась к ближайшему проулку. Там юркнула между двух сараев и, подхватив юбки, понеслась к порту — месту, где Селениум Крегс её не найдёт. Тёмных личностей и матросов Мериам не боялась: не рискнут тронуть вампиршу, благо адептка усвоила урок 'Бравого петуха' и для острастки цапнет особо ретивых за палец.

Мериам слышала голос директора, просившего вернуться, но упорно продолжала бежать. Поздно пришло озарение, что сеть легко проследит все перемещения. Ну и пусть, зато она не предаст. Адептка корила себя за беспечность: провалила поручение, не оправдала надежд. Собранных сведений не достаточно, времени нет. Хоть бы демон на неё вышел!

Остановившись, чтобы отдышаться, Мериам попыталась припомнить радиус действия сети и способы её нейтрализации. Нужен отражатель, но как она, третьекурсница, воспользуется заклинанием пятого курса? Радиус же зависел от силы мага. Другое дело, если волшебник мог выбрать не тело, а какой-то предмет для поиска. Тогда, избавившись от этого предмета...

— Мериам, пожалуйста!

Адептка вздрогнула и затравлено огляделась. Директор на соседней улице, сейчас обогнёт угол и... Мериам в отчаянье продолжила бег, петляя, как заяц, стремясь забраться туда, где нельзя проехать, и потёрла фибулу. Прямо перед Мериам что-то полыхнуло. Шардаш, замерев на мгновение, ухватил адептку поперёк туловища и толкнул под свой плащ, зажав рот рукой.

Ладони похолодели, когда Мериам различила топот ног и знакомые просьбы отозваться. Шардаш убрал руку, и адептка, словно цыплёнок в крыло несушки, уткнулась носом в куртку профессора. На задворках сознания промелькнула мысль: там уже зима, раз он не в пиджаке.

Минуты стучали в висках, сливаясь с биением двух сердец: торопливого Мериам и более спокойного Шардаша.

Директор бродил где-то рядом, в растерянности повторяя имя адептки, а потом ушёл.

Мериам сползла в грязь. Её вдруг охватила такая дрожь, что не держали ноги.

— Он меня потерял? — растерянno спросила адептка.

Шардаш кивнул и настороженно огляделся. Мышцы напряглись, волшебная палочка наготове.

— И не найдёт?

— Сменю морок — не найдёт. Не ожидал такой верности, — сдержанно улыбнулся профессор. — Сама понимаешь, мне тут оставаться нельзя, потому что Селениум не дурак...

— Я вернусь в Бонбридж и всё-всё сделаю, — заверила Мериам. — Кое-что уже узнала, но в следующий раз...

— Если он будет, — жёстко возразил Шардаш и увлёк адептку за собой в вихрь перехода.

Мериам жевала ужин. Его Шардаш приготовил сам, заявив, что сегодня её близко к огню не подпустит. Адептка сначала скептически отнеслась к затее профессора, но тот доказал, что способен управляться без женщины. Конечно, никаких деликатесов, но съедобно и сытно.

После вечернего бега и холодной камеры у адептки разболелась нога, и Шардаш, ругаясь, полез за волшебной палочкой, заявив, что естественным путём на Мериам ничего не заживёт.

Всё ещё в облике вампириши, адептка поведала всё, что узнала. Профессор внимательно выслушал, а потом попросил разрешения залезть в её голову. Мериам испуганно уставилась на него, но Шардаш заверил, что с согласия испытуемого (или истязаемого, по мнению адептки) процедура проходит не столь болезненно.

— Взамен морок сниму, — пообещал профессор. — Да и сами подумайте, не пропадать же вашей поездке! Пьяные воспоминания, конечно, расплывчаты, но, может, что-то выужу. Ваш куцый рассказ мало что дал.

Мериам трагически вздохнула и согласилась. Раз уж виновата, придётся пострадать. Шардаш усадил её спиной к себе, поводил рукой по затылку и велел вспомнить момент переноса. Адептка воскресила тот миг и ойкнула, ощутив, как голову сдавило невидимым обручем. Он не давал пошевелиться, мешал даже моргнуть.

Боль нарастала, в голове будто что-то шевелилось. Стиснув зубы, Мериам терпела, а потом тихо завывала. Раз — и она лишилась зрения. В крошечной тьме перед невидимым взором замелькали образы, утекая в красневшую впереди воронку. Адептка закричала, и ощутила, как Шардаш сжал её запястье. Чем громче она кричала, тем сильнее он сжимал, грозя сломать кости. Наконец пытка закончилась, к Мериам вернулось зрение и подвижность. В голове стоял туман, чуть ломило виски.

— Это 'Всевидящее око'? — тихо спросила адептка.

Шардаш подтвердил предположение мычанием и погрузился в раздумья. Видя, что он готов просидеть так всю ночь, Мериам напомнила о данном обещании.

— Сейчас! — отмахнулся профессор и несколько раз цокнул языком. — Погодите, Ики, я почти поймал... Значит, горло перегрыз? Чтобы высший тёмный — и горло, вот так, из мести, а не на поле боя? Да любой следователь поймёт, что бред! Такое возможно, если бы этот глупец меня спровоцировал, но чтобы выследить и... Психологию тёмных изучили бы, двоечники!

— А разве... — неуверенно начала Мериам.

— Что? Разве оборотни не рвут на куски? Рвут, Ики, но в двух случаях: бешенства и во время битвы. Но тут-то что? Месть. Я не низшее существо, чтобы так себя подставить, да ещё женщину с детьми убить. Даже ту гниду заколол, а не порвал на набор начинающего некроманта.

Профессор запнулся и извинился за произнесённое слово не для девичьих ушей. Адептка заверила, что слышала ругательства позабористее. На вопрос где, скромно промолчала.

Развев морок, Шардаш констатировал, что магия на сегодня закончилась. Кристалл он сможет без вреда для здоровья зарядить только послезавтра, потому как прыжки через

пространство на столь большие расстояния вытягивали много сил. Да и 'Всевидающее око' требовало определённого запаса прочности.

— Вам бы сладкого чаю, — вздохнула Мериам, недоверчиво осматривая собственные руки — неужели больше не вампирша?

— Кто спорит, Ики, кто спорит... — устало протянул Шардаш, прикрыв глаза. И тут же распахнул их. — Морошка. Неподалёку морошка росла. Там болотце... Налево от дома, прямо по лесу шагать. Сделай милость?

Последняя фраза прозвучала колкостью.

Не споря, Мериам взяла чугунок, подвесила над собой один световой шар, а другой пустила впереди себя.

Ночной лес пугал, но что может быть страшнее оборотня? Адептка сомневалась, что зверьё отважится подобраться к жилью 'старшего собрата'. Животные чувствительны к запахам, а эти места — вотчина оборотней. Наверняка они их как-то поместили. Только как? Не как собаки же. Может, клочками шерсти?

Над головой плыла ущербная луна. Потрескивал лёгкий морозец. Грязь подсохла, покрылась коркой, идти было легко. А вот морошка так просто в руки не давалась, пришлось поискать. Указания, данные Шардашем, оказались расплывчатыми, пришлось повозиться, побродить, чтобы найти ягоду. И приложить усилия, чтобы не ухнуть с косогора в овраг.

На обратном пути Мериам спиной ощутила чей-то взгляд. Сердце тут же ушло в пятки, а разум разрывался между желанием обернуться и припустить во весь дух. Убеждая себя, что ей показалось, адептка прибавила шагу, но ощущение сгустившейся опасности только крепло. Сзади кто-то был, и этот кто-то следовал за ней.

Глубоко дыша, не позволяя панике застилать глаза, Мериам взвесила все варианты. Первый — её скудный запас заклинаний. Хватит на мелкого хищника, если не промахнётся. Второй — позвать Шардаша. Звук по лесу разносится хорошо, должен услышать. Правда, с магией у него сейчас ещё хуже, чем у неё, а тварь наверняка бросится, едва адептка откроет рот. Что же делать?

Мериам высвободила правую руку. Губы нащёптывали простейшее охранное заклинание. Световые шары нервно метались по воздуху, отражая внутреннее состояние адептки.

Кажется, или в лесу стало тише? Хотя, куда уж тише! Оказывается, есть куда. И безмолвие такое звонкое, давящее. Будто уже было такое... Вспомнив, Мериам поняла, что заклинания не помогут, а Шардаша можно не звать: мёртвых он оживлять не умеет.

По телу пробежали мурашки. Медленно, очень медленно, адептка оглянулась, чтобы убедиться — у одной из елей горели алым глаза. Оставалось только молиться Прародителям сущего и надеяться, что гроб будет открытым. Это точно не Тревеус Шардаш.

Оборотень обошёл Мериам по дуге, оказавшись на пугающе близком расстоянии. Теперь адептка различала пугающий силуэт во тьме. Судя по размерам, такая тварь завалит медведя. Оборотень глухо зарычал, и Мериам, не соображая, что делает, закрылась от него чугуном с морошкой. Мелькнула глупая мысль: а не ударит ли им по голове твари? Вдруг окажется действеннее магии?

Так, не совершать резких движений, не бежать, держать руки на виду... Но как можно не бежать, когда тобой сейчас поужинают? У оборотня даже слюна из пасти капает, а зубы страшнее любых вампирьих клыков. Такой вырвать — кинжал получится. Шерсть дыбом. Серебристая шесть... Стоп, какой у Шардаша клан? Серебристых горных оборотней. Надс

звать. Если повезёт, останется просто без руки или ноги. Не повезёт... Точно не повезёт, если так и будет стоять столбом.

Вместо крика из пересохшего горла вырвался сип.

Будто потешаясь, оборотень кругами ходил вокруг жертвы, подбираясь всё ближе. Не отрывая от него взгляда, Мериам с ликованием нащупала на шее фибулу и потёрла об щёку: вторая рука занята.

Оборотень припал к земле и прыгнул. От боли у адепки прорезался голос. Рукава платья тут же набухли от крови. Тварь издала утробный вой, рванула на себя ткань и внезапно замерла, затрясла головой. Не отпуская побелевшую Мериам, оборотень обнюхал её один раз, второй и вновь завыл. Откликом ему был рык, которому позавидовали бы обитатели Преисподней. Мериам и тварь испугались одинаково, хотя адепка, безусловно, больше. Сейчас явится ещё один оборотень, сильнее прежнего, и раздерёт её на части.

Треснула и сломалась, не выдержав напора, тоненькая осинка, и в узкую полосу лунного света выпрыгнул обладатель рыка. В полтора раза больше первого оборотня, тоже серебристый, с густой длинной шерстью. Спина выгнута в поясничном отделе как у гончей, уши прижаты к морде, когти на палец вонзаются в землю — а ведь оборотень лишь слегка выпустил их из 'сумок'.

В немом ужасе, не в силах пошевелиться, Мериам смотрела на это существо. По сравнению с ним волкодавы казались щенками. Самец, тут и думать нечего. Оборотень клал лапой, обнажив два ряда зубов. Этого хватило, чтобы паралич сковал даже мысли адепки. Теперь понятно, почему все так боялись тёмных оборотней. Мериам видела бабуку: перекидываясь, она превращалась в волчицу, а тут — чудовище.

Первый оборотень, тот, который напал на адепку, заскулил и, поджав хвост, спрыгнул с Мериам. Продолжая скулить, он, вернее она, припала к земле и поползла к самцу. Тот ударил её лапой, ухватил за загривок, поднял и пару раз встряхнул. Снова оказавшись на земле, оборотница отбежала под прикрытие деревьев и начала оттуда поскуливать, будто оправдываясь.

Оборотень втянул в себя воздух и подошёл к Мериам. Она закрыла глаза, моля, чтобы смерть вышла лёгкой. Вопреки ожиданиям, её не тронули, только обнюхали и прошлись хвостом по лицу.

Оба оборотня скрылись за деревьями, оставив адепку в покое.

Мериам всё не решалась подняться с земли, да и с ранеными руками это было не так просто. Чугунок с морошкой перевернулся, и ягода рассыпалась по подёрнутой ледком гнилой листве.

— Ты идиотка?! — донёсся до адепки голос Шардаша. — Я просил тебя приходить? Просил? Майхаль, в глаза мне смотреть!

Таким Мериам профессора никогда не слышала. Разговор с сержантом — цветочки, тут его голоса испугались бы умертвия.

— Я не знала, — жалобно оправдывалась какая-то девушка. — Честно, не знала! Как почувствовала твой запах, так сразу...

— Нюх тебе при рождении отбили вместе с мозгами? — продолжал бушевать Шардаш. — За сто шагов чувствуется. Сто, Майхаль!

— Это тебе, — попыталась намекнуть на что-то девушка, но тут же запричитала: — Молчу, молчу! Я извинюсь и вылечу.

— Будь любезна. Я кровь чую. Ты ей кости сломала, куски мяса вырвала?

— Нет-нет! Оно быстро заживёт. Мамино средство поможет. Только почему, — девушка смутилась, — она не совсем твоя?

— Закрыла рот! — рявкнул Шардаш. — Она моя ученица, дура! И ещё раз повторяю вопрос: что ты тут делаешь? Если бы я хотел, чтобы пришла, позвал бы. Звал?

Судя по тягостному молчанию, Майхаль нарушила правила и признавала, что виновата.

— Ладно, она всё слышит, — уже спокойнее и тише произнёс Шардаш. — Хватит того, что о тебе узнала. Других, надеюсь, не привела? Вот и славно. Потом всё расскажу, но дай слово, что не пойдёшь со мной. Хватит с матери смертей!

— Как прикажешь, брат.

Раздвинулись ветви, и к Мериам подошла обнажённая девушка. Тоже смуглая, тёмноволосая и синеглазая. Ничуть не смущаясь отсутствия одежды, она склонилась над адепткой и осторожно оторвала испачканные рукава. Осмотрев раны, девушка наклонилась и вылизала их. Затем отодрала чистую полосу от рубашки адептки и перевязала Мериам.

— Я Майхаль, — представилась девушка. — Младшенькая... Ой, оборотень просто. Морошку сейчас соберу. Это для Тревеуса, да? Он любит. Особенно варенье. Ходить можешь?

Адептка подумала и кивнула.

— Ты извини, приняла за врага. Запах незнакомый. Да ещё разные маги тебя трогали, солдаты. Тюрьма ещё. Словом, всё чужое и враждебное. А потом уловила аромат Тревеуса. Он слабенький совсем, только от одежды и той штучки на шее. Ещё чуть от рук. Я жутко виновата, честно, сожалею. Но ты отомщена: Тревеус мне голову чуть не оторвал.

— Он твой брат? — пыталась осмыслить обрушившийся на неё поток информации Мериам.

— Ага. А ещё глава семьи. Только про семью ничего не скажу.

Майхаль быстро собрала морошку, повесила ручку чугунок на локоть и помогла Мериам подняться. Видя, что та ещё не оправилась от страха, подняла на руки и понесла. На удивлённый взгляд адептки ответила, что ей вовсе не тяжело, не уронит:

— Обратни сильнее людей.

Мериам предпочла не спорить. Она боялась оборотницу, опасалась лишней раз вздохнуть. Наверное, эта оскаленная пасть будет снится ей до конца дней.

В доме их поджидал Шардаш. Он успел переодеться и вскипятить воду. Профессор недовольно зыркнул на Майхаль и велел прикрыться, 'чтобы не смущать девушку'. Сестра рассмеялась, заметив, что у девочек всё одинаково, стесняться друг друга глупо.

— Человеческие нормы морали соблюдай, — настаивал Шардаш. — Ты ей не подруга, чтобы телесами щеголять.

Майхаль закатила глаза и аккуратно сгрузила ношу на постель. Показав язык брату, она подхватила плащ Шардаша и повязала вокруг бёдер.

— А это вы были там? — подала голос Мериам. Она невольно отвернулась, когда Майхаль, наклонившись, практически коснулась грудью её лица.

Шардаш кивнул:

— Действие противоборотного зелья почти закончилось, так что осторожнее в тёмное время суток, Ики. Видел я ваши глаза: перепугались до смерти. Надо, пожалуй, сделать так, чтобы запах был сильнее.

— Чей? — не поняла адептка и ойкнула, попытавшись стыдливо прикрыться: Мейхаль, недолго думая, разорвала на ней одежду, наградив глубоким декольте.

— Его, — улыбнулась оборотница и оседлала порывавшуюся встать adeptку. — Тревеус, ты морошкой займись. И сам поешь, и её с ложечки покормишь. И, будь любезен, возьми на нашей кухне...

— Не возьму: магический резерв пуст. Так что либо сделай мамину мазь сама, либо лечи собственными силами.

Шардаш отлил немного горячей воды в таз, смешал с холодной речной и с тряпкой, в которой Мериам узнала его прежнюю рубашку, подошёл к постели. Адептка залилась краской, гадая, что ему видно. Судя по всему, очень много. Профессор хмыкнул и наложил жгут, остановив кровотечение.

— Я за медвежьим жиром, а ты раны ей почисти и найди применение морошке. Чтобы когда вернусь, на мордашке adeptки Ики были написаны не ужас и боль, а спокойствие и умиротворение. Языком не трепли. После уйдёшь и ни слова никому не скажешь.

Хлопнула дверь, и Мериам с облегчением перевела дух. Дальше ей оставалось только стонать и закусывать губы. Руки Майхаль порхали по ранам, губы что-то нащёптывали. Непривычным и странным казалось то, что вместо дезинфицирующего средства оборотница использовала слюну. Плечи покалывало, потом они налились жаром, который перешёл в холод. Руки будто онемели.

— Ну вот, жгуты можно снять, — улыбнулась Майхаль и соскочила с Мериам. — Брат принесёт жир, и я тебя перевяжу. Рубцы он сам сведёт, но, вроде, и так быть не должно. А ты действительно его ученица?

— Да. Мэтр на нашем курсе яды преподавал.

Оборотница укрыла adeptку одеялом и занялась морошкой. Весело напевая, она потолкла её ложкой и поставила варить, периодически помешивая.

Вернулся окровавленный Шардаш. Майхаль укоризненно покачала головой, а Мериам в ужасе завизжала.

— Некогда было отмываться, — отмахнулся Шардаш и протянул сестре нечто, завернутое в тряпицу. — Свежий. Медведь ещё дышал.

Содержимое желудка Мериам запросилось наружу. Перед глазами стояла картинка разрывающего на части жертву оборотня. Просто так, только потому, что какой-то adeptке понадобился нутряной жир.

Пройдясь по безгливости особ женского пола, Шардаш расстегнул и кинул на пол окровавленную одежду и уселся за стол, буравя Мериам взглядом. Она ёрзала как уж на сковородке, потом не выдержала и спросила, что ему нужно. Шардаш промолчал и обратил столь же пристальное внимание на сестру.

— Сам смажешь? — Майхаль протянула брату чистые бинты из подручных материалов — рубашки Мериам — и растопленный жир. — Я её, кажется, смущаю.

— Её все смущают. Давай, — профессор подтолкнул сестру к постели. — Чувствую, морошки я не дождусь. Две женщины в доме — а готовлю сам!

Перевязав adeptку, оборотница полностью раздела её и констатировала, что платье восстановлению не подлежит, а вот грязное бельё брата она замочит.

— Там у меня ещё одна рубашка. Последняя. Дай ей. С утра разберёмся, где валялось то, что в деревне достал.

Шардаш тактично отвернулся, и Майхаль ловко приподняла Мериам и облачила в мужскую рубашку, не вдевая руки в рукава. Она едва прикрывала бёдра, adeptке хотелось отдёргнуть её, но мешали раненные плечи. Пришлось лежать и терпеть.

Побросав вещи в стирку, Майхаль подошла к брату и склонила голову. Тот поцеловал её в лоб, отобрал свой плащ и выставил за дверь, велел не шастать голой по лесу, а сразу перекинуться.

— Чего притихли? — Шардаш мешал варево из морошки, временами пробуя на вкус. — Испугались? Ураган Майхаль улетел, больше не объявится. Да и вас бы надо спровадить...

— Выслеживать демона? — живо отозвалась Мериам из кокона одеяла.

— Может, диплом сначала получите, Ики? — язвительно ответил профессор. — Магов широкого профиля я бы и близко к демонам не подпускал. К слову, ваш отец или дед дорогу никому из них не перешёл? А то идеально складывается: перстень украли, спрятали там, где вы бы нашли, вас бы обвинили в убийствах. Типичная месть для демонов. Так что там с близкой роднёй?

Адептка заверила, что никто ни в какие конфликты с демонами не вступал, а у неё тоже разыгралась фантазия на тему баллады, исполненной в 'Бравом петухе'.

— Это не фантазия, а интуиция, — возразил Шардаш, подул на ложку и попробовал морошку. Мериам невольно улыбнулась, заметив, как он цокнул языком от удовольствия. — Сами посудите: кто стал бы прятать перстень на чердаке? Передал бы его заказчику — и всё. И их два, два перстня. Второй у того демона. Спрашивается: зачем ему ещё один? Уничтожить? Смешно! Нет, ловушка чистой воды. Только демон одного не учёл: рассеянности девушек.

— Но почему тогда обвиняют вас? Почему меня не убили и не свалили на вас?

— Пытались же, Ики, — напомнил профессор. — Я все ваши воспоминания за последние месяцы видел. Тоже убийца ведь — а по виду и не скажешь. Трех полукровок проклятием одарила. На мне-то всего две смерти.

Мериам потупилась, попробовала объяснить, но Шардаш отмахнулся, сцедил отвар из морошки в кружку и направился с ним к кровати. Пояснив, что адептка сама пить временно не может, профессор предупредив, что горячо, и влил напиток в рот Мериам. Налив себе точно такую же кружку, Шардаш осушил её и погасил огонь. Мериам услышала шелест одежды, а затем различила тень возле постели. Сжавшись, адептка задержала дыхание и практически сразу ощутила чужое тело под боком. Отчаянно заворочавшись, Мериам застонала: давали о себе знать раны.

— Не дурите, право слово! Не собираюсь я на полу спать. Опять-таки запах ещё одного оборотня лишним не будет. Нарвётесь на кого-то, жизнь сохранит. Как бы вас аккуратнее-то? Ну и воняет этот жир!

Шардаш пару раз чихнул и разрушил кокон одеяла.

— Я не одета! — пискнула Мериам, отодвигаясь к самому краю. Больно — не больно, а деваться некуда.

— Взаимно. Единственная оставшаяся чистая рубашка на вас.

Адептка сглотнула. Что там ещё можно было снять, потому что что-то явно снимали? Ответ напрашивался сам собой и выразился в жалобном:

— Не надо!

Шардаш расхохотался и, ухватив Мериам поперёк талии, притянул к себе.

— Так вы это поняли под упоминанием об аккуратности и запахе? У вас навязчивая идея, Ики, с этим надо бороться.

Адептка напряглась, сознавая, что в половине предположений права: её голые ноги касались вовсе не ткани. Оставалось надеяться, что у профессора оставалась лишняя пара

нижнего белья, и он его надел. Хватит того, что рубашка задралась, и пальцы Шардаша лежали на её коже. Сейчас сползут вниз, и Мериам не отобьётся.

— Запах, Ики, — напомнил Шардаш. — Потерпите немного, скоро руки уберу. Хотите ускорить процесс — не отстраняйтесь, а, наоборот, прижмитесь. Голову запрокиньте, чтобы и волосы...

— Штаны наденьте, тогда поверю, — адептка извернулась и лягнула профессора.

— Хм, а почему вы так уверены, что их на мне нет? — лукаво поинтересовался Шардаш.

Мериам стыдливо умолкла и сдалась. И вправду она поставила себя в неловкое положение. Шардаш между тем ощупал синяки — следы падения при бегстве из экипажа, чуть надавил на них и, убедившись, что адептке не больно, одёрнул на ней рубашку. Пальцы профессора коснулись шеи Мериам, распутали волосы. После Шардаш отодвинулся. Теперь он едва касался адептки. Профессор заверил, что теперь запах сильный, Мериам могла не опасаться нападений.

— Если замёрзните, не стесняйтесь, а грейтесь. Упрямство в здешних краях может дорого стоить.

Адептка полежала немного, а потом призналась, что ей холодно. Шардаш сделал вид, что не слышал, хотя Мериам точно знала, что он не спит. Она повторила громче, скороговоркой добавила: 'Может, вы...как раньше?'. Профессор фыркнул и притянул её к себе, бережно, чтобы не потревожить раны. Его дыхание щекотало виски, кожа Мериам касалась его кожи.

— Что ж вы напряглись-то? Если вас так волнует наличие на мне одежды, проверьте и убедитесь, что кое-что да осталось. Давайте возьму за руку и...

— Нет! — выпалила адептка. — Я верю. Спокойной ночи, мэтр.

— И вам, Ики. Только засните, сделайте милость, а не ворочайтесь. Я тоже хочу выспаться.

Странно, но Мериам погрузилась в сон первой. Не сразу, а примерно через час, успокоившись и пригревшись. Рубашка уже не казалась короткой, а тёплые ладони Шардаша — похотливыми. От него пахло хвоей, а кожа грела даже сквозь ткань. Всё-таки живое тепло лучше одеяла, особенного, когда по полу гуляет сквозняк. И сердце профессора бьётся так ровно — куда там её бедному сердечку! Смущало лишь то, что его губы практически касались уха Мериам. Впрочем, дыхание тоже грело, а Шардаш не приставал.

Утро выдалось морозным. Зима в этих краях всегда приходила внезапно, холода держались до апреля месяца, сменяясь бурным цветением весны и хмельным ароматом лета. В начале ноября земля уже тронута инеем, а рассвет тонул в тумане.

Выпавший ночью снежок посеребрил деревья. Шардаш пешком пробирался через лес: лошадь он отпустил, чтобы местные жители не начали поиски и не обнаружили его укрытие. Оно, конечно, в стороне от жилья и дорог, за оврагами и болотами, но рисковать нельзя.

Мериам ещё сладко спала, но Шардаш не боялся оставить её одну. Никакой зверь не потревожит: отпугнёт запах оборотня. После убийства медведя лесные обитатели и вовсе попрятались. Будто профессор при желании их не найдёт! Но охоту Шардаш оставил на потом, на обратный путь. В этот раз он решил не поступать так опрометчиво с одеждой: не напасёшься. И так пришло отправиться в дорогу во влажной рубашке: не снимать же сухую и чистую с Мериам? Да и не стоит дразнить инстинкты. Противоборотное зелье практически утратило силу, а смесь мужчины и зверя может оказаться гремучей. Именно поэтому Шардаш не подпускал к себе близко адептов: не желал неприятностей. Ночь с оборотнем не для девушки.

Профессор направлялся в деревню, чтобы купить то, чего Мериам лишилась по милости Майхаль. Шардаш ещё не сказал адептке, но он планировал отправиться в путь сразу после того, как затянутся раны девушки. Сидеть здесь и ждать, казалось невыносимым. Силы восстановятся, профессор свяжется с Ролейном Асварусом, тот предупредит членов ордена. Резиденция служителей Змеи — идеальное укрытие, а его обитатели — помощники в трудном деле поиска демона. Шардашу необходимо было попасть в Бонбридж, а для этого нужна идеальная маскировка.

Мериам же вернётся в Школу и негласно станет ему помогать. Если подозрения профессора справедливы, демон обязательно окажется рядом с ней. И тут же попадёт в руки Шардаша. Магистр намекнул, что долг профессора — убить демона, он и убьёт.

Размеренным быстрым шагом до деревни часа два. В этот раз Шардаш добрался чуть быстрее: торопился на базар. Ему повезло: торговцы не успели убрать лотки с товаром. Шардаш присоединился к немногочисленным покупателям, сновавшим между повозками, и остановился перед разложенными на продажу деталями женского туалета. Не смущаясь взгляда торговки, назвавшей его бесстыдником, профессор отобрал пару тёплых чулок, нательную рубашку и нижнее бельё, расплатился и убрал покупки в заплечный мешок. Так же быстро Шардаш купил шерстяное платье. На куртку денег не хватило, профессор решил отдать Мериам свой пиджак.

Завернув в таверну, Шардаш потратил оставшуюся мелочь на кружку эля, заодно послушал, о чём болтали в деревне. Новости оказались занятными и встревожили: якобы приезжали какие-то люди, забрали охотников и увезли в город. Шардаш догадывался, зачем они понадобились, но радовался, что ищут не там. Значит, ещё есть время, и можно не менять привычного уклада жизни. По дороге чужого запаха профессор не приметил, поэтому всего лишь принял разговоры к сведению и ушёл.

Проснувшись, Мериам первым делом бросила взгляд через плечо и облегчённо выдохнула: Шардаша нет. Осторожно, по возможности не задействуя плечевые суставы, адептка откинула одеяло и вторично радостно вздохнула: одежда на месте. А ведь ночью, во

сне, ей показалось, будто профессор позволил себе лишнее. Странная и неприличная ситуация: Мериам которую ночь проводила в постели с мужчиной. Узнай мать, как тесно соприкасались их тела, выдрала бы. И была бы права.

Зябко поёжившись, адептка сползла с кровати и подошла к столу, на котором лежала записка из коры. Шардаш сообщал, что ушёл в деревню, вернётся к полудню.

Раны под повязками чесались — значит, заживали. Боль тоже утихла, напоминая о себе только при быстрых движениях или попытках что-то удержать навесу. Лечебная магия делала своё дело, ускорив регенерацию тканей. В Школе при всём умении лекарей на такую помощь нечего было рассчитывать: не велики птицы адепты, чтобы ради них силы тратить, а не мази с травами.

Солнце перевалило через высшую точку небосклона, а Шардаш всё не возвращался. Забеспокоившись, Мериам приспособила остатки платья вместо юбки, кое-как, морщась, вдела руки в рукава рубашки и отправилась на поиски. Понимая, что без знания местности легко заблудиться, адептка далеко не уходить.

У условленной границы, оврага, Мериам повернула обратно, наудачу раскинув поисковую сеть. Она неожиданно дала результаты — показала яркую точку на периферии доступности заклинания. Адептку насторожила её неподвижность. Мериам проверила: Шардаш, если только она ничего не напутала с заданием объекта, будто застыл. Забеспокоившись, адептка зашагала через бурелом, то и дело сверяясь с сетью. Ей на северо-северо-восток, мили две.

Нога ныла, плечи нарывало, но повернуть обратно адептка не могла. Будто что-то толкало, не давало остановиться. Не выдержав, Мериам побежала, стремясь скорее покончить с неизвестностью.

Почему Шардаш не двигался? Ладно, пять минут, десять, но не полчаса же! И рядом с ним, вроде, никого.

Задышавшись, адептка взобралась на бугорок и крикнула: 'Мэтр!'. В ответ — тишина. Сетуя на то, что плохо тренировалась, раз уже сбила дыхание, Мериам подвязала юбку, чтобы не путалась под ногами, и, отплёвываясь от паутины — хоть без пауков, полезла через заросли кустарника к островку осин, за которым лес редел.

Ноги вынесли к просеке. Адептка сделала передышку и ещё раз раскинула сеть. Шардаш был совсем рядом, шагов пятьсот, не больше. Только раны беспокоили: не вскрылись бы?

— Мэтр! — ещё раз разбередила эхо Мериам.

Профессор обязан слышать, но крик вспугнул только мелкого зверька, поспешно юркнувшего в нору.

Остаток пути адептка проделала шагом. Пришлось бороться с подлеском, но Мериам мужественно преодолела трудности.

Шардаша адептка заметила не сразу, даже не заметила, а слышала. Внимание привлекла возня за разлапистой елью. На всякий случай заготовив атакующее заклинание, адептка осторожно обошла дерево и вскрикнула, прикрыв рот ладонью.

Профессор сидел на земле, пытаясь высвободить ногу из капкана. Судя по количеству крови, пропитавшей штанину, и бледности Шардаша, в ловушку он угодил давно и выбраться не мог. Сначала это вызвало недоумение, но потом Мериам вспомнила, что по её вине профессор временно лишился магии.

Капкан крепился толстой цепью к стволу дерева и некогда был замаскирован мхом. Зная нюх оборотня, адептка предполагала, что ловушку чем-то обработали, уничтожив запах

железа и человеческих рук. Охотники обычно клали на мох приманку, но чем бы прельстился Шардаш? Вряд ли куском мяса. Значит, угодил случайно.

Заплечный мешок валялся в двух шагах от профессора: бросил, потому что мешал.

Шардаш уставился на адептку с таким выражением лица, что Мериам отшатнулась. Только рыка и обнажённых клыков не хватало. Можно подумать, это она его в капкан заманила!

— Как вы здесь оказались? — профессор продолжал сверлить адептку глазами.

— Пошла вас искать.

— Нашли? Вот и идите обратно, симулянтка!

Мериам мотнула головой, заявив, что не бросит его. Шардаш скривился и отмахнулся. Лицо снова перекосила гримаса боли.

Адептка осмотрела цепь и осторожно пошевелила, однако быстро поняла, что этим лишь причиняет страдания.

Шардаш дёрнулся, видимо, пытаясь сломать дерево или порвать оковы, и тихо застонал, выругавшись. Его челюсти будто свело судорогой. Касание Мериам раненой ноги вызвало не менее бурную реакцию, только уже без брани. Странно и непривычно было видеть профессора беспомощным.

Адептка опустилась перед ним на колени и заверила, что никуда не уйдёт, пока не придумает решение. Теперь она видела капли пота на лбу Шардаша и понимала, сколько бесплотных попыток освободиться предпринял профессор. Увы, ель оказалась крепкой — наклонилась, но не сдалась.

— Кость... В щепу — пробормотал Шардаш. — На оборотня ставили, знатно постарались! Так что ничем, Ики, вы мне помочь не можете. Хрупкая раненая девушка с минимальным запасом магии. Забирайте вещи, переодевайтесь и ступайте в деревню, к людям. Закончилось наше знакомство.

— Капкан можно раскрыть, — неуверенно предположила Мериам. У неё тряслись руки.

— Думаете, я не пробовал? — огрызнулся профессор. — Там какой-то секрет, а зубья насквозь прошили ногу. Говорю же: кость раздроблена.

Преодолевая волнение и дурноту, адептка пристально осмотрела капкан и заметила нужную пружинку. Похожие ловушки ставил отец, только на белок. Однако раскрыть капкан не получится: нужно, чтобы зубец немного вышел из ноги. Повторяя, что Шардашу сейчас намного хуже, чем ей, нечего падать в обморок, когда профессор, потеряв столько крови, держался, Мериам задумалась. Сердце сжималось при виде бурой лужицы на земле, при каждом подавленном Шардашем стоне. Не выдержав, адептка предложила найти дурман-траву, чтобы хоть как-то облегчить его страдания. Шардаш мотнул головой:

— На оборотней не действует.

И тут Мериам осенило. Во-первых, нужно, чтобы профессор перестал дёргаться. Натянутая в струну цепь делу не поможет. Во-вторых, то, что он не человек, сыграет им на руку. Противооборотное зелье утратило силу — значит, сумеет перекинуться. Ноги, то есть лапы, изменятся, станут больше в обхвате и раздвинут зубы. Тогда Мериам либо просто разомкнёт их с помощью рычага, либо доберётся до 'секрета'.

Адептка переползла от ноги Шардаша к его лицу и, повинуясь минутному порыву, вытерла покрытый испариной лоб:

— Потерпите немного. Сколько же сил вы потеряли! Давно уже?

— Часа два, — глухо ответил профессор. — Ики, право слово, что вы можете?

— Всё, — улыбнулась Мериам и попросила: — Смените облик на звериный.

Шардаш глянул на неё как на идиотку, пришлось объяснить. План адепки тут же подвергли критике. Главным контраргументом стала смертельная опасность для Мериам.

— Поймите же, я не шучу, когда говорю, что могу покалечить. Человека во мне не будет, будет зверь, а он в таком состоянии неуправляем. Боль застилает разум, превращается в ярость. И запах может не остановить. Собака в подобном состоянии тоже способна растерзать хозяина. А я даже не собака.

— Я не боюсь, — мотнула головой адепка. — Вы не тронете меня.

— Вот упрямая! — со вздохом протянул профессор. — Сами ведь видели то, что окажется в полушаге от вас.

— Я рискну, — прошептала Мериам, с тревогой глядя в подёрнутые болью синие глаза. — Я... Не смогу, если не попробую.

В воздухе повисло молчание. Адепка сидела, низко опустив голову, Шардаш смотрел куда-то поверх её макушки.

— Хорошо, — наконец выдавил из себя профессор. — Одежду жалко, так что, извините.

Мериам понимающе кивнула и, предупредив его движение, помогла снять куртку и рубашку. Шардаш ослаб, не стоило утруждать его такими мелочами. Тот пробурчал, что и сам бы мог, но не мешал. Вид у него был измождённый, губы искусаны. Судя по тому, как он то и дело замирал на мгновение, будто становясь каменным, Шардаша терзала сильнейшая боль, которую профессор не желал показывать. Получалось не всегда, и он скрежетал зубами.

Смутившись, адепка хотела заняться и штанами, но профессор проявил тактичность, сказав, что сделает сам.

— Их потом можно зашить, — отвернувшись, пробормотала Мериам. — Вы точно справитесь?

Ответом ей было ругательство, вызванное болью. Мериам вздрогнула и испуганно обернулась: Шардаш безуспешно пытался высвободить раненую ногу. Разрываясь между смущением и состраданием, адепка выбрала золотую середину. Не глядя на то, что ниже живота, но выше колен, пунцовая Мериам рванула ткань от низа до верха. С поясом помог справиться Шардаш. Адепка стянула с него сапог, а за ним и окровавленные штаны. И ахнула, увидев, во что превратилась нога профессора. Осколок кости прошил кожу и вышел наружу. Голень непомерно распухла и побагровела.

— Прародители сущего! — прижав ладони к лицу, адепка судорожно плотнула воздух и затрясла головой. — Прародители сущего, что это?!

— Множественные переломы, Ики. А теперь приготовьтесь к худшему...

Мериам ласково коснулась его руки и кивнула.

Момент превращения адепка пропустила: отвлекала профессора от боли, говорила всякую чепуху и не смотрела на него. Но злобное рычание не могла не услышать. Обернуться Мериам не успела — оборотень повалил её, придавив к земле. Под таким весом не пошевелинуться. Страшная пасть запрокинулась в вое, а потом метнулась к горлу. Адепку спасла ладонь, положенная на шерсть оборотня. Он замер, уставившись на Мериам алыми глазами. Слюна капала из пасти. Уши прижаты к голове.

Очень осторожно, не делая резких движений, рука Мериам погладила серебристую шерсть. Она оказалась мягкой и шелковистой, с густым подшёрстком. Видя, что оборотень уже не щерится, адепка отважилась положить вторую руку на морду и провести по ней

указательным пальцем, будто лаская кошку.

— Это я, Мериам Ики. Не надо, пожалуйста! — прошептала Мериам. — Вы меня не тронете, а я вам помогу.

Тряхнув мордой, оборотень коснулся носом её горла. Мериам задержала дыхание, но обошлось. Оборотень, ворча и скаля зубы, неуклюже спрыгнул с неё, не удержал равновесия и упал, коротко взвизгнув. Убедившись, что отделалась царапинами, адептка под присмотром алых глаз занялась капканом. Первое же движение обернулось криком боли и кровь на руке. Не отдёрни Мериам её вовремя — сама заработала бы перелом.

— Тише-тише, я добра вам желаю. Вы же хороший, такой красивый умный оборотень, а кусаетесь! — адептке пришлось снова рискнуть и погладить Шардаша.

Сердце выпрыгивало из груди, но Мериам мужественно пыталась успокоить клыкастого зверя. Когда он, наконец, лёг, адептка сделала то, что делать категорически не полагалось: повернулась к нему спиной.

Безумно страшно было трогать капкан. Мерещился двойной ряд зубов, перемалывающий кости, но обошлось. Шардаш лишь скулил, клацал зубами, катался по земле, но не думал нападать. Использовать рычаг при таком поведении оборотня не представлялось возможным, как и успокоить мучимого болью Шардаша — адептка пыталась, но слова не действовали, — и Мериам привела в действие 'секрет'.

Адептка разрыдалась, глядя на то, как волочило по земле ногу некогда сильное и гордое существо, как оно, не удержав равновесие на трёх лапах, завалилось набок, как пыталось зализать рану, как хлестала из неё кровь. Недолго думая, Мериам рванула юбку, смастерила из неё бинт и протянула к оборотню руку ладонью кверху. Вторую, с бинтом, тоже держала на виду. Шардаш подпустил адептку, позволил наскоро остановить кровотечение.

— Нужно шину наложить, — адептка ласково прошлась рукой по шерсти: это должно отвлечь от боли. — Нас учили оказывать помощь, всё будет хорошо. Я вам до дома доберусь помогу.

Шардаш положил морду на лапы и замер. Отдохнув пару минут, он встряхнулся и оттолкнул Мериам. Оборотень уполз в подлесок, чтобы затем сказать усталым голосом профессора:

— Вот где ваша смелость раньше пряталась? Уважаю. Не всякий взрослый маг с любыми степенями и любым дипломом решится на такой поступок. Одежду, будьте любезны, на куст повесьте. С ногой я сам. Спасибо. Разве что... Деревце тонкое сломать сумеете?

Мериам мигом поняла, что ему нужна палка, и заверила, что сломает. Даже через боль.

— Вот этого не надо. И, — он сделал паузу, после которой голос стал мягче, — плакать тоже не надо. Всё хорошо, не умру. Если повезёт, всё заживёт. Не повезёт — ходить не сможет автор капкана.

Адептка улыбнулась и, утерев глаза рукавом, повесила одежду Шардаша на нужный куст. Подумала и предложила помочь одеться. Шардаш вряд ли осилит столь сложную задачу, только хуже себе сделает.

— Что, днём стыд исчезает, а ночью превращается в манию? — хмыкнул профессор. — Нет уж, я сам, а то будете рассказывать об очередном посягательстве на вашу честь.

— Я серьёзно, — обиделась Мериам. — Вам тяжело, вы обессилили...

Шардаш промолчал. Помедлив, адептка раздвинула кусты и, повторяя себе, что больные пола не имеют, потянулась за рубашкой. Профессор, впрочем, проявил уважение к её

воспитанию, не заставив краснеть сверх меры.

Процесс одевания прошёл так же, как и раздевания: руки делают, а глаза не смотрят, — с той разницей, что штаны Мериам натянула Шардашу только чуть выше колен.

Когда профессор сообщил, что уже можно повернуться, адептка закончила с его переломами и отправилась на поиски палки. Шардаш остался сидеть, прислонившись к дереву.

Выбранное Мериам деревце не поддавалось. Понимая, что ещё немного — и тяжелораненых станет двое, адептка пошла на хитрость: воспользовалась заклинанием. Оказалось, если дерево подпалить, оно становится хрупким. Проблем с пожаром не возникло: Мериам владела слабыми бытовыми чарами, которые только свечку бы зажгли. Оставалось только оседлать деревце и, преисполнившись радости, не только согнуть, но и сломать.

Вернувшись, адептка застала Шардаша в том же положении: раненая нога вытянута, здоровая подогнута под себя. Руки лежали на коленях, глаза закрыты. Дыхание тяжёлое и неровное.

— Мэтр? — встревожено окликнула Мериам. — Вам хуже?

Была или нет до этого складка у рта? И кожа синевой отдавала. Или это из-за пробивавшейся щетины?

Шардаш мотнул головой и открыл глаза. Они испугали адептку не меньше, чем ритм дыхания — потускнели. И взгляд туманный.

— Так, — Мериам деловито воткнула палку-ствол в землю, — какие ещё травы на оборотней не действуют?

— Что вы задумали? — настороженно поинтересовался профессор.

— Хочу облегчить ваши муки. Вы же от боли сознание потеряете!

— Что за фантазии, Ики? Я не баба!

Ухватившись за ствол, Шардаш попытался встать, но с руганью рухнул на землю. Мериам кинулась к нему, помогла сесть, начала ощупывать насчёт ушибов — и замерла, почувствовав взгляд профессора. Стушевавшись, адептка убрала руки и предложила опереться о её плечо.

— Ничего, сейчас пройдёт, — пробормотал Шардаш. Он всё ещё пристально смотрел на Мериам. — А плечо поберегите, и так раны вскрылись: кровь чувствую. Немного, но зачем себя калечить? Дома гляну. Да, Ики, я собираюсь привести в порядок ваши руки. Не спорьте! И тащить меня не вздумайте: двести фунтов! В вас хорошо, если сто пятнадцать наберётся.

Отдохнув, профессор принял вертикальное положение и вцепился в палку. Сделав неуклюжий шаг, он констатировал, что сам в облике человека вряд ли доберётся до дома, так что придётся либо перекидываться, либо мучить Мериам.

— Мне первый вариант больше нравится, — заметил Шардаш.

— А мне второй, — возразила адептка и скороговоркой добавила: — Ещё раз раздевать вас не буду.

— Придётся, — хмыкнул профессор. — Не здесь, так дома. Ладно, идите сюда.

Одной рукой Шардаш опирался о палку, другой — о плечо Мериам, стараясь, чтобы пальцы не соскальзывали к ране, а лежали ближе к шее. Разумеется, адептке всё равно было больно, но она молчала: профессору ещё хуже. Двигались медленно, с частыми остановками, так что до дома добрались затемно. Крыльцо едва не стало непреодолимым препятствием. В сердцах Шардаш даже разрешил набросить на себя аркан и затащить в сени, но Мериам

отказалась от столь радикального решения проблемы. Преодолевали же они косогоры — и с крыльцом справятся.

Усевшись на пороге, Шардаш вспомнил о мешке с одеждой. Глянув на адептку, пожалел, что не забросил за плечи. Впрочем, Мериам не выдержала бы дополнительного груза: и так вся взмокла. Рубашка вспотела, юбка из платья стала короче некуда: колени видны и ссадины на них. Гусиная кожа...

— Я кое-что купил, но не донёс, — пробормотал Шардаш, разглядывая ноги Мериам. Та забыла, что оборотни видят в темноте, и не прятала их. — Вы милостиво сэкономили мне силы, самое время расплатиться. Переодеться вам всё равно во что-то надо, поэтому вставайте. Долго не удержу, минутки две. Где валялся мешок, помните?

Адептка недоуменно уставилась на профессора и переспросила, что он намерен держать:

— Нечто, что сойдёт за пространственный коридор. Палочка мне в помощь! — тяжело вздохнул Шардаш.

Мериам возразила, что разумнее потратить магию на себя, раз уж немного накопилось, но профессор отрезал, что не ей решать. Помолчал и добавил, что только неблагодарная скотина не отблагодарит спасительницу. Адептка стушевалась и проямлила нечто невразумительное.

— Жаль, только на закате сила возвращаться начала! — посетовал Шардаш. — Все ноги и плечи себе в этом лесу отбили!

Мериам заверила, что ей это было не в тягость, и предложила забрать вещи с утра. Вряд ли кто на них ночью позарится. А то угробит себя профессор благородными поступками. После короткого спора Шардаш уступил, признав, что решение адептки разумно. Завтра и магия к нему вернётся, и светлее будет. Места же и вправду дикие, люди не забредают. Разве что охотник капкан проверит.

— Покажите руку, — первым делом попросил Шардаш, когда Мериам усадила его на кровать. — Сильно досталось? Меня нюх подводит, запахи перемешались.

Адептка закатала рукав и показала. Профессор нахмурился, аккуратно провёл пальцем по краям рваной ранки. Попросив не возмущаться, Шардаш наклонился и коснулся кожи губами, слизав запёкшуюся кровь и вычистив языком рану. Мериам сидела с открытым ртом, даже не морщилась от боли. Странно, но когда профессор отстранился, вытерев губы тыльной стороной ладони, ранка будто немного затянулась. Наверное, у оборотней слюна особенная.

— Теперь жир подогрейте, — попросил Шардаш. — Нам обоим не помешает. И будем вправлять кости. Сделаю сам, чтобы правильно срослись. Так что давайте нож, приготовьте чистый кусок ткани, заткните уши и займитесь жиром.

— Зачем заткнуть? — не поняла Мериам.

— Потому что учитель таких слов в обществе учеников употреблять не должен. Простите за то, что цапнул. Шрамов не останется — лично позабочусь. И плечи ваши заживут: раз не ходите забирать вещи, потрачу силы на лечебную магию.

— Не надо, — смущённо пробормотала адептка. — Вы... вы хороший, но не надо. Вам нужнее, чтобы демона найти, от погони скрываться.

Шардаш обхватил её за талию и развернул к себе:

— Почему? По моей же вине. Не понимаете вы, Ики, что в лесу сделали!

Мерам промолчала, и профессор отпустил её. Убрал руку медленно, скользнув по

рубашке, будто погладив.

Уши адептка не заткнулась, но уловила ни слова, только шуршание. Подумав, что Шардаш, наверное, ещё только готовил ногу к болезненной процедуре, Мериам обернулась и поняла, почему было так тихо. Помня, как адептка принимала близко к сердцу его стоны, профессор засунул в рот кляп и, молчаливо корчась, вправлял переломы. Зрелище произвело на Мериам неизгладимое впечатление. Она ещё никогда так не волновалась за другое существо, не ощущала его боль. Каждая судорога — будто ножом по горлу.

Адептка не только нагрела жир, помогла смазать и перевязать профессору ногу, но и приготовила ужин. Налив в миску бульона, она взяла ложку и присела на краешек кровати. Шардаш лежал, глядя в потолок. Даже головы не повернул. Однако Мериам не собиралась отступать. Она перебралась к изголовью, взбила под профессором подушку и, зачерпнув ложечку бульона, поднесла ко рту Шардаша:

— Не упрямитесь, мэтр. Вам нужно поесть и поспать.

— Я способен поесть сам, — устало протянул профессор, — но если это доставит вам удовольствие... Всё-таки я ваш должник. А после займёмся руками.

— А после вы заснёте, — возразила Мериам, ловко скормив ему первую ложку. — У меня всё само прекрасно заживёт.

Шардаш съел всё до последней капли. Если сначала фыркал, выражая недовольство, что с ним обращались, как с ребёнком, то потом с таким аппетитом заглатывал бульон, что адептка боялась за свои пальцы.

После еды профессора потянуло в сон. В качестве десерта попотчевав Шардаша морошкой — тот уж совсем обленился, позволяя Мериам делать всё, что угодно, — адептка вытащила из-под него одеяло и, поколебавшись, начала раздевать. Никаких колких замечаний не последовало: уморенный профессор дремал.

— Пальцы тёплые, — неожиданно изрёк он, распахнув оба глаза.

Адептка взглянула на свои руки: они замерли на груди профессора, стаскивая рубашку.

— Ложись, — Мериам взвизгнула, когда Шардаш завалил её на себя. — Белки красные, позёвываешь. Напрыгалась уже. Сама хотя бы поела?

— Да, — пролепетала адептка, дивясь странному, непривычному профессору.

И дело вовсе не в обращении на 'ты', а в интонациях голоса, в том, как Шардаш, наплевав на приличия, распутывал колтун в её волосах. Сосредоточенно так, но аккуратно. А Мериам так и полулежала на его груди, упершись в неё ладонями. Потом резко села, скатившись на одеяло, и заявила, что ляжет на полу.

— Почему? — разочарованно протянул Шардаш.

Адептка не нашла, что ответить, и нервно провела рукой по волосам, будто приглаживая их. Профессор пару минут пристально смотрел на неё, потом махнул рукой и отвернулся. Мериам по дыханию знала: не спит. Адептке тоже хотелось прилечь, но смущала вдруг ставшая неприличной близость к Шардашу. В ней появилось что-то личное, интимное, мешавшее пристроиться под боком профессора. Однако усталость взяла своё: зевнув, Мериам затушила очаг и световой шар и пристроилась на краешке постели. От порога тянуло холодом, одеяло было у Шардаша, поэтому адептке пришлось свернуться калачиком, чтобы согреться.

— Мериам! — чуть вибрирующим низким голосом позвал профессор.

Адептка сама себе удивилась: её будто что-то толкнуло к Шардашу. Профессор перекатился на другой бок. Его руки обвились вокруг талии Мериам, прижав к себе.

— Вы... вы поступили нечестно, мэтр! — адептка отчаянно пыталась вырваться, но, даже раненый, Шардаш легко справлялся с её потугами и хохотал.

— Да, это твоя четвертинка, — выдохнул профессор в ухо Мериам. — Если меня не слушает человек, послушает зверь.

— Моя мать — светлая, не из вашего клана, — адептка тяжело дышала, утомлённая борьбой. Ей показалось, или рука Шардаша сползла вниз?

— Мериам Ики, я использовал совсем другой способ воздействия. А теперь закрыли рот, перестали брыкаться, и спать! Могу поцеловать на ночь.

Мериам отказалась, заёрзала в объятиях Шардаша и попросила ослабить хватку. Тот убрал руки вовсе, пробормотал что-то невнятное и заснул. Приподнявшись, адептка постаралась разглядеть в темноте его лицо, потом отодвинулась, устроившись так, чтобы едва касаться профессора.

Регенерация оборотня, помноженная на мастерство мага, дала результаты. Страшные переломы срастались, боль беспокоила Шардаша только при резких движениях и капризах погоды.

Мериам тоже не жаловалась на раны. Плечи зажили, шрам на руке вывел профессор. Прикосновение волшебной палочки напоминало щекотку. Блестящие частички на миг скрыли кожу адептки. Когда они рассеялись, от нападения оборотня не осталось и следа.

Мериам забрала заплечный мешок и обезвредила капкан, чтобы в него не попался ещё кто-нибудь. Вернулась пешком — на этом настояла сама. Морозный воздух румянил щёки и очищал сознание. Обдумать предстояло многое, в том числе, утреннее предложение Шардаша вернуться к людям. Оно прозвучало неожиданно, когда Мериам готовила завтрак. Профессор мотивировал его тем, что не желал адептке серьёзных неприятностей:

— Это уже дружба, Мериам, на это посмотрят иначе. Исключат из школы. Да и ведёте вы себя странно. Сначала тепло, потом холод. Всё утро от меня будто прячетесь.

— Просто... просто вы меня смутили вчера, — чуть слышно пробормотала адептка и нечаянно щедро сыпанула в кашу соли. Когда заметила, было поздно.

— И что же такого я сделал вчера? — насупился Шардаш. Сидя на кровати, он буравил Мериам взглядом. — Попытался вести себя по-человечески?

— Просто вы...

Адептка не закончила фразу и отвернулась. Вдохнула и добавила:

— Увы, я не такая. Простите.

— Хорошо, адептка Ики, получите кнут, — неожиданно резко сказал Шардаш и потянулся за волшебной палочкой. — Ну, чего глазами хлопаете? Не желаете забирать мешок — не забирайте.

— А как же каша...

— Выметайтесь! — рыкнул профессор и, забыв о сломанной ноге, необдуманно со всей силы топнул по полу, чтобы тут же скривиться от боли и пройтись по умственным способностям людей.

Испуганная Мериам не посмела послушаться, бросила кашу и не шагнула — прыгнула в вихрь перемещения, спиной ощущая ярость Шардаша. Что её вызвало, адептка так и не поняла, однако по возвращению твёрдо заявила, что никуда не уйдёт, пока честное имя профессора не восстановят. Тот встретил её решение ледяным молчанием.

С тех пор минула неделя.

Шардаш уже ходил, хромая, с помощью самодельного костыля, но ходил, утром и вечером подлечивая ногу. Магия вернулась к профессору в полной мере, поэтому, маясь от вынужденного безделья, он накачал столько силы в кристалл перемещения, что хватило бы на дюжину переходов. Зато характер Шардаша испортился: вернулась прежняя въедливость, придирчивость, колкость. Мериам снова ощутила все прелести жертвы, но терпела, не позволяя себе плакать. Она списывала злобу профессора на болезнь.

Спали они в разных углах: Шардаш недвусмысленно дал понять, что никого греть больше не собирается, 'а если холодно, одеваться надо теплее'. Мериам обиделась, напомнила, что не сама ему в постель лезла, на что получила едкое:

— Рад, что с нравственностью у подрастающего поколения всё в порядке, а вот

фантазия разгулялась. Я просто заботился о вашем здоровье. Теперь же, когда вы ничем не болеете, в этом нет необходимости.

Мериам непривычно было спать на полу у очага — и жёстко, и холодно. Пару раз она даже порывалась попросить Шардаша позволить прилечь на краешке, но раздумывала, бросив взгляд на спину профессора. Отныне он всегда спал к ней спиной.

Так пролетели десять дней.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Зима закружилась снегом за окном, завьюжила тропинки, играла с эхом в дымоходе. Воду приходилось брать из полыньи, а плескаться в сених в лохани. Зато еды прибавилось. Шардаш расставлял ловушки и приносил зайцев. Когда смог опираться на раненую ногу, начал перекидываться и охотиться на всё, что видел, слышал и чувствовал. Мериам видела как-то, как он задрал кабана. Загнал на лёд, повалил одним ударом и рванул зубами горло. Всё это на глазах до смерти перепугавшейся адепки, под ноги которой через минуту швырнули страшный подарок. Мериам завизжала, отшатнулась и, поскользнувшись, на пятой точке съехала вниз по склону. Шардаш облизал окровавленную морду, рыкнул и скрылся в лесу. С чувствами адепки он считаться перестал, даже перекидывался в доме. Мериам приходилось отворачиваться всякий раз, когда видела, как он снимает сапоги, или слышала подозрительный шорох.

Наконец Шардаш сообщил, что они направляются в резиденцию ордена. По его подсчётам Ролейн Асварус должен был прибыть со дня на день. На сборы давался целый вечер.

Дождавшись, пока профессор привычно займётся ногой, окутав её искрящимся облачком, Мериам отважилась озвучить догадку, которой объясняла резкую перемену в поведении Шардаша:

— Вы на меня обиделись, мэтр?

Профессор промолчал, сделав вид, что не расслышал вопроса.

— Может, наряд на кухню?

— Пожизненный, Ики. Смотреть, как чужие мозги выглядят, если своих не дали.

— Обиделись, — констатировала адепка и осторожно приблизилась. — Не знаю, за что, но простите.

— К экзамену не готова, но не хочу на пересдачу, — усмехнулся Шардаш. Волшебная палочка замерла в руке. — Ладно, общаться всё равно придётся. Считайте, что ничего не было. И на полу можете больше не спать.

Резиденция ордена Змеи притаилась у горных острогов. С одной стороны — целый замок, со своим постоянным двором, почтой, аптекой, лавками, водопроводом и различными службами, с другой — город Ферам. До Империи — рукой подать. Переберись через перевал, заплати пошлину троллям — и добро пожаловать в гости к рогатым демонессам, рыжим оркам, дроу, оборотням и полукровкам всех мастей. А во главе государства — многоликий император с разноцветными глазами, который, по слухам, играет в шахматы из костей покушавшихся на него людей и нелюдей. Тот самый, у которого гостил сейчас магистр Асварус.

Ролейн уютно устроился в кресле у ярко пылающего камина. Ну и что, что за окном пурга, зато здесь тепло, как в Преисподней. Одна рука лениво поглаживала лапы зверя, чьей шкурой хозяин комнаты украсили кресло, вторая держала бокал. Початая бутылка стояла на столике рядом со вторым креслом, в котором восседал император. Он разливал вино сам,

подмешивая в него чары и немного крови для остроты вкуса. Разумеется, не своей: по щелчку пальцев возникал услужливый слуга-вампир и протягивал пузырёк с тёплой жидкостью. Холодной, не свежей, император брезговал.

— Чья на этот раз? — магистр указал на опустевший пузырёк.

— А, — махнул рукой император, — два тролля, один человек. Пытались убить. Ты же знаешь, Ролейн, я даже врагов пушу в дело.

Асварус отсалютовал ему бокалом и осушил его. Император пригубил напиток и, скривившись, отставил на стол:

— Не находишь, что у троллей кровь горчит?

— Я не вампир и не различаю столь тонких оттенков вкуса, — ушёл от ответа магистр.

Император улыбнулся краешком рта, обнажив характерный клык. Потом рассмеялся, показав отнюдь не человеческие зубы: острые, белоснежно-белые и большие. На их фоне вампирьи клыки смотрелись органично. Больше пугали не они, а резцы демонов, способные перемолоть любые кости. От демонов императору достались также длинные фиолетовые волосы, которым позавидовала бы любая девушка, и крылья, сейчас обнимавшие подлокотники кресла. Он мог бы спрятать их, но ими так удобно цеплять куски ветчины с тарелки. Крылья у демонов в случае увечья заменяли руки. На каждом было по три полноценных длинных пальца.

Неспящие — так называли вампиров — подарили императору бессмертие, стать, тонкую кость и аристократичные черты лица. Темнейший Джаравел ФасхХавел принадлежал к клану Вечности Дома ночи. Выше него, как шутили, только небо, а ниже — Преисподняя. В шутке была доля правды: в императоре текла кровь семьи Наитемнейшего — правителя всех демонов. Спорить с Джаравелом в 'темнейшести' не посмел бы никто, живущий в Солнечном мире. Соперники нашлись бы только в Лунном — мире демонов, но на то они и демоны.

От кого императору достались глаза, молва умалчивала. Однако именно за них Джаравел получил прозвище 'Смерть'. Правый глаз — первозданная Тьма без зрачка, левый — безмятежная голубизна полуденного неба. Приговор нередко выносился одним поворотом головы. Какой глаз обратился к преступнику, так с ним и поступали. Сегодня все трое увидели Тьму.

— Жаль, что уезжаешь, — император поколдовал над бокалом, счёл его содержимое пригодным для питья и сделал глоток. — Ты же знаешь, поговорить здесь не с кем, разве что к родственникам податься, но путешествие утомительно.

— С твоим накопителем силы? — не веря, покачал головой магистр и указал на массивный перстень на руке Джаравела.

— Не перемещение, переезд. Да и лучше быть первым среди безрогих, чем тридцать седьмым среди рогатых.

Император лукавил: он числился двадцать четвёртым в списке демонических родов. Если бы все двадцать три теоретических претендентов на высший престол скончались, то у Джаравела был шанс стать Наитемнейшим. Благо по силе император превосходил большинство тех, кто родились раньше него и ближе к престолу, заняв первые места в списке.

Асварус не стал поправлять друга. Если император желал назваться кем-то, не стоит ему перечить. Тем более эльф. Тёмный или светлый, неважно. Какой бы реакцией и набором магии ни обладал магистр, он заведомо не мог сравниться с Темнейшим. Поэтому за все

долгие годы дружбы Асварус ни разу не поссорился с Джаравелом. Вот и в этот раз приехал, раз император позвал. За отказ тот, конечно, тот его не убьёт, но охладеть может.

Зазвенело и разбилось окно. В комнату на верёвке влетел человек в маске и пустил болт в императора. Взметнулись крылья, отбив удар крепким, как камень, хрящом. Болт отлетел, не оставив и царапины.

Стена иллюзорного огня отсекала Темнейшего и Асваруса от убийцы. Когда она опала, того уже схватили два рогатых демона — телохранители императора.

Император встал и подошёл к несостоявшемуся убийце. Телохранители с готовностью сорвали с того маску и связали. Джаравел повертел в руках арбалет с отравленными болтами, кинул на пол и наступил ногой. Указательный палец с острым чёрным ногтем, единственным демоническим из десяти аккуратно подпиленных и вполне человеческих, коснулся подбородка распятого на верёвках мужчины.

— Думал убить меня этим? — усмехнулся император и устало протянул: — Как вы мне надоели! Кто на этот раз? Очередной паладин? Империя всех королей Лаксены переживёт, мальчик.

— Порождение Мрака!

Мужчина дёрнулся и плюнул в лицо императору. У того ни один мускул не дрогнул. Джаравел неторопливо достал платок, вытер щёку, повернулся к несостоявшемуся убийце чёрным глазом и распорядился:

— Отдать клану Ждущих для развлечения. Первый стакан крови — мне.

Обернувшись к замершему у кресла и готовому в любую минуту прийти на помощь магистру, император пожаловался:

— Видишь, даже поговорить нормально не дадут! Я ещё об успехах маленького Ролейна не рассказал. Не посрамил твоё имя.

Ролейн Асварус заметил, что ещё рано судить, но если мальчик проявляет хорошие наклонности, есть шанс вырастить из него человека. И, плеснув себе вина, тут же поправился — демона. Отсалютовав императору бокалом, магистр осушил его, достал волшебную палочку и направился к окну. Пара слов, взмах руки, и с кончика палочки сорвалось голубое облачко. Оно окутало окно, подняло с пола осколки и водворило их на место. Битое стекло срослось, трещины оплавилась и затянулись. Тончайшая пыльца горного хрусталя покрыла оконные пролёты, отчего падавший в кабинет свет обрёл едва заметное сияние.

Магистр опустил палочку, и она потухла. Синее облачко растаяло.

— Да, магия тёмных эльфов впечатляет! — задумчиво протянул император, подошёл к окну и провёл пальцем по восстановленному из праха стеклу. — Прекрасная работа! У меня бы не вышло так эффектно и просто, даже завидую. Взять, что ли, жену-дроу?

Оба рассмеялись. Асварус хлопнул по плечу Джаравела, тот ответил ему захватом спереди и, перекинув через голову, легко уложил на лопатки. Магистр и не подумал обижаться, ответив коронным приёмом. В итоге оба оказались на ковре, смеющиеся и довольные.

— У тебя ведь сестры есть? — император первым поднялся на ноги и протянул руку магистру, помогая встать.

— Увы! — Асварус чуть склонил голову перед Джаравелом, подумав, что никогда бы не пустил столь близкую родственницу на порог императорской спальни.

— Лжэш-ш-шь, — вкрадчиво возразил император, жестом приглашая вернуться к

камину.

Пламя услужливо взревело, приняв вид дракона. Он вырвался наружу и с характерным клёкотом в мгновение ока оказался подле магистра. Тот отступил, приготовившись к обороне. Огненный дракон ринулся в атаку, никак не отреагировав на пущенное в него заклинание, и едва не уничтожил волшебную палочку Асваруса.

— Не трать силы, — самодовольно улыбался император. — Моя магия — это моя магия. И хорошенькая младшая сестра у тебя есть. Прелестное белокурое красноглазое создание, недавно перешагнувшее брачный возраст. Сколько же камушков могут украсить её прелестные ушки!

Магистр перекатился, уходя от пламени — только демоны умели создавать огонь, который обжигал, но не воспламенял, — и взмахнул палочкой. Та будто оледенела и взорвалась снопом искр. Достигнув дракона, они превратили его в каменное изваяние.

— Прости, но Аскания не примет твоих даров, — Асварус выписал палочкой в воздухе восьмёрку и с усмешкой покачал головой. — И она уже замужем.

— Да и я женат, — заметил император. — Правда, всего дважды. Партию в шахматы?

Когда слуги принесли инкрустированную драгоценными камнями доску, расставили на ней костяные фигуры, магистр решил расспросить Джаравела о перстнях с 'Забвением роз'.

— Да, перстня действительно два, — император оживил фигуры и сделал первый ход. Он всегда играл чёрными. — И ни один из них не был уничтожен. Странно, что магистр ордена Змеи, сын первой дамы при тёмноэльфийском дворе, наивно полагает, будто Наитемнейший навеки утратил столь ценную вещь. Он просто передал её в другие руки, но не позволил покинуть лона семьи.

— Семьи Наитемнейшего?

Джаравел кивнул и напомнил, что пешки магистра ожидают его решения. Асварус воспользовался проверенной комбинацией, обдумывая ответ императора. Правящая демоническая семья насчитывала около ста двадцати особей обоего пола, не считая внебрачных детей. Проверять каждого — жизни не хватит. Даже столь долгой, как у Ролейна Асваруса.

Магистр глянул на императора — тот излучал спокойствие, по лицу невозможно ничего прочесть. Да, что жизнь Асваруса в сравнении с жизнью Темнейшего? Тот помнил начало войны на островах, принимал в ней участие. Не без его помощи поредели ряды магов: император 'развлекался' бок о бок с родными, как демонами, так и вампирами. Молодой, горячий, недавно женившийся впервые, он духом смерти витал над полями сражений, топил корабли. Теперь остепенился, воспитывал шестерых официальных и шестьдесят пять внебрачных детей. И это только тех, которых признал, то есть пожаловал величайшую милость их матерям.

Щелчком пальцев передвинув ферзя, император обратил взор на магистра, предлагая продолжить разговор. Подумав, Асварус коротко поведал о недавних событиях в Бобридже, о гулявшем по городу заклятию и зоклечениях Шардаша. Скучающее выражение исчезло с лица Джаравела. Взгляд стал цепким, зрачки сузились. Рука решительно отставила доску в сторону, прерывая едва начавшуюся партию. Откинувшись на спинку кресла, император скрестил руки на груди и сцепил пальцы. Магистр встал, понимая, что благостной беседе пришёл конец.

— Так вот где мой перстень, — хмуро процедил император. — Значит, он попал в руки оборотня. Подарок, сделанный вором, скрывавшимся от правосудия Империи. Мои гончие

сбились со следа, а он, оказывается, укрылся в Лаксене. Ты говоришь, перстень признал того оборотня хозяином? Хотелось бы взглянуть на него. И на девчонку. Если её ищет кто-то из кузенов, она интересна и мне. Привези обоих, Ролейн. Коридор я открою, можешь не переживать.

— Тревеус не согласится, — покачал головой магистр.

Дело приняло дурной оборот, Асварус сожалел, что упомянул имя ученика. Но кто же знал, что злосчастный перстень принадлежал императору? Сколько магистр знал его, никогда не видел на руке Джаравела кольца с эмалевыми розами.

— Так уговори, — прогремел голос Джаравела. — Уговори, иначе я прикажу.

Магистр сжал губы и потянулся за плащом. Игнорируя метавшего грома и молнии императора, Асварус подошёл к камину и открыл пространственный коридор. Сделать это из дворца было проще, чем извне. Балансируя на краю ревущего вихря, магистр обернулся к императору и ледяным тоном заметил:

— Я не твой подданный. Добрых ночей.

Магистр шагнул в переход, но совершить перемещение не успел: его выдернуло к креслу, к насупившемуся Джаравелу.

— Значит, так? — скинул брови Асварус. — Я не люблю, когда мне угрожают. Даже ты. Привык приказывать? Отвыкай.

Император с шумом втянул в себя воздух, издав глухой рык. Крылья хлопнули и ошетинились десятками когтей. Подбородок подёргивался, а голова норвила повернуться направо, одарив магистра взглядом Тьмы.

— Отвечаешь за свои слова, Ролейн? — поднявшись с кресла, тихо спросил император.

— Безусловно. Если тебе нужен вор, то ты ошибся, Тревеус не брал ничего чужого. Я полагал, ты pomoжешь восторжествовать справедливости, но ошибся, — горько усмехнулся Асварус и предупредил: — применишь магию, отвечу. У демонов есть слабые места, не говоря о полукровках. Твои мне тоже известны.

— Ты никогда мне не угрош-ш-шал, — прошипел Джаравел, обойдя кресло и отрезав магистра от не закрытого перехода. — Всегда молш-ш-шал. Реш-ш-шил вспомнить, ш-ш-што еш-ш-шё магистр ордена Ш-ш-шмеи?

Асварус криво усмехнулся и накрутил 'хвост' на палец. Магистр отпустил волосы, и они распрямились, разнося по комнате десятки ядовитых гадов. Они тут же облепили всю мебель, жаля, заползли под одежду императора. Тот рыкнул и отряхнулся, будто собака. Змеи осыпались на пол и были тут же испепелены огнём.

Магистр едва не пропустил удар взбешённого императора. Волшебная палочка покраснела от разрывавшей её полярно направленной магии, но выдержала, сумев отразить заклинание.

— Акмус лабида оцесум! — с чувством произнёс Асварус, для верности подкрепив слова рунами. Они облачками мелькнули и растворились в воздухе.

Проклятие чесотки действовало на всех одинаково и надолго выбивало врага из строя. Вот и император позабыл о магии, пытаясь справиться с внезапно одолевшим зудом, и грозился проклясть магистра так, что заживо сгниёт.

— Так ведь и тебя откатом 'Смердящего трупа' накроет, — напомнил Асварус. — Здоровью своему повредишь, ауре тоже. Она и так не в лучшем состоянии от смертельных проклятий запредельного уровня.

— Снимай, гад белобрысый! — проревел Темнейший.

— Сниму, если дашь слово, что забудешь командные замашки.

Император кивнул, безуспешно пытаясь одновременно почесать спину и оба локтя. Магистр приблизился к нему, коснулся волшебной палочкой и избавил от напасти. Проклятие простое, детское, а вот страдания не шуточные.

— Ну? — Асварус протянул руку. — Перебесился? Хоть раз бы вампирская кровь матери перевесила! Хотя они тоже существа нервные.

— Если б перевесила, ты бы сейчас языком не болтал, — Джаравел оправил рубашку, убрал крылья, став чуть больше похожим на человека, и, помедлив, пожал протянутую ладонь. — Клан Вечности досуха выпивает, а аурой закусывает. Поэтому и называется так — всю живую материю истребляет, хоть видимую, хоть невидимую.

— Ты про ауру говорил... — сменил тему Темнейший, проявив лёгкое беспокойство. — Что, чёрное пятно так заметно? Родственника проклинал. Того самого, что перстень украл. А ты думал, человечешко, да? Нет, Ролейн, демон. Но в любом случае он наказан: душа уже мертва. Тело наверняка тоже ноги протянуло.

Нервным движением плеснув себе вина, император скривил губы:

— Я ведь почему его искал? Перстень нужен был, не вор. А мерзавец подарил кольцо и сдох без свидания со мной. Знал ведь, что тёмного оборотня перстень примет и скроет от моих поисковых чар.

Теперь потянулся к бокалу магистр. Чем больше слушал, тем меньше он понимал.

Убедившись, что их не подслушивают, Джаравел поведал о 'Забвении роз' больше, чем писали в книгах по магии. История создания перстней оказалась правдой, то, что их хранил Наитемнейший, тоже не вызывало нареканий, а дальше шли расхождения. Оба кольца мирно дожили до нынешних дней, а слухи об уничтожении одного из них пошли из-за того, что оно покинуло Лунный мир, а Наитемнейший не желал афишировать нарушения договора с иными расами. Повелитель демонов подарил перстень на совершеннолетие Джаравела ФасхХавела. Во многом случайно: на такой праздник не полагалось являться без подарка, а дар Наитемнейшего не успели доставить в срок. Однако повелитель демонов ни разу не пожалел о своём решении. Он любил Джаравела — своего внучатого племянника.

Второй перстень в качестве приданого ушёл вместе с дочерью Наитемнейшего, но тоже остался в семье. Судя по всему, в Бонбридже им воспользовался один из сыновей Бригиатты.

Кольца обладали интересной особенностью: подобием разума. Оно могло принять или не принять хозяина, в зависимости от этого подчиняясь или не подчиняясь приказам. Если перстень считал владельца достойным, он проникал в его сознание, чтобы среагировать на малейшее желание применить проклятие, или сам защищал в случае опасности. Применительно к Шардашу сработала ещё одна особенность: будучи подаренным и приняв нового хозяина, кольцо подстраивалось под его ауру, становясь невидимым для поиска.

— Да-а, дела! — протянул магистр, с тоской глядя на опустевшую бутылку. Когда только успели? — А сразу рассказать не мог? Нет, раскричался, демона на всеобщее обозрение выставил!

— Дык я и есть он самый, — осклабился император.

— Рога отрасти, тогда поговорим.

— Рога — это по части моих жён. Целый лес должен быть, — рассмеялся Джаравел и тут же серьёзным тоном добавил: — Вариантов два, Ролейн. Либо ты приведёшь их ко мне, и мы поговорим... Не кривься, просто поговорим, и я заберу перстень. Либо я еду с тобой.

— Лучше в Бонбридж наведайся, родственника приструни, — посоветовал магистр.

— С официальным визитом, — от улыбки императора захотелось оказаться вдалеке от его дворца. Хотя в горах, хоть в замке Эколь. — Его величество так обрадуется, что даже долг мне выплатит, продав душу Преисподней. А, Ролейн, продаст?

Магистр промолчал, подумав, что лаксенцы его проклянут: привёл вражину!

В дверь постучались, и в комнату вплыла рогатая жёлтоглазая леди в столь узком платье, что оно выглядело второй кожей. Заметив Асваруса, она кивнула и протянула руку для поцелуя. Магистр поспешил отдать дань уважения императрице — первой жене Джаравела, чистокровной демонессе со столь соблазнительными формами, что даже у Асваруса участилось дыхание. Император же одарил супругу равнодушным взглядом.

— Милый, — пальчики демонессы игриво скользнули под рубашку Джаравела, а губы коснулись уха, — ты совсем забыл меня, охладел после рождения Арабеллы. Лариля тоже жалуются на остывшую постель. Шесть детей от двоих жён — это позор, милый.

— У меня семьдесят один ребёнок, Марикеш, — поправил император. — Позор падёт только на твою голову.

Факт оставался фактом: первая супруга родила Джаравелу четверых детей — непозволительно мало для демонов. На неё косо смотрели все родственницы женского пола, а мать и вовсе винула в неумении выполнить супружеский долг.

— Как, как, Мрак крошечный, я могу родить ещё без твоего участия?! — взбесилась императрица и замахнулась на Джаравела, чтобы тут же тоненько завизжать.

Император отпустил руку Марикеш и встал. Видя, что магистр ещё не ушёл, то ли шутя, то ли всерьёз Темнейший предложил забрать 'ласковую и готовую размножаться жену'. Асварус вежливо отказался и, откланявшись и пожелав императорской чете плодотворной ночи, удалился к себе.

Ферам посеребрил снег. Он всё падал и падал, укрыв город пушистым покрывалом. На улицах поскрипывал морозец, румяня щёки и подгоняя прохожих. Водостоки замёрзли, и хозяева каждое утро старательно сбивали сосульки, чтобы они не разорвали трубы и не покалечили кого-то.

Над покатыми крышами вился дымок. От таверн тянуло запахом подрумянившегося мяса — пришёл сезон свинины. Крестьяне массово закалывали откормленных за лето и осень зверушек и продавали мясо перекупщикам или везли на рынок. Вот и появлялись на столах аппетитные ножки, рульки, копчёные и сыровяленые колбасы.

Таким увидела Ферам Мериам, шурясь, вынырнув из перехода посреди главной улицы города. И едва не попала под колёса груженной бочками повозки. Возница-троль обругал раззяву, но тут же закрыл рот, когда на его пути возник Шардаш с волшебной палочкой в руках.

— Какие-то претензии? — поинтересовался он, закрыв пространственный коридор.

Троль замотал головой, пожелал господину доброго дня и поспешил скрыться из виду.

— Он вас знает? — Мериам проводила взглядом повозку.

— Вряд ли. Просто они боятся магов. Поводы есть, — усмехнулся Шардаш и, оглядев адептку, сокрушённо протянул: — А вот о головном уборе мы забыли. Хотя, вам бы и зимнее пальто не помешало. Пойдёмте греться, Ики, заодно выясним, вернулся ли магистр. Только осторожнее — Империя за горами, здесь иногда разные твари встречаются. Вампиры, например.

— Да уж чего мне теперь бояться? — вздохнула Мериам, выразительно покосившись на профессора, а потом перевела взгляд на горы. Окраина Лаксены, гиблое место, где без магии делать нечего. Сюда обычно посылали на полевые испытания учеников старших курсов магических заведений.

Шардаш покачал головой и указал на вывеску одной из таверн — трёх рыб на голубом фоне. Адептка ничего не имела против заведения хотя бы потому, что никогда в нём не бывала, поэтому направилась к входу, лавируя между людьми. Их вопреки времени года и провинциальному статусу Ферама было немало. Попадались маги: Мериам узнавала их по осанке, нагрудным значкам или привычке держать палочку на виду. Никто на Шардаша не косился, из чего адептка сделала вывод, что Белой стражи в Фераме не водилось, а местные лояльны ко всем, кто их не ест. Разумная позиция.

Внутри оказалось жарко. Кровь сразу прилила к лицу, а озябшие руки согрелись. Профессор выбрал место поближе к жаровне, на которой румянилась свиная туша, и щелчком пальцев подозвал подавальщицу. Создание, в чьей родословной наследили все, кроме людей, не спешило подойти, и Шардашу пришлось прикрикнуть.

— Ничего, обождёшь! — огрызнулась подавальщица, сгружая с подноса кружки с пивом. — Видишь, других обслуживаю.

— На задних лапках, Эра, и улыбку на лицо нацепи, — тем же тоном ответил профессор.

Эра возмущённо глянула на него и тут же сменила гнев на милость. Не прошло и минуты, как её необъятная грудь нависла над Шардашем, а елеинный голосок пропел:

— Ой, не признала! Какими судьбами-то, Тревеус?

Мериам резануло то, что какая-то подавальщица называла профессора по имени, строила ему глазки, и она отвернулась, рассматривая интерьер заведения. Добротное и просто, никаких украшений. Зато балки прочные, любую драку выдержат. Содержал таверну полукровка с острыми ушами. Невысокий, плотненький, с маленькими бегающими глазками. Вот и её взглядом одарил, улыбнулся золотым зубом.

Адептка повернулась обратно: подавальщица всё ещё откровенно пожирала глазами Шардаша, хихикала. Объёмный бюст колыхался от смеха, как квашня. И как такое могло нравиться? И как такую на работу взяли? Ей бы в подворотнях работать по древнейшей специальности. А профессор с ней что-то обсуждал, на ушко шептал — сразу видно, давно знакомы. И понятно, как знакомы.

Мериам скривилась и вперила взгляд в свиную тушу. Адептка хотела было даже удалиться в дамскую комнату, чтобы оказаться подальше от неприятной подавальщицы, но раздумала.

— Ики? — увлечённая собственными мыслями, Мериам не заметила, что Шардаш уже несколько раз окликнул её. — Мериам, вы меня слышите? Надулись, как мышь на крупу.

— А лицо кислое, будто уксуса напилась, — поддакнула Эра.

Адептка резко обернулась к ней и, раскрасневшись, зло поинтересовалась:

— Ты тут подавальщица? Так еды принеси, а не клиентов обсуждай!

Эра пробормотала: 'Хамка!' и выпрямилась. Подбоченившись, она подошла к Мериам и поинтересовалась:

— Ну, и что заказывать будем? Могу предложить суп из потрохов — самое то для лядящей злючки.

— Рот закрыли! Обе! — неожиданно рявкнул Шардаш.

Когда Мериам отчитала подавальщицу, его брови удивлённо поползли вверх, но теперь профессор хмурился. Убедившись, что женщины умолкли, он быстро сделал заказ и добавил, что позже зайдёт. Один.

На них косились, и профессору это не нравилось. Настолько не нравилось, что он даже 'антиглаз' на пару минут поставил. Медленно повернувшись к Мериам, Шардаш сложил руки на груди и, не моргая, глядя в упор, поинтересовался:

— Ну, и как это понимать? Я пытаюсь разузнать обстановку, и тут не в меру возбуждённая адептка кидается на подавальщицу. Что, женские дни начались, Ики, или оборотня в крови стало больше?

Мериам покраснела, опустила голову и извинилась, сославшись на усталость. Судя по взгляду профессора, тот не поверил, но настаивать на правде не стал. Сняв 'антиглаз', он погрузился в раздумья. Адептка же ругала себя за глупую выходку.

Эра молчаливо водрузила на стол поднос, расставила посуду и удалилась, нарочито игнорируя Мериам. Та невольно проводила её взглядом и вздрогнула, услышав вопрос:

— Чем же тебе не угодил Эра?

— Ничем, — адептка уткнулась в тарелку, чувствуя, как предательски краснеет.

— А всё же? — не отставал Шардаш. Он отобрал у Мериам вилку, но адептка не сдавалась — потянулась за хлебом. Руку её перехватили. — Мериам, не уходите от ответа?

Адептка закусила губу и пискнула, что ей надо на минуточку выйти. Профессор не отпустил, пришлось, набравшись смелости, признаться, что Эра показалась ей вульгарной. Ответ устроил Шардаша, хоть и вызвал недоумение. Во время трапезы Мериам то и дело ощущала его взгляд, от которого хотелось плотнее завернуться в плащ и надвинуть на лицо

капюшон.

— Я договорился о комнатах, — отставив пустые тарелки, сообщил Шардаш. — Тут, наверху. Маленькие, скромные, но зато в кредит. Деньги я достану, не беспокойтесь, так что можете обживать. Выбирайте любую.

— А вы... Вы куда теперь? — впервые за последний час Мериам осмелилась взглянуть на него.

— В замок ордена. Магистра ещё нет, но, может, повезёт найти кого-то знакомого. Постоялый двор там, конечно, хорош. По идее, я имею право на полный пансион, но вот только... Словом, не особо обрадуются.

— Я с вами, — решительно заявила адептка, потянувшись за мешком с нехитрым скарбом.

Шардаш пробовал возражать, но Мериам настояла на своём, профессору пришлось отступить. С ворчанием, что она не понимает, во что вмешивается, он повёл её к замку. Адептка с любопытством рассматривала город, но мороз делал своё дело. На подходе к воротам резиденции, Мериам начала дрожать. Скукожившись, она куталась в плащ, приплясывала на ходу. Заметив это, Шардаш перевёл взгляд с лица адептки на её ноги в осенних ботинках — новые зимние, увы, остались в 'Бравом петухе', и тяжело вздохнул:

— Пить вы не умеете, но придётся. Ещё полчаса — и начнёте кашлять. Мешок давайте: руки же от холода покраснели. Или гордость помешает?

Не помешала. Мериам безропотно рассталась с поклажей, с радостью засунув руки под плащ.

У ворот дежурили двое хмурых стражей. Они преградили дорогу, потребовав назвать имя и цель визита. Шардаш промолчал, попросил адептку подержать мешок и расстегнул плащ. С тем же невозмутимым выражением лица профессор снял куртку и передал ничего не понимающей Мериам. Не остановившись на этом, Шардаш занялся рубашкой. Адептка нервно кашлянула, сделав вид, что разглядывает небо. Неужели он собрался совсем раздеться? Зачем? Оказалось, что нет — поверх куртки легла только рубашка, пахнувшая хвоей. Мериам почему-то остро ощущала этот запах.

— На правом плече, — коротко указал, куда смотреть, Шардаш и коснулся волшебной палочкой кожи. На ней тут же вспыхнул знак — свернувшаяся клубком змея в короне.

Стражники открыли рты, затем опомнились и извинились, что сразу не признали паладина. Тому только следовало назвать своё имя... Но сделать этого профессор по известным причинам не мог, поэтому и прибегнул к наглядной демонстрации.

Снова сделав татуировку невидимой, Шардаш забрал у Мериам рубашку и шепнул, что можно уже не изучать строение облаков. Адептка рассеянно кивнула и потянулась помочь застегнуть пуговицы. Когда её пальцы коснулись кожи профессора, тот отреагировал несколько странно, попросив постоять в сторонке. Быстро оделся сам, закинул мешок за плечи и стремительно миновал арку ворот, украшенных изображением точно такой же змеи, как на его плече, только без короны.

— Так, вы — на постоялый двор, — не оборачиваясь, отдал распоряжение Шардаш, — а я в магистрат.

— А как же... Разве меня... Я же не из ордена! — запротестовала Мериам. На самом деле она боялась остаться одна в незнакомом месте, полном хмурых вооружённых людей.

Профессор закатил глаза и процедил, что сам займётся комнатами.

Постоялый двор оказался большим и чистым. Внутри, правда, было пусто: зимой в

резиденцию ордена редко приезжали гости. При виде посетителей хозяин, по виду — обычный человек, поспешил к дверям, чтобы приветствовать будущих постояльцев.

— Одну комнату и полный пансион, — распорядился Шардаш.

Мериам удивлённо воззрела на него, хотела возразить, но профессор приложил палец к губам, объяснив:

— Я буду ночевать в другом месте.

И тут адептка не удержалась, брякнув:

— У Эры?

— У себя, — отрезал Шардаш и направился к стойке, чтобы расписаться в журнале постояльцев и забрать ключи.

Хозяин понимающе улыбнулся, но промолчал. Он привык к странностям постояльцев, их ссорам и примирениям.

Сняв перчатки, профессор потянулся к чернильному прибору и, на мгновение задумавшись, вписал данные Мериам. Однако росчерк оставил свой, указав счёт в банке Бонбриджа.

— Так нельзя, господин, — покачал головой хозяин. — Либо платит и расписывается госпожа, либо вы указываете своё имя и подтверждаете платёжеспособность.

— Можно, — недобро улыбнулся Шардаш. — Проверьте счёт и убедитесь, что вас не пытаются обмануть.

Адептка, успевшая за это время добраться до конторки, с тревогой глянула на пальцы профессора и с облегчением перевела дух, убедившись, что перстень скрыт мороком.

— Удостоверение личности, пожалуйста, — настаивал хозяин.

— Списки паладинов просмотрите. Под номером сто сорок восемь.

Мериам удивилась, когда хозяин действительно наклонился и извлёк откуда-то толстую книгу. Послунявив палец, он пролистал страницы, что-то бормоча себе под нос, потом нашёл искомое, начал говорить, что всё в порядке, но осёкся на половине фразы.

— Тревеус Шардаш? — глаза хозяина испуганно округлились, а рука потянулась к шнуру на поясе.

— Преисподняя! — Шардаш выхватил волшебную палочку и воспользовался запрещённым заклинанием каменного оцепенения. Однако он не успел всего на мгновение: содержатель постоялого двора успел развязать бантик.

Мериам попятилась к выходу, без объяснений оценив серьёзность ситуации. Хозяин явно с кем-то связался, предупредил об опасности, и эти кто-то сейчас будут здесь.

Ругающийся профессор наскоро, не задумываясь о координатах, сотворил пространственный коридор. Адептка без понуканий метнулась к нему, но будто наткнулась на стену. Едва лицо в кровь не разбила.

В помещении вдруг стало так светло, что заболели глаза. В ушах завыли голоса духов, а дыхание перехватило от сгустившегося до состояния ваты воздуха. Мериам упала на колени, отчаянно вцепившись в руку Шардаша, ища у него защиты. Тот держался, стоял, сумев кое-как разрядить воздух. Дышал тяжёло, с хрипом, но уступать не собирався.

Сноп искр сорвался с палочки вместе с беззвучным заклинанием, завертевшись смерчем, ударил в пятерых магов, замерших на пороге. В руках у каждого было по длинному узкому мечу. Волшебники дрогнули, но отразили удар. Взметнулись извлечённые из-за пояса волшебные палочки, направленные в грудь профессору.

— Именем короля, сдавайтесь или будете уничтожены! — прогремел магически

усиленный голос.

— С магистром Асварусом свяжитесь, уроды! — выплюнул Шардаш. У него носом пошла кровь, но профессор будто не замечал этого. — Чтоб вас Наитемнейший проклял!

Вместо ответа с палочек магов одновременно сорвался сноп алых искр.

Не отдавая себе отчёта, преодолев давление воздуха, Мериам вскочила, заслонив собой профессора, и срывающимся голосом закричала: 'Нет!!!'.

Искры погасли, успев лишь слегка опалить одежду адепки. Волшебники уставились на неё как на сумасшедшую. Шардаш тоже.

Воздух снова стал прежним, и Мериам жадно вдохнула его полной грудью. Дрожа, она обернулась к профессору, затем перевела взгляд на магов и, запинаясь, пробормотала:

— Он невиновен, это ошибка. Я клянусь, я ручаюсь! Допросите меня!

— Отойдите от него, госпожа, — вежливо попросил один из волшебников. — Мы не хотим навредить вам.

— Не трогайте его! — срываясь на визг, закричала Мериам. — Я никуда не отойду, пока вы не оставите его в покое!

— Мериам, отойди. Пожалуйста, — послышался за спиной спокойный голос Шардаша. — Они тебя убьют, я знаю кодекс.

— Я никуда не уйду, нет! — замотала головой адепка и разрыдалась.

Профессор на миг обнял её и оттолкнул. Маги среагировали мгновенно, опутав Шардаша чарами, которые он не смог разрушить. Перстень, увы, тоже не помог: волшебники объединёнными силами построили блокирующий экран.

Пока один снимал заклятие с хозяина постоянного двора, четверо других надели на Шардаша специальные браслеты. Щёлкнув, они лишили профессора связи с магией. Без подпитки морок развеялся, сделав видимым кольцо с розами. Его тут же сняли и убрали в чёрный бархатный мешочек.

Опомнившись, увидев, что профессора уводят, Мериам набросилась на его тюремщиков. Царапаясь, она отчаянно висла на руках магов, рыдая, твердила о невинности Шардаша, то просила, то требовала его отпустить. Даже пыталась воспользоваться скудным запасом заклинаний, но что она могла против сильных волшебников? Видя, что все усилия напрасны, Мериам загородила дверной проём, заявив, что не сдвинется с места. Слезы душили её, нос покраснел, щёки пылали, но в груди раскрыла крылья небывалая смелость. Адепка понимала, что слабее, что поступает неразумно, но что-то внутри твердило: 'Борись!'.

Профессор быстро понял, что Мериам не слышит никого, кроме себя, поэтому обращался не к ней, а к волшебникам, прося не обращать внимания: истерика, нервы, никакого сговора и злого умысла. Девочка просто впечатлительная, доверчивая — а тут такое на глазах разыгралось! Взрослые испугались бы, а она ещё ребёнок практически, третий курс, не понимала ничего.

— Даже завидую! — с уважением произнёс маг, видимо, старший из всех, обращаясь к Шардашу, и осторожно высвободился от хватки Мериам. — Станет утешением в тюрьме.

И, обращаясь к адептке, добавил:

— Мне очень жаль, госпожа. Действительно жаль.

Полыхнул портал. Мериам едва успела коснуться кончиков пальцев Шардаша перед тем, как воющий вихрь скрыл его от неё. Оставшись одна, адепка упала на пол и разрыдалась в полный голос. Предложенный хозяином стакан воды разбила, зло крикнув, что именно владелец постоянного двора повинен в случившемся.

Так прошло несколько минут. Наконец Мериам поднялась на ноги, оправила одежду и холодно осведомилась, где живёт магистр. Получив ответ, что тот ещё не вернулся да и вряд ли её примет, адептка заверила, что дождётся, и заставит себя принять. Гордо вскинув голову, Мериам одарила хозяина презрительным взглядом покрасневших опухших глаз и направилась к выходу. Ноги её не будет на этом постоялом дворе! Лучше кормить клопов в таверне Эры, чем жить под одной крышей с мерзавцем.

Территорию резиденции ордена адептка покинула не сразу. Сначала изучила расположение строений, попробовала проникнуть в магистрат и убедилась, что это непросто. Что ж, она сядет у ворот, если потребуется, там и заночует, но не пропустит возвращения Ролейна Асваруса. Он наверняка проверит посты, а не материализуется сразу в своём кабинете. Но даже если она просчиталась, магистр ведь выходит в город. И мимо неё он не пройдёт. А пройдёт, так Мериам придумает, как к нему пробраться, — это дело чести. И жизни. Жизни Тревеуса Шардаша. Белая стража его не получит — только вместе с ней.

Ролейн Асварус гадал, к чему приведёт визит Темнейшего. К счастью, лаксенский король мог выдохнуть. До поры, до времени, пока неофициальный визит не превратится в официальный. Безусловно, император в совершенстве владел искусством морока, но что-то подсказывало магистру, что Джаравел не пожелает таиться. Или выдаст себя при первой же встрече со стражей. А не узнать Темнейшего тяжело, если получил хоть какое-то магическое или даже просто высшее образование. Долго ли пропутешествует после этого император инкогнито? Так что у местного монарха была в запасе всего неделя, пока его венценосный собрат с улыбкой палача не возникнет в дверях тронного зала. Да, натерпятся все страху! С другой стороны, в Бонбридже развлекался убийствами племянник или внук Наитемнейшего, кто ж его остановит, если не родственник? Узнать бы, что столь высокопоставленному демону надо. Вряд ли просто решил поохотиться: для этого другие места есть, где ни одного белого стражника на мили вокруг.

Прощание с членами императорской семьи вышло церемонным. Магистр в парадном облачении склонился перед восседавшим на аметистовом троне со спинкой из апсидианта Джаравелом. Император протянул ему руку, но ладонью вверх — не для поцелуя. Асварус пожал её и получил пожелание доброго пути.

— Мои маги откроют тебе коридор, — император встал и положил ладонь на плечо магистра. Тот понимающе наклонился и услышал шёпот: — Через семь дней жди в гости. Фанфар не надо, королю сообщать тоже.

Обняв, Темнейший с улыбкой чиркнул Асваруса чёрным ногтем за ухом — оказал знак доверия, расположения и ласки, принятый у вампиров Дома ночи. После Джаравел вернулся на трон и замер каменным изваянием. Глаза полу прикрыты, руки замерли на подлокотниках трона. Волосы будто вросли в камень, став его продолжением.

По обеим сторонам императора, но на ступень ниже заняли места его жёны. Магистр в порядке старшинства преклонил колено и поцеловал руку каждой — сначала жёлтоглазой демонессе Марикеш с осанкой первозданного божества, затем вечно юной и прекрасной Ларилее. После отступил на шаг, склонился в глубочайшем поклоне, желая милости луны.

Джаравел махнул рукой, и двери зала распахнулись. Не будучи подданным Империи, магистр повернулся к монаршей чете спиной и вышел, не птясь, с прямой спиной, а не в полусогнутом положении. Зато слуги почтительно склонились перед другом повелителя.

В залитой светом через стеклянную крышу и огромные окна ротонде магистра дожидался маг — сухонький вампир. Заметив Асваруса, он хлопнул в ладоши, и другой волшебник, судя по всему, ученик, доставил местным порталом вещи гостя.

— Куда пожелаете вас переместить? — учтиво осведомился маг, вскинув руки с золотыми браслетами — то ли отличительным знаком, то ли оковами придворных чародеев императора.

— В Ферам.

— Точнее, господин.

Асварус задумался. И вправду, куда? Пожалуй, в орденский кабачок, чтобы проверить, кто занимается, а кто отлынивает от учёбы или службы за кружечкой эля.

Будто Мрак разверзся под ногами магистра, змеями обвившись вокруг туловища. Но Асварус давно привык к коридорам пространственного перемещения Дома ночи, поэтому

без страха подхватил вещи и позволил утянуть себя в дыру. Пара минут и давящей тишины — и магистр материализовался перед стойкой, напугав пару послушников.

— До... Доброго дня, господин учитель! — вытянувшись во фронт, приветствовали Асваруса соискатели знака змеи на плече. Кружки тут же полетели в руки кабатчика, который с мастерством жонглёра ловил их и убирал под стойку.

— Для вас — недоброго, — магистр улыбнулся и деланно задумчиво с минуту разглядывал перстень на правой руке. Потом вскинул голову и грозно, так, что задрожала посуда, приказал: — Драить конюшни!

Понурые послушники поплелись прочь, гадая, что их ожидает на вечерней поверке. У магистра хорошее настроение, значит, физические нагрузки увеличат вдвое, а не втрое. И так целый месяц. Большинство не выдержит, сбежит. Те, кто останутся, будут строго соблюдать дисциплину.

— Есть новости, господин магистр, — кабатчик не принадлежал к ордену, поэтому обращался к Асварусу иначе. — Беглого оборотня поймали. У нас на постоялом дворе. Ну, паладина нашего.

— Тревеуса? — вскинул брови магистр и про себя отчитал Шардаша, которому велел явиться ровно через две недели, а не на день раньше. — Уже увезли?

— Да нет, сидит в 'мешке'.

— И как сидит?

— Тихо. Его сегодня заберут. Белые стражники из Бонбриджа прибыли с утра. Доказательств у них...

Кабатчик провёл ладонью по горлу, показывая, что дни Тревеуса Шардаша сочтены.

Покусав губы, Асварус направился к себе, велел вызвать Морта. Пока тот не взглянет на подсудимого, магистр не отдаст его властям. Вид впряжённых в возок-клетку крылатых лошадей у поилки заставил поторопиться: белые стражники готовились к отъезду. Само наличие клетки говорило о том, что перевозят особо опасного преступника, раз боятся открыть пространственный коридор непосредственно в Фераме. Опасаются, что Шардаш даже в блокирующих магию браслетах, сумеет навредить конвоирам. Видимо, перекинется в оборотня и сбежит. Клетка же усмирит даже демона: любая трансформация, любое движение безжалостно высасывает силы, а попытка погнуть прутья будет стоить повреждения ауры, что приведёт к мучительной смерти. Да, не мгновенной, но неизбежной.

— Магистр Асварус, полагаю? — окликнул магистра офицер с нашивками капитана. — Можно вас на пару слов?

Лицо Асваруса окаменело. Складки залегли у губ. Развернувшись всем корпусом, он, печатая шаг, направился к офицеру Белой стражи, холодно поздоровался и поинтересовался, по какому праву капитан командует в резиденции ордена.

— Я исполняю свой долг, — отчеканил капитан, — и хотел бы...

— А мне плевать, чего бы вы хотели, — оборвал его магистр. — Это моя территория, капитан. Повторяю ещё раз, если не поняли с первого раза: моя. И никто, даже король, не смеет отдавать здесь приказы. Так что либо вы ставите меня в известность о каждом, подчёркиваю, каждом шаге, либо выметаетесь отсюда.

Капитан открыл рот, чтобы возразить, но передумал. Сухо извинившись, он напомнил, что они оба делают одно дело — борются с засильем зла на территории Лаксены.

— Короче, любезный. Для кого клетка, почему я не в курсе, что одного из паладинов в чём-то обвиняют?

— Речь о тёмном оборотне, господин Асварус. Его обвиняют в контрабанде запрещённых трав, участии в заговоре с целью свержения правящей династии, массовых убийствах с отягчающими обстоятельствами, похищении. При нём найдено кольцо со смертельными чарами. Именно они послужили причиной гибели жертв.

Магистр кивнул и потребовал встречи с узником. Офицер не стал возражать, попросив подписать необходимые для перемещения арестованного в Бонбридж.

— Допрашивать будете здесь, — возразил Асварус. — Половина людей — мои. Это дело чести ордена. Я уже послал за человеком, который проведёт допрос. Надеюсь, вы знаете, кто такие Видящие?

Капитан кивнул. Так называли людей, которые без магии читали мысли. Рождались подобные уникамы редко и высоко ценились на государственной службе.

— Не возражаю, буду только за. Вы избавите нас от многих проблем.

Магистр согласился и предложил пройти к себе в кабинет. Он желал выслушать точку зрения Белой стражи, а затем переговорить с Шардашем. Даже если кто-то из них лгал, правда всплывёт наружу.

Мериам осторожно выглянула из кустов. В суматохе, вызванной появлением Белой стражи, она сумела проскользнуть на территорию резиденции. Страшный возок пугал её. Мериам прекрасно понимала, для кого он предназначен, и кусала ногти от волнения. Белые стражники были повсюду. Радовало, что на неё не обращали внимания, принимая за прислугу. А ведь адептка по неосторожности несколько раз попалась им на глаза. Приходилось, низко опустив голову, то браться за ведро, то нагибаться за метлой, с замиранием сердца ожидая, пока стихнут шаги. Но для себя Мериам сделала вывод: нужно быть внимательнее.

Заметив знакомого капитана во дворе, Мериам едва не ударилась в бег. Он знал о том, что она сбежала из Бонбриджа, и наверняка понял бы, что ей понадобилось в резиденции ордена Змеи. Но офицера не интересовал пустырь за конюшней: внимание капитана привлёк странный человек с алыми глазами. Сначала адептка приняла его за вампира, но потом поняла, что ошиблась — судьба свела её с магистром ордена Змеи. Несказанная удача!

Мериам приплясывала от нетерпения, ожидая пока они переговорают. Но те двое всё говорили и говорили, а лицо адептки всё мрачнело. Мериам слышала каждое слово и до боли сжимала пальцы, косясь на крылатых коней. Если Шардаша заберут в Бонбридж, его казнят. Но кто этот Видящий, который будет его допрашивать? Сердце подсказывало, что методы у него страшные, раз офицер Белой стражи решил передать арестованного в чужие руки.

Когда Асварус и капитан вместе направились к одному из корпусов, Мериам не выдержала и кинулась к магистру. Ухватив его за руки, она взмолилась принять и выслушать её. Асварус отмахнулся, сославшись на нехватку времени, но Мериам настаивала, заявив, что никуда не уйдёт.

— Речь о жизни человека! — адептка с мольбой заглянула в глаза магистра и, чуть ли не плача, пробормотала: — Хотите, я на колени встану?

Асварус заявил, что ему не нужны подобные унижения, и, раз причина столь серьёзна, примет Мериам, но только через час.

Молчаливо следивший за этой сценой капитан впервые подал голос, задав вопрос, заставивший адептку похолодеть:

— Вы ведь та самая девица, которая напала на магов, защищая преступников?

Магистр тут же впился цепким взглядом в лицо Мериам. Та потупилась и промолчала.

Асварус без лишних слов протянул адептке руку, извинился перед капитаном и повёл Мериам в магистрат. Ладонь в его руке дрожала и вспотела — значит, её владелица сильно нервничала и тревожилась не за себя.

Укутав кабинет заклинанием против подслушивания, магистр предложил Мериам воды. Та отказалась, не стала даже садиться. Сцепив руки за спиной, адептка призналась, что пришла просить за Тревеуса Шардаша, и может доказать, что он невиновен.

— Как же? — прищурился Асварус.

— Он... он был со мной, когда убили сержанта. И всё мне рассказал! Господин, мэтр вовсе не убийца, он добрый! Мог нас покалечить — а лечил. Спасите его!

Магистр хмыкнул и окинул Мериам пристальным взглядом. Она невольно смутилась и покраснела.

— Тревеус говорил мне об одной адептке... Так это вы?

Мериам кивнула и назвала себя, добавив, что готова на всё, лишь бы спасти Шардаша от смерти.

— Не знал, что вы не ученица, а...кхм... подруга. Вот и верь после этого собственным паладинам! — рассмеялся магистр.

Адептка вспыхнула и заявила, что никакая она не любовница, и совсем другое имела в виду под фразой 'был с ней'.

— А жаль! — раздосадовано протянул Асварус. — Я бы порадовался, если бы Тревеуса так любили. Да и алиби — не подкопаешься. Оборотень, который делает девушке детишек, на злой умысел не способен. Потому как процесс длинный, обстоятельный такой и положительно влияет на настроение. А так отвернулись вы — а Тревеус уже в Бонбридже.

— Мы в одной постели спали, я бы почувствовала, — едва слышно призналась Мериам. — Сразу холодно бы стало...

Не договорив, адептка замолкла, гордо вскинула подбородок и сверкнула глазами:

— Мэтр просил вас о помощи, и вы должны помочь. Как глава его ордена. Иначе вся Лаксена узнает, что вы не держите слово.

Наступая на магистра, не ожидавшего такой смелости от тихой испуганной девушки, Мериам продолжила тем же тоном:

— А ваши вопросы не делают вам чести. Стыдитесь, господин! Я не уличная девка, чтобы выслушивать двусмысленные смешки и прямые намёки.

Щёки адептки пылали. Раскрасневшаяся, она, наконец, села, но грудь до сих пор вздымалась от возмущения.

Асварус проникся уважением к юной особе, посмевшей угрожать магистру ордена Змеи, даже извинился. Мериам отреагировала тяжким вздохом: всплеск храбрости отнял много душевных сил. Она не спала, всю ночь просидела у ворот, даже не ела, боясь пропустить возвращение магистра.

— Сколько вам лет, госпожа Ики?

— Через три дня исполнится двадцать. Но какое это имеет значение...

Руки упали на колени, и адептка разрыдалась. Не зная, как успокоить посетительницу, перепробовав и уговоры, и обещания, магистр неожиданно предложил:

— Увидеть его хотите?

Встребенувшись, Мериам тут же прекратила плакать и рванулась к двери. Асварус вздохнул и, выдержав паузу, добавил:

— Но сначала вы выпитесь и поедите. Не желаю, чтобы в подвале взбесился тёмный

оборотень. А выглядите вы так, что точно взбеситься, что бы вас ни связывало.

Адептка запротестовала, заявив, что ничуть не голодна и не устала. Круги под глазами, помятое платье и бурчащий живот свидетельствовали об обратном, и магистр склонен был доверять им, а не влюблённой девочке. То, что за интерес у неё, Асварус понял сразу: не первый год в Солнечном мире жил. Да и бросится ли по иной причине девятнадцатилетняя адептка на матёрых магов на государственной службе, отбивая преступника? И ночевать абы где не станет, лишь бы поближе к тюрьме. И просить так неистово за Шардаша. Понять можно: красив, злыдень, только до этого человеческих девушек так близко к себе не подпускал. Развлечься мог, но чтобы позволить влюбиться, да ещё так сильно... И ведь не объяснишь ей сейчас, что он тёмный оборотень, а не пушистая собачка, что тёмные, они иные. Не пара для людей.

Была ещё одна причина, по которой магистр не желал, чтобы Мериам прямо сейчас спустилась в 'мешок'. Асварусу необходимо было выяснить, виновен Шардаш или нет. Пусть его допросит Морт, тогда и станет ясно, можно ли разрешить свидание. Если Шардаш солгал, а белые стражи правы, адептке подходить к нему нельзя. По всем правилам безопасности нельзя. И не потому, что преступник, а потому, что вред причинить может или в заложницы взять. А что, терять будет нечего: за такое огненным мечом казнят. Голову отрубят. А сердце сожгут — тёмный же, из Лунного мира неупокоенным духом вернуться может, чтобы отомстить.

Магистр насильно затащил Мериам в одну из гостевых комнат, заверив, что сразу после обеда отведёт её к Шардашу. На самом деле он планировал поступить иначе, но адептка об этом не догадывалась, поэтому не забеспокоилась, когда за Асварусом закрылась дверь. Не заметила она, и как магистр ловко и незаметно снял заговорённую фибулу Шардаша. Казалось, Асварус просто наклонился, спрашивая, не нужно ли ещё чего-нибудь, а узелок на шнурке развязался, змейкой скользнул в руку магистру. Сама потом спасибо скажет, когда Белая стража досмотрит. А так — просто влюблённая, что с неё возьмёшь? Никаких обвинений не предъявишь, раз нет у неё магической связи с обвиняемым. Фибула ведь и следы морока вампирши сохранила, заметили бы. На государственной службе маги хорошие, глазастые, не поздоровилось бы адептке. Соучастие — доля горькая, пятно несмываемое. Тут хоть жизнью клянись — а вот они, доказательства.

Магистр распорядился принести гостье еды и выставил у её комнаты караул из двух послушников, строго-настрого запретил реагировать на слёзные просьбы Мериам выпустить её. На дверь наложил заклинание, которое пропускало только обитателей замка, и вручил одному из стражей ключ — адептку для верности надлежало запереть после трапезы. Ничего, потом поймёт, что так лучше.

На лестнице Асваруса поджидал заместитель, который сообщил, что Морт на месте.

— Что ж, зовите капитана Белой стражи и начнём.

Магистр закатал рукава и, активировав магическое освещение, спустился на один пролёт под землю. Миновав весь корпус магистрата по длинному узкому коридору, он остановился у базальтовой плиты. Асварус приложил ладонь к треугольнику в восьмигранном углублении, коснулся его волшебной палочкой и назвал пароль. Плита дрогнула и растворилась, открыв проход в подземелье.

Шаги гулко отражались под потолком. Время будто остановилось, напоминая о себе лишь редкими лучиками света, льющимися из узких щелей-окон на высоте человеческого роста. На всех — пульсирующая искрами защита. Прикоснись — сожжёт пальцы. Но 'мешок'

был не здесь, а ниже, там, куда вела крутая винтовая лестница и царила вековая тьма.

У лестницы магистра уже поджидали. Безмолвно поклонился и посторонился Видящий, пропуская учителя. Однако Асварус предоставил Морту честь спускаться первым: будучи всего лишь простым членом ордена, Видящий занимал особое положение, выше любого заместителя магистра.

Вспыхнули факелы, вырвав из сумрака ступени.

Асварус обернулся к капитану Белой стражи и замершему рядом с ним государственному магу и объяснил, что внутри гасится любая магия. Те понимающе кивнули и хлопнули по эфесам мечей — им было чем в случае опасности отразить удар. Ни магистр, ни его заместитель, который провёл белых стражников другим путём, оружия не взяли.

Шардаш вздрогнул, когда глаза резанул свет. Он сидел, прислонившись спиной к стене. На шее — шипастый ошейник с цепью. Руки скованы, браслеты и на ногах. Можно только сидеть или лежать на соломе и гадать, день сейчас или ночь, зима или весна — реальности в 'мешке' нет. Оборотно тут лучше, чем человеку: глаза привычны к крошечной темноте, но и хуже — остро ощущаешь все запахи, от сырости до нечистот.

Что ж, Шардаша хотя бы кормили: спускали сверху корзину, длинным крюком переворачивали, высыпая содержимое на пол, и поднимали наверх. Спускали дважды — значит, он провёл здесь два дня.

— Тревеус! — в отверстие просунулась голова магистра. — Честное слово, я бы вас сюда не посадил, хватило бы обычной камеры.

— Вы всегда были излишне мягки к тёмным, — поднявшись, усмехнулся Шардаш. Его слегка пошатывало от долгого сидения в одной позе, да и, заковывая в цепи, его наградили парой крепких ударов за попытки сопротивления. — За мной пришли, да? Здесь убьют или в Бонбридже?

— Что вы, Тревеус, как можно!

— Учитель, — профессор криво усмехнулся, сплюнув вязкую слюну, — я не маленький глупый волчонок, я знаю, что грозит тёмному оборотно. А виновен он или нет, неважно.

— Тем не менее, вас просто допросят. Ваш добрый знакомый Морт.

Шардаш кивнул и изъявил согласие ответить на все вопросы. Видящий — призрачный шанс на жизнь, однако скрыть то, что профессор убил двоих и занимался контрабандой тавиоки, не удастся.

Лаз расширили и спустили лестницу. Магистр сам спустился вниз и разомкнул оковы. Шардаш поблагодарил за возможность размять суставы и растёр побелевшие запястья. Руки затекли, к ним с трудом возвращалась чувствительность. Не дожидаясь понуканий, профессор выбрался из 'мешка' и наградил капитана взглядом исподлобья. Вместо ответа тот ткнул узника мечом под рёбра. Шардаш стерпел, понимая, что любая попытка сопротивления подпишет ему смертный приговор.

Допрос проводили на первом уровне тюрьмы, в специально отведённой для этого комнате.

Шардаша усадили за табурет и велели отвечать на вопросы. Задавал их капитан. Профессор не лгал и не изворачивался, понимая, что сведения, когда придёт черёд, проверит Морт. Пока же Видящий недвижно стоял у двери.

— Значит, контрабандой вы занимались, — расплылся в оскале улыбки офицер.

— Выбора не было, — пожал плечами Шардаш. — Либо все узнают, что оборотень, либо немного травмы. Я сговаривался с капитаном, он привозил, я забирал. Трижды. Для

чего понадобилась тавиока, не спрашивал. Какими свойствами обладает этот яд, знаю.

— А противоядие? — неожиданно заинтересовался капитан.

— Не существует, — кисло усмехнулся профессор.

Далее разговор зашёл о заговоре. Шардаш признался, что пускал шантажиста на территорию Школы, но заверил, что никогда не желал и не желает зла королю:

— Слово жизни. Знал бы, что эта тварь замышляет, раньше бы убил!

— Так это вы убили? — уцепился за его слова офицер, покопался в карманах и извлёк бархатный мешочек с перстнем. — Забвением роз?

— Ножом. За то, чтобы в камеру попасть, кольцо отдал. Ценное кольцо, не простое украшение. Во избежание дальнейших расспросов: офицера, да, проклял, остальных не трогал. Больше мне нечего сказать.

— А как же адепки? — прищурился капитан. — Похищение, нанесение телесных увечий и изнасилование — тоже преступления.

Шардаш вскочил с места, едва удержавшись от того, чтобы сменить облик. Раскатисто рыкнув, он прошипел мгновенно утратившему спесь офицеру:

— Сколько врачу за ложь заплатили?

Маг вытащил меч, ринулся на помощь капитану, но его осадил магистр, заверив, что Шардаш не бросится:

— Я не сделал бы безумное существо паладином.

— Он этого не делал, — неожиданно подал голос Морт. — Это просто обида и ярость на несправедливые обвинения. Да, одну девочку ранил, когда пыталась бежать, но вылечил. Вторую... Со второй сложнее. Он корит себя за то, что причинил ей вред. Всего лишь оцарапал. Тем не менее, чувства гораздо глубже, чем в случае с раненной девушкой. Она в его сознании имеет запах, что свидетельствует о физическом влечении. Сейчас, я рассмотрю лучше, но изнасилования нет. Даже попытки. Так что ваши свидетели лгут.

Видящий смело шагнул к Шардашу и уставился ему в глаза. Когда рука Морта легла на запястье профессора, тот дёрнулся, будто от боли, и осел на табурет. Лицо исказилось, пальцы впились в кожу. Потом Шардаш замер с отсутствующим выражением и просидел так, не двигаясь, целый час, пока Видящий не отошёл от него, разорвав контакт.

— Тревеус Шардаш ни разу не солгал и ничего не утаил, — огласил вердикт Морт. — Имели место два убийства, одно из которых оправдано личностью жертвы. Второе подлежит наказанию. О заговоре ему неизвестно, имя капитана, привозившего запретный груз, я выяснил. Людей же, по мнению господина Шардаша, убивает демон. Он как-то связан с адепткой Мериам Ики. И, — Видящий улыбнулся, — лучше, чем господин Шардаш, её никто не защитит. Мораль человеческая, контроль звериной сущности высок. Кольцо принадлежало ему, но некоторое время его носила госпожа Ики. Полагаю, вам надлежит поговорить с этой особой: она подтвердит невиновность господина Шардаша. Всё время после бегства с Бонбриджа за исключением двух визитов в деревню, одного — домой и охоты он провёл с ней. У меня всё.

Магистр протянул Шардашу руку, выказывая своё доверие. Тот не пожал её, косясь на замершего с кислой миной на лице капитана.

— Она здесь, ваша девочка, — шепнул Асварус, получив-таки рукопожатие. — Рвётся к вам как дух смерти. Только, Тревеус, вы сами знаете, что нельзя.

— Вам показалось, — глухо ответил Шардаш. — Ни одной моей девочки здесь нет, хвала Прародителям сущего! И прошу, учитель, сделайте так, чтобы они их никогда не

нашли. Иначе...

— Иначе месть всего клана, — правильно истолковал его слова магистр.

Посоветовавшись с кем-то в Бонбридже, капитан Белой стражи велел перевести Шардаша в обычную камеру. Скривившись, добавил, что клетка пока останется на территории ордена — до высочайших распоряжений.

— Не радуйтесь, — уходя, обратился он к профессору, — двух убийств и вашей сущности хватит для праведной кары.

— Тогда не поворачивайтесь ко мне спиной, — усмехнулся Шардаш. — Никогда.

Мериам задремала прямо под дверью. Подлый магистр обманул её, запер. Увы, тело оказалось слабее духа, и адептка забылась тревожным сном. Так её и застал Асварус — обнимавшей порог. Магистр едва не споткнулся о Мериам. Если бы дверь открывалась вовнутрь, бедняжка расшибла бы лоб. Мериам мгновенно встрепелась, вскочила и, повторяя: 'Предатель!', набросилась с кулаками на Асваруса. Тот легко уходил от ударов, пытаясь сказать хоть слово, но перекричать адептку было сложно, пришлось прибегнуть к магии. Взмахнув волшебной палочкой, магистр с облегчением перевёл дух и пристально уставился на Мериам. Та тоже буравила его возмущённым взглядом, замерев с поднятыми руками.

— Заклинание оцепенения иногда необходимо, если человек не желает слушать, — улыбнувшись, протянул Асварус и сел. Заметив валявшийся на полу поднос, уважительно присвистнул. Хорошо, что на младших курсах учится, а то бы полпрезиденции в ярости разнесла. С характером.

— Тревеуса Шардаша допросили и перевели в камеру. Большая часть обвинений снята. Вы можете к нему пойти. Простите, госпожа Ики, но я запер вас для вашего же блага. Во-первых, отдохнули, что отнюдь не лишнее даже для растущего организма. Во-вторых, помешали бы работе Белой стражи. Да, Тревеусу грозит серьёзное наказание, но есть шанс его спасти. И, вопреки вашему мнению, я попытаюсь это сделать. Все мы не безгрешны.

Понадеявшись на здравомыслие адептки, магистр снял заклятие. Мериам смотрела на него будто волчонок, не веря ни единому слову. Убедившись, что её ничего больше не держит, она стремительно подошла к двери, открыла её и замерла, не зная, в какую сторону идти. Асварус подхватил её под локоть, извинившись за самоуправство. Адептка вырвала руку, заявив, что больше не доверяет ему.

— Напрасно. Собрались одна воевать с целым миром? Поверьте, никто не верит Тревеусу больше, чем я. Ну, кроме вас, — быстро поправился магистр. — А насчёт ваших упрёков... Они беспочвенны, милая леди. Так что уймите гордость и гнев — они его не спасут.

Мериам задумалась. С одной стороны, она злилась на Асваруса. С другой, кому ещё довериться? И адептка решила рискнуть, тихо спросив:

— Как он?

Магистр улынулся и, заверив, что Шардаш не при смерти, повёл Мериам в темницу. Она произвела на адептку гнетущее впечатление. Всюду мерещились крысы и призраки погибших в застенках узников. Мысль о том, что профессор сидел на голых сырых камнях, сводила с ума. У Мериам даже тёплых вещей с собой не было... Жуткое место, где жила смерть.

— Темница древняя. Кто тут только ни сидел! — Асварус остановился перед аппендиксом коридора, откуда веяло холодом и сыростью. — Будь моя воля, я бы его просто в келье запер. Тревеус вторично не сбежал бы, потому что не дурак. Но по закону прав капитан. На свидание даю полчаса. Сам погуляю, позабочусь о том, чтобы белые странники вас не видели.

Мериам с тревогой и страхом взглянула на магистра. Тот объяснил, что свидания с подследственными и обвиняемыми в серьёзных проступках, строжайше запрещены. Если

узнают, адептку тоже запрут под замок, а Асварусу придётся давать объяснения.

— Да, конечно, — опустив голову, кивнула адептка. — Не беспокойтесь, я тихо. Если кого-то замечу, затаюсь. И простите, что подумала о вас дурно.

Магистр остался стоять на страже, а Мериам медленно, вздрагивая от каждого шороха, пошла вперёд. Ориентиром служило узкое окошко, сквозь которое пробивалось солнце. Пару раз споткнувшись, адептка решила сотворить световой шар и взвизгнула, заметив крысиный хвост, мелькнувший всего в паре шагов от неё. Мимо тянулись ряды камер, отделённых от коридора решёткой. Все они были пусты, но Мериам казалось, что это только видимость. Она спиной ощущала чьи-то взгляды, но стоило обернуться, световой шар не выхватывал из полумрака ничего, кроме сгнившей соломы, цепей и деревянных нар.

Шардаша Мериам увидела тогда, когда уже отчаялась найти. Позабыв об обещании соблюдать тишину, вскрикнула и кинулась к решётке.

Заметавшийся световой шар выхватил удивлённое лицо профессора. Ещё пять минут назад он стоял под окном, задрав голову, с тоской ловил скудные лучи солнца, как вдруг услышал торопливые шаги и ощутил знакомый запах. Не тюремщики, не белые стражи — а ведь Шардаш подумал, что это кто-то из послушников крадётся, чтобы взглянуть на тёмного оборотня. Парочка уже приходила. Поэтому не оборачивался, не реагировал, а тут...

В мгновение ока профессор оказался у решётки, до предела, до боли от впившегося в горло ошейника, натянув цепь. Всё равно чуть-чуть не доставал, пришлось изогнуться в неудобной позе. Нюх не обманул, с каждым мгновением запах становился сильнее. Мериам Ики. Одна. Недавно общалась с Ролейном Асварусом.

— С ума сошли!?! — зашипел Шардаш, когда бледное лицо Мериам возникло в поле зрения. — Брысь отсюда, пока капитан не сцапал!

Мериам замотала голову и разрыдалась. Прижавшись к решётке, адептка дрожащими пальцами потянулась к щеке Шардаша и робко коснулась колючей щетины. Профессор замер, забыв о том, за что только что отчитывал Мериам. Осмелев, адептка погладила кожу Шардаша. Пальцы медленно скользили по щеке, замирая на скулах и подбородке. Нежно и аккуратно. Вжавшись в решётку, Мериам боролась с желанием просунуть сквозь неё вторую руку.

— Ты... — чуть слышно выдохнул Шардаш. — Ты действительно? Почему тогда...

Он тряхнул головой и перехватил ладонь адептки. Она была холодной и влажной и чуть подрагивала.

— Они вас не казнят, — упрямо прошептала Мериам, уткнувшись носом в железный прут. — Магистр обещал, я с ним говорила. Он был столь добр, что разрешил вас увидеть.

— Тогда не плачь хотя бы, а то меня ещё в чём-то обвинят, — губы Шардаша дрогнули в подобие слабой улыбки. — Прости, цепь короткая, не подобраться.

Адептка хлюпнула носом и просунула-таки через решётку вторую руку, но отдёрнула, не решившись снова погладить. Зато пальцы Шардаша прошли по её ладони и, приподняв, поднесли к губам. Мериам отвернулась и покраснела, торопливо отдёрнув руку. Профессор рассмеялся, упрёкнул в нелогичности и с сожалением подметил, что не дотянется до её губ.

— А вы бы хотели? — едва слышно спросила Мериам. Слова заглушал стук сердца.

— Я много чего бы хотел, но лишён этой возможности.

Замолчав, Шардаш прислушался и попросил адептку проверить, видит ли её кто-нибудь. Она заверила, что нет.

— Тогда запиши или запомни. Это важно. И никому, Мериам! Слово дай.

Адептка поклялась жизнью. Оказалось, речь о семье Шардаша. Он нехотя признался, что у него есть мать и три сестры. Их надлежит предупредить, что Видящий может навести белых стражников. Пусть муж Ноэсы как-то собьет ищеек со следа, а в случае чего уведёт в горы.

— К нему и обратишься. Он из того же клана, живёт в Империи, так что если твои мысли просмотрят, зла причинить не сможет. Ивар кузнец в Ойгюсте. Это такой приграничный городок. Большинство наших перебралось туда — настоящее волчье логово! — рассмеялся Шардаш. — Белая стража наверняка знает и кусает локти, что не может всех убить.

— Нас тоже звали, — он вздохнул, — но я не брошу дом отца. Да и не одни мы там...

Мериам кивнула, пообещав, что всё сделает, и осторожно спросила, можно ли доверять магистру.

— Послать весточку через него? — догадался о ходе её мыслей профессор. — Нет. Я бы и тебя просить не стал, но деваться некуда. Если и ты предашь, то пожалею, что не убил тех людей.

— Почему? — не поняла адептка, безвольно уронив руки вдоль туловища. Как он мог подумать, что она может его предать? Это немыслимо!

— Потому что одной с тобой расы. Если ты окажешься... Значит, они ещё хуже.

— Никогда, — прошептала Мериам, сжав его лицо в ладонях. — Никогда, слышите, даже если меня убивать будут!

— Никогда не говори 'никогда', — грустно улыбнулся Шардаш. — И не клянись. Иди, а магистр наверняка заждался. Лучше приди ещё. Просто так.

Адептка кивнула. На этот раз, когда он поцеловал ямочку на её ладони, Мериам не дёрнулась, а прикрыла глаза. Когда Шардаш отпустил её руку, стало так холодно.

Профессор понял, что адептка не уйдёт, пока он смотрит на неё, поэтому заставил себя отойти. Это далось нелегко — столь сильное желание будил запах Мериам. Шардаш даже порадовался, что его сдерживали цепь и решётка. Противоположное зелье давно не действовало, зверь внутри бушевал и рвался наружу. Если бы Шардаш успел зайти к Эре, он был бы спокойнее, профессор не сомневался в этом.

Мериам уходила медленно, то и дело бросала взгляды на Шардаша. Он ни разу не обернулся, делая вид, что занят солнечным светом.

Темнейший появился не вовремя, раньше назначенного срока. Возник в кабинете магистра, не удосужившись возвестить о своём появлении никакими эффектами, кроме запаха грозы.

Асварус подскочил, когда чёрный ноготь чиркнул по последней написанной строчке, стерев последнее слово. Мериам, сидевшая напротив магистра, и вовсе упала в обморок. Асварус как раз оформлял ей пропуск на территорию резиденции.

Адептку привело в себя похлопывание по щекам и смоченная нашатырём ватка под носом. Открыв глаза, она тут же поспешила их закрыть.

— Девушка, я вами обедать не собираюсь, — заверил император, поднял её на руки и уложил на стол магистра, смахнув крыльями всё ненужное, то есть абсолютно всё.

— Кто это юное создание? — Джаравел обратил взгляд на Асваруса. — На четверть — светлый оборотень. Клановая принадлежность отсутствует, в роду тёмных нет. Нечисти тоже. На три четверти — человек. А тут интереснее — маги. Не сказал бы, что сильные, но способности передали. Нетронутая, но совершеннолетняя. И так?

Магистр развёл руками: император перечислил о Мериам Ики больше, чем Асварус знал сам. Только демоны и вампиры клана Вечности могли видеть так глубоко. Достаточно одно взгляда.

— Хорошо, выясню сам, — с лёгким раздражением сказал Джаравел и сжал пальцы дрожащей Мериам. Всего на мгновение, после чего назвал её имя, возраст и цель визита в кабинет Асваруса.

Адептка рывком села, со смесью страха и удивления уставившись на императора. Тот занял место магистра, с любопытством рассматривая Мериам. Взгляд, словно пальцы, скользил по телу, проникая под одежду. Адептка готова была поклясться, что ощущает его кожей. Зардевшись, она инстинктивно прикрыла грудь рукой, будто действительно сидела без одежды, и соскочила на пол, спрятавшись за Асваруса. Адептка ещё никогда не видела демонов и теперь поняла, почему их считали самыми опасными существами на свете. Пусть господин Гаут и не успел прочитать лекцию о высших разумных тёмных, сомнений в том, кто занял кресло магистра, у Мериам не было.

— Джаравел, не смущай её, — вступился за адептку Асварус. — Всё равно сердце девочки занято.

— А я на него претендовал? — фыркнул император, одарив Мериам улыбкой. — Милейшая, подай голос, а то решу, что ты немая. Император — это не так страшно, как кажется.

Император? Той самой Империи? У Мериам затряслись колени, и она бухнулась на пол, сбивчиво прося простить за недостойное поведение.

— Недостойное поведение? — удивлённо приподнял брови Джаравел. — Ты всего лишь упала в обморок. Ролейн так и не удосужился меня представить, придётся самому. Темнейший император Джаравел ФасхХавел, глава клана Вечности Дома ночи, внучатый племянник Наитемнейшего повелителя демонов Лунного мира. И прочее, и прочее, и прочее. Только ещё раз в обморок не падай — пол твёрдый и холодный.

Магистр подтолкнул Мериам, та на деревянных ногах приблизилась к столу и неуклюже поклонилась, не зная, как надлежит приветствовать столь знатную особу. Не знала она, и стоит ли поцеловать императору руку.

— Мериам Ики, студентка третьего курса Ведической высшей школы по направлению 'Маг широкого профиля'. Безродная, — почему-то добавила она.

— Так уж! Насколько я понял из твоих путаных мыслей, дед — кандидат магических наук, а другой — алхимик. Почтенные люди, не крестьяне. Забавно, девочка, я хотел взглянуть на тебя, а ты сама приплыла в руки.

— Вы... вы действительно император? — Мериам всё ещё не могла придти в себя.

— Не похож? — рассмеялся Темнейший, в мгновение ока оказавшись рядом. Одна рука бережно взяла адептку за подбородок, заставляя взглянуть на себя, другая легла на талию, выпрямляя спину: Мериам всё ещё стояла согнувшись. — В Лаксене, судя по всему, мной детей пугают. А потом эти детки вырастают и пытаются меня убить.

— Запомни на будущее, — он щёлкнул адептку по носу и отпустил, — никогда не пытайся, пожалей родных.

Внимание императора обратилось к магистру. Обойдя Мериам, он предложил обсудить за ужином дальнейший план действий. На вопрос, почему поторопился с визитом, император ответил, что уладил срочные дела, а остальные переложил на плечи советников.

— Я и так порядком заждался своего перстня. Он всё ещё у оборотня?

— У капитана Белой стражи, — вздохнул Асварус. — Хранит как зеницу ока.

— Мне отдаст, — обнажив вампиры клыки, заверил император.

Магистр кивнул, подумав, что в противном случае офицер — дурак. Мёртвый дурак, потому что отказов Джаравел не терпел. Разве что от женщин.

Император подхватил крыльями с пола перчатки, оброненные во время водружения Мериам на стол, и направился к двери. У порога он обернулся и требовательно глянул на магистра, показывая, что тому надлежало идти впереди.

Адептка, обрадовавшись тому, что к ней потеряли интерес, поспешила забиться в самый дальний угол, откуда взидала на императора глазами перепуганного зверька. Наконец хлопнула дверь, и Мериам осталась одна. С облегчением выдохнув, адептка рухнула на стул и провела рукой по лбу. Знакомство с сильными мира сего оказалось непосильной ношей.

Капитан пытался наладить связь с Бонбриджем, когда из его рук бесцеремонно вырвали шар. В нём что-то зашипело, булькнуло и голосом командира Белой стражи раздражённо прикрикнуло: 'Ну, что там у вас? Когда привезут Шардаша?'.

— Сколько шума! — прокомментировал кто-то над ухом капитана. — Ваш подчинённый свяжется с вами позже.

Связь оборвалась, поглотив в пустоте ответную реплику командира.

Разразившись проклятием в адрес наглого незнакомца, капитан обернулся, потребовав немедленно покинуть помещение. Взгляд его упёрся в магистра, а истинный виновник переполоха временно оставался невидимым, потешаясь над тирадой офицера. Ловко поворачиваясь вслед за капитаном, император знаками обменивался с Асварусом мнением об уме белых стражников, а потом, когда ему прискучило развлечение, выдернул крылом меч капитана и вонзил его в стену.

— От соблазна воспользоваться, — пояснил Джаравел и уселся за стул капитана, закинув ногу на ногу.

Капитан послал визитёра к демонам, снял перчатку, приготовившись бросить вызов, и замер с поднятой рукой, наконец увидев того, кто ему мешал.

— Поединок — это прекрасно, — растягивая слова, протянул император, — только зачем в таком возрасте кончать жизнь самоубийством. И в следующий раз отправляйте к троллям — там я, по крайней мере, не был.

— Ваше императорское величество! — побледнев, капитан почтительно склонил голову. Желание немедленно доложить обо всём командиру было нестерпимо, но, увы, пока не осуществимо.

Офицер недоумевал, что Темнейший делал в резиденции ордена Змеи, хотя догадывался, что к этому причастен магистр. Капитан сожалел, что оставил без внимания симпатию Ролейна Асваруса к тёмным, а не доложил в столицу. Однако какой интерес пойманный оборотень представлял для императора? Не его ли это поданный? Дружба Лаксены и Империи — дружба сквозь зубы, Темнейший вполне мог подстроить и покушение, и убийства в Бонбридже.

— Не верю, — покачал головой Джаравел, убрав крылья. — Но меня не волнует ваше отношение ко мне. Перстень. Живо!

Офицер раздул ноздри и заявил, что подчиняется только его королевскому величеству, а не... Магистр успел вовремя наложить заклинание молчания, спасая капитану жизнь.

— Да ладно, Ролейн, у него на лице всё написано! — поморщился император и всем корпусом наклонился к офицеру. Оскал Джаравела заставил того отскочить. — В последний

раз прощаю. Перстень!

Магистр снял заклятие, и капитан вместо благодарности обрушился на него с обвинениями в государственной измене. Ответ Асваруса оборвал громкий хлопок в ладоши и раскатистое: 'Мне долго ещё ждать?!', от которого задрожали стёкла. Магистр и офицер отреагировали одинаково — вжались в стену, приготовившись к обороне. Вид разъярённого демона с поалевшими глазами вампира впечатлял, но вариант 'убежать' отметался в виду рода занятий.

Император двигался быстрой смазанной тенью. Капитан захрипел, когда чёрный коготь впился в кожу, а пальцы сжали горло, приподнимая над полом. Легко, словно куклу. Судя по развороту плеч Джаравела, беднягу-офицера вот-вот впечатают в камни, сметая мебель на своём пути. Но император лишь напугал, отпустил побледневшего капитана и с сожалением отметил, что люди потеряли всякое уважение к правителям, всё время приходится применять насилие.

— Так как, я когда-нибудь увижу мой перстень? Признаться, вы меня порядком раздражаете.

Офицер кивнул и вопросительно покосился на магистра: что за кольцо имел в виду император? Асварус объяснил и посоветовал отдать, а то Лаксена погрызнет в пучине войны, а капитан станет первым мучеником за отечество. Тот не пожелал, изъявил желание сотрудничать, только, увы, после доклада начальству.

— До, — поставил точку в препирательствах император. — Ещё доказательства с меня потребуй!

Капитан кивнул и нехотя расстался с чёрным бархатным мешочком.

Джаравел любовно провёл пальцем по эмали. Очертания перстня дрогнули, и он сам скользнул на палец императора. Позеленевший офицер приготовился к тому, что его сейчас проклянут. Темнейший задумался и повернулся к капитану правым глазом. Магистр провёл ребром ладони по горлу, выразил сочувствие офицеру, и потянулся за палочкой. Тот попятился, заволновавшись, пробормотав:

— Вы... вы его приказы выполняете?

— Жить очень хочу, — поделился секретом Асварус. — И лучше я вас, чем он. Хотя бы без мук.

— Почему сразу 'мук'? — насупился император, с нескрываемым наслаждением наблюдавший за представлением. — Не выставляй меня бешеным умертвием, Ролейн, не порти репутацию. Хотя человека не плохо бы наказать, у меня сегодня хорошее настроение. Прощаю. Но в следующий раз на коленях ползать и рот держать закрытым, шавка!

Капитан кивнул, мельком взглянув на штаны: сознание того, что тебя сейчас раздерёт демон-вампир, могло сделать страх материальным. А перепугался офицер знатно, до икоты. Обошлось без конфуза.

— Продолжайте, — император махнул на шар. — Извините, что побеспокоил.

Капитан промычал что-то нечленораздельное и поспешил открыть Джаравелу дверь. Убедившись, что тот ушёл, офицер сполз на пол, дав слово никогда не перечить тому, кого прозвали Смертью. Никогда ещё он не ощущал себя таким ничтожеством. Капитан подозревал, что император выпил часть его ауры, иначе бы так не кружилась голова. Решив проверить предположение, офицер расстегнул ворот рубашки и вытащил подвеску-круг, испестренную рунами. Она почернела. Посередине зияла дыра в палец. Артефакт только что спас капитану жизнь, но не уберёг от вреда здоровью. Клан Вечности — вне компетенции

Белой стражи, полноценной защиты против вампира такого уровня не существовало. Даже если сохранишь ауру, потеряешь силы.

Шардаш ещё издали почувствовал что-то неладное. Шли двое — пах один, и это наводило на определённые мысли. Профессор недаром преподавал методы борьбы с тёмными всех мастей и прекрасно знал, кто передвигался практически бесшумно. Человек не заметит вовсе, а оборотень уловит только на близком расстоянии. Но не учует, потому что демоны не пахнут. Они могут благоухать духами, любыми бытовыми ароматами, но собственного не имеют. Даже вампиры отдают гнильцой и кровью, а эти идеальны. Только что потребовалось демону в тюрьме резиденции ордена Змеи в компании магистра Асваруса? Живого магистра, не раненного.

Шардаш попытался перекинуться, но ошейник едва не задушил его, пришлось отказаться даже от зверо-человеческого облика, чтобы не переломать шейные позвонки.

Профессор занял выгодную позицию, вытянувшись в струну, буравя взглядом коридор в просветах решётки.

— Тревеус, к вам гости, пусть и не столь приятные, как днём, — магистр подошёл один, осветил камеру и неодобрительно покачал головой. — Пожалуйста, проявите благоразумие и почтение.

— Император? — смочив сухое горло слюной, глухо поинтересовался Шардаш. Его мучила жажда, но он уже выпил всю воду, а новую принесут только утром. — К иному демону вы бы не просили отнестись с уважением. Значит, со вторым кольцом нечисто, и я прав по всем пунктам.

Асварус кивнул и отступил в сторону, пропуская Джаравела. Тот с интересом глянул на Шардаша, мгновенно определил клан и вспомнил, что часть его присягнула на верность Империи.

— Присоединились бы — унижения с ошейниками и казнями остались бы позади, — намекнул император и легко, будто решётка была из ткани, прошёл сквозь неё. Заметив выражение лица Шардаша, с самодовольной улыбкой заметил: — Сразу ясно, высшего демона видите впервые, хотя и убили кое-кого из наших. Лет пять назад. Вы много кого убили. Своих тоже. Не из клана горных, но оборотней. Хороший маг, оружием неплохо владеете. Впрочем, иначе не выжили бы. Но не казнить, ни награждать не собираюсь. А вот о моём перстне расскажите. Он признал вас хозяином, столько лет служил...

Взгляд Шардаша упал на обтянутую перчаткой руку Джаравела, пытаясь догадаться, какой из бугорков — перстень с розами.

— Так вот он чей... — сдавленно пробормотал профессор и запоздало поздоровался: — Приветствую вас, Темнейший.

Император хмыкнул и, сняв перчатку, взял Шардаша за руку.

— Это приятнее, чем Видящий, — заверил Джаравел. — И я смотрю только то, что мне нужно. Никакого вторжения в личную жизнь.

Ощущения были странными: профессора будто накрыло морской волной, только лёгкие не саднили от солёной воды. Мир отошёл на задний план, умолкли звуки, притупились запахи.

Отпустив руку Шардаша, император цокнул языком и обернулся к магистру:

— Ты почему мне не сказал, что эту ту девушку ищет братец?

— Ты не спрашивал, — выкрутился Асварус.

— Странно, ничего такого в ней нет. Или я просмотрел... — задумчиво потёр

переносицу император. — Ладно, Тревеус Шардаш, за то, что сберегли колечко, вернули из шаловливых ручек воров и неумелых адептов, поговорю с лаксенским королём. Если захочет, он вас освободит. Я намекну, чтобы освободил.

Темнейший рассмеялся и мгновенно оказался по ту сторону решётки. Бросил ещё один взгляд на Шардаша, император велел принести узнику воды и обронил, что в столице профессор может попробовать с ним поговорить.

— Насчёт демона? — догадался Шардаш.

— Назову имя, а дальше сами. Не желаю ссориться с Бригиаттой. Однако если девочку загонят в угол, могу забрать её в Империю. Я Ролейну кое-что оставлю, пригодится. Доброй охоты и милости луны.

— Доброго дня и добрых ночей, — эхом отозвался профессор и, подумав, исправился: — Долгих тёмных ночей.

Император улыбнулся и ушёл. Магистр же задержался, заверив, что Темнейший одним своим видом добьётся полного оправдания Шардаша. Профессор не разделял его оптимизма: он не доверял императору. Если демон помогал кому-то, то вёл свою игру.

Мериам не верила глазам: клетка исчезла! Только вчера была, а утром крылатые кони сорвались с места и унеслись прочь вместе с половиной белых стражников. Капитан тоже поспешил откланяться. Мазнув взглядом по лицу Мериам, он намекнул, что они могут скоро встретиться.

— Я ведь понял, кто вы. Та самая адептка, которую похитили, и которая вернулась в Бонбридж под мороком, наложенным преступником. Госпожа Ики, понять не могу, что вас связывает. Выгоды не вижу. Запугал он вас? Так шепните мне и...

— Тревеус Шардаш абсолютно ничего не делал, — покачала головой адептка.

Разговор происходил во дворе магистрата. Мериам как раз спешила в тюрьму, прикупив на одолженные магистром деньги всякой всячины, когда её за руку поймал капитан. С земляным цветом лица, с кругами под глазами и при полном обмундировании. Из кармана куртки выглядывал кристалл перемещения.

— Госпожа Ики, вы действительно не понимаете, во что влезли? Пособничество, нападение на представителей власти...

— Те маги не из Белой стражи, — твёрдо возразила Мериам.

— А откуда же? — усмехнулся капитан. — Там не все солдаты, как я, есть и просто волшебники. Целый отряд, чтобы ловить тёмных, с которыми мне подобные не справятся. Формы они не носят, но нашивки есть. Пригляделись бы, увидели. Думаете, знакомый ваш просто так струхнул, помянув кодекс? Кодекс Белой стражи. Вас пожалели, но кулачками вы намахались на замок Эколь.

— Почему? Я ведь не маг, — на всякий случай Мериам сделала шаг в сторону гимнастического зала, в котором сейчас занимался магистр. Если что, защитит.

— Учащиеся магического заведения приравниваются к магам.

Капитан гаденько улыбнулся, достал блокнот, коснулся его обратной стороной карандаша, и слова ожили, превратившись в звуки. Приглядевшись, адептка увидела облачко — домашнего духа, частенько вселявшегося в какие-то вещи. Иногда по собственной воле, иногда — исполняя чужую. Странно, конечно: офицер не маг, а подчинил себе другое существо. С другой стороны, ему мог передать духа коллега. С третьей — как мог белый страж такого ранга не владеть магией? Как ему ловить нечисть и взбесившихся колдунов? Меч — хорошо, но против волшебной палочки не спасёт. Не сходится, и всё тут.

Мериам задумалась, пропустив мимо ушей показания магов, которые зачитал дух. Глаза скользнули по форменной куртке офицера, затем переместились к шее, отметив наличие характерных шнурков. Такому же пристальному осмотру подверглись затянутые в перчатки руки.

— Что-то ищите? — с фальшивой заботой поинтересовался капитан.

— Да, — помедлив, ответила адептка. — Магические перстни и волшебную палочку.

— Зачем вам? Студенты третьего курса пользоваться таким всё равно не умеют, хотя вы, госпожа Ики, умудрились убить троих. Так что, милая леди, отдайте корзинку послушнику и отправимся в мой тёплый кабинет.

— Маг, — констатировала Мериам и добавила: — Никуда я с вами не пойду и не поеду.

— А к родителям? — настаивал капитан. — Уверен, беседа с ними прояснит кое-что в вашей голове. Слышал, ваш дед — кандидат магических наук, влиятельный человек. Хотя бы

его послушаете. Дадите показания, попросите о нисхождении. Учитывая смягчающие обстоятельства, отделаетесь штрафом и исключением из школы без последующего восстановления. Но ничего, женщинам образование особо не нужно, ничего не потеряете. Выйдете замуж и забудете.

— И, — он расплылся в улыбке, — если вам так интересно, я действительно владею магическим минимумом, хотя и не волшебник.

Адептка прижала к груди корзинку и, попрощавшись, быстрым шагом направилась к гимнастическому залу, опасаясь, что офицер активирует кристалл и утянет её с собой в Бонбридж.

— Подумайте! — донёсся до неё голос капитана. — Пока вы под подозрением, потому что за вас никто слова не замолвил. И не замолвит.

Мериам перевела дух только тогда, когда за ней захлопнулась входная дверь. Адептка понимала, что офицер прав, и она может оказаться на скамье подсудимых. Только капитан напрасно старался: добровольно Мериам никуда не поедет, пусть арестовывает.

Магистр разминался. Несмотря на годы, он казался ловчее и физически развитее молодых членов ордена, которым демонстрировал упражнения. Собранные в 'хвост' волосы не поспевали за телом, совершавшим растяжки, прыжки, повороты.

Асварус занимался босиком, в одних не стеснявших движений штанах, и Мериам видела, как гуляют мышцы, как гибко гнётся позвоночник — будто молодое деревце. Замерев у порога, она невольно залюбовалась и пропустила момент, когда в зале все замерли, обнаружив её присутствие.

Магистр подхватил с пола полотенце, набросил на плечи и подошёл к адептке:

— Что-то случилось? Доблестный капитан заманивает в ловушку?

— Откуда вы знаете? — удивилась адептка, невольно сравнивая фигуру Шардаша и магистра. Первая нравилась ей больше, хотя Асварус и был тоньше, изящнее.

— Встретил по дороге. Он вас караулил, грозился арестовать, я не позволил. Император велел отпустить Тревеуса под надзор, король ему перечить не посмел. Кстати, вы приглашены на ужин. Завтра, в столице. Темнейший желал о чём-то поговорить и заодно загладить вину за испуг. Так что приоденьтесь, госпожа, не позорьте Лаксену.

— Мэтр...Он в тюрьме?

— Да нет, в своей келье. Держите, — магистр выудил из кармана штанов пластину и протянул Мериам. — Это если кто задержать попытается, или дверь заперта.

Адептка сердечно его поблагодарила и поспешила обратно на свежий воздух.

— Где паладины живут, хоть знаете? — полетел вдогонку насмешливый голос Асваруса. — Налево, рядом с садиком. Третий этаж у него, тридцать вторая комната.

Мериам задыхалась, пытаясь без остановки, преодолеть и дорогу до нужного корпуса, и холл, и три лестничных марша. Она сетовала на себя, что передвигалась так медленно — медленнее сердца. Корзинка всё ещё оттягивала руку. Пластина поблёскивала поверх укрытых полотенцем пирожков.

Едва не сбив с ног какого-то человека, адептка влетела в холл, завертелась, определяя, где лестница, и продолжила бег. Темп пришлось сбавить: крутые ступени диктовали свой ритм.

— Ты к кому, красотка? — окликнул её только-только опомнившийся послушник, дежуривший у двери. Вопросать пришлось уже пустоту, потому как даже спина Мериам скрылась из виду.

Адептка не ответила и расплылась в улыбке, борясь с неуступчивой лестницей.

Оказавшись на третьем этаже, Мериам перевела дух и присела на подоконник. Пригладила растрепавшиеся волосы и задумалась: что она скажет Шардашу? До этого всё казалось так просто, а теперь адептка испугалась. Вдруг он не обрадуется, вдруг рассердится на неё. Да и что делать, когда она переступит порог? Даже посоветоваться не с кем. Решив, что просто поздравит с окончанием кошмара, Мериам заставила себя встать и взглянуть на табличку первой двери — 'тридцать'. Ещё две.

Ноги едва двигались, сердце билось так часто, что адептка задыхалась. Кровь прилила к щекам, а ладони вспотели. Память предательски крутила перед глазами тех, кто пытался выказать симпатию к Тревеусу Шардашу. Сейчас он обсмеёт Мериам, а потом до окончания Школы будет мучить. 'Нет, не будет', - решившись, прошептала адептка и, не постучавшись, толкнула дверь. Она не поддалась, и в ход пошла пластина.

Дверь отворилась неслышно, и Мериам увидела Шардаша. Он лежал на кровати, заложив руки за голову, но стоило адептке сделать первый робкий шаг, мгновенно вскочил, метнувшись к ней. Мериам опустила глаза и протянула корзинку, едва слышно пробормотала:

— Это вам.

Шардаш еду не взял, всё так же стоял, пристально глядя на адептку. Она ощущала этот взгляд будто прикосновение, понимая, что с каждой минутой молчания краснела ещё больше.

— Я... Мне сказали... Вас отпустили — это такое счастье!

Мериам наконец-то закрыла дверь и искоса взглянула на хранившего молчание профессора. Не выдержала, улыбнулась и потянулась к корзинке. Руку перехватили пальцы Шардаша. Адептка пискнула, ощутив пустоту под ногами, а потом обмякла в объятиях профессора, прижавшись щекой к его плечу.

— Я так соскучилась по биению вашего сердца, — чуть слышно призналась Мериам и отвернулась.

— Прародители сущего! — прошептал ей в ухо Шардаш и крепко, словно боясь, что адептка сбежит, прижал к себе. Мериам слышала стук его сердца — столь же частый, как у неё. — Тогда почему... Преисподняя, потом! Запах, Мериам, если б ты знала, как ты для меня пахнешь!

Разжав объятия, профессор отпустил адептку, но та не желала отстраняться, обвила его за шею и неумело потянулась к губам. Шардаш опередил её, накрыв рот поцелуем. Совсем не таким, как тогда, в Нижнем городе. Целовал осторожно, бережно, то и дело касаясь пальцами лица Мериам. Потом снова, до боли, прижал к себе и лизнул краешек губ. Адептка опомниться не успела, как Шардаша переместился ниже.

— Что вы делаете? — удивлённо спросила Мериам, покорно запрокинув голову, чтобы язык профессора скользнул по горлу от подбородка до воротника платья.

— Молчи! — рыкнул профессор, продолжив странный ритуал.

Адептка заволновалась, когда его пальцы расстегнули верхние пуговицы, обнажив плечи. Она испуганно дёрнулась. Шардаш отреагировал мгновенно — поцелуем, на этот раз другим, требовательным.

— Уйди, а? — простонал он, зарывшись лицом в рыжие волосы Мериам. — Иначе я этим запахом захлебнусь. Нет, чтобы ты эти книжки на чужих уроках читала!

Адептка рассмеялась, заверив, что так и поступала, только другие преподаватели их не

цитировали.

Мериам ласково провела ладонью по спине замершего Шардаша, коснулась его щеки и вздохнула. Выпрямившись, профессор одной рукой обхватил адептку за талию, другой поднял корзинку и водрузил обеих на кровать. Подумав, пересадил Мериам себе на колени, лукаво заметив, что той пора привыкать. Адептка потянулась к корзинке с пирожками, попытавшись накормить Шардаша, но тот не позволил, снова сжав в объятиях. Мериам пыталась пересесть рядом, сползти с колен профессора, но без толку. Оставалось только краснеть под его поцелуями, с каждой минутой становившимися всё настойчивее.

Адептка вскрикнула, когда Шардаш впился губами в её шею, испугалась, что он прокусил кожу. Но нет, на ней остался только красный след. Заметив страх Мериам, профессор попытался загладить вину, вылизав место несдержанного поцелуя.

— Вы меня всю обслюнявите, не надо! — извернувшись, Мериам высвободилась из объятий Шардаша и встала. Щёки пылали, дыхание сбилось. — Пирожки остынут, давайте есть.

— Если хотите, — адептка смутилась, — я вас покормить могу.

— В Преисподнюю твои пирожки! — прорычал профессор и, заметив, как испуганно вздрогнула Мериам, добавил низким вибрирующим голосом: — Иди сюда! Больно не сделаю. Моя хорошая...

Встретившись с его глазами, блестящими, мутными и резко посветлевшими, адептка пролепетала, что ей пора. Сразу вспомнился Норис, его шумное дыхание, потная кожа и руки, торопливо снимающие штаны. Всё было так хорошо до того, как он не навалился на неё, будто животное. К счастью, Мериам сразу вырвалась и убежала. Судя по всему, профессор хотел того же, что и Норис, а адептка не желала ничего, кроме поцелуев.

Шардаш пару раз глубоко вздохнул и глухо произнёс:

— Давай пирожки. Они аппетитно пахнут. Только... только не уходи, хорошо? Всё в порядке, уже прошло, не бойся.

Адептка бочком, пристально наблюдая за профессором, вернулась к кровати, откинула полотенце и достала пирожок. Шардаш сидел смирно, не двигаясь, потом предложил достать скатерть и посуду.

— А у вас есть? — удивилась Мериам.

— Должны сохраниться. Комнаты пожизненно закрепляются. Подожди, проверю.

Профессор медленно, будто боясь спугнуть, встал и направился к шкафчику возле стола. Открыл дверцу и довольно извлёк из него тарелку и нож. Адептка рассмеялась: пыли на них было не меряно.

— Ничего, вымою, — подмигнул Шардаш. — И, вообще, это я тебя накормить должен. Если бы не ты, сгнил бы в камере. Ладно, съем парочку твоих вкусняшек, и пойдём гулять. Кое-что интересное расскажу.

— Почему только парочку? — насупилась Мериам. — Вы же голодный!

— Ты. Смешно уже 'выкать'. Или ты со всеми учителями целуешься? — лукаво добавил профессор.

Адептка промолчала, выхватила из его рук посуду и под смех Шардаша поспешила скрыться в ванной комнате. Отыскала Мериам её не сразу, сначала попала в шкаф и туалет.

Шардаш зашёл вслед за адепткой, обнял за талию, слегка прогнув в спине, и то ли шутя, то ли серьёзно потребовал ответа.

— Я до вас только с одним мальчиком целовалась, — честно призналась Мериам,

плеснув в профессора водой, чтобы не мешал. Но Шардаш даже не пошевелился, смущая дыханием возле уха. — Не один раз, но...

— ... но целоваться ты не умеешь, — констатировал профессор. Замаялся и задал вопрос: — У тебя с этим мальчиком как далеко зашло? Или ты только по книжкам знаешь?

— Только по книжкам, — уши адептки стали пунцовыми. — Я... я хотела, но не смогла. Оно... страшное и уродливое.

— Понятно, — немного разочаровано протянул Шардаш и отпустил Мериам. — Ладно, мой пока, а я кое с кем поговорю.

Когда Мериам вернулась в комнату, окно было открыто, а профессор сидел на подоконнике, активно жестикулируя и беззвучно шевеля губами. Проследив за его взглядом, адептка увидела отображённую стеклом немолодую женщину в сером. Что-то в ней напоминало профессора. Почувствовав чужое присутствие за спиной, Шардаш резко оборвал разговор, произнеся вслух: 'Потом. Милости луны и береги себя!'. Изображение вспыхнуло и потухло.

— Я уже всё, — сообщила Мериам, водрузив посуду на стол. О том, кто та женщина, спросить не решилась, но догадывалась, что мать. Значит, у него действительно семья и не маленькая. И он в ней самый главный, как и положено в кланах, блюдущих древние обычаи. — Идите, остынут.

— Иди, — не оборачиваясь, поправил Шардаш. — Подожди немного, я ещё с Селениумом не говорил.

— А после еды нельзя? Я же старалась, ещё горячие достала...

Адептке стало обидно. То он рад ей безмерно, то заботы не ценит, не смотрит даже. Она тут старается, суется, а Шардаш дела свои решает. Будто это не подождёт! Профессор, услышав её недовольное сопение, и вовсе попросил выйти. На резонный вопрос почему, ответил, что запах Мериам сбивает с мысли.

Адептка честно простояла под дверью нужные десять минут (иди десять минут по её внутренним часам) и осторожно заглянула в комнату. Шардаш уже закрыл окно, сидел за столом и уплетал пирожки. Судя по похудевшей горке, трапезничал давно.

— Вы меня обманули! — возмутилась Мериам.

— Ага. Поесть хотелось, — ответил с набитым ртом профессор, даже оправдываться не стал.

— А почему при мне нельзя было? — не унималась адептка.

— Потому что. Маленькая ещё, не понимаешь. Ладно, — Шардаш дожевал пирожок, а оставшиеся убрал в корзинку, — пошли. Ты Ферама толком не видела.

Однако Мериам требовала объяснить столь странное поведение. Профессор вздыхал, отнекивался, а потом уступил, обмолвившись, что за пирожки благодарен, очень ценит, но когда рядом определённая девушка, ему трудно на неё не реагировать. А так как эта особа его желаний не разделяла, то он хоть поел нормально. Теперь же, когда запах выветрился, а Шардаш успокоился, они могут спокойно общаться.

Мериам выслушала объяснения с налившимися румянцем щеками и осторожно спросила, всегда ли профессор будет на неё так реагировать.

— Ненормально, если бы не реагировал, — хмыкнул Шардаш, подошёл, провёл пальцами по пылавшему девичьему лицу и направился к вешалке. — Темнейшего видела?

Адептка кивнула, добавив, что тот пригласил её завтра на ужин. Профессор нахмурился, но промолчал.

Город замело позёмкой. Мериам мёрзла под плащом и льнула к Шардашу. Тот сетовал на наличие людей на улицах и лишь обнимал за талию. Правда, скоро не выдержал, заявив, что отдаст ей свою куртку, лишь бы не посинела. Адептка в шутку спросила, не та ли эта, в которой он сидел в тюрьме. Профессор кивнул и почему-то обнюхал рукав, пробормотав: 'Да нет, этот запах я вывел первым делом'.

Накинув куртку на плечи Мериам, Шардаш подумал, что самому тоже стоило бы утеплиться: на улице мороз, а на нём только рубашка и плащ. Профессор обвёл глазами улицу и решительно направился к вывеске Рунного банка: 'Сейчас проверим, отобрали ли у меня деньги'.

Чуть задержавшись и бросив взгляд через плечо, адептка заметила двух белых стражников. Со стороны казалось, что они увлечены разговором, но Мериам догадывалась, что стражники следили за Шардашем.

За конторками привычно строчили банковские служащие. Выбрав одного из них, профессор назвал себя, написал номер счёта и с тоской подумал, что за неимением удостоверения личности придётся подтверждать оную кровью. В Бонбридже проще — начертишь руну, и всё. Может, и здесь ограничатся этим, а не устроят допрос с пристрастием.

Служащий вышел в соседнюю комнату. Не было его долго, и Шардаш начал подозревать, что денег не получит. Наверняка капитан Белой стражи постарался, закрыл все счета, чтобы профессор не сбежал в Империю.

— Что-то не так? — заметив его волнение, спросила Мериам.

— Да вот гадаю, кто кого ужином кормить будет, — кисло улыбнулся Шардаш. — Если ты, то позору не оберусь.

— Можно подумать, вы на меня деньги не тратили! — адептка присела на стул и, воспользовавшись моментом, заглянула в карманы куртки. Палочки там не оказалось. Интересно, Шардашу её вернули?

— Ты девушка, это другое, — возразил профессор и, слышав шаги, обернулся к банковскому работнику.

Опасения Шардаша оправдались наполовину: счет не закрыли, но просто так профессор снять деньги не мог, необходимо было поставить в известность Белую стражу и найти поручителя.

— Так ставьте! — раздражённо ответил профессор, мечтая отблагодарить капитана за все старания. — Поручитель — Ролейн Асварус.

Скрестив руки на груди, Шардаш угрюмо наблюдал за тем, как служащий неторопливо связывался с необходимыми людьми. Только почему-то во время первого же разговора лицо у него несколько раз поменяло выражение. Второй беседы и вовсе не состоялось.

— Из-з-звините, пр-р-роизошла ошибка, господин, — вытерев пот платком, пролепетал клерк. — Вы можете беспрепятственно распоряжаться всей суммой. Сколько желаете снять?

Шардаш удивлённо вскинул брови, но расспрашивать о причинах невиданной щедрости не стал. Если это проделки Императора, — а то чьи же, кто ещё за тёмного заступится? — лучше переговорить с магистром. В любом случае, тот знал больше лысеющего полуорка.

Сняв сумму в размере месячного заработка, профессор потащил Мериам в магазин женской одежды. После короткого спора по поводу трат, адептка выбрала зимнее пальто, шапочку, перчатки и новые ботинки. Повертевшись перед зеркалом, она поблагодарила Шардаша, встав на цыпочки, быстро поцеловала и тут же отвернулась.

— Ты поцелуи будто крадёшь, — расплачиваясь, усмехнулся профессор.

Мериам опустила глаза и покраснела.

Продавец проводил их понимающей улыбкой: влюблённые.

Убедившись, что Мериам больше не мёрзнет, профессор повёл её в сторону гор. На вопрос зачем, отшучивался, что не убивать собрался.

Там, где кончались улицы, тянулся на несколько миль яблоневый сад. Покрытые пухом снега кроны деревьев напоминали облака. А на горизонте, от края до края видимого пространства, раскинулись горы. Их шапки горели в лучах садящегося солнца.

— Красиво! — вдохнув полной грудью чистый воздух, восхитилась Мериам.

Шардаш улыбнулся, перелез через ограду и перенёс через неё адептку. Она, подавшись чувствам, обняла его, уткнувшись носом в тёплую, снова пахнущую хвоей куртку и прошептала: 'Не уходи, пожалуйста!'. Профессор провёл рукой по волосам адептки, снял печатку и коснулся кончиками пальцев мочек ушей. Склонившись над Мериам, объятиями будто укрывая её от невзгод, он тихо ответил: 'Оборотня прогнать сложно, Мериам Ики, ты теперь сама не сбежишь. А я всегда найду по запаху'.

Адептка всхлипнула, вздохнула и скользнула по его спине к плечам. Руки Шардаша тут же прижали теснее, так тесно, что стало трудно дышать. Мгновение, другое, и он отпустил Мериам, наградив лёгким поцелуем в щёку:

— Пошли на закат смотреть и обсуждать, что делать дальше. Любовь — это хорошо, но меня убийства волнуют. Хотелось бы вернуть поруганную репутацию и выяснить, как та тварь связана с тобой.

Проваливаясь по колено в рыхлый снег, Мериам шла вслед за Шардашем, боясь отпустить его руку. Однажды так сжала пальцы, что он даже остановился, обернулся и, угадав, спросил: 'Боишься, что со мной что-то случится?'. Адептка кивнула и пересказала разговор с капитаном Белой стражи. Профессор внимательно выслушал, помрачнел, но промолчал. Видя, что Мериам ждала ответа, заверил, что худшее уже позади. Чтобы адептка перестала вспоминать о клетке, снова обнял и встревожено подумал, что её запросто могут посадить в замок Эколь. Допустим, за него Император замолвил слово, но на ней-то капитан отыграется. А кто согласится защищать простую адептку? Шардаш тоже на положении изгоя. Пока официально не снято обвинение, все, кто ему близок, подвергались опасности.

За заходящим солнцем Мериам наблюдала с раскидистой яблони, куда, будто на трон, усадил её Шардаш. Сам он остался стоять, подперев ствол спиной. Свесившаяся рука адептки теребила волосы профессора, робко скользила по щеке. Она хотела и стеснялась приласкать.

Профессор пытался предугадать ход беседы с императором, советовал, как себя вести, какие вопросы постараться задать, и предостерегал от запальчивых слов:

— Он высший демон, наполовину высший вампир из клана, в гости к которому я добровольно не сунусь. Будь осторожна!

— И, — Шардаш поморщился, — если что, откажи тоже мягко.

Мериам покраснела, вспомнив взгляд Темнейшего. Пожалуй, предупреждение лишним не будет. Жаль, всё же, что день рождения она отпразднует не с профессором, а с императором. Адептка покосилась на Шардаша, задумалась, сказать ли ему, что ей завтра двадцать. И промолчала: подарок Мериам и так получила.

Решено было, что Шардаш переместиться в столицу вместе с адепткой, проводит её до места встречи и заберёт обратно в условленный час. Ждать встречающих не станет, чтобы не

раздражать Темнейшего. За время ужина профессор планировал успеть побывать в Университете и порыться в местной библиотеке. Там хранились хроники всех государств Солнечного и Лунного миров, что-то могло подтолкнуть к разгадке демона-убийцы.

Когда догорел закат, а небо усыпали звёзды, Шардаш предложил поужинать. Мериам не хотелось уходить: в Бонбридже не было таких звёзд — ярких, будто вспышка волшебной палочки. Однако профессор настоял на своём, заметив, что ему прекрасно слышно, как она хлюпает носом от долгого неподвижного сидения. Сам он тоже продрог, но заболеть не боялся: оборотни куда выносливее людей и не страдали смешными заболеваниями, вроде простуды.

Оказавшись на руках у Шардаша, Мериам подумала, что тут очень неплохо, и идти сама отказалась. Профессору пришлось нести её до ограды, прислушиваясь к биению сердца, ощущая тёплое дыхание. У заборчика он не выдержал и, опустив на землю, поцеловал адептку в губы. Мериам упёрлась спиной в доски, едва выдерживавшие столь страстные напор, но не сопротивлялась, пытаясь отвечать на поцелуи.

Язык Шардаша вновь вылизывал её шею, пальцы расстегнули пальто, скользя по платью, тело прижималось всё теснее. С трудом оторвавшись от Мериам, профессор простонал, что хоть бы та об острых коленках вспомнила, потому что в следующий раз он точно до конца зайдёт. Раскрасневшаяся адептка оправила одежду и чуть слышно спросила:

— Это у всех мужчин так?

— Лучше б я человеком родился! — пробормотал в ответ Шардаш. — Вы запахов не различаете, и внутри вас зверь не живёт. Хорошо, что холодно на улице. Впрочем, не остановило бы меня это.

Профессор замолчал и, отвернувшись, отошёл на пару шагов. Мериам с сочувствием и страхом взглянула на него. Увы, она не могла заставить себя сделать то, что так хотелось Шардашу. Адептка впервые задумалась о тех ночах, что они провели в одной постели. К сожалению, этому пришёл конец, так мучить профессора Мериам не станет.

— Тревеус, — адептка впервые называла его по имени, — не надо. Всё хорошо. Пойдёмте ужинать. Я даже вина выпью.

Шардаш кивнул и знакомым путём повёл Мериам к огням домов Ферама.

Шардаш любовно поглаживал волшебную палочку. Он опасался, что белые стражники сломали её, а получить новую нелегко. Это ведь не набор разных материалов, а магия, подстраивающаяся под конкретную руку. Палочки делались только на заказ, либо передавались от отца к сыну. Или от матери к дочери. А без верной помощницы волшебник терял половину силы. Но нет, магистр сберёг палочку и теперь тайком отдал, намекнув, что по правилам не положено, но чихал он на эти правила. В этом весь Ролейн Асварус! Какой ещё магистр принял бы в орден тёмного оборотня, который едва не убил его? Правильно, никто, а Асварус ещё и уважением проникся. Раненный, окровавленный, закричал подоспевшим ученикам, чтобы не трогали. Шардашу тогда тоже досталось, орденский лекарь долго лечил от тёмноэльфийской магии.

Мериам жалась к профессору, во все глаза смотря на освещённые фонарями улицы. В столице она не была ни разу, всё казалось в новинку. И тротуары шире, чем в Бонбридже, и карет море, и все сновали куда-то. А над головой странное свечение, духи порхают. И никто не обращал на них внимания.

— Это купол над Университетом светится, — пояснил Шардаш. — Академия чародейства и вовсе искрится огнями. Духи — это фамильяры, то есть давно почившие, но всё ещё живые слуги родовитых магов. Среди знати тоже колдунов много. Вон, глянь, упражняется один в фигурной верховой езде.

Мериам запрокинула голову и увидела всадника на крылатом скакуне, который выделялся 'восьмёрки' вокруг печных труб. Явно перед кем-то красовался.

— Пошли! — Шардаш тронул адептку за плечо. — Нам ещё ресторан найти нужно, Асварус только район назвал.

— А по запаху нельзя? — робко предложила Мериам, считая этажи зданий: ни одного ниже трёх.

Повсюду — богатые доходные дома. А между ними горят огни магазинов, заманивают к себе рестораны.

В просвете улицы — набережная. Играет бликами вода, будто парят над каменным парапетом светильники. Все магические, дорогие.

— За рекой — квартал знати, — объяснил профессор. — Ладно, давай, посмотрим. А по запаху Темнейшего не найти: демоны запаха не имеют, а любимого парфюма императора я не знаю. Когда навещал, ничем не надушился.

Адептка кивнула. Ужинать с Джаравелом ФасхХавелом не хотелось до рези в желудке, но кого волновали желания какой-то Мериам Ики?

Подхватив Мерим под локоток, Шардаш слился с толпой, умело лавируя среди разношёрстной публики. Попадались тут не только люди, но и эльфы обеих ветвей, красноокие вампиры, орки, зеленоглазые оборотни и существа смешанных кровей. Все в основном парами.

Профессор сдержанно улыбался, наблюдая за реакцией Мериам на большой шумный город. Бонбридж, конечно, не деревня, порт как-никак, но куда ему до столицы! Шардаш провёл здесь много лет, сначала как студент, затем как аспирант. Правда, с тех пор, как в последний раз был здесь, минуло десять лет, но память услужливо воскрешала названия улиц, кварталов, площадей. Интересно, остались ли в столице люди, которых он некогда

знал? Преподают ли ещё в Университете те же профессора? Впрочем, куда им деться? Новая поросль их не заменит. Амбициозная, нахальная, но неумелая. Он сам некогда был таким же, но жизнь выучила на настоящего мага.

Над самой головой, едва не задев, пролетел фамильяр, оставив серебристый след в воздухе. Сделав круг, он вернулся и почтительно замер перед Мериам:

— Господин ждёт вас.

Адептка изумлённо открыла рот и вопросительно глянула на Шардаша. Тот нахмурился, пытаясь определить принадлежность духа. Обычно на них ставилась особая магическая печать, у каждого рода своя. Если снять её, фамильяр сбежит, посчитав себя свободным.

То ли зрение подвело, то ли Шардаш действительно увидел знак короны. Однако!

— Кто ждёт? — осведомился профессор и на всякий случай достала волшебную палочку.

— Не надо, господин! — пискнул фамильяр, испуганно спрятавшись за головой Мериам. — Мой господин послал выполнить просьбу другого господина. Того, кому отказать нельзя. Совсем нельзя.

— Не юли и скажи, кто из королевской семьи тобой владеет. У его величества магии нет, значит, королева?

Дух кивнул и, извинившись, повторил, что господин очень ждёт и жестоко накажет, если фамильяр не проводит к нему девушку с рыжими волосами.

— А с чего ты взял, что это я? — подала голос Мериам. — Мало ли в городе рыжеволосых!

— Он образ показал. Ваш образ, госпожа.

Адептка переглянулась с Шардашем, нерешительно отпустила его руку и согласилась следовать за духом. Профессор задержал его на минуту, потребовав привести Мериам на это же место, либо сообщить, где она находится. В противном случае Шардаш пригрозил фамильяру муками Преисподней и напомнил, что, в отличие от живых существ, духов от страданий смерть не спасёт. Бегство — тоже. Шардаш запомнил духа и найдёт, где бы тот ни притаился. Перепуганный фамильяр обещал исполнить просьбу.

Мериам зашагала вслед за духом, а профессор, пару раз оглянувшись, повернул в сторону университета.

Не успела адептка сделать и полусотни шагов, как её мягко окутал туман. Когда он рассеялся, Мериам стояла перед позолоченной дверью. Справа и слева — холодный мрамор стен, наискосок — окно, через которое лился мягкий лунный свет.

Фамильяр просочился сквозь дверь, на пару минут оставив адептку одну. Та отошла к банкетке в углу рядом с цветочным горшком — вдруг не заметят?

Мериам поняла, что оказалась в королевском дворце, только открытие не обрадовало. Ресторация предполагала наличие людей, и одеться туда можно было проще, хотя платье у адептки и так одно. И оно совсем не подходило для высоких потолков, хрустальных люстр и шикарных интерьеров. Замарашка. Почему, почему планы императора поменялись?

Наконец вернулся фамильяр и торжественно объявил, что госпожа может войти. Пришлось встать и приблизиться к пугавшим неизвестностью дверям. По велению духа они отворились, и Мериам увидела столовую, входить в которую совсем не хотелось. Даже пленительный вид на столицу, открывавшийся из огромного, во всю стену, не помог.

Адептка опустила глаза и поняла, что по такому в её ботинках ходить нельзя — наборный паркет только для туфелек. Отполированный до блеска, он отражал

подкрашенный минералами фиолетовый стержень люстры и десятки магических огоньков, порхавших вокруг вместо свечей.

Стены столовой были, кажется, зеркальными, иначе почему Мериам видела своё отражение? Однако адептка ошиблась, приняла за стекло горный хрусталь. Невольно закрадывалась мысль: откуда у лаксенского короля столько денег? Или она вовсе не в Лаксене? Кто сказал, что те огни — огни Наисии?

Всё ещё не поднимая глаз, Мериам низко поклонилась, добавив неуклюжий реверанс.

На уши давила полнейшая тишина. Да есть ли здесь хоть кто-то?

— Проходи, — раздался наконец голос императора. — Не бойся.

Мериам кивнула, запоздало словесно поприветствовала Темнейшего и осмелилась поднять глаза, чтобы тут же вновь начать буравить пол.

Император, распустив крылья, восседал во главе стола во всём блеске великолепия. От него веяло властью, достатком и силой, да и привлекательности было не занимать. Чего только стоила горделивая посадка головы. Только глаза пугали, напоминали об истинной сути этого существа.

На втором по значимости месте, напротив Темнейшего, сидела женщина в зелёном, необыкновенно тонкая и высокая. На шее поблескивало ожерелье стоимостью с провинциальный городок. Вьющиеся тёмно-русые волосы волнами ниспадали на плечи из сложной причёски, собранной воедино светящейся от обилия бриллиантов диадемой.

Третье место, как раз посередине между сиятельными особами, предназначалось для Мериам, но с тем же успехом его, по мнению адептки, могла занять любая служанка.

— Её величество, королева Лаксенская Раймунда, — представил Мериам высокую женщину император.

Адептка вновь поклонилась.

— А это и есть та девочка? — взгляд королевы с неподдельным интересом скользнул по Мериам. — Можно подойти к ней?

— Это ваш дворец, госпожа, — промурлыкал император. — Вы здесь хозяйка.

Судя по поведению королевы, она придерживалась иной точки зрения, иначе зачем бросала на Темнейшего тревожные взгляды через плечо? Мериам её понимала. Кто любой монарх перед лицом высшего демона, да ещё внучатого племянника Наитемнейшего, вернувшего себе перстень с древним проклятием?

Королева отодвинула стул, встала и подплыла, именно подплыла, а не подошла к одновременно побледневшей от страха и покрасневшей от волнения Мериам. Улыбнулась, коснулась затянутой в перчатку рукой лица, скользнула по волосам адептки и попросила взглянуть на неё. Мериам покорно подняла голову.

— Симпатичная, — вынесла вердикт королева. — Рыжие рождаются только среди людей, верно?

— Могу ответить только за демонов и вампиров, Раймунда. Рыжие вампиры бывают. Но дело вовсе не в том, хорошенькая она или нет, а в её сути. Так вы ничего не хотите сказать?

Королева задумалась и отрицательно покачала головой.

— Между тем эта девочка приняла часть души возлюбленной моего дражайшего троюродного брата Ионафана. Уж не знаю, Мериам, что натворил твой дед, но факт остаётся фактом. Садись уже, а то ужин остынет, — улыбнулся император. — Надеюсь, ты будешь есть, а не изучать скатерть. Приглашая, я не знал, что у тебя день рождения. По-моему,

дворец — более подходящее место для торжества, чем шумная ресторация. Её величество через полчаса нас покинет.

Потрясённая услышанным Мериам покорно подошла к столу. Стул отодвинулся сам собой, и она села. Адептка вспомнила, что не поцеловала руку королеве, но взгляд Темнейшего пригвоздил к месту. Прислуживавший за стол фамильяр тут же налил адептке вина и положил по чуть-чуть яств из каждого блюда. Мериам тихо поблагодарила и, дрожа, взялась за нож. Ей казалось, она распилит тарелку, но обошлось.

Такого мяса адептка никогда не ела, а вино источало аромат винограда. Только жевать и пить Мериам боялась, чем вызвала недовольство императора. Пришлось давиться.

Раймунда провозгласила тост за высокого гостя. Тот ответил молчанием, буравя взглядом пунцовую адептку. Поднял бокал, встал, мельком глянул в окно, отсалютовал Мериам и одним глотком осушил кубок. Королева сделала всего лишь глоток, Мериам — и того меньше. Она заметила, что Раймунда тоже боялась Темнейшего, но прятала это за невозмутимой улыбкой и горделивой осанкой.

Император не пожелал сесть и подошёл к адептке. Та сжалась, вцепившись пальцами в скатерть.

— Да что же это такое? — ласково спросил Джаравел, проведя тыльной стороной ладони от щеки до основания шеи. — Не ест, не пьёт, пугается каждого шороха. Что за страшилки рассказывают обо мне в Лаксене, Раймунда? Это ваш муж старается, чтобы оправдать неисполнение обязательств по договору?

Королева побледнела и впервые не нашлась, что ответить.

— Время, — напомнил Темнейший. — Ваш ждут.

— И, — он улыбнулся, — долг я не простил, а просто отсрочил выплату. Жизнь того оборотня — всего лишь списанные проценты.

Раймунда отодвинула приборы, встала и, подумав, присела в реверансе.

— Что вы, мы же равные, — промурлыкал император, однако выражение глаз не давало обмануться: он ждал выражения почтения к своей особе. — Благодарю за общество и содержательную беседу. Надеюсь, ваша трапеза с его величеством будет не менее занимательна.

Когда за королевой закрылась дверь, Мериам почувствовала себя козлёнком, брошенным на растерзание волкам. Она спиной ощущала близость Темнейшего, не могла не думать о силе, которой он обладал.

Рука Джаравела легла рядом с рукой Мериам. Чёрный коготь и перстень с розами мгновенно бросились в глаза, заставив отодвинуться. Хмыкнув, император доверху наполнил бокал адептки и вернулся на место.

— Тебе не кажется, что стол велик для двоих? Перебирайся ближе: не желаю кричать.

Мериам встала, потянулась к стулу, но его, как и приборы, услужливо передвинул фамильяр. Закончив работу, он снова растворился в воздухе.

— А теперь рассказывай, каким образом твой дед учудил такое. И, главное, зачем. Ионафан просил воскресить Синтию, а не красть её ауру.

— Мой дед ничего такого не делал, — замотала головой Мериам. — Простите, Темнейший, но когда я родилась, он уже осел в Лаксене и...

— Речь не о маге, — отмахнулся император, — а об алхимике. Вместо того чтобы либо сделать своё дело, либо отказаться, он вздумал играть с демоном. А ты, милая моя, первая девочка, родившаяся у этого Ики. Через поколение, но неважно. Аура-то женская, на

мальчишке бы не прижилась, вот и ждала, пока появишься ты.

— Я всё равно не понимаю. Ваше императорское величество, каким образом частичка ауры могла сохраниться? Даже если дед каким-то образом сумел выделить её, заключить в сосуд, то... Нет, это невозможно!

— Это очень даже возможно, однако подобное умение среди людей встречаю впервые. Мериам, — улыбка Темнейшего напоминала оскал, — думаешь, дед просто так в глушь забрался, где твой папочка повстречал твою мамочку? Преуспевающий алхимик вдруг бросает практику и становится отшельником. Не смеши меня, милая! Да и перстень мой не врёт. Он никогда не примет, не станет защищать того, в ком нет ничего тёмного. Вопрос: откуда в тебе это, а?

— Ну, я же на четверть оборотень, — пробормотала Мериам. Больше всего на свете ей хотелось вскочить и выбежать вон.

— Светлый. Поэтому-то аура и прижилась — нечисть почувствовала. Но, повторяю, милая деточка, перстень никогда не признает хозяином или хозяйкой того, в ком только свет. И не надо повторять бред, который пишут в человеческих книгах, будто все оборотни имеют одинаковую суть. Попробуй, роди от своего Тревеуса ребёнка — мигом убедишься. Итак, повторяю вопрос: зачем твой дед это сделал? И не ври, будто он сотворил подобное из любви к науке.

Адептка в ужасе уставилась на императора и затрясла головой. Судя по подёргиванию подбородка Темнейшего, в нём бушевала ярость. Только чем провинилась Мериам? Если её дед, что-то сделал, не лучше ли спросить у него? Или её казнят за чужие ошибки?

Рука сама собой потянулась к шее и бессильно упала: фибулу магистр снял и не вернул. Оставалось только сидеть и молчать, буравя взглядом скатерть. А в голове не укладывалось, чтобы её любимый добрый дедушка кого-то обманул. Выходит, это про него сложили балладу, которую Мериам слышала в 'Бравом петухе'?

— Понятно, тайну алхимик хранил даже от тебя, — с ленцой протянул Джаравел, скинув с себя маску бешенства. — У самой никаких догадок?

Мериам хотела ответить отрицательно, но вышло мычание.

— Подойди и протяни руку. Я должен убедиться, что ты ничего не видела и не слышала. Могла ведь и не понять, что к чему.

Адептка на ватных, трясущихся ногах проковыляла к императору и протянула потную ладонь. Тот накрыл её своей и замер.

Мериам потеряла связь с окружающим миром. Её мягко покачивало на волнах, окутав непроницаемым для звуков и запахов одеялом.

— Ничего, — разочаровано протянул Джаравел и, перевернув, поцеловал руку адепки. Та вздрогнула, вызвав на его лице улыбку: — Что, лучше бы допрашивал? Успокойся и ешь. Повара здесь хорошие, разве что еда остыла... Но это решаемо.

Император щёлкнул пальцами, и воздух над тарелками заискрился. Мгновение — и пища снова стала горячей, источая соблазнительные запахи.

— Ешь, пей и не думай пока о дедушке. К нему поедешь завтра и расспросишь о той истории. Потом расскажешь мне. Слово в слово, Мериам. И я тебя заберу.

— К-к-куда? — заикаясь, спросила адептка.

— Ауру чистить. Синтии тоскливо с такой дырой, — рассмеялся Темнейший. — Даже мёртвые предпочитают гнить в целостности и сохранности. Болезненно, конечно, но выдержишь. Заодно на мир посмотришь, а то что в своей Школе видела? Ну, улыбнись и перестать

таращиться на меня глазами размером с луну! Если я приглашаю девочку отужинать, то не для того, чтобы морить голодом.

Мериам покосилась на тарелку и подумала, что есть ей совсем не хочется. Даже тошнит от еды. В итоге адептка просто сидела, положив руки на колени, пока император наслаждался мясом с затейливой подливой, приправляя его вином. Однако от Темнейшего не укрылось прохладное отношение Мериам к пище. Промокнув губы салфеткой, он поинтересовался, не хочет ли она чего-то ещё, раз это блюдо не по вкусу: 'Фамильяр принесёт, только попроси. Просто укажи, он сделает'. Адептка поблагодарила за заботу и пробормотала, что не голодна.

— Вздор! — император встал и подошёл к ней. Пальцы вновь легли на шею, поглаживая, но откуда Мериам было знать, что означал этот жест? Вместо того чтобы успокоиться, она ещё больше зажалась. — Вот не надо стесняться. Или мне самому тебя кормить? Тощенькая совсем — и лжёшь, что есть не хочешь.

Мериам бегло оглядела себя и подумала, что вовсе она не худая. Однако и та подавальщица, Эра, и Темнейший почему-то упорно утверждали иное.

Адептка решила, что император пошутил, но нет, он велел фамильяру положить Мериам какую-то птицу, отрезал кусочек, нацепил на вилку и велел открыть рот. Ничего не оставалось, как прожевать и проглотить.

— Тогда садись ко мне на колени, раз сама есть не можешь. Я не страдаю отсутствием аппетита и не хочу подогревать холодное мясо. А если возиться с тобой, как сейчас, моя еда остынет. Ну, решай, новорожденная.

Решить Мериам не смогла, и её легко выдернули из-за стола, перенесли на новое место и усадили туда, куда обещали. Тарелка адептки вместе с бокалом плавно переплыли в торец стола.

— Вино напрасно не пьёшь: такого в тавернах не подают. Уж поверь, в винах я разбираюсь. Сейчас проглотишь пару кусков куропатки, только прожевать не забудь, и выпьешь. И не надо так дрожать. Когда начну приставать, предупрежу.

Адептка невольно улыбнулась, представив себе картину: Темнейший говорит ей: 'А теперь, девочка, начнутся домогательства'. Император хмыкнул и отправил себе в рот кусочек мяса. Мериам тоже робко потянулась к тарелке, заслужив шутливую реплику Джаравела: 'Так бы и сказала, что только на коленях у мужчин ешь, лишний стул бы не ставили'. Адептка покраснела, попросив отпустить.

— Да держу я, что ли? Только ешь, а не объявляй голодовку. Двадцать лет — тоже дата, второй раз не повторится.

Мериам с облегчением вернулась на место и отдала дань мастерству королевских поваров. Нет, сначала она ела только для того, чтобы угодить Темнейшему, но потом увлеклась, пробуя то то, то другое. Адептка смутилась, когда император провозгласил тост за неё и даже поднялся, выражая почтение даме. Ради неё ещё никто не вставал, пришлось выпить. Потом снова и снова, пока голова не пошла кругом, а щёки не порозовели.

Император расспрашивал Мериам о семье, о детстве, отрочестве, поступлении в Ведическую высшую школу. Его интересовали необычные происшествия, знакомства адептки. Расслабившаяся от вина Мериам выболтала всё, упомянув даже о том, как нашла перстень Джаравела.

— Что, так и лежал, ждал тебя? — поднял брови император. — И в голову не пришло директору показать? Чему только молодёжь учат! Убило бы запросто, дурочку. Даю

бесплатный совет: видишь, что фонит магией, не трогай и держись подальше. Артефакты, милая девочка, хуже селитры с поднесённым к ней кресалом. Только не говори, что ученики Ведической школы о селитре не слышали! Как люди воевать-то собираются, отсталый вы народ! Ладно, вспомни, кого на лестнице видела, когда позорно разрыдалась и сбежала. Будешь так бегать — всю жизнь придётся за другими мешки со снаряжением таскать.

— Никого я не видела, — замотала головой Мериам. — Только голоса.

— Чьи? Всё за тебя делать приходится! Нет, хочешь, чтобы Ионафан весь город перебил, а семью твою прирезал, не понимай дальше и жди Белую стражу. Я сам демон и прекрасно знаю, что он задумал. Или надеешься, что вытащу? Да не за что, детка. Тревеус Шардаш хотя бы перстень сберёг, тёмный, сестричка его — моя подданная, а ты мне никто. Уразумела, красавица, поняла, какой подарок делаю на день рождения?

— Учителя на площадке стояли, — после минутного молчания ответила адептка.

— Вряд ли, — прикусил губу, обнажив клык, пробормотал император. — Скорее, Ионафан принял вид духа, следил, понял, что деваться, кроме чердака, тебе некуда, и подложил приманку. Дурочка её взяла, на пальчик надела, полукровок убила. А потом всё пошло не так, потому что перстень украли. Обычный человек. Мысли оборотня я видел: сговора нет, а примесь крови или морок Шардаш бы почувствовал. Он ведь тоже сеть раскинул, искал пропажу. Тебя вычислил, между прочим, но отобрал вещицу в итоге у вора.

— А вообще, — Темнейший мотнул головой, — нечего тебе разжёвывать, как вас двоих подставили. Оборотень не без мозгов, догадается. И почему его начали травить после того, как встретился с тобой в Нижнем городе, тоже поймёт.

— Ваша императорское...

— Что, разжевать-таки? — усмехнулся Джаравел, смакуя вино. — Чем отблаговаришь? Я тебе даже расскажу, что на днях произойдёт. Чего не знаю, так это причин поступка твоего деда, остальное прозрачно.

Мериам задумалась, уставившись на полупустой бокал. Его очертания расплывались — значит, адептка напилась. Хотя бы не тошнило, но необходимо что-то делать с алкоголем, иначе это грозило вылиться в серьёзную проблему.

Что она могла предложить Темнейшему? В голове вертелось банальное — девичья честь, но, если разобраться, император сам её возьмёт, если захочет. Или ему нужно согласие жертвы, поэтому он королеву выгнал, вином поил? В книгах поступали именно так. Или его интересовала душа? Демоны ведь на бестелесную сущность сделки заключают. Об этом тоже писали. В школьных книгах для чтения. Ещё тех, для детей. Только ни то, ни другое Мериам отдавать не собиралась.

Император наблюдал за ней со скрытой улыбкой, по красноречивому румянцу догадавшись, что адептка понимала под благодарностью. Банально, хотя приятно. Он, в отличие от большинства демонов, любил девушек — сказывалась сущность вампира.

— Простите, ваша императорское величество, — в голове Мериам всплыли слова Шардаша о вежливом отказе, — но я не могу...

— А я и не буду, — фыркнул Темнейший. — Это, вообще-то, честь, заслужить надо. Девушек много — постель у меня одна. Так что, милая, не обольщайся.

— Тогда зачем вы глазами раздевали? — вино ударило в голову, и адептка говорила то, что думала.

Император расхохотался, а после, всё ещё хрюкая, прокомментировал:

— Она ещё и недовольна! Нет, люди, вы меня в могилу сведёте! Одни травят, другие

дырвяят с пламенной идеей на устах, девицы обижаются, когда их не бесчестят. Я об ответной услуге спрашивал, а не о продолжении собственного рода. С этим у меня всё в порядке: тридцать девять мальчишек на выбор, двадцать шесть девочек на выданье. Спасибо, конечно, за предложение, но увы! Вот если убедишь, что это тебя осчастливит... Да, Белая стажа утопитя, встретив на пути существо, в котором намешано по четверти демонической и вампирьей крови, три восьмых человека и одна восьмая светлого оборотня. Нет, я избавлю мир от существования подобного монстра!

Темнейший снова залился смехом, едва не расплескав вино. Мериам, не выдержав позора, пролепетала сумбурные извинения, и ринулась вон. Увы, паркет оказался скользким, и она упала. В этот раз подвело не вино: адептка банально поскользнулась.

Император мгновенно оказался рядом, помог подняться. Заметив набухшую шишку на лбу, Темнейший положил на неё ладонь, попутно напомнив, что бегство не выход.

— Нехорошо упала, — констатировал он, — ещё пару синяков чувствую. Так что замри.

Рука Джаравела легла ей на локоть. Мериам расслабилась. Тепло — это от лечебной магии, тут нечего бояться.

Вылечив все ушибы, император попутно уменьшил действие винных паров, напомнив, что впереди ещё десерт.

Об озлобленном демоне больше не было сказано ни слова. Мериам слушала музыку и пение духов, а потом по предложению императора подошла к окну, чтобы увидеть чудесную феерию огней. Разумеется, не в свою честь — в честь высоко гостя. Но тот милостиво поделился ей с адепткой.

— Оборотню своему передай, — на прощание сказал император, — что если перейдёт ко мне на службу, вытащу обоих. Есть для него дело. Или придумайте то, что меня заинтересует, если самим с Ионафаном не разобраться. Ролейна не отвлекайте, бесполезно. Доброй ночи, Мериам.

Темнейший поцеловал руку адептки, взмахнул рукой, и перед ней возник вихрь из ключев тумана. Поняв, что это коридор перехода, Мериам склонилась в ответном поклоне, поблагодарила за ужин и смело шагнула в белую корпию. Сразу стало холодно, пришлось одеться.

Весь хмель выветрился, осталось только чувство сытости и привкус бисквитного крема на губах. Куда до него любимым пирожкам!

Шардаш остановился перед входной аркой в Университет. Купол над ним освещал комплекс старинных зданий и целый квартал вокруг. Когда-то такой щедрый подарок коллегам сделали преподаватели Академии чародейства. В её архивах профессор тоже намеревался порыться, но позже.

Подняв глаза, Шардаш прочитал выбитый на камнях девиз: 'Знаниями пусть будет выстлана дорога твоя', и смело перешагнул невидимую черту. Взмахнув волшебной палочкой, без пропуска миновал застывшего в удивлении привратника и заскрипел снегом на завьюженных дорожках.

— Сюда нельзя! — запоздало среагировал плечистый орк, к которому вернулась способность мыслить и передвигаться. — Документы предъяви!

— Диплом или профессорскую степень в рамочке? — оглянувшись, осведомился Шардаш. — Да пожалуйста.

Орк окаменел вторично, на этот раз не от заклинания, когда из воздуха перед его лицом возник гербовый лист бумаги с печатью. Буквы вспыхнули огнём, чтобы привратник мог прочитать, кому принадлежал документ и в каком году он выдан.

— Это Университета. Из Академии чародейства тоже предъявить? Просто диплом или со всеми регалиями?

Иллюзорный документ растворился, а орк, замотав головой, с воем скрылся в сторожке. Посторонним Шардаша он уже не считал.

В корпусах Университета горел свет. Профессор сомневался, что в столь ранний час учёные и не очень умы уже почивают. С ностальгией втянув в себя воздух, Шардаш вспомнил молодость, то, как впервые попал сюда юным пугливым волчонком. Как он боялся разоблачения — но жизнь улыбнулась, позволив ничем не отличаться от людей. Тогда же Шардаш начал регулярно пить противооборотное зелье, пытаясь вытравить из себя зверя. Как оказалось, бесполезно, но нервы успокаивало.

Поддавшись нахлынувшим чувствам, Шардаш коснулся замшелой стены, ещё раз принялся и направился вглубь университетской территории.

Библиотека занимала отдельный корпус, по величине превосходивший учебные. Пятиэтажная громадина с аркадой первого этажа и тонкими, напоминавшими кости неведомого существа, полуколоннами второго. Ученики нередко устраивали соревнования: кто попадёт мячом во все архитектурные украшения, на целый семестр негласно освобождался от отбывания наказаний. Проигравший, а соревновались парами, исполнял провинности за победителя. Удавалось мало кому. Хотя бы потому, что библиотекари жутко этого не любили: опасались за стёкла.

Шардаш отворил знакомую тяжёлую дверь, снял плащ и, расправив, повесил в прихожей. Книжки не терпели влаги, а древние свитки тем более. В кармане звякнула бутылка — взятка архивариусу за возможность без свидетелей порыться в нужном зале. Она, впрочем, не понадобилась: бесшумная походка оборотня не привлекла внимания.

Человеческие запоры никогда не были преградой для магов, и Шардаш без труда проник в нужное помещение.

Световой шар выплыл из рук, вычленив из темноты стеллажи.

Профессор направился к каталогу, порылся в карточках и, запомнив нужный индекс,

отправился на поиски. Его интересовали хроники демонов за последние триста лет. Позже копаться бессмысленно: вряд ли корни мести роду Ики уходили так глубоко. Особый интерес вызывали контакты Лунного и Солнечного миров.

Выудив из ниоткуда (на самом деле — из невидимой сумки) карандаш и тетрадь, Шардаш вытащил первый том хроник и начал штудировать. Он пролистывал всё, что касалось политики, читал только о происшествиях и локальных схватках. Профессор надеялся отыскать также сведения о перстнях с проклятиями, ради чего особое внимание уделял близким членам семьи Наитемнейшего.

Первый том ничего не дал и, не вставая, Шардаш перетащил по воздуху второй и третий.

Время текло, а разгадка всё не приближалась. Профессор уже подумывал, не попросить ли магистра попытаться узнать у Темнейшего? Девять шансов из десяти, что тот и пальцем не пошевелит, но один-то всё равно существует.

Фамильяр не появлялся, значит, Мериам всё ещё ужинала со змеями. Шардаш периодически думал о ней, успокаивая себя тем, что ей не причинят вреда. Только император всё равно казался не лучшей компанией для трапезы. Демоно-вампир против обычной адепки. Скажет или сделает что-то не то, королева-магиня не спасёт. Одно радовало: Темнейший показался ему уравновешенным тёмным. Возраст обязывал.

Подперев щёку рукой, Шардаш скользил глазами по строкам. Он хотел закрыть очередной том, когда наткнулся на скупой абзац о младшем сыне Наитемнейшего, совсем юном демоне. Тот расторг помолвку с выбранной ещё до рождения невестой и сбежал из дома с некой возлюбленной. Заинтересовавшись, профессор попробовал отыскать сведения о браке, но не нашёл. О детях тоже нигде не упоминалось, хотя имя демона, Ионафан, мелькало иногда в ряде мелких конфликтов.

Сделав пометку в тетради, Шардаш воскресил в памяти балладу, услышанную Мериам, и слова Темнейшего о том, что тот не желал ссориться с Бригиаттой, старшей дочерью Наитемнейшего. Именно в её дом перешёл второй перстень с розами. Сначала профессор решил, будто император намекал на одного из детей Бригиатты, но с таким же успехом преступником мог оказаться младший брат демоницы.

Желая проверить догадку, Шардаш зарылся в человеческие хроники и внимательно проштудировал всё за последний век.

Примерно пятьдесят лет назад был замечен странный всплеск энергии, характерный для проведения какого-то ритуала, и зафиксирована массовая гибель магов на Островах северного ветра. От Лаксены до них — двадцать миль. Убивали только мужчин, по почерку — демон. Все преступления совершены с особой жестокостью. Длилось пиршество смерти всего три дня, затронув и побережье Лаксены, а потом внезапно прекратилось. Кто-то даже выплатил родственникам погибших денежные компенсации.

Оставалось загадкой, кем была возлюбленная Ионафана. Человеком с тех самых Островов северного ветра или демоницей. Но дела это не меняло: она умерла, судя по всему, не без помощи родных отвергнутой невесты, а Иоанафан мстил магу, который обманул его, посулив воскрешение прекрасной девы. И если с этим как-то связана Мериам, этим волшебником был её дед. Только почему преследовали его, Шардаша?

'Забвение роз'! Профессор ругнулся, осознав всю тонкость мести. Когда-то забвению предали прекрасную возлюбленную Ионафана — розу. Теперь та же участь ждала другую девушку. Мериам станет последней и самой главной жертвой, но жертвой не кольца, а правосудия. Только он, Шардаш, в схему не вписывался, потому что вернул себе перстень, и

демон изменил план. Если он продолжал убивать и травить профессора, при этом мстя роду Мериам, то делал это не просто так. Убить любимого? Нет, на тот момент их ничего не связывало, а игра задумывалась давно. Значит, дело не в чувствах, а в чём-то другом. Единственная связь — оба держали в руках и использовали перстень. Доказать это можно. Но опять-таки это не проясняло картины.

Шардаш встал и вновь направился к каталогу. Его интересовал всплеск энергии, сразу после которого начались убийства, но, увы, обычные хроники ничем не могли помочь, необходимо покопаться в архивах Академии. Профессор чувствовал, ритуал — толчок, движущая сила спирали событий.

Перед глазами засеребрился хвост фамильяра. Он извинился за беспокойство и доложил, что госпожа доставлена на прежнее место.

— Надеюсь, с ней всё хорошо? — нахмурился Шардаш, отложив в сторону книги и записи.

— Тот господин сам всё сделал. Господин — очень хороший маг...

Профессор оборвал льстивую речь духа, убрал тома на место и, прихватив тетрадь и плащ, переместился на нужную улицу. С местом немного просчитался, но одинокую фигурку Мериам заметил издали. Она переминалась с ноги на ноги, в нетерпении поглядывая по сторонам. Увидев Шардаша, адептка опрометью бросилась к нему и, зарывшись лицом в куртку, в ужасе прошептала: 'Меня наградили чужой аурой! Демонической. Дед...'. Профессор ругнулся и потащил Мериам к ближайшей табачной лавке: 'Прости, но если я не выкурю трубку, у тебя уши покраснеют от сквернословия'.

Разумеется, лавка была закрыта, но Шардаш едва не выбил дверь, и хозяину пришлось спуститься вниз. Он попытался вразумить припозднившегося посетителя, но профессор оборвал хозяина требовательным рыком. Признав в посетителе оборотня, гном засуетился, надеясь быстро выпроводить опасного покупателя.

Мериам поняла, что без противооборотного зелья Шардашу не обойтись: зверь слишком часто рвался наружу.

Выбрав простенькую трубку и хороший табак, профессор расплатился, извинился за доставленные неудобства и с нескрываемым удовольствием сделал на улице пару затяжек.

— Курю редко, — объяснил он Мериам, — но иногда тянет... Теперь о деле. Если это аура погибшей возлюбленной Ионафана, — Шардаш сделал паузу, отгоняя колечки дыма от встревоженного лица адептки, — лучше бы тебе родиться тёмным оборотнем. Казнь та же, а силы и возможностей больше. Готов поспорить, капитан Белой стражи ослабит, поджидая тебя в Фераме. Если не сегодня, то завтра, послезавтра.

— Почему? — испуганно спросила Мериам. — За пособничество вам?

— Пособничество? — Шардаш нервно рассмеялся. — Да нет, за убийства. Ты нашла тёмного оборотня, окрутила его, подставила, а сама развлекалась в Бонбридже. Всё началось, когда перстень попал к тебе в руки. До этого всё было тихо. Два и два Белая стража быстро сложит, а когда маг ауру посмотрит... Что не переродившийся дух демоницы, не докажешь — все признаки на лицо. Определитель вспыхнет алым.

— Но... Но почему тогда я не убила тех, кто арестовал вас?

— Зачем? Выдала бы себя. Но как только с меня частично сняли обвинения, в городе появились новые трупы. Я наводил справки: убивали по ночам, когда тебя никто не видел. И я не видел. Нет, Мериам, — заметив её дрожь, профессор обнял адептку, — это всего лишь их рассуждения, не мои. Просто почему я выбрал тебя тогда из всех девочек? По их логике

— это приворот. Уверен, Ионафан что-то подкинул, чтобы окончательно тебя очернить.

— А, может, этими убийствами он просто вынуждал меня придти? — робко предположила Мериам.

— Он был рядом и не убил, защитил и одновременно сделал подозреваемой: приставали-то к тебе. Нет, ему нужно другое, не быстрая смерть от проклятия. И родные твои живы. Кстати, неплохо бы их навестить. Завтра же.

— Темнейший тоже советовал, — прошептала адептка, всё ещё не веря в выдуманную Шардашем историю. Она казалась нелепой. — Даже приказал. Его интересовали причины поступка деда. Меня тоже, — вздохнула она и затихла, прислушиваясь к биению сердца профессора.

Шардаш затянулся ещё раз и взглянул на Мериам. Вдруг он ошибся и напрасно напугал её? Уставший разум иногда рождает чудовищ, невообразимые фантасмагории из обыденных вещей. Слишком сложно, чтобы оказаться правдой. Но ведь убийств действительно не было, пока профессора держали взаперти. И демон вполне мог разорвать горло ретивого сержанта Белой стражи не хуже оборотня.

Тайком вытащив палочку, Шардаш взмахнул ей над головой Мериам, пытаясь подсветить ауру. Заклинание нестабильное, но разглядеть поможет. Так ничего не чувствовалось, но император лгать не станет: смысла нет.

Аура адептки оказалась прозрачной, с вкраплениями зелени — свидетельство крови оборотней. Но посреди спокойного моря плавало чернильное пятно, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах. Потревоженное заклинанием, оно зашипело, разлилось и поглотило всё прозрачное пространство. Уцелела лишь зелень. Такое бывало только у переродившегося демона. При соблюдении определённых условий его душа могла вытеснить душу нового пристанища, а до этого таким пятном паразитировала на чужой ауре, временами подчиняя себе разум.

Кое-как стабилизировав чары, Шардаш рискнул коснуться чернильной массы. Он чистокровный тёмный оборотень, аура демоницы могла принять, поделиться памятью.

Ожидания подтвердились, но лишь частично. Руку сначала пронзила боль, от которой свело зубы, а потом будто обволокло желе. Кровь застучала в висках, перед глазами померк свет. Шардаш только через пару минут понял, что ему передались чужие ощущения и воспоминания — миг смерти. Насильственной смерти, о чём свидетельствовал страх неизвестной демоницы и её хрип, предшествовавший сгустку нестерпимой боли. Потом сознание накрыла темнота, и чувства вернулись к профессору.

Присмотревшись, Шардаш заметил крохотное отличие от привычного перерождённого духа: чернильное пятно плавало по поверхности, а не внутри ауры. Оно срослось с ней, но не стало сердцевиной. Значит, чужеродное вкрапление можно удалить, не разрушив ауру Мериам. Не то, чтобы профессора смутило бы наличие в адептке демона — увы, даже помогло бы в некоторых вопросах, просто оно навредило бы ей, исказило сложившуюся личность, лишило родных и друзей. Общаться всю жизнь с единственным тёмным — печальная перспектива, да и не стоило загадывать так далеко. Кто ведает помыслы Прародителей сущего, кто сказал, что их чувства просуществуют дольше пары месяцев?

Профессор аккуратно высвободил руку и осмотрел: ожог. Несильный, пройдёт за ночь. Взглянул на лицо Мериам и заметил плотно сжатые губы. Даже безобидное воздействие на ауру причинило страдания.

— Вы что-то делали? — неестественным голосом спросила адептка. Будто горло сковал

спазм.

— Ты, — поправил Шардаш. — Да, ауру смотрел. Прости, больше не буду. Пора возвращаться, время позднее...

Профессор наклонился и поцеловал её.

За ней пришли с утра.

Мериам разбудил требовательный стук в дверь. Накинув пальто поверх рубашки, адептка подошла к двери, спросила кто.

— Именем короля! — стало ей ответом.

Перепуганная Мериам кинулась одеваться. Чутьё подсказывало, времени на сборы ей не дадут.

Дверь содрогнулась от очередного удара. Адептке пришлось впустить посетителей, чтобы ей не приписали неповиновение властям. В комнату ввалились шестеро белых стражников, все при оружии. Среди них — два мага. Последним вошёл знакомый капитан. Он огляделся и объявил о немедленном аресте Мериам Ики и перемещении подозреваемой в столицу. В столицу, даже не в Бонбридж!

Ладони похолодели, мысли путались. Растерянно взглянув на суровых гостей, адептка попросила их отвернуться, позволить ей собраться. Но вместо ответа на руках защёлкнулись магические браслеты.

— Тревеус! — во всю силу лёгких закричала Мериам. Она металась по комнате, отчаянно пытаясь укрыться от преследователей, но заведомо загнала себя в ловушку. — Тревеус, они пришли за мной, помощи!

Горло будто окаменело, адептка не могла вымолвить ни слова. Её подхватили под локти и вытащили в коридор, с растрёпанными волосами, в незастёгнутом платье. На глазах у всех вытолкали во двор, где уже завывал мощнейший коридор перехода, удерживаемый тремя магами.

Шардаш успел до того, как Мериам затолкали в вихрь перемещения, но ничего поделать не смог. Разум и инстинкт самосохранения подсказали, что лучше остаться на свободе и изыскать способ помочь Мериам, чем погибнуть. Пять палочек, нацеленных ему в грудь, делали любую атаку самоубийством.

— Даже оборотня иногда подводит нюх, — то ли сочувствуя, то ли злорадствуя, заметил капитан и вместе со своей подопечной скрылся в коридоре перехода.

Маги покинули двор последними, сдерживая Шардаша. Оттого, чтобы ринуться вслед за ними, рискуя погибнуть в хаосе межпространства, профессора удержала рука магистра на плече. 'Она невиновна, Тревеус, — шепнул он. — Сгусток на ауре я увидел, но он не управляет телом и сознанием. Успокойся, мы что-нибудь придумаем'. Шардаш нервно скинул руку Асваруса, рванулся вперёд, но было уже поздно: коридор закрылся.

Шардаш ругал себя. Почему он сразу не проверил ауру Мериам, доверился обычному магическому зрению? Удивляло, что, по словам магистра, император не увидел чужеродной примеси. В противном случае выдало бы лицо. Асварус был рядом, заметил бы. Магистр тоже не подумал о необходимости специального осмотра. Если бы не белые стражники, пятно на ауре Мериам осталось бы для него тайной. Именно слова капитана заставили применить определяющие чары. Увы, Асваруса не стали слушать, адептку увезли.

Перед профессором открывались два пути: либо поспешить в столицу, либо к деду Мериам, чтобы выбить признание, но Шардаш выбрал третий. На всякий случай профессор держал в голове четвёртый — унижительный, но чего не сделаешь ради спасения жизни близкого существа?

Шардаш не поделился планом действий даже с магистром, просто собрал вещи — свои и Мериам, и под пристальным взглядом десятка глаз направился к конюшне.

Конюх потребовал предъявить разрешение, но профессор глянул на него волчьим взглядом, и послушник позорно спрятался в ближайшем деннике.

— Возьми мою кобылу, — на пороге возник Асварус.

— С крыльями? Увольте, учитель, мне лишние приметы не нужны.

Взнуздав и оседлав лошадь, Шардаш склонил голову перед магистром, благодаря за помощь. Асварус посторонился, пропуская ученика и, неодобрительно вздохнув, проводил профессора взглядом. Магистр опасался, что Шардаш загонит себя в ловушку, а девочку всё равно не спасёт. Но раз он так рвался к ней, позабыл о том, что сам ходил по острию ножа, то дорожил Мериам Ики. Недаром профессор старательно убеждал, что она ему никто: оборотни всегда отводят след от близких.

Плотно надвинув на лицо капюшон, Шардаш напряжённо посматривал по сторонам, опасаясь встретить знакомых. Он знал, что его здесь не ждут, ненавидят, презирают и боятся, но выбора не было.

Копыта коня отбивали простенький ритм по мостовым Бонбриджа.

Город тонул в слякоти, привычной для портового поселения в конце ноября. Серый, унылый — такой же, как настроение Тревеуса Шардаша. Одной рукой профессор сжимал поводья, другой — палочку.

Артефакт над воротами беспрепятственно пропустил Шардаша внутрь: ошибку так и не исправили. Профессор отметил это мельком, мысли занимало другое. Даже на стражу он не взглянул, давно решив, что всё равно прорвётся внутрь, пусть даже с боем. Но обошлось: блюстителей порядка заинтересовал не кутававшийся от непогоды одинокий всадник, а повозка со снедью. Наверняка искали контрабандный товар.

Часы на башне пробили три часа дня, когда Шардаш свернул на улицу, ведущую к Школе. Ехал медленно, чтобы нечаянно не задавить конём зазевавшегося прохожего. Да и смысл гнать лошадь в гору?

Противооборотное зелье булькало в сумке. Свежее, приготовленное вчера, но профессор не отхлебнул ни глотка. Разум подсказывал, что необходимо сохранить возможность мгновенной смены облика. Если Мелиса Кайса потребует, он выпьет. Прямо у неё на глазах. Но для этого необходимо попасть на территорию Школы, что совсем непросто. Положим, привратник не помеха, но ограду наверняка оплели заклинаниями. Заденешь одну нить — и

окажешься под перекрёстным огнём бывших коллег и Белой стражи.

Глаз вычленил в толпе лицо Инессы Скайнэ. Та спешила на работу. Обострённый нюх Шардаша различил волнение и страх. А ещё запах пирожков с повидлом, которые ассоциировались с Мериам. Наверное, они покупали их у одного булочника.

На всякий случай отвернувшись, чтобы Инесса не узнала, Шардаш дождался, пока начнёт затихать стук каблучков, и направил коня к воротам Школы. В кармане профессора заваялся преподавательский пропуск, если немного поколдовать над ним, у привратника не возникнет вопросов. Иллюзия довершит дело.

Спешившись, Шардаш сделал вид, что роется в седельной сумке. На самом деле профессор навёл на себя морок. Полностью внешность менять не стал: привлечёт внимание прохожих, поэтому ограничился лицом и цветом кожи. Если профессору не изменяла память, сегодня среда, а по средам у Торквиниуса Тобса, преподавателя обманных чар, выходной. Его облик и принял Шардаш. Только как объяснить наличие лошади? Рискуя, пришлось наложить на неё 'антиглаз'.

Уверенным шагом, старательно копируя походку Тобса, профессор направился к воротам. Коня не бросил, привязал к себе магией, чтобы высвободить обе руки. После оставит лошадь в какого-нибудь деревца.

Привратник удивлённо воззрел на лже-Тобса:

— Уже вернулись? Быстро же!

Шардаш пожал плечами и с лёгким волнением миновал ворота. Странно, новых чар на них не появилось, а днём ворота по-прежнему не запирали. Вот стемнеет через час, начнут требовать пропуска.

Видимо, конь задел хвостом привратника, потому что тот странно уставился прямо перед собой, поглаживая щёку. Не выдержав, обратился к профессору:

— Мэтр, вы ничего подозрительного не чувствуете? Будто коснулось меня что-то.

— Духи, — равнодушно обронил Шардаш, стараясь соблюсти особенности речи Тобса.

Привязав лошадь в сторонке, чтобы не наткнулись любопытные адепты, профессор зашагал к домику Кайсы — в отличие от прочих преподавателей, она жила одна. Хотя, кто согласился бы слушать её вопли через стенку? А там, в дальнем конце парка, провидица никому не мешала 'озарениями'. Лишь бы она оказалась дома, а не вела факультатив у пятого курса!

Зазевавшись, Шардаш столкнулся с Матиссой Стоккуэл. Та выкапывала из земли корень. Профессора подмывало поинтересоваться, соблюдает ли бывшая коллега правила безопасности, и разрешено ли выращивать на школьных грядках подобные растения, но он промолчал.

— Ой, Торквиниус, подайте перчатки! — попросила Матисса, мельком взглянув на Шардаша. — Кажется, я свои порвала, а у меня ранка...

— Уже нагноилась наверняка, — не удержавшись, хмыкнул профессор. — Великолепное наглядное пособие по беспечности!

Стоккуэл вздрогнула, выронив лопатку.

Поздно сообразив, что Тобс никогда не язвил, профессор сослался на дела и попытался скрыться. Однако у Матиссы были другие планы. Выхватив заляпанную землёй палочку, она закричала: 'Стоять!'.

— У меня проблем со слухом нет, — развернулся на каблучках Шардаш. — А вам бы успокоительное попить и на недельку от учеников отдохнуть. Все нервы вам вымотали. И с

палочкой осторожнее: её мыть нежелательно.

Некоторое время они недвижно стояли, глядя друг другу в глаза. Первой взор отвела Мелиса и дрожащим голосом спросила:

— Это вы?

— Я же говорю: лечиться надо, — деланно рассмеялся Шардаш. — Коллег не узнаете.

— Тут... тут иллюзия, — рука Матиссы дрогнула, опустив палочку. — И ваш тон... Простите, Тревеус, но даже изменённый голос его не скроет.

— Скройтесь в корешках, сделайте милость.

Матисса вытерла руки о приготовленное заранее полотенце и взмахнула волшебной палочкой. Обманные чары рассыпались, а Шардаш занял оборонительную стойку.

— Не ошиблась, — констатировала Стоккуэл. Храбрости в ней прибавилось, но глаза всё равно рыскали по сторонам, будто искали подмогу. — Кого пришли убивать?

— Чужую тупость. Что, убийцы днём по улицам под носом Белой стражи бродят?

Матисса поджала губы и заявила, что либо он идёт с ней к директору, либо она применит силу. Шардаш усмехнулся и взмахнул палочкой первым. Стоккуэл замерла колоритным изваянием. К сожалению, оцепенение продлится недолго, поэтому надлежало действовать. Профессор решил попытаться воздействовать на сознание Матиссы. Теперь он понял, что не следовало торопиться, а Шардаш схалтурил, не выткал иллюзию должного качества. Такую не заметят адепты, а вот преподаватели вблизи раскусят.

Оттащив Стоккуэл в кусты, Шардаш мысленно съязвил, что 'старая дева' об этом всю жизнь мечтала, и коснулся палочкой лба Матиссы. Технике гипноза обучали в ордене Змеи, но профессор никогда к ней не прибегал.

Связь с сознанием Стоккуэл оказалась ненадёжной, время истекало, и Шардаш на свой страх и риск наговорил Матиссе картинку-замену реальности. Якобы мимо прошёл Торквиниус Тобс, помог с корешками и направился в библиотечный корпус. Оставалось вплести в воспоминания своё имя, иначе вязь воспоминаний восстановилась бы. Шардаш выбрал версию, где Матисса и Торквиниус говорили о беглом профессоре, обсуждали, не вернётся ли.

Теперь Шардаш занялся собой. В этот раз профессор сотворил первоклассную иллюзию, изменил звучание голосовых связок, не забыл даже обручальное кольцо на пальце лже-Тобса.

Очнувшаяся Матисса судорожно глотнула воздух и с возмущением уставилась на Шардаша:

— Во-первых, мэтр, ваше поведение возмутительно. Во-вторых, я ношу на груди особый камушек, который защищает от гипноза.

— Ясно, зря старался, — с сожалением констатировал профессор. — Поверите на слово, никто не пострадает. Или отправить вас читать книги по демонологии?

— Высшие разумные тёмные опасны, — отчеканила Матисса. — Вы коварны.

— Преисподняя, я столько лет рядом с вами чай пил, почему не убил-то? — взорвался Шардаш. — А меня ваша болтовня бесила, зуб даю!

— Жаль! — разочаровано вздохнула Стоккуэл. — Я полагала, что мы... Ладно, идите. Бумага о вашем деле пришла вчера. Там сказано, что двоих вы всё-таки убили, но его величество поменял заключение на надзор Белой стражи. Как понимаю, из-под него вы сбежали. Значит, вас сошлют, Тревеус.

Шардаш знал об этом. Ему надлежало сообщать о передвижениях хотя бы магистру, но

профессор этого не сделал. Понимал, что Асварус остановит.

Убедившись, что Матисса не ударит заклинанием в спину, Шардаш свернул направо и, миновав небольшой огород, остановился на крыльце дома Кайсы. Заглянув в окно, профессор облегчённо вздохнул: она дома.

Колокольчик едва не пал смертью храбрых, пока провидица не соизволила открыть дверь. Растрёпанная, с блестящими влажными глазами, она с минуту безо всякого выражение смотрела на Шардаша, а потом равнодушно протянула:

— Проходи, Тревеус.

— Что-то меня сегодня все узнают, — скривился профессор, плотно притворив за собой дверь. — Колдовать разучился?

— Нет, я вижу Торквиниуса Тобса, но знаю, что это ты. Шар ещё на прошлой неделе сказал, что придёшь, — объяснила Мелиса и повела гостя на кухню. — Чаю хочешь? Холодный, голодный, всеми гонимый... У меня можно без иллюзий, не боюсь.

Шардаш не стал спорить, вернув истинный облик.

Кухня Мелисы походила на кухню ведьмы. Профессор никогда прежде не бывал у неё дома и теперь с интересом осматривал обстановку. Не выдержав, чихнул: слишком много пыли от пучков трав. Все, как на подбор, либо вызывали галлюцинации, либо успокаивали нервы. Если Мелиса Кайса пользовалась всем этим в быту, то долго не проживёт. Не удержавшись, Шардаш заглянул в её зрачки и констатировал, что трансы провидицы не только естественного происхождения.

Мелиса заварила чай с одноимённой с ней травой, разлила по щербатым чашкам и спросила, что профессор желает узнать.

— Всё о демоне по имени Ионафан. Что делал, что сделает, что и куда подкинул, чтобы подставить Мериам Ики. Я заплачу.

На стол лёг кошелёк — всё, что осталось от снятых денег. Но Мелиса плату не взяла, согласилась бесплатно заглянуть в хрустальный шар.

Шардаш невольно отодвинулся, наблюдая за тем, как провидица погружалась в транс. Голова раскалывалась от резких пряных запахов, вызывавших тошноту. Не выдержав, профессор зажал нос платком, стараясь делать как можно меньше вдохов.

Глаза слезились от едкого дыма курительницы, куда Мелиса щедрой рукой отправляла травинку за травинкой. Шардаш гадал, как её ещё не арестовали: половину этих растений не то, что употреблять, хранить запрещалось. А его обвинили за тавиоку! Надо было соврать, что учебное пособие, но умная мысль всегда приходит задним числом.

Провидица полной грудью вдохнула аромат галлюциногенных трав.

Шардашу начали мерещиться розовые демонята, и он поспешил выйти на улицу, глотнуть свежего воздуха, буркнув, что вернётся через пару минут.

— Ой, извини, Тревеус! — запоздало опомнилась Мелиса. — Совсем забыла, что вы, маги, такого не потребляете. Ты на второй этаж иди, у меня в спальне шар. И о демоне побольше вспомни.

Шардаш в дом не спешил, стоял у двери, выветривая одуряющий запах из разума и одежды. Наконец слух подсказал, что провидица поднимается по лестнице. Профессор поспешил за Мелисой, повторив манёвр с платком.

Спальня провидицы напоминала место ограбления. Вещи висели и валялись в самых невообразимых местах. К примеру, атласную сорочку Шардаш обнаружил на ручке двери и тактично переместил на кровать, застеленную лоскутным покрывалом.

Провидица с застывшими глазами, напоминавшими глаза умертвия, только-только выпитого насухо вампиром клана Скорби, слегка раскачивалась на круглом табурете, воздев руки над хрустальным шаром. Губы повторяли имя Ионафана.

Шардаш подумал, что все предсказатели — сумасшедшие, и неплохо бы оградить их от общения с учениками.

Шар, между тем, налился ровным белым светом, и профессор невольно вытянул шею, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Увы, предмет работал только с хозяином, да и навыками провидца Шардаш не обладал. Оставалось сидеть и ждать, когда зрочки Мелисы вновь начнут реагировать на свет.

Прошла, наверное, целая вечность до того, как шар погас, а прорицательница вздрогнула, обхватив голову руками.

Профессор не двигался, понимая, что испытываемая сейчас Мелисой боль — боль прозрения. Судя по силе мигрени, провидица увидела многое.

Наконец растрёпанная Мелиса обернулась к Шардашу, испуганно выпучив глаза:

— Кровь Наитемнейшего!

— В курсе, — равнодушно обронил профессор. — Дальше, без попыток запугать. Где, что и когда.

— Тетрадь лежала на груди, а волос был зажат в руке, — нараспев произнесла Мелиса, глядя куда-то в пространство. — Он любит лес, и прошлое тому виной. Пройдёт семь лун, и дева юная падёт, пронзённая мечом.

— Демон где? — прохрипел Шардаш. В горле вдруг пересохло.

— Там, где сходятся два неба, утоляет жажду. Но улетит с рассветом. Тревеус, — Мелиса внезапно очнулась от транса и, побелев, ухватила его за руку, — не надо!

— Долг чести, — упрямо покачал головой профессор. — Она спасла меня, доверилась, а я трусливо подожму хвост? Хорош паладин!

Поблагодарив и посоветовав прилечь, Шардаш вновь оказался в школьном парке. Стемнело, и профессор не стал менять облик: всё равно никто не разглядит. Шагал быстро, чтобы не терять времени даром. Шардаш надеялся разыскать Ионафана до того, как демон упорхнёт убивать деда Мериам.

Слова Мелисы, на первый взгляд бессмысленные, сложились в чёткую картину. Демон проник на территорию Школы, украл тетрадь Мериам, добыл откуда-то волос и подбросил на место преступления, чуть-чуть подправив в магическом плане. Не заметить такого белые стражники не могли: печать перерождённого духа. Глубже не копнули: доказательств достаточно. А стоило бы, потому что обнаружили бы, что печать сотворённая, а не привнесённая.

В распоряжении Шардаша всего семь дней, по истечении которых Мериам Ики казнят. От мысли об этом сжималось сердце. Только сейчас Шардаш понял, насколько ему дорога эта девушка, блеск её глаз, прикосновения. А началось всё просто с симпатичной мордашки и запаха, манившего к себе. И улыбки, которой Мериам наградила профессора перед первым занятием. Искренней, без примеси желания, корысти и фальши, которые сквозили в каждой второй адептке, желавшей досрочно сдать экзамены.

Мериам толкнули. Она выронила сумку, а профессор поднял. Адептка тогда ещё не знала, что он будет преподавать у них, и поблагодарила за помощь.

Со своей фарфоровой кожей и золотом волос, нагретых солнцем, Мериам будто светилась изнутри. В тот день Шардаш впервые обратил на неё внимание, хотя до этого

наверняка видел в толпе младших классов.

Потом были любовные романы, которые Мериам читала на занятиях. Они мешали сосредоточиться: Шардаша отвлекало желание, рождённое в адептке книжными страницами. Даже ученицы, проявлявшие откровенный интерес к его персоне, настолько откровенный, что не почувствовать невозможно, не будили такого раздражения. Теперь профессор сознавал его причину, понимал и то, почему выбрал Мериам среди тех трёх адепток-заложниц. После же дней, проведённых вместе в лесу, профессор понял, что не променяет Мериам Ики ни на кого на свете. Её было, за что любить. Странно, что этого не замечали адепты.

Пытаясь вспомнить, где привязал коня, Шардаш попутно разрабатывал план дальнейших действий. Встреча с Ионафаном стояла на первом месте. От её исхода зависело многое.

Шардаш попробует просто поговорить, решить дело миром, как тёмный с тёмный. Если не выйдет, докажет, что заслужил право учить других и носить знак Змеи.

На задворках сознания мелькнула мысль об Эне. Надо было спросить у Мелисы, убили ли гадюку, или её приютила Нора.

С другой стороны — дед Мериам. Чем быстрее Шардаш переговорит с ним, тем больше шансов помочь адептке. В итоге дилемма: куда открывать переход?

— Тревеус?

Профессор вздрогнул и медленно обернулся. На дорожке, слабо освещённой световым шаром, стоял Селениум Крегс. Из рта у него шёл пар: ночью в Бонбридже тоже прохладно, а директор вышел в парк без верхней одежды.

— Матисса настучала? Уже уйду. Обещаю не возвращаться.

— Нет, Тревеус. Давайте ко мне в кабинет, а? Чаю выпьем, поговорим. Безо всяких чар, — Крегс указал на замершую в боевой готовности палочку Шардаша и добавил с укором: — Я ведь отказался помогать отслеживать ваши перемещения: не вели вы себя как преступник. И все эти годы... Может, я и добряк, но не слепой. Так по чайку, Тревеус?

В кабинете директора было тепло. Усадив гостя, Крегс ненадолго вышел.

Странно, в приёмной не оказалась госпожи Норы. Рабочий день, несомненно, окончился, но она бы наверняка осталась, чтобы взглянуть на Шардаша. Да и час не поздний — всего пять вечера. Значил, директор отослал, желая побеседовать один на один.

Через пару минут заспанный Тоби водрузил на стол чашки и тарелку с печеньем и поинтересовался, не желает ли Шардаш ещё чего-то к чаю.

— В чай, Тоби. Две ложки и покрепче.

Ниссе кивнул и скрылся за дверью, чтобы вернуться с початой бутылкой полынной настойки.

— А мне мёду, — раздался с порога голос директора. Шардаша задумался, где Крегс пропадал всё это время. — Что-то горло першит.

Когда зелёный ушастик исчез, в кабинете ненадолго воцарилась тишина, прерываемая лишь бречением ложечки.

Первым молчание нарушил Крегс, сообщив, что доложил местному отделению Белой стражи об изменении местонахождения Шардаша: 'А то они бы подняли тревогу. Я сказал, что вы меня попросили'.

Профессор удивлённо поднял брови: с чего директору помогать оборотню? Разве не благо, если из страны выдворят высшего тёмного? Отразившиеся на его лице сомнения всего

двумя фразами разрешил директор:

— Вы для меня — преподаватель Ведической высшей школы. Возвращайтесь.

Шардаш уставился на него как на ненормального и встал:

— Вот чего не люблю, так это лжи. Матисса коротко и ясно обозначила отношение ко мне всей Школы. Вы ведь белых стражников сюда вызвали, так? Только не за мной надлежало следить, а за демонами, которые лазают по комнатам адептов и крадут их вещи.

Директор тоже поднялся, прося успокоиться и заверяя, что видовая принадлежность профессора для него неважна. Вышло неубедительно, потому что голос дрогнул. Чтобы скрыть это, Крегс перевёл разговор на таинственного демона, которого упомянул Шардаш, и судьбу пропавшей Мериам Ики.

— Как, вы не знаете? А ещё директор! Её казнить собираются, Селениум, за то же, в чём обвиняли меня. И если я — тёмный и не человек, то она не перерождённый дух! — незаметно для самого себя, профессор перешёл на крик, затем махнул рукой, открыв пространственный коридор. — Рад был встрече и прощайте.

Крегс помешал его перемещению, мягко отбросив профессора в сторону.

Шардаш шумно втянул в себя воздух и взялся за палочку. Что ж, этого следовало ожидать. Но слова директора вновь удивили:

— Я желаю помочь. Родители Мериам в Бонбридже, разыскивают дочь. Им не сообщали. Что эта за дикая история, кто так невзлюбил бедняжку?

— Сынок Наитемнейшего. Большого не скажу и так теряю время.

— Только самоубийц мне не хватало! — вздохнул директор. — До этого вы проявляли куда больше здравомыслия. Право слово, Тревеус, вас силой удерживать?

— Не держать вовсе, — посоветовал Шардаш. — И палочку опустить. Благородство — это хорошо, Селениум, но ведь вы сами себе не верите. Какое тут возвращение! Лучше осмотрите комнату адептки Ики на предмет чужого вторжения. И наекните Белой страже, что тут принц Ионафан с недружественными намерениями бродит. Когда остановят поговорить, пусть на пальцы посмотрят. За чай спасибо, за то, что убить не попытались, тоже. Надеюсь, ещё свидимся.

Залпом допив свою чашку, Шардаш, подстраховавшись силовой стеной, вторично вызвал коридор перехода. На этот раз директор не мешал, и профессор благополучно перенёсся в парк.

Найдя по запаху коня, Шардаш надвинул капюшон, вскочил в седло. Он не удосужился воспользоваться услугами привратника и заставил животное взять препятствие в виде забора, подсобив левитацией. Вслед полетели ругань и крики, но профессора не волновала поднявшаяся в Школе тревога: конь летел в сторону порта, где, если верить Мелисе, сейчас веселился Ионафан.

Скачка едва не стоила лошади и всаднику переломанных костей. Они каким-то чудом не скатились в Нижний город по скользкой мостовой, не задавили никого из прохожих. Кое-кто, грозя вслед кулаком, советовал позвать стражу. Шардаш мысленно решил, что не станет разговаривать с представителями закона, сразу воспользуется палочкой.

Профессор проклинал демонов за отсутствие запаха, но надеялся на удачу, что заметит неестественно высокую фигуру в толпе. Увы, Шардаш потратил время впустую и вынужден был заночевать вне стен Бонбриджа: боковым зрением он уловил слежку и предпочёл не запираť себя в ловушку. Да и 'хвост' из белых стражников мешал. Ещё заберут в замок Эколь, проверить, не взбесился ли. А так немного магии — и на пару часов можно забыться

тревожным сном в деревенском домишке. Явится Белая стража — Шардаш услышит: за городом звуки разносились хорошо, чисто и звонко.

Шардаш вслушивался в каждый звук, надеясь вовремя почувствовать опасность. Весь день он потратил на запутывание следов. Белая стража мешала, действовала на нервы. Даже питаться приходилось тем, что добыл сам. Поневоле напрашивались слова благодарности ордену, научившему делать из непригодных на первый взгляд к употреблению вещей съедобные даже для человеческого организма.

Безусловно, Шардаш мог перейти на звериный образ жизни, но отучить себя быть зверем сложнее, чем им стать.

Конь устал и едва передвигал ноги по унылому полю, которому, казалось, не было ни конца, ни края. Четвёртый пространственный коридор за день и лошади дался тяжело, не говоря о профессоре. Зато, по подсчётам Шардаша, преследователи отстали, а он находился неподалёку от цели — лесов восточной части Лаксены.

Места пустынные, только волки да нечисть бродит.

Парочка низших тёмных существ пыталась атаковать профессора ночью и валялась теперь на снегу со вспоротыми животами и без глаз. Магия и нож сделали своё дело. Шардаш усмехнулся: до сих пор помнит каждое движение, не стал теоретиком. Именно так, не думая, и следует убивать.

Через три года меч паладина вновь занял место в ножнах. Профессор призвал его сразу, как только оказался в Бонбридже. Белые стражи не нашли припрятанный клинок, хотя наверняка перевернули вверх дном всю комнату Шардаша. Но профессор в своё время позаботился о тайнике — как чувствовал, что иллюзии, которые работали на учениках, не проведут магов на государственной службе.

Увы, заклинание призыва не действовало на большом расстоянии, поэтому меч лёг в руки только в темноте школьного парка.

Наконец на горизонте забрезжила вожденная серая полоска, а нос уловил запах дыма.

Шардаш надеялся, что Ионафан не добрался до деда Мериам первым. Воспользоваться магией и открыть пространственный коридор профессор не мог: экономил силы для поединка. Шардаш догадывался, какую опасность представлял младший сын Наитемнейшего, и реалистично оценивал свои возможности. Победить Ионафана можно, только шансов самому выжить немного. Зато есть орден, который довершит то, что начал профессор.

Лес обрёл зримые очертания. Показалась деревенька, манившая запахом еды. Трезво рассудив, что голодный усталый воин — заведомо труп, Шардаш свернул туда и через полчаса устроился с горшком мясной похлёбки в трактире. Коня профессор решил оставить здесь: животное и так намучилось, а проку от него в лесу мало. Лучше перекинуться.

Кроме Шардаша в трактире никого не было. Хозяин, лысоватый низкий мужичёк, то и дело с интересом поглядывал на профессора. Оно и понятно: места глухие, чужие редко забредали. Профессор делал вид, что не замечает взглядов. Стараясь ни о чём не думать, заглатывал и пережёвывал пищу. Но мысли упорно возвращались к Мериам и её семье. Почему не сообщили родителям? Или директор соврал?

Внезапное чаепитие тоже казалось подозрительным. С другой стороны, на ловушку не похоже. Или Белая стража подготовила западню, а Крегс в последний момент отказался? Шардаш хорошо знал директора: на подлость тот не способен. Иначе бы не пошёл за

Крегсом в кабинет.

Не выдержав, хозяин подсел к Шардашу и с простотой крестьянина осведомился, что привело в их края 'такого важного господина'. Профессор хмыкнул, представив реакцию мужичка на честный ответ. Тот, видимо, по мечу и осанке принимал Шардаша за аристократа. Профессор не стал разубеждать, задумавшись, не использовать ли трактирщика себе во благо. Как зовут деда Мериам, Шардаш не знал, как и того, хорошо ли относились к магу в деревне. А вот ведьма — женщина важная. К кому, захворав бегут, или если зверь подрал? Правильно, к ведьме.

— Тут у вас Ики одна живёт... Повидать бы.

— Ведьма, чё ли? — оживился трактирщик. — Дык недалеча, за Коровей лепёшкой над логом.

В ходе разговора, что Коровья лепёшка — это выжженный под поля лес, по форме напоминавший означенный продукт жизнедеятельности. От деревни около часа пешим ходом.

— И как ведьма, хорошая?

Шардаш сверлил мужичка глазами, подкидывая на ладони монету. Взгляд трактирщика, как зачарованный, следовал за блеском металла.

— Очень! Хотя не из наших краёв, но такая баба! Ежели чё, муж енный поможет, он учёный, волшебник.

— Что в глушь-то такую забрался?

Монета звонко упала на стол между хозяином и гостем. Профессор усмехнулся: купил с потрохами. Трактирщик и за конём последит, и язык за зубами держать будет. Жалко, конечно, денег, других не предвидится, но жизнь Мериам дороже.

— А мы не спрашивали. Тока напуган мужик был, людей чурался. Всем жёнка его, Власелена, занималась. Должно, напроказил муж ейный по волшебной части, — захихикал трактирщик. — Потом обжились, детишек наплодили. Видал я сыночка на днях: тоже лица не было.

Шардаш напрягся, ухватился за ниточку и принялся теребить мужичка: здесь ли ещё отец Мериам, один ли приехал? Оказалось, что нет — уехал в тот же день, не заночевал даже. Значит, не добился того, чего желал, либо поссорился с родителями.

Решив, что узнал достаточно, профессор расплатился и направился к дому старого Ики — так он мысленно окрестил алхимика.

Ещё на подходе в нос ударила невообразимая смесь запахов. Алхимик до сих пор практиковал прежние занятия, иначе откуда вонь, которая перебивала травы? Что же варил старый маг, что пытался изменить — собственную ошибку? В тот момент Шардаш ненавидел алхимика, виновного в гибели стольких людей.

Профессор обогнул дом и, стараясь не шуметь, направился к сарайчику. Именно от него исходил неприятный запах. Нюх подтверждал — внутри, человек.

Поседевший Бардис Ики дрожащими руками смешивал ингредиенты, сверяясь с собственными записями. Не считая этого проявления старческой слабости, алхимик был ещё крепок телом, даже не сутулился. Впрочем, и руки тряслись от волнения.

Камень, который Бардис для проверки погружал в кипящую зелёную смесь, никак не желал светлеть. Алхимик ругался, искал ошибку, но не находил. Однако зелье не действовало. Бардис проверил всё, каждый значок, каждую чёрточку, но результат не радовал. То ли потерял сноровку, то ли хранилище ауры опустело.

— Так вот куда вы её засунули.

Бардис вздрогнул от звука этого голоса. Говоривший не скрывал неприязни и угрозы. Обернувшись, алхимик увидел Шардаша с волшебной палочкой в руке. Глаза профессора горели алым в полутьме лаборатории: рвался наружу оборотень.

— Кто вы? — Бардис потянулся за собственной палочкой, зарытой под ворохом пожелтевших листов.

— Что, совесть замучила? — рыкнул профессор и, не сдержавшись, 'воздушным кулаком' выбил палочку из рук алхимика. Тот кинулся её поднимать, попутно рванув на шее шнурок амулета, но замер, услышав: — Значит, о внучке знаешь.

Бардис сел на пол, со смесью недоумения и страха глядя на Шардаша. Тот продолжал стоять у порога, плотно сжав губы. Ноздри нервно подрагивали, палочка в любой момент готова была взорваться снопом искр.

— Кто вы, что вам от меня нужно? — взяв себя в руки, алхимик встал и отряхнулся. — Уходите.

— Да не раньше, как расскажите, как обманули сына Темнейшего. И, главное, зачем. Давайте, пока Ионафан не объявился. Или хотите, чтобы вашу внучку казнили?

Бардис закрыл лицо руками и зашептал: 'Я не думал, что всё так обернётся!'. Шардашу пришлось встряхнуть его, чтобы прервать поток самобичевания.

Камень, над которым колдовал алхимик, профессор забрал. Вещица фонила так, что не оставляла сомнений в своём назначении. Именно туда заключили ауру погибшей демоницы. Пригодится в качестве доказательства.

— Я не подозревал, что оно вырвется, только сейчас понял, что натворил, — прошептал Бардис. — Тогда мне казалось всё безопасным. Глупая беспечная молодость! Лучше бы я отказался ему помогать!

— Знаете, — задумчиво протянул Шардаш, — вы всё ещё живы благодаря любви Мериам. Если б не она, разорвал бы в клочья безо всякой магии. И артефакт, который вы активировали, не спасёт. Он только на людей действует.

Алхимик вздрогнул и рванулся к волшебной палочке. Профессор опередил его, легко поднял над головой и отбросил к стене.

Палочка Бардиса вспыхнула и исчезла, чтобы не соблазнять владельца.

Склонившись над притихшим алхимиком, Шардаш поинтересовался:

— Ну как, добавить, или поговорим?

— Оборотень, — прошелестел губами Бардис. — Да, я просчитался, решил, что полукровка. Кто-то из родни Зарины?

Зариной звали мать Мериам.

Профессор промолчал. Устроился на полу рядом с потиравшим ушибленный бок Бардисом. Шардаш догадывался, что двигало алхимиком, и ждал, когда тот самый признается. Бардис вызывал брезгливость и ещё раз доказывал, что люди ради собственной выгоды пойдут на любое преступление.

— Ту демоницу звали Синтия, — глядя поверх головы профессора, нарушил тишину алхимик. — Она, как я понял, занимала одну из низших ступеней в иерархии демонов. Представительница проклятого рода. Но младший сын Наитемнейшего полюбил её. Я никогда не верил, что демоны способны любить, но видел его глаза. Такую боль и нежность не подделать. Это я понимаю сейчас, а тогда видел лишь высшего тёмного, врага. У них не бывает чувств — так учат с детства. Он появился, когда мы с друзьями возвращались из

прибрежного кабачка. Жил я тогда на Островах северного ветра, не знал недостатка в деньгах, потому что был лучшим в местной Школе волшебства. Клиентов не искал — они приходили сами. Молодой, амбициозный, мечтавший затмить всех магов на свете.

Бардис грустно усмехнулся и покачал головой, осуждая собственную глупость. Шардаш не торопил, понимая, что алхимику тяжело признаваться в преступлении.

— То, что это демон, понял не сразу: был пьян. Взволнованный, он тянул меня куда-то, сулил бешеные деньги, если соглашусь. Я отказался, но демон соблазнил другим: званием придворного мага лаксенского короля. Куда там Островам северного ветра! Они по сравнению с королевством — ничто. Взамен надлежало попробовать оживить какую-то девушку. Любой бы отказался. Любой! Но я мнил себя всемогущим, который наравне с великими способен возвращать дух в плоть. Такое возможно, если провести труднейший ритуал. Демон перенёс меня в спальню какого-то дома, где на кровати лежала она. Он называл её любимой, стоя на коленях, вымаливал прощение за то, что не уберёг. Тогда-то я и понял, кто меня призвал: рога не скроешь. Да и девица лежала, раскинув крылья. По всему видно — убили, такие раны сами по себе не возникают. Нет, я не отказался от задуманного. Если бы! Треклятое тщеславие нашептало, что я прославлюсь.

Алхимик снова сделал паузу и попросил воды. Шардаш отказал: 'После'. Он опасался, что алхимик сбежит.

— То, что вы провели ритуал, вернее, попытались провести, потому что демоница не ожила, знаю. Хроники читал: там всплеск энергии зафиксирован. Меня интересует, зачем вы украли часть ауры Синтии.

— Ради того же тщеславия, — вздохнул Бардис и стыдливо опустил глаза. — Видя, что ритуал провалился, решил прославиться иначе.

Шардаш презрительно поморщился:

— Думали, что сила демоницы перейдёт в вас, поможет стать самым великим? Или полагали, что за такой материал вас приблизит к себе Магистр магии?

— Понимаю, сам понимаю, что гадко, но неужели у вас никогда не возникало подобных мыслей?

— Никогда. Что такое 'честь' и 'честность', знаю не только из клятв. Ну?

— Я вырезал кусок ауры и заточил его в тот камень, — Бардис указал на опустевшее хранилище. — После собирался вырастить духа, который бы во всём мне подчинялся. Но... но у меня что-то не вышло. Оно не желало принимать тело, которое я выбрал.

— Кретин! — сплюнул на пол профессор. — Лучший среди учеников! Каких баранов учили в той школе, если они не знали азов демонологии! То, что аура разумна, вы не подозревали, не? И то, что женская сама вселится в женское тело, тоже нет? Того же возраста с поправками на расу. Заметьте, живое и не звериное. Поздравляю, вы 'осчастливили' внучку, которую казнят через пять дней. Так что подберите слюни и вперёд, каяться.

Бардис сглотнул вязкую слюну и беззвучно разрыдался. Шардаш смотрел на него и всё больше презирал. Мужчина, тем более маг, отец и дед, обязан уметь нести ответственность за свои поступки. А он отсиживался здесь, как крот в норе, пока убивали других. Трусливо возился с камнем-хранилищем вместо того, чтобы явиться с повинной к любому инспектору. Жалкое существо, живое только потому, что нужно Мериам.

— Собственная шкура важнее внучки? — не выдержав, рывкнул профессор. — Хоть один поступок в жизни вы способны совершить?

Бардис закивал, заглушил огонь и бочком протиснулся к входу мимо Шардаша. Подумав, тот поймал его за рукав и потребовал записать всю историю с аурой Синтии. А то умрёт — и показания уйдут в могилу. Некромантов в Лаксене никто призывать не станет, по закону их вообще не существовало.

— Что происходит? — рассерженная Власелена, скрестив руки на груди, сверлила взглядом Шардаша. 'Баранка' рыжей косы со всполохами седины красноречиво свидетельствовали, в кого пошла Мериам. — Ввалились в чужой дом, порядки свои наводите. Я, хоть и ведьма, а постоять за мужа смогу. Даром что без палочки — так мне зверьё в помощь.

— А ещё проклятия, — хмыкнул Шардаш.

Отпустив Бардиса, он подошёл к грозной Власелене и одарил ответным взглядом. Та охнула и набросилась на супруга:

— Олух, ты ещё одному тёмному дорожку перешёл? Связалась на свою голову! Сын теперь знать не желает. Ох, надо было и мне уйти, но пожалела, сердобольная!

Бардис пробовал оправдаться, просил помолчать, но Власелена наступала, всё больше повышая голос. Кончилось тем, что она хлестнула мужа полотенцем и вернулась к Шардашу, терпеливо дожидавшемуся окончания ссоры.

— Ну, а вам что от него нужно, господин?

— Спасти вашу внучку. Как посмотрю, никому, кроме меня, она не нужна, — зло добавил профессор.

В глазах Власелены что-то промелькнуло. Она улыбнулась и потянула Шардаша в дом — 'поговорить'. Но беседа не удалась: помешал незваный гость.

О появлении демона возвестил разлившийся по воздуху запах озона, громкий треск и стена чёрного огня — Ионафан не собирался таиться, не скрывая цели визита. Высокий, стройный, будто девушка, тем не менее, он был силён. Шардаш не питал иллюзий. Даже такой, не успевший заматереть демон, опасен.

Ярко-жёлтые, будто живое пламя, глаза Ионафана скользнули по лицам присутствующих. Зрачки в них сошлись в тонкую ниточку — признак ярости. Палец с чёрным ногтем ткнул в сторону Бардиса: 'Ты пойдёшь со мной'. Алхимик тут же забормотал заклинание и с мольбой глянул на Шардаша: просил вернуть волшебную палочку.

Власелена грудью стала на защиту мужа. Развязав поясной мешочек, ведьма щедро рассыпала его содержимое по земле. Снег стремительно начал таять, а воздух, сгустившись, закружился смерчем. Ионафан разбил его ударом крыла и издал короткий утробный звук. Обнажились знаменитые резцы, способные раздробить любые кости.

— Не дразните его, — посоветовал Шардаш Власелене, призывавшей на помощь силы природы. — Он обратит всё против вас. Лучше запрячьтесь в доме. А муж пусть останется. Если, конечно, считает себя мужчиной.

Бардис вспыхнул и заявил, что не только считает, но и является.

— Отойди!

Сверкнув глазами Ионафан, подлетел к алхимику. Когтистая рука потянулась к горлу, но под аккомпанемент воя отпрянула.

Демон дул на пальцы, а алхимик плёл очередное заклятие. Былая хандра ушла. Бардис вспомнил былые годы и готов был дать бой противнику. Шикнув на жену, чтобы не мешалась под ногами, а шла, куда велели, алхимик сжал в ладони возвращённую палочку. Однако первый же удар Ионафана пропустил.

Алхимика отбросило к дверям лаборатории, несколько раз перевернув в воздухе. Демон метнул к нему, но получил неожиданный отпор со стороны Шардаша. Тот ловко изменил траекторию движения Ионафана и, переложив палочку в левую руку, вытащил меч.

Отплёвывающийся от прошлогодних иголок демон не на шутку взбесился. Он пришёл за стариком, чтобы покарать за прошлое, а встретил какого-то тёмного оборотня, посмеявшегося причинить вред ему, младшему сыну Наитемнейшего. И если алхимик боялся, то тот, другой, не испытывал страха, более того, как и демон, жаждал крови. Его крови.

— Значит, это ты подставил девочку, — протянул Шардаш, пристально следя за малейшим движением демона. Ноги устойчиво стояли на земле, готовые в любой момент спружинить, уходя от удара. — Решил казнить ни в чём не повинное существо за обман её деда. А ведь этот человек не убивал Синтию.

— Кто ты, откуда ты знаешь? — прорычал демон. Крылья взметнулись за спиной, сверкнув когтями-кинжалами. — Убирайся!

— Меня учили убивать таких, как ты, заливающих горе реками крови. Кто я? Тот, которого ты подставил. Что мотаешь головой? Полагал, что школьный учитель подожмёт хвост и сбежит? Э нет, принц, просчитались!

— Уходи! — теряя терпение, гаркнул Ионафан. — Он обманул меня, украл самое дорогое — и заплатит сполна. Увидит, как сдохнет его любимая внучка. Чем эта человеческая дрянь лучше Синтии? Пусть попробует воскресить её, раз бахвалился своими знаниями.

Шардаш задрожал от ярости. Зверь вырвался наружу. Его рык ничем не уступал рыку демона.

При виде принявшего полузвериное обличие оборотня алхимик предпочёл уползти в лабораторию. Он понимал, что заведомо слабее обоих тёмных. То, что Шардаш не родственник Зарины, понял бы и дурак: таких светлых оборотней не бывает.

— Дрянь? — прошипел профессор. — Она такая же дрянь как твоя Синтия! И я точно так же убью каждого, кто причинит ей вред.

Ионафан опешил, мотнул головой и обошёл рассвирепевшего Шардаша. Будто нехотя размял пальцы и смазанной тенью ринулся в атаку. Профессор увернулся, поднырнул за спину и полоснул воздух мечом. Демон отбил удар крылом и, осознав, что перед ним сильный противник, перестал играть.

Стена огня едва не спалила Шардаша. Собственных сил и мощи волшебной палочки хватило, чтобы обратить её назад. Профессор ответил взмахом руки, обернувшимся преумноженным в сотни раз ударом кулаком. Придясь в 'солнечное сплетение', он на минуту дезориентировал демона в пространстве. Шардаш же, не теряя времени, занялся защитными чарами. И вовремя — закончи он долей мгновенья позже, трупом лежал бы на земле. А так магия Ионафана, сдирая кожу, всего лишь протащила по снегу до дома.

Видя, что демон собирался проклясть его, Шардаш, стиснув зубы, заставил себя встать и, перекувырнувшись через голову, в один прыжок оказался рядом с Ионафаном.

Клыки впились в пальцы, ломая их. Крыло демона наотмашь ударило по боку, но цель была достигнута — перстень валялся на земле.

Не обращая внимания на боль и кровь, Шардаш в смертельном танце кружился вокруг Ионафана. Тому тоже досталось: он лишился части кисти и приспособил под свои нужды крыло.

Волшебная палочка за ненадобностью исчезла, освободив профессору обе руки. Меч

сверкал, выжидая удобного момента, чтобы вспороть плоть.

Удар крыльев едва не лишил зрения и слуха, но руки сделали своё дело. Проворачивая клинок, они всё глубже вонзали его в тело Ионафана. Демон, двигаясь по инерции, помог напороть себя на меч.

Пошатываясь, Шардаш вытащил меч и магией отразил ответный удар.

Демон начал ошибаться: искры попали в кожистые складки крыльев, а не пластины. Запахло палёной плотью.

Перекошенное лицо Ионафана напоминало оскал смерти. Окровавленный демон неистовствовал. На профессора обрушилась лавина магии, раскалив воздух добела. Дом алхимика, его лаборатория полыхали, приняв на себя огненный смерч. На смену ему тут же пришли шаровые молнии, словно нож бумагу, разрезавшие дерево и камень.

Зеленое сияние обволокло уцелевшие пальцы демона. Шардаш понял, что игры на равных кончились, и спасёт его только меч и собственная реакция. Лёгкое касание хотя бы одной частички привело бы к отмиранию кожи на поражённом участке.

Владели специфической магией исключительно демоны. И то далеко не все.

Профессор поискал глазами перстень, гадая, успеет ли поднять и надеть его. Кольцо однажды признало Шардаша хозяином, может, примет вторично. Увы, Ионафан перехватил его взгляд и ослабил: демону до перстня было гораздо ближе.

Внезапно Ионафан дёрнулся, и зелёная пелена с пальцев сорвалась не в сторону Шардаша, а в сторону лаборатории. Истошный крик Власелены за спиной подтвердил худшие догадки профессора.

— Герой...! — продолжение вырвавшейся фразы вышло нецензурным. — Великий маг, глаза Мрака, помочь он мне решил! Лучше б двадцать лет назад сдох!

Эмоциональная речь Шардаша отвлекла Ионафана от лежавшего навзничь Бардиса. Е руках алхимика обуглилась волшебная палочка. Глаза покрылись прожилками лопнувших сосудов.

Власелена пыталась подобраться к мужу, на все лады проклиная демона. Тот и бровью не повёл. Зато мазнул крылом по земле, подцепив перстень.

Шардаш понял, что это конец, ничего сделать он не успевал. Конец не только ему, но и причитающей ведьме. Она ведь профессору понравилась, в отличие от трусливого себялюбивого мужа.

Ветер поднял снежную пелену. Воздух полыхнул золотыми искрами, осыпавшимися к ногам Ионафана, наполнился запахом грозы. Где ещё мгновение назад была пустота, стояли двое: Темнейший и магистр. Асварус, оценив обстановку, поспешил тушить огонь, а император шагнул к Ионафану. Проигнорировав Шардаша, Темнейший спокойно повернулся к нему спиной.

— Отдай, — вкрадчиво произнёс император, протянув ладонь. — Тебе ещё предстоит объясняться перед семьёй.

— Ты мне никто! — взревел демон.

Воздух наполнился ароматом роз: проклятие привели в действие.

— Дурак! — император отвесил Ионафану звонкую пощёчину и грубо, едва не сломав палец на крыле, сорвал перстень. Он тут же скользнул на руку Джаравелу и заискрился.

Шардаш ощутил, как унялось сердце, начало биться, как прежде. Исчезла пелена перед глазами, нюх не различал больше запаха цветов. 'Значит, — промелькнуло в мозгу профессора, — проклятие можно отменить, а кольцо живое. Темнейший пожелал исправить

ошибку, и оно подчинилось'.

Ионафан захрипел и кинулся на Темнейшего. Однако когти не коснулись императора, а демон в бессильной злобе повис над землёй, не в силах пошевелиться.

— Может, ты и сын Наитемнейшего, но я старше, умнее и сильнее, Наф, — губы императора расплылись в кривой усмешке. — Почаще вспоминай не только о родословных, но и о том, как и кого называют люди и нелюди.

Ионафан позволил себе напомнить, что Темнейший полукровка, за что тут же поплатился. Магия Джаравела едва не разорвала его, заставив орать от боли, швырнув на землю бесчувственное тело.

— Пятна-то на ауре! — как ни в чём ни бывало присвистнул император, неспешно подошёл к троюродному брату и в задумчивости повернулся к нему правым глазом. — Не умея нейтрализовать, проклинал... Что ж, ты сам назвал меня полукровкой, чистокровный братец, это хорошо. А то пришлось бы искать кого-то ненужного среди людей...

Шардаш вздрогнул, осознав, что намерен сделать Темнейший, инстинктивно, шагнул к нему с мечом, но помешал магистр.

— Не надо, он не убьёт. Ради его отца не убьёт, хотя мог бы, — вздохнул Асварус и поспешил отвернуться, чтобы не видеть, как глава клана Вечности Дома ночи вытягивал энергию из жертвы.

Император не двигался. Губы его чуть заметно улыбались. Глаза впились куда-то чуть выше головы Ионафана.

Шардаш ощущал тончайшую струйку чужих нематериальных частиц, переплывавших от одного демона к другому. Приняв человеческий облик, профессор не удержался, сотворил заклинание и воочию увидел пиршество высшего вампира, то, как истончалась, дрожала аура Ионафана. Императора интересовала чистая, чернильная сторона, порченную, чёрную, с алыми ошмётками, он не трогал.

Наконец Темнейшей разорвал контакт и обернулся к Шардашу.

— Тянутся руки попытаться меня убить? — без обиняков спросил император, легко прочитав чувства профессора по выражению лица. — А я бы, на твоём месте, поблагодарил. И, прежде всего, Ролейна, который оторвал меня от дел и притащил сюда.

— Спасибо, — тихо произнёс Шардаш, чуть склонив голову. Как бы то ни было, а Темнейший прав. Не появись он, все бы умерли.

Кровь капала в глаз профессора из рассечённой брови, приходилось часто моргать. Уши тоже, кажется, тоже кровоточили — последствия удара крыльев Ионафана. А ещё были содранные бока и рваная рана на груди.

— Перевязала бы, — обращаясь к Власелене, кивнул император на Шардаша. — А ты, Ролейн, в наказание за своеволие, поработаешь некромантом.

— Но я не... — начал было Асварус, но, наткнувшись на взгляд Темнейшего, замолчал. Кто его знает, сытый ли.

Когда-то магистр желал, чтобы демон в Джаравеле дремал, сейчас же желал его пробуждения. Высший вампир, бесконтактно высасывающий существо до стостояния небытия в любом мире, невольно вызывает желание оказаться подальше.

— А я расскажу, — растягивая слова, заверил император и вразвалочку подошёл к Бардису. Цокнул языком, присел на корточки и коснулся лба. — Всё не так уж плохо, Ролейн. Свеженький, с неповреждённой аурой, да и внутри жизнь ещё теплится. Ладно, сам, а то со страху что-то напутаешь. Сколько лет меня знаешь — а боишься. Не стыдно?

Чёрный коготь чиркнул за ухом магистра дважды, показывая, что его владелец всем сердцем расположен к Асварусу. Легонько оттолкнув друга, Джаравел накрыл крыльями тело алхимика, предпочитая не показывать, что делает.

Магистр подошёл к Шардашу, бегло осмотрел и настоял на том, чтобы он не стоял, а хотя бы сидел. Охающая Власелена уже спешила с уцелевшими мазями и бинтами, с надеждой косясь на императора.

— Он поможет, — устало вздохнув, прикрыл глаза профессор, позволив ведьме и учителю творить с собой всё, что им заблагорассудится. — Только какую плату потребует взамен?

Лечебная магия убаюкивала, Шардаш клонило в сон.

— Значит, твоя малютка не передала, на каких условиях я предлагал спасти вас обоих? — прокомментировал император. Профессор усмехнулся: не только у оборотней отличный слух. — Услуга за услугу. Без крови. Ну, согласишься, или будешь бороться с Белой стражей в одиночку? Откажешься, за жизнь старика расплатится его жена. Или Ролейн. Только возьму с процентами.

Задумавшись, Шардаш согласился. Попасть в столицу без чужой помощи практически невозможно, а белые стражники шли попятам. Через сколько они окажутся здесь, и что раненный профессор сможет им противопоставить? Безусловно, чуткие руки ведьмы, её проверенные веками снадобья, магия магистра и регенерация оборотня быстро поставят на ноги, но счёт шёл на часы, палач ждать не станет.

Слово императора перевесит тысячу чужих слов. И без Темнейшего Бардис Ики никогда не откроет рта и не признается в совершённом некогда преступлении.

Необыкновенно тихий Ионафан, понутившись, сидел в кресле в кабинете императора. От Шардаша, которому разрешили постоять в уголке, не укрылась бледность демона: донорство не проходит бесследно даже для высших тёмных.

Темнейший расхаживал по комнате, распустив крылья. Император хранил молчание, но оба свидетеля знали: он говорил с Наитемнейшим. Статус собеседника выдавала мимика Джаравела, как то вздымались, то опускались крылья, почтительный наклон головы. Наконец император сложил губы в улыбку, поднял подбородок и вслух пропел:

— Хорошо, на моё усмотрение. Долгих победных столетий, дядя.

Ионафан дёрнулся, попытался сбежать, но, наткнувшись на взгляд Темнейшего, вернулся на место.

Император задумчиво повертел оба перстня с розами и вздохнул: 'Вот ведь морока — возвращать один Бригиатте!'

Вспомнив о существовании Шардаша, Джаравел повернулся к нему:

— Что ж, предъявите лаксенскому правосудию не только воспоминания.

— Ионафан, — демон встрепнулся, — пойдёшь с ним. Покажешься, наемкнёшь, что безобразничал и уйдёшь через пространственный коридор к сестре. Немедленно. Двадцатилетний запрет появляться в Солнечном мире.

Ионафан зашипел, выпустив собственные крылья, боком пошёл на императора:

— Ты мне не указ, только отцу решать! Ты никто!

Джаравел закатил глаза и сладким голосом спросил:

— Тебе понравилось летать и шататься? Вот ведь настырная глупая молодость! Паладин тебя учил, я добавил — нет, всё туда же!

— Пятьдесят лет, Ионафан, — в голосе императора прорезался металл. — И о мести старому Ики забудь. Увижу, узнаю, а я узнаю, Наф, потому что Солнечный мир мой, никакая сестра не спасёт. Отправлю в ссылку. Знаешь, что сказал Наитемнейший? 'Делай с ним, что хочешь, его выходки мне надоели'.

Ионафан открыл рот, чтобы возразить, но промолчал, увидев, как резко выросший в размерах Темнейший выставил вперёд крылья, ошетилившись когтями-кинжалами.

Шардаш понял, чего испугался демон: поза императора выражала готовность к нападению. Он предупреждал: ещё шаг или звук, и Ионафан пожалеет. Профессор сам непроизвольно вжался в угол. Лишённый оружия, даже волшебной палочки: их пришлось оставить магистру на временное хранение, — он чувствовал себя беззащитным перед лицом древнего демона.

Только язык юнца повернулся бы назвать императора полукровкой. Да, пусть мать Джаравела — вампирша, Шардаш не сомневался, что Темнейший без труда убьёт Ионафана, если потребуется. Хотя, если верить легендам, покойная леди ФасхХавел, глава клана Вечности Дома ночи, ничем не уступала демонам. Она унесла с собой жизни тридцати магов в достопамятном бою — такова была сила Неспящей.

— Ты не посмеешь! — выкрикнул Ионафан, но трусливо, несмело. — Сестра...

— Вечно за юбкой сестры прячешься! — крылья императора веером раскрылись, открыв сложенные на груди руки. — Тогда она тоже тебя выгородила. Если на то пошло, ты тоже виновен в смерти Синтии. Не смог доказать своего права! Да, отец бы прогнал, но ты

женился бы, и им пришлось бы смириться. Но нет, ты боялся...

Ионафан сокрушённо покачал головой:

— Ты не прав, ты не знаешь, пересказываешь то, что желала поведать семья. Не при нём, — он покосился на Шардаша, — потому что мне придётся говорить дурно о матери. Я-то боролся, Джаравел, но они обманули и убили её. Война — это так удобно, правда?

Император задумался и сменил позу. Исчезли напряжение и угроза. Он вспомнил те далёкие времена, убитых демонов и задумался: может, Ионафан имел право мстить?

— Хорошо, — заявил Темнейший, — я прослежу, чтобы Бардис Ики был наказан по законам Лаксены. Не думай, что я оправдываю его. Но признаться в убийствах придётся. Идём!

Император махнул рукой Шардашу, и тот покорно подошёл, понимая, что не время и не место возражать. Если Темнейший поможет спасти Мериам, профессор потерпит. Даже пренебрежение императора к людям. Хотя оно закономерно: демоны презирали существ, лишённых магии. Император ещё лоялен, нисходил до нужд подданных, а тот же Ионафан не скрывал, что люди — лишь пыль.

Золотые искры осыпали Шардаша и Ионафана, и Темнейший перенёс их в Наисию.

Столица Лаксены ничуть не изменилась с тех пор, как профессор видел её в последний раз. Разве что сейчас Шардаш рассматривал её днём и не таился под капюшоном плаща.

В качестве места переноса император выбрал одну из центральных улиц Наисии, подгадав время проезда королевского кортежа. Каждый день монаршая чета выезжала на прогулку. Маршрут менялся, но Темнейший ещё с утра знал, по каким местам он пройдёт.

Кони всхрапнули, напуганные сиянием. Солдаты взяли за оружие, оцепив короля и королеву. Слуги спустили собак.

Император шагнул вперёд, хлопнул крыльями — и псы, поджав хвосты, разбежались по подворотням.

Капитан королевской стражи стушевался, не зная, как поступить.

— Раймунда, мне нужен ваш муж. Вы тоже можете остаться. Остальные — прочь.

— По какому праву вы... — возразил капитан, но тут же осёкся.

Поклонившись, едва не разбив от усердия голову о лошадиную шею, он увёл солдат на соседнюю улицу.

Король и королева остались одни.

Раймунда, не таясь, достала волшебную палочку, показывая, что готова дать бой. Её супруг сжал в ладони медальон — и уже через мгновение рядом стояли шестеро белых стражников. Все маги. Судя по топоту копыт, вскоре должны были прибыть новые силы.

— Страден, ты хочешь войны? — император обвёл рукой собравшихся магов. — Всех волшебников собрал, Академию по тревоге поднял? Тогда верни долг, потому что убивать меня за мои же деньги — слишком даже для человека.

— Что вам угодно? — осведомился король. — Второй визит за месяц и такой же наглый...

Темнейший цокнул языком и вытянул руку, любуясь двумя перстнями с розами. Стоявшие ближе к нему белые стражники отпрянули, зашушукались.

— Помнится, я немного уменьшил денежное бремя Лаксены, когда попросил отпустить этого оборотня, — палец императора уткнулся в Шардаша. — Теперь я пришёл бесплатно водворить на твоей земле справедливость. Оборотня, к слову, прости окончательно, а не гоняй за ним псов. Он защищался, имел полное право убить. И не просто на словах прости, а

издай указ, по которому Тревеусу Шардашу возвращается доброе имя. Я ручаюсь, что он не причинит никому зла. Мысли и помыслы я читаю не хуже Видящих.

Краем глаза уловив яркую вспышку, Темнейший недовольно протянул:

— Ролейн, где тебя носит? Почему я должен бросать Империю и возиться с чужими подданными? Если капитан бонбриджской Белой стражи туп, это вина его начальника, а не жертв его тупости. Так что уладь всё и проследи, чтобы Ионафан не вздумал бежать. Тронет кого — прокляну. Моя аура позволяет.

Ионафан пробормотал, что не обязан виниться перед какими-то людьми, и только из уважения к троюродному брату выполнит его просьбу. Император уже этого не слышал: исчез, растворившись в поднятом перемещением вихре снежинок.

Магистр выступил вперёд, назвал себя и попросил разрешения переговорить с его величеством. Проходя мимо, Асварус сунул в руку Шардаша волшебную палочку и шепнул, что меч отдаст потом, всё равно в столице не потребуется.

Магистр ордена Змеи пользовался уважением, поэтому король Страден без возражений согласился выслушать его. Несмотря на тесное знакомство с Темнейшим, никто ни в чём не мог упрекнуть Асваруса. Он верой и правдой защищал лаксенскую корону, несмотря на то, что официально поданным королевства не был. Семья Асварус оставалась верна правительнице дроу, сохранявшей нейтралитет в отношениях между демонами и людьми. Тем не менее, её подданных уважали больше, чем имперцев. Но, с другой стороны, у дроу действовал закон: помни о корнях, живи по правилам страны, которая тебя приняла.

Магистр попросил пересмотреть дело Мериам Ики в связи со вскрывшимися обстоятельствами и настаивал на детальном осмотре её ауры. Он также заявил, что в резиденции его ордена содержится важный свидетель, который мог бы доказать невиновность адепки Ведической высшей школы. Видящий уже работал с ним под контролем местной Белой стражи, результаты поступят до конца дня.

Ничего не понимавший король хмурился, затем подозвал одного из белых стражей и велел проводить Асваруса и его спутников в министерство магии, чтобы оно во всём разобралось.

— И демона тоже, ваше величество? — блюститель закона недоверчиво покосился на Ионафана.

Король задумался. Присутствие демона пугало. Уж не задумал ли чего император? Он давно посматривал на Лаксену, желал отхватить лакомый кусок, но мешали маги. Как бы ни был силён Темнейший, война стоила бы ему больших жертв. На сторону королевства встали бы все людские государства, а так же сочувствующие светлые страны, поэтому император пытался купить соседа, время от времени ссужал крупные суммы в долг и надеялся, что Лаксена не сможет их выплатить.

Однако, кто знает, что на уме у демона? Пускать его в сердце столицы — преступная халатность. И Страден решил, что Ионафану в Наисии не место. Если тому есть, что сказать, пусть скажет сейчас и уходит.

— Есть! — фыркнул Ионафан. — Тех, что в Бонбридже, убил я. Тем перстнем, что отобрал мой старший троюродный братец, которого вы со страху зовёте Смертью. Второй такой перстенёк волей судьбы временно оказался у тёмного оборотня. Меня он не интересовал вовсе. Я хотел, чтобы девчонка ответила за дела своего деда. Боль за боль. Вот и выкрал колечко. Она, дурочка, взяла то, что ей подбросили. Перстень из-за частиц ауры Синтии перепутал девицу с демоницей и признал.

— Дальше, правда, — демон поморщился, — оборотень вернул перстень, пришлось красть второй и планы менять. Но всё равно вы, людишки, решили, будто девица всех убивала. Что с вас взять — низшие существа! А трупы эти — мои. Жаль, что не казнят дуру — такую месть испортили!

Сплюнув, демон крутанулся против часовой стрелки и, сочтя обещание выполненным, перенёсся за тысячи миль от Лаксены. Он и так унижался, стоял, будто изгнанный, а не сын Наитемнейшего, ждал, пока магистр и король договорят. То, что Асварус — друг императора, Ионафан знал, поэтому сдерживался, терпел, понимая, что за магистра Темнейший убьёт как за себя. Или ужесточит наказание: судя по ухмылке, император подумывал об изгнании и наверняка настаивал на нём, но вмешалась дочь Наитемнейшего.

Троюродного брата, наглядно доказавшего свою силу, Ионафан побаивался. Император нашёл бы и на краю Мрака. Но выслушивать обсуждения своей особы местным монархом — этого демон не вынес.

Оправившись от изумления, король перевёл взгляд на Асваруса:

— Если это правда... Пусть немедленно повторно осмотрят обвиняемую и пригласят Видящего.

— Как, её допрашивали без Видящих, даже 'Всевидящее око' не применили?! — не выдержав, сорвался Шардаш.

Только жест магистра удержал профессора от того, чтобы взять за грудки ближайшего белого стражника.

— Я только что простил вас, не заставляйте пожалеть об этом, — нахмурился Страден.

— Всем займусь я, — подала голос королева. До этого она хранила молчание, но внимательно слушала и наблюдала за происходящим. — Помню, мне докладывали о перерождённом духе. Что ж, лично повторно осмотрую и допрошу её.

— Надеюсь, — Раймунда улыбнулась профессору, — вы доверяете своей королеве?

— Да, ваше величество, — склонив голову, глухо ответил Шардаш. — Целиком и полностью.

— Прекрасно, тогда не будем терять времени. А вы, — Раймунда указала на магистра, — приведёте своего свидетеля. Вместе с Видящим. Жду через час.

Стегнув лошадь, королева понеслась в сторону столичной магической тюрьмы. Белые стражники едва поспевали за ней.

Король с оставшимися магами и вернувшейся свитой продолжил прогулку.

Асварус и Шардаш остались в одиночестве стоять на заснеженной улице.

Мериам съёжилась в углу камеры, гипнотизируя глазами крысу. Даже отпугнуть грызуна нечем: на руках те же браслеты, которые надевали на Шардаша в тюрьме. А если не отпугнуть, адептка останется без обеда. Или без ужина: Мериам плохо понимала, какое время суток. Окна всё равно не было, не проверишь.

Крыса подбиралась к миске с хлебом, не обращая внимания на позвякивание цепей. Мериам едва не стонала от отчаянья. Ни на визг длиннохвостая тварь тоже не реагировала: знала, что узница ничего ей не сделает.

За эти дни адепта навидалась столько крыс, что хватило бы на целую жизнь. И перестала бояться. Только спать приходилось чутко, чтобы, едва почувствовав острые коготки, дёрнуться, сбросив с себя грызуна. Хорошо, что они приходили поодиночке.

Руки Мериам покрывали синяки — следы неаккуратного обращения с узниками. Кожа под ногтями кровоточила: в первый день адептка пыталась расковырять раствор, но быстро

поняла, что так наружу не выбраться. Дверь крепкая.

Тело болело от неудобной позы для сна и ушибов, полученных при недавнем падении. На допросах не били, но солдаты вели себя грубо. Зато кричали на Мериам всласть.

Браслеты резали нежную кожу, впивались в неё, будто зубы. Иногда так сильно и больно, что на глазах выступали слёзы.

Первые сутки Мериам рыдала, а теперь с молчаливой покорностью ожидала дня, когда её обезглавят.

Все попытки убедить, что она не перерождённый дух, провалились. Адептку никто не слушал, никто не желал разбираться, тратить время и силы на подробное освидетельствование. Есть чернильное пятно на ауре — виновна. Носила перстень — виновна. Связалась с тёмным оборотнем — виновна.

Шардаш... Мериам много думала о нём, единственной надежде на спасение. Но адептка понимала, что профессору самому не сладко. Да и не желала Мериам, чтобы он ценой своей жизни и свободы вызволил её. Не желала, но надеялась, что он придёт.

Свидания не разрешали. Мериам просила дать возможность поговорить с родными — не позволили. После первого и последнего допроса о ней будто забыли, бросили в камеру и оставили ждать. Вчера объявили, что приговор вынесен, и она умрёт.

Крыса всё ближе подбиралась к миске.

Мериам, рискуя здоровьем, прыгнула, надеясь хоть так напугать наглого грызуна. Запах подстилки, на которую она приземлилась, ударил в нос, заставив позабыть о еде.

Когда Мериам кое-как пыталась подняться, опираясь на скованные руки, лязгнул засов, и отворилась дверь.

— Эй, чумазая ведьма, на выход! — крикнул тюремщик, резанув светом фонаря глаза.

Адептка засуетилась, отчего вместо того, чтобы встать, плюхнулась обратно на гнилую солому. Тюремщику пришлось войти и помочь Мериам подняться.

— Хоть бы умылась, страхолюдина! — поморщился он.

Мериам метнула на него возмущённый взгляд: будто ей есть, чем умыться! Не той же водой, что дают для питья.

Адептка ожидала очередного допроса, приготовилась вновь встретиться с гадкой улыбкой капитана Белой стражи, которому поручили завершить дело, поэтому удивилась, когда её поволокли в душевую.

— Приведи в порядок, чтобы не воняла! — велел тюремщик толстой троллихе, сонно привалившейся к стене. — Полчаса вам. И тряпье на ней смени, капитан велел.

Мериам замерла среди холодной душевой. Каменный пол и чистота помещения не вызвали желания раздеться. Да и как, со скованными-то руками!

Троллиха зевнула, показав гнилые зубы, и, едва за тюремщиком захлопнулась дверь, поплелась к Мериам.

— Ну, что встала, королева? Тряпки скидывай и вставай под воду. Мыло на полке возьмишь, полотенце принесу.

Адептка не желала раздеваться перед посторонним, противным ей существом. Видя, что Мериам не торопится, троллиха, ругая узницу, занялась всем сама. Толстые жёлтые маслянистые пальцы легко расстегнули крючки, стянули рубашку. Когда они коснулись голой кожи, Мериам дёрнулась — и тут же заработала оплеуху.

Сгорая со стыда, не имея возможности толком прикрыться, адептка сжалась на холодном полу.

Одежда Мериам, включая нижнее бельё, полетела в чан. Троллиха тут же развела под ним огонь, засыпала в воду струганного мыла и, обернувшись, велела адептке лезть под душ. Адептка покорно поплелась в указанном направлении.

Троллиха, повозившись с чаном и отрегулировав огонь, вразвалочку подошла к Мериам, сунула ей мыло и включила воду. Сама не ушла, продолжая стоять и бесцеремонно разглядывать адептку.

— Да ладно стесняться, будто девственнице! — заметив алые щёки Мериам, хрипло рассмеялась троллиха. — Мойся давай, времени в обрез. А то так, голую, по коридорам и поведут. То-то народ порадуетя!

Мыло выскальзывало, вода норовила попасть в рот, а ногам было холодно на каменном полу. В итоге адептка не столько помылась, сколько размазала грязь.

Троллиха принесла полотенце, панталоны и грубую крестьянскую рубаху.

Едва Мериам успела одеться, без стука распахнулась дверь, и на пороге возникли двое белых стражников. Они терпеливо дождались, пока адептку обуют, и повели её наверх.

В комнате для допросов Мериам поджидала ещё одна неожиданность: вместо капитана она увидела женщину. Аристократку самых высоких кровей, о чём свидетельствовали наряд и перстни на пальцах. Дама носила перчатки, не сняла их даже в помещении. Кольца красовались поверх них.

Женщина стояла спиной к адептке, но что-то в её фигуре показалось Мериам знакомым.

— Ваше величество, узница доставлена, — низко поклонились стражи.

Осознав, кто перед ней, Мериам упала на колени, моля о пощаде.

Раймунда обернулась, улыбнулась и велела оставить их одних.

— Не трать понапрасну слов, всё, что нужно, увижу сама. Говорят, тебя толком не допросили... Что ж, — королева подошла к коленопреклоненной адептке, — сейчас проверим, лгали ли демоны. О тебе пёкся Темнейший. Интересно, правда?

Холодная скользкая ткань перчатки коснулась подбородка Мериам. Та покорно подняла голову, с надеждой взирая на королеву.

Раймунда, поджав губы, пару минут разглядывала адептку, затем коснулась пальцем мокрых волос и понюхала.

— Фи, ну и запах! — наморщила нос королева. — Будь любезна, встань и подойди к окну. Итак, что там у нас с аурой...

Невидимое прикосновение Раймунды отдалось такой болью, что свело зубы. Однако Мериам мужественно терпела, понимая, что её величество — последний шанс на спасение. Королева же с интересом рассматривала вкрапление чужой ауры, даже достала волшебную палочку, чтобы было сподручнее.

Сначала Раймунде тоже показалось, что перед ней перерождённый дух, но, попробовав отщипнуть кусочек тонкой материи, она с удивлением заметила под чернильным пятном прозрачные чистые частицы. А ведь должна была образоваться дыра.

Мериам едва не потеряла сознание, когда королева произвела манипуляцию с её аурой. Закричала и забилась, будто в эпилептическом припадке. Из глаз брызнули слёзы, зубы скрежетали так, что, того и гляди, раскрошатся.

— Подделка, — перестав терзать жертву, резюмировала Раймунда. — Оно поверх, а не внутри. Но как мастерски слилось! Повезло тебе, не казнят.

Оставив адептку приходить в себя после магической пытки, королева вернулась к столу, коснулась хрустального шара и проворковала:

— Магистр Асварус, время вышло. Где ваш Видящий, где свидетель?

— Ожидают за дверью, ваше величество, — голос магистра раздался явно не из Ферама.

— Так входите, — Раймунда дезактивировала шар. — Я закончила.

Дверь отворилась, и Мериам ахнула. На пороге стоял дед, только почему-то с кожей цвета пергамента. Адептка радостно бросилась к нему, но королева властным движением велела оставаться на месте.

— Я проверила: действительно наложение. Немудрено, что маги просмотрели: там копать надо, вникать. При первичном осмотре — перерождённый дух. Но, — Раймунда сжала губы, — это не освобождает от ответственности халатных работников.

— А что у вас, магистр? — королева вновь излучала доброту и приветливость.

— Чистосердечное признание и раскаянье. Морт, — Асварус позвал задержавшегося в коридоре Видящего, — огласи, пожалуйста, то, что выкопал в голове Бардиса Ики. Пусть её величество решает, виновен он или нет.

Видящий вошёл, поклонился и равнодушно, не упустив ни одной детали, рассказал о событиях давно минувших дней.

Бардис во время рассказа смотрел на внучку и плакал, умоляя его простить. Мериам сначала не понимала, за что, а, узнав, села на пол от удивления. Как же Шардаш догадался, давно догадался? И почему дед столько лет молчал?

Морт закончил и отошёл за спину магистра.

Раймунда осмысливала услышанное. Так и не озвучив решения, она подошла к двери и велела позвать капитана Белой стражи, который арестовал Мериам. Когда тот явился, королева потребовала извиниться перед адепткой и объявила, что капитан лишён офицерского звания.

— Вас, — Раймунда обернулась к Бардису, — следует примерно наказать, чтобы другим было неповадно. Поработаете бесплатно на королевство. Всю оставшуюся жизнь. Я припишу вас к лаборатории Академии чародейства. Еда — за государственный счёт. Одежда — на усмотрение ректора. Мериам Ики отпустить, выдать одежду и деньги на расходы в размере... Сколько стоит дом в деревне? Столько и дайте. Дело закрыто. Теперь проводите меня, господа.

По очереди протянув мужчинам руку для поцелуя, королева выплыла из комнаты, оставив после себя пряный аромат духов.

Асварус подмигнул Мериам, шепнув, что её ждут.

— Только переоденьтесь, а то на улице холодно, а оборотни — существа горячие. Может не утерпеть, — рассмеялся магистр и снял с адептки оковы. — Пойдёмте, страдалица, а то, пока капитан пошевелится, вы околеете. С дедом потом поговорите, ему в себя от встречи с демонами и монаршими особами придти надо.

Мериам вопросительно глянула сначала на Бардиса, затем на хмурого капитана и выскользнула за дверь вслед за магистром. Ей не верилось, что всё закончилось.

Асварус перенёс адептку в комнату отдыха стражи и обещал вернуться с одеждой и деньгами. Не успели подсохнуть волосы, как к ногам Мериам упали новенькие шуршащие пакеты, а на постель плюхнулся кошелёк.

— Извините, часть пришлось потратить, — вслед за вещами яркой вспышкой возник магистр. — То, что предлагали стражники, носить нельзя, да и размер не ваш. Так что переодевайтесь — и вперёд, к любимому. Он там чуть караул не загрыз, в подробностях рисовал, что с кем сделает. Отправлю к нему капитана: пусть разомнётся ученик. Ваши

синяки и ссадины ведь стоят больших неприятностей для одного нерадивого белого стражника?

Не успела Мериам возразить, что не желает кровопролития, как Асварус исчез.

Адептка не верила, что свободна, когда шла по коридору, спускалась по лестнице. Не верила, когда часовой отворил перед ней входную дверь и выпустил во двор.

Мир встретил Мериам пасмурным небом, свежим снегом... и звуком чего-то тяжёлого, упавшего на землю. Обернувшись, адептка увидела Шардаша, державшего за горло капитана Белой стражи. Судя по выражению лица профессора, он собирался задушить жертву. Одной рукой, прямо в воздухе.

На лице разжалованного офицера пунцовел 'фонарь' под глазом, губа кровоточила, а одежда пребывала в плачевном состоянии, будто ей с остервенением вытирали ступени.

Столпившиеся вокруг солдаты требовали прекратить истязание, пробовали отбить товарища, но стоявший чуть в отдалении магистр ловко лишил их такой возможности одним мановением волшебной палочки.

Кинув капитана наземь, Шардаш от всей души пнул его в живот. Белый стражник взвыл и выплюнул, что ещё припомнит 'вонючему оборотню' все удары.

— Да неужели? — профессор отвесил поднявшемуся на колени капитану удар в челюсть, наслаждаясь результатом. — Я всего лишь возвращаю долг.

— Тревеус! — закричала Мериам, испугавшись, что за избиение белого стражника, да ещё при свидетелях, профессора посадят в тюрьму. — Прекратите немедленно, прошу вас!

Шардаш швырнул потрёпанного капитана солдатам, метнулся к адептке и на глазах у всех заключил в объятия. Крепко прижимая к себе, профессор снял Мериам со ступенек крыльца и, прикрыв глаза, втянул запах кожи. Тюремные запахи не могли перебить того самого, желанного и сладкого. Не удержавшись, профессор поцеловал адептку, бережно опустил на землю и взял за руки.

Мериам молчала и улыбалась.

Сняв перчатки с рук адептки, Шардаш приник губами к запястью и замер, нахмурившись. Проследив за его взглядом, Мериам увидела синяки.

— Я убью его, — пообещал профессор, пытаясь отыскать глазами капитана. — Найду и убью.

— Не надо, — покачала головой Мериам, вспомнила сцену драки и поёжилась. Ласково провела пальцами по щеке Шардаша и попросила: — Ради меня, хорошо?

Профессор глухо зарычал, но промолчал, подчиняясь. Ничего, у него найдётся время для мести, даже если Мериам её не желала.

Адептка вздохнула и прижалась щекой к груди Шардаша:

— Кажется, я целую вечность не слышала биения вашего сердца...

Профессор хотел снова поцеловать адептку, но услышал над ухом покашливание магистра.

Асварус предположил, что для свидания больше подходит спальня, а не тюремный двор, где даже прилечь негде.

Напряжение спало.

Шардаш рассмеялся и, не выпуская Мериам из объятий, поблагодарил магистра за помощь.

— Я тоже рад, что не ошибся в своё время, — заметил Асварус. — Вы доказали право быть паладином. И в бездну Мрака предрассудки об оборотнях!

— Береги его, — обратился магистр к стыдливо выглядывавшей из-за плеча Шардаша Мериам. — Он ради тебя жизнью рисковал, даже на сделку с императором пошёл.

Адептка испуганно взглянула на профессора: какую такую сделку? Тот взглядом ответил: 'Потом' и, не обращая внимания на толпившихся вокруг солдат, занял мысли Мериам исключительно поцелуями.

Мериам лежала в крошечной темноте, приходя в себя после болезненной процедуры. Любое движение, даже глаз, причиняло мучение, зато аура адепки приняла первоначальный вид.

Последствия давней ошибки Бардиса Ики устранил магистр. Он решил не беспокоить императора, хоть тот и предлагал подобную услугу взамен на службу Шардаша. Темнейший и так слишком много времени провёл в Лаксене. Складывалось впечатление, будто он, а не король Страден правил страной. Магистр видел друга насквозь: императором двигала не столько жажда справедливости, сколько корысть. Показывая свою силу, наводя свои порядки в Лаксене, он надеялся обосноваться здесь навсегда. Во имя спокойствия в Солнечном мире Джаравелу надлежало оставаться за горами.

Аура Синтии отделялась с трудом. Асварусу пришлось добавить к трём пастилкам обезболивающего заклинание частичного оцепенения, чтобы Мериам не кричала. Но полностью избавить адепку от неприятных ощущений не удалось.

Мериам судорожно цеплялась пальцами за покрывало и едва не проглотила засунутый в рот платок.

Экзекуция длилась несколько часов.

Магистр по мелким кусочкам соскребал ауру Синтии и заключал в простой глиняный сосуд, оплетённый мощным заклинанием. Работа была ювелирной, потому что исключала использование волшебной палочки.

Аура демоницы шипела, сопротивлялась, норовила покалечить. На память Асварусу остались ожоги, пришлось даже перебинтовать руки. Мериам он предпочёл их не показывать, хватило запаха палёного мяса. О колдовстве и даже простой ложке надлежало временно забыть. Хорошо, что магистр занялся аурой не в столице, а в резиденции ордена в Фераме.

Стукнув ногой в дверь, Асварус крикнул дежурившему по ту сторону Шардашу:

— С твоей девочкой всё в порядке, помоги выйти, а то все руки в волдырях.

— У меня кое-что есть, учитель, — профессор распахнул дверь и помахал жестяной баночкой. — Господин Ики передал вместе с извинениями. Утверждал, что кожа к вечеру восстановится. Уж не знаю, верить или нет...

— Сейчас проверим. Лучше ты смажь, а то девочка пока в себя не пришла, да и страшное зрелище. Не вчера эта дрянь прилепилась, крепко впилась.

Поглядывая на Мериам, Шардаш осторожно размотал бинты и занялся руками магистра. Повреждения и вправду оказались серьёзными, но под плёнкой серой мази волдыри лопались, а кровь сворачивалась. Не обманул алхимик.

Закончив, профессор поблагодарил Асваруса за помощь. Тот отмахнулся, велел задёрнуть занавески и потушить огни: несколько часов Мериам надлежало провести в крошечной темноте.

Выполнив указания, Шардаш проводил Асваруса в магистрат. Адептке профессор не сказал ни слова, даже не подошёл: знал, что только потревожит или, ещё хуже, занесёт что-нибудь чужеродное в раненую ауру.

Мериам гадала, когда всё наконец закончится. Она знала, что боль — на благо, только после тюрьмы и пережитых заключений хотелось к людям, а не стонать в темноте. Сколько

ей ещё так лежать, быстро ли затянется аура?

— Больно? — рука Шардаша участливо легла на лоб. — Потерпи, уже лучше, нет ошмётков. Если хочешь, покормлю. Как ты меня тогда. Только моя еда вкуснее.

— А я ведь старалась... — обиженно, едва размыкая губы, прошептала Мериам.

Она не удивилась, что не услышала шагов профессора — оборотень. Увидеть тоже не могла — с закрытыми-то глазами!

— Я поэтому и ел. Только поэтому.

Шардаш присел рядом и положил пальцы на её веки. Затем убрал руки, и адептка практически сразу ощутила тепло. Оно объяло всё тело, заглушив боль.

— Вот так, — довольно произнёс профессор. — К утру совсем заживёт.

Лизнув её в щёку, Шардаш исчез, а Мериам отважилась открыть глаза. Странно, ей ничто не мешало моргать. Окрылённая, адептка попробовала встать, но быстро поняла, что переоценила свои возможности.

Минут через десять вернулся профессор с подносом в руках и водрузил его на постель.

Взмах волшебной палочки раздвинул шторы, пустив в комнату закат. Мериам заморгала, пытаясь привыкнуть к новому освещению.

— Могу сделать, как было, — предложил Шардаш. — Я отлично вижу в темноте, ничего не разобью.

Адептка мотнула головой: не хотелось вновь оказаться в крошечной тьме. Она напоминала Мрак.

Глянув на сгруженный на колени поднос, Мериам увидела гору тарелок и застонала: всё это ей не съесть, это на волчий, то есть обратный аппетит. Профессор придерживался иного мнения и деловито нарезал мясо на мелкие кусочки.

— Просто открывай рот и жуй, — улыбнулся он.

Придерживая голову Мериам, Шардаш скармливал адептке кусок за куском, терпеливо дожидаясь, пока она прожует предыдущий. Временами давал глотнуть травяной чай. Он был горьким, но профессор предупредил, что Мериам должна выпить всё до последней капли. Адептка давилась и пила. Зато жаркое оказалось восхитительным, так же как овощи и пирожные — свежие, со взбитыми сливками. Адептка догадывалась, для чего профессор принёс их — чтобы иметь возможность проводить пальцем по её губам, якобы стирая следы крема. Но, судя по характеру прикосновений и выражению лица Шардаша, истинная цель крылась совсем в другом.

— Сыта?

Совершенно забыв о моральном облике преподавателя, профессор пасом руки отправил поднос на пол и практически занял его место. Тесно прижавшись к бёдрам Мериам, он склонился над ней, так низко, что их губы практически соприкасались. Помедлив рука Шардаша легла на шею адептки, скользнула вниз и, согнутая в локте, устроилась на животе. Мериам напряглась и заслужила разочарованное:

— Опять? Зачем ты так, почему не хочешь, чтобы я тебя приласкал? Ничего другого не будет, обещаю.

Адептка отвернулась, и тут же ощутила его губы на щеке.

Шардаш провёл языком от виска до подбородка и вновь поцеловал, на этот раз сочленение головы и шеи. Мериам невольно задержала дыхание.

Рубашка профессора теперь касалась платья адептки. Она ощущала тепло его тела.

Одна рука Шардаша, помогая сохранять равновесие, уперлась в покрывало, другая

скользила по бедру Мериам. Губы накрыли её рот, легко преодолевая слабое сопротивление. Стараясь не думать о том, где его пальцы, адептка ответила на поцелуй и испуганно отстранилась, когда ощутила совсем не то, к чему привыкла.

— По-взрослому целоваться не умеешь, — рассмеялся профессор и выпрямился. — Правильно я тогда сказал: от книжек проку мало. Ну, научить?

И серьёзно добавил:

— Пока ты не захочешь, этого не случится, поэтому не бойся, пожалуйста. Я просто приласкаю, и всё.

Снова наклонившись, он погладил шею адептки и лизнул в нос. Мериам вздохнула и призывно вскинула подбородок, закрыв глаза. Следующие полчаса она отчаянно пыталась запомнить, что и как надо делать, веселя Шардаша. В конце концов, он заверил, что эталонного поцелуя не существует, поэтому может придумать свой. И заверил, что ему гораздо важнее искренность, чем умение.

Мериам, уже не обращая внимания, где лежали руки профессора, свыкалась с новыми ощущениями. Вовсе это не противно, если повторить много раз и знать, кто целует. Теперь, наоборот, даже хотелось попробовать снова, чтобы разгадать секрет, как Шардаш ловко всё делает. Но профессор вместо того, чтобы удовлетворить любопытство адептки, встал и направился к двери, прихватив поднос.

— Ты возбуждалась, — объяснил он, — а тебе нужно поспать. Не стоило мне... И самому теперь не заснуть. Добрых ночей и набирайся сил.

Вся Ведическая высшая школа высыпала, чтобы взглянуть на Мериам. Она в одночасье стала местной знаменитостью. Сочувствие ей не выразил только ленивый. Даже привратник не стал спрашивать пропуск, настежь распахнул ворота. Замерев перед ними, адептка оглянулась на Шардаша. Дальше ему нельзя, и он останется один посреди слякотного города, пока она будет праздновать. Так нечестно! Решившись, Мериам на глазах у всех вернулась к профессору, открыла рот, но Шардаш предупредил её слова, не позволил выставить напоказ чувства.

— Ваши вещи, — он протянул Мериам сумку. — Полагаю, до комнаты донесёте сами. Родителей ваших я известил, к вечеру должны быть. Доброго дня и добрых ночей, Ики.

Губы адептки задрожали, но она не заплакала. Судорожно вцепившись в сумку, постояла с минуту и громко, чтобы слышали все, сказала:

— Мэтр, сегодня вы мой гость. Полагаю, господин директор не рассердится, если человек, то есть оборотень, который спас мою жизнь...

— Конечно, не рассердится, Мериам, — раздался за спиной голос Крегса. — Наоборот, сам попрошу мэтра Шардаша вернуться и занять прежнее место преподавателя.

Присутствующие ахнули, а профессор уставился на директора так, будто сомневался в трезвости его рассудка.

Крегс материализовал из воздуха гербовый лист с печатью и, усилив голос магией, зачитал, что указом Его величества короля Страдена господин Тревеус Шардаш, тёмный оборотень, профессор магии и паладин ордена Змеи полностью оправдан и подлежит восстановлению во всех правах как честных поданный Лаксены.

По рядам прокатилось дружное: 'Ох!', и все взгляды обратились на Шардаша. Тот придиричиво осмотрел королевский указ и убедился, что он подлинный.

— Ну, так как, мэтр, вернётесь к нам? — глаза директора улыбались. — От имени всех преподавателей и адептов Ведической высшей школы приношу вам глубочайшие извинения.

Проявленное вами мужество при защите адепки Мериам Ики и вовсе достойно отдельной награды.

— Мэтр, — Крегс обернулся к столпившимся у ограды учителям и ученикам, — провёл собственное расследование, нашёл убийцу, сына Наитемнейшего, и дрался с ним, спасая жизни трёх человек. Полагаю, его поступок станет лучшим ответом на вопрос, достоин ли профессор Шардаш нашего уважения.

Адепты и преподаватели зашептались, обсуждая неожиданное решение директора. Кое-кто даже назвал Крегса сумасшедшим. Зато оживился седьмой курс Запретного отделения. С громким свистом адепты устроили фейерверк, крича, что только у них будет диплом, подписанный тёмным оборотнем.

Ученики младших курсов предпочитали испуганно молчать, не понимая, чему так радовались выпускники и Мериам. Последняя лучилась счастьем и тайком, чтобы никто не видел, взяла профессора за руку.

Часть учителей с кислыми минами удалились, прикрикнув на учеников, чтобы не бездельничали, а шли на занятия. Другие, до истории с перстнем лояльно относившиеся к Шардашу, остались, натянуто улыбаясь. Профессор ощущал их недоверие и страх, гадая, пройдут ли они со временем.

Директор всё ещё ждал ответа, Мериам тоже с надеждой заглядывала в глаза, заработка никакого не предвиделось, да и привык Шардаш к учебным заведениям, и он решился. Обратив взор на тратящих магию на баловство адептов, профессор прикрикнул:

— Манери, палочку вам в руки не для красоты дали. Подпитка не бесконечная, на экзамен не хватит, а он у вас на носу. И, помяните моё слово, балагуры его не сдают. В класс, живо! Либо сами, либо с моей помощью.

Ученики бросились врассыпную, затерявшись среди мокрых дорожек парка.

Довольный Крегс зааплодировал, призывая к тому же преподавателей. Послышались робкие хлопки. Первые ласточки подошли поздороваться с Шардашем.

— Забирайте, Идти, — профессор подтолкнул Мериам к куратору младших курсов. — Отдаю в целости и сохранности. От занятий сегодня освободите.

— Хотя, — он обернулся к директору, — весь третий курс магов широкого профиля сегодня учиться не будет. Так что...

— Так что у них сегодня выходной, — подхватил Крегс и протянул Шардашу латунное кольцо с рунами: — Добро пожаловать в нашу Школу! Комнаты за вами сохранились, прислуга быстро приведёт их в порядок, а мы пока чаю с чем-нибудь вкусненьким попьём. У Тоби наверняка что-то есть.

— И, Тревеус, — директор выдержал паузу, — я вам верю. Вот, Энке по матери вообще не пойми кто, а ничего, работает.

Идти рассмеялась, окончательно разрядив обстановку. Кокетливо взмахнув ресницами, что особенно комично смотрелось при её внешних данных, она попросила Шардаша как-нибудь погонять себя по дорожкам, а то физическую форму потеряла.

— Люди — существа хлипкие, быстро бегать не умеют, — пояснила Идти. — Сами понимаете, скатываешься до их уровня, а нужно ведь пример подавать. Если учитель бежит милью за десять минут, чему он может научить учеников?

— Обещаю, — усмехнулся профессор, — вы за три минуты пробежите.

Стоило Мериам подойти к учебному корпусу младших курсов, как её обступили одноклассники. Растолкав всех, протиснулась сквозь толпу и обняла подругу Инесса. Через

пару минут к ней присоединилась Алисия. Адептки радовались так, будто Мериам вернулась из Мрака.

— Ну что, сами подружку проводите? — подмигнула Идти. — Матушка Утойке по такому случаю пирожков напечёт. И ещё: занятий сегодня не будет.

Её слова потонули в дружном: 'Ура!'.

Кто-то решился спросить, действительно ли профессор Шардаш вернулся в Школу.

— Правда, — подтвердила Идти. — Готовьтесь к ядологии, а то распустил вас Нонел!

Все сразу вспомнили о несостоявшемся практическом занятии и погрузились в размышления.

Инесса и Алисия утащили Мериам в комнату, решительно захлопнув дверь перед носом одноклассников, и потребовали подробного отчёта. Особенно их интересовало, как адептка жила одна с тёмным оборотнем.

— Ты героиня! — не уставала повторять Инесса. — С таким чудовищем.

— Вовсе мэтр не чудовище, — рассмеялась Мериам. Их страхи казались ей дикими, а вопросы — глупыми. — Он очень заботливый, добрый, умный. И, вообще, ты дура, что от такого мужчины отказалась.

Подруги икнули и переглянулись. Алисия осторожно поинтересовалась, что значила последняя фраза, и рухнула мимо стула, когда адептка будничным тоном заявила, что они с Шардашем теперь вместе.

Пока девушки приходили в себя, Мериам успела развесить и разложить одежду, вытащить из сумки тетради с учебниками и поставить на полку: профессор нашёл и забрал все её вещи.

— Ты пошутила, да? — первой обрела дар речи Инесса. Она смотрела на подругу круглыми как блюдца глазами.

Мериам ещё раз улыбнулась и покачала головой. Подняла с полу Алисию, закружила по комнате и пропела: 'Я его люблю'.

Теперь на старый вытершийся коврик сползла Инесса.

— Девочки, да что с вами? — недоумевала Мериам, ловя тревожные взгляды подруг. — Инесса, ведь ты сама в своё время в него влюбилась. И, скажи, разве он не заботился о нас в лесном домике?

— Он же тёмный оборотень! — хором выпалили адептки.

— И у него очень красивая шерсть. Мягкая, длинная. И когда я её глажу, ему нравится.

Откровения Мериам произвели на подруг неизгладимое впечатление. Общим резким захотелось пить и присесть на постель. Тихо обсуждая, что сделал Шардаш с Мериам, они косились на подругу.

— Да ничего он не сделал! — не выдержав, вспыхнула адептка. — Он меня сначала отваживал, между прочим. И чувства у нас взаимные, а вы просто завидуете. Тёмный, тёмный, да он в тысячу раз лучше ваших ухажёров!

Схватив пальто, Мериам ушла, громко хлопнув дверью. Пытаясь ногами сдвинуть листья в парке, она злилась на подруг, на их глупые предрассудки. Не выдержав, направилась в библиотеку с твёрдым намерением доказать им, что у страха глаза велики, а тёмные — не поголовные убийцы.

Нужной книги не оказалось, и Мериам побежала к Томасу Гауту, надеясь, что монолог не откажется дать свой толстый фолиант. На полпути адептку перехватила госпожа Нора и с таинственным видом сообщила, что её ждут.

Второй раз очутившись в столовой вне пространства, Мериам чувствовала себя

увереннее. Она поздоровалась с собравшимися преподавателями и покосилась на стол — что-то не похоже на чаепитие.

— Мериам, мне сообщили о некоторых особенностях вашего поведения, — необычно серьёзный директор встал и подошёл к адепке. — Ради всеобщего блага и спокойствия ваших родителей я должен всё проверить. Скажите честно, что между вами и профессором Шардашем?

Адептка покраснела и прошептала: 'Любовь'.

Матисса Стоккуэл переглянулась с Крегсом: 'Я же говорила!'. Преподавательница зелий со вздохом извлекла из сумочки склянку с фиолетовой жидкостью, капнула немного в стакан с водой и протянула Мериам: 'Выпейте'. Адептка выпила, но ничего не произошло. Однако, судя по напряжённым взглядам учителей, должно было произойти.

— Наверное, напутала с дозой, — пробормотала Матисса и подала Мериам второй стакан, на этот раз с жидкостью, окрасившейся в интенсивный фиолетовый цвет.

Опять никакого эффекта.

— С чего вы решили, что он использовал приворотное зелье?

Саймос Лоопос ловко выудил из воздуха ограненный кусочек розового стекла и попросил Мериам подышать на него. Ничего, даже не запотело.

— Чар тоже нет, — развёл руками Лоопос, забрав стекло. — Ни зелья, ни заклинания, ни проклятия. Ничего. А посему чувство искреннее и естественное, с чем девушку можно только поздравить.

— Было бы, с чем поздравлять! — хмыкнула Стоккуэл.

— Никогда не думал, что вы завистливы, Матисса! — Шардаш неожиданно возник из стены и встал рядом с Мериам, заслонив от сидевших за столом преподавателей. — Что старая дева, — да, но чтобы такое! Увы, не получится вытурить меня из Школы вторично, девочку я не совращал.

— Подождём заключения лекаря, — настаивала на своём Матисса. Пристыженная, она не желала признать ошибку.

— Стоит ли? — покачал головой директор. — Если у них по любви, чужая жизнь нас не касается. А он, поверьте старику, её любит, потому что сломал защиту, чтобы сюда пробраться. Мою защиту, Матисса. И не себя принялся защищать.

Стоккуэл покраснела, пробормотала извинения и поспешила уйти.

Мериам ощущала неловкость под перекрёстными любопытными взглядами. Ей хотелось прижаться к Шардашу, но адептка боялась сделать это при таких свидетелях.

— Чего уж там! — долетел до неё шёпот профессора. — Всё равно вся Школа неделю будет обсуждать, как низко ты пала.

— Так что, дамы и господа, — Шардаш повысил голос, обращаясь ко всем присутствующим, — никакого насилия, никакой угрозы репутации Школы.

Крегс задумался и, хлопнув в ладоши, велел Тоби принести бутылку лучшего вина. Видя, что остальные не понимают, что он намерен праздновать, директор пояснил, что они только что стали свидетели уникального события — как тёмный оборотень нашёл себе пару.

Мериам покраснела и спряталась за спиной Шардаша, за что тут же заработала шутливый укор Крегса:

— Что ж вы своего учителя позорите? Ещё разлюбит за трусость.

— Не разлюблю, — твёрдо возразил профессор. — В нашей семье все верные.

Больше книг на сайте - Knigolub.net